

**Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации**

**Проблемы становления
гражданского общества**

*V Международная научная студенческая
конференция*

Иркутск, 24 марта 2017 года

Часть III

Иркутск, 2017

УДК 340

П 78

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Протокол № 2 от 16 марта 2017 года.

П 78 Проблемы становления гражданского общества : сборник статей V Международной научной студенческой конференции, Иркутск, 24 марта 2017 г. — Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. — Часть III. — 341 с.

В настоящий сборник помещены статьи участников V Международной научной студенческой конференции «Проблемы становления гражданского общества» (Иркутск, 24 марта 2017 г.) по актуальным вопросам теории и истории государства и права, гражданского, уголовного, конституционного, трудового, семейного, экологического права, уголовного и гражданского процесса и др.

Материалы предназначены для студентов юридических вузов.

УДК 340

© Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право

<i>Агаева И. М.</i> Некоторые вопросы уголовной ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности.....	9
<i>Амирджаниян А. А.</i> О международном сотрудничестве в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности	12
<i>Ахмадуллина Р. Д.</i> Проблемы реализации принципа вины в уголовном праве	16
<i>Байкова Е. С.</i> Некоторые аспекты преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь	18
<i>Батырова С. Р.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за халатное отношение к военной службе по уголовному законодательству Республики Беларусь и Туркменистана	19
<i>Бондаренко К. Г.</i> Органы международной уголовной юстиции: их место и роль в борьбе с международным терроризмом	22
<i>Боярский Д. И.</i> Уголовная ответственность за мелкое взяточничество: теоретические и практические аспекты.....	26
<i>Бяширов Н. Д.</i> Применение аналогии в уголовном праве	30
<i>Васильков С. А.</i> Характеристика высылки как уголовно-правовой меры	32
<i>Виноградова Н. Ю.</i> Актуальные проблемы квалификации преступлений по статье 110 УК РФ (доведение до самоубийства).....	36
<i>Возняк А. М.</i> Отдельные вопросы реализации уголовной ответственности за преступления, связанные с использованием допинга	38
<i>Волков В. Р.</i> Отдельные вопросы административной преюдиции в уголовном праве	42
<i>Волкова А. С.</i> К вопросу о предпосылках легализации наркотических средств	45
<i>Ворецкий Я. М.</i> К вопросу целесообразности установления уголовной ответственности женщины как субъекта преступления по ст. 131 УК Российской Федерации.....	48
<i>Гирель А. В.</i> Понятие должностного лица в уголовном законе.....	51
<i>Гордиенко А. В.</i> Генезис развития законодательства в сфере прав и свобод личности.....	54
<i>Гусева И. Д.</i> Ретроспективный характер уголовно-правового регулирования в свете проблемы межотраслевого взаимодействия	57
<i>Давыдов А. А.</i> Уголовная ответственность за угрозу совершения террористического акта в уголовном праве России	60

<i>Демченко В. А.</i> Уголовно-правовая характеристика объективной стороны ненадлежащего оказания медицинских услуг пациентам медицинскими работниками.....	62
<i>Дружинина Д. А., Рубахова А. И.</i> Проблема соучастия с лицами, не подлежащими уголовной ответственности	66
<i>Дулова А. И.</i> Проблемные вопросы назначения наказания лицам, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве	69
<i>Ефимушкина К. Э.</i> К вопросу о соучастии со специальным субъектом.....	72
<i>Жарких И. А.</i> К вопросу о введении уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество	75
<i>Зотова Н. Н.</i> Проблема отграничения покушения на убийство и добровольного отказа от его совершения	79
<i>Зыков К. А.</i> Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки в российском уголовном законодательстве.....	82
<i>Иванов И. А.</i> Тернистый путь становления гражданского общества через уголовно-правовую сферу: убийство матерью новорожденного ребенка	85
<i>Иванова А. Б.</i> Общественный контроль за незаконными банкротствами	87
<i>Ивинская Д. С.</i> Влияние признаков, характеризующих личность преступника, на содержание уголовно-правового воздействия	89
<i>Исмайлов Р. Н.</i> О необходимости гуманизации уголовно-правовой политики Российской Федерации	91
<i>Казанцева Е. А.</i> Развитие уголовного закона в сфере защиты прав несовершеннолетних.....	95
<i>Каплич Я. В.</i> «Корыстная цель» как субъективный признак преступления, предусмотренного ст. 210 УК Республики Беларусь	99
<i>Кипель А. Г.</i> Исторический очерк развития уголовного законодательства Республики Беларусь об ответственности за кражу.....	101
<i>Ковальчук М. В.</i> Проблемы реализации уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.....	105
<i>Ковишова А. Н.</i> Криминологическая характеристика женской преступности в Республике Беларусь: теория и практика	108
<i>Козылева А. А.</i> Общая характеристика наказаний в Республике Беларусь, не связанных с изоляцией от общества: понятие и условия назначения	109
<i>Крахина Е. В.</i> Совершение сделок как реализация объективной стороны легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем другими лицами.....	113
<i>Лайкова Е. А.</i> Назначение наказаний за преступления, предусмотренные ст. 322 ² и 322 ³ УК РФ.....	116

<i>Лаптова Н. Е.</i> Некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ	118
<i>Лузикова Я. С.</i> Некоторые аспекты категоризация киберпреступности в контексте Европейской Конвенции по киберпреступлениям	120
<i>Макрицкая Е. Д.</i> «Существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций», «тяжкие последствия» в диспозиции статьи 285 Уголовного Кодекса Российской Федерации	123
<i>Михеенко А. А.</i> К вопросу о понятии организатора преступления.....	126
<i>Мелкумян Р. А.</i> К вопросу об оптимизации категории преступлений небольшой тяжести.....	128
<i>Мухутдинов С. С.</i> Об актуальных проблемах условно-досрочного освобождения от отбывания наказания	132
<i>Новикова Е. И.</i> Спорт как отягчающее обстоятельство в уголовном праве.....	136
<i>Олейникова Ю. О.</i> Проблемы легализации эвтаназии в Российской Федерации	139
<i>Перфильева В. А.</i> Актуальные проблемы необходимой обороны в автономном режиме.....	143
<i>Пиншин П. П.</i> О направлениях совершенствования института соучастия в российском уголовном законодательстве (логико-юридический и сравнительно-правовой анализ)	145
<i>Подзигун А. В.</i> Уголовно-правовая характеристика состава преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 3 ст. 150 УК РФ)	149
<i>Полуян Е. В.</i> К вопросу об объекте и предмете разбоя.....	151
<i>Попов В. Н.</i> Соучастие при совершении преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности	155
<i>Пунинская А. А.</i> Экономический риск как вид обстоятельства, исключающего преступность деяния.....	158
<i>Романова А. С.</i> История института прикосновенности к преступлению в уголовном праве России.....	161
<i>Санеева В. А.</i> Насильственная преступность и ее профилактика	163
<i>Сапранкова Т. Ю.</i> О понятии «частная жизнь»	167
<i>Сафронова М. А.</i> Преступность как система.....	169
<i>Середа А. Г., Новоселов С. Ю.</i> К вопросу о целесообразности применения института помилования.....	173
<i>Смирнова А. С.</i> Проблемы применения уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации).....	175

<i>Ткачук П. М.</i> Необходимая оборона: теоретический и практический аспекты	177
<i>Усов Е. Г.</i> Проблемы определения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ	180
<i>Фисенко А. А.</i> О некоторых аспектах преступности несовершеннолетних	183
<i>Чичёв А. А.</i> К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в рамках современного российского законодательства	185
<i>Шарапова В. Р.</i> Уголовно-правовая характеристика бездействия	189
<i>Шепетько В. А.</i> Преступления против информационной безопасности	192

Уголовный процесс

<i>Березина Е. В.</i> О конкуренции в системе принципов уголовного судопроизводства	196
<i>Вершинская Е. И.</i> Возмещение вреда несовершеннолетним потерпевшим в российском уголовном судопроизводстве	197
<i>Гаврилюк Т. А.</i> К вопросу о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь об охране прав несовершеннолетних свидетелей	201
<i>Давудова Д. Д.</i> К вопросу о некоторых проблемах института досудебного соглашения о сотрудничестве	203
<i>Демченко В. А.</i> О некоторых проблемах реализации прокурором функции защиты прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве	206
<i>Денисова В. В., Сухрякова Н. А.</i> Некоторые проблемы законодательной регламентации деятельности защитника по собиранию доказательств в уголовном процессе	208
<i>Дулова А. И.</i> К вопросу о необходимости признания вины обвиняемым для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве	212
<i>Ефремова А. Л.</i> Сравнительная характеристика регламентации института ускоренного досудебного расследования по УПК Республики Казахстан 2014 года и 1999 года	214
<i>Иванова М. В.</i> Право на публичное судебное разбирательство как элемент права на справедливое судебное разбирательство	216
<i>Ильина З. О.</i> Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме	220
<i>Кобелева В. Н.</i> Международные нормы и принципы, касающиеся производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних	224
<i>Краспина Я. Е.</i> Законодательное регулирование экстрадиции в Республике Беларусь	227

Куроптев М. В. Влияние решений Европейского суда по правам человека, принятых в связи с нарушением ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на уголовно-процессуальную практику правоохранительных органов государств	230
Мельгазиева М. А. Международное сотрудничество органов прокуратуры: реальность и перспективы развития	235
Мельников А. И. Об актуальных проблемах отказа государственного обвинителя от обвинения.....	238
Нагуслаев А. Т. Особенности полномочий прокурора на этапе проверки сообщений о преступлениях	242
Панфилова Е. А. Международно-правовое регулирование вопросов прокурорского надзора в сфере уголовного судопроизводства.....	245
Пивунова М. И. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь	248
Романова А. С. Особенности участия прокурора в обсуждении последствий вердикта присяжных заседателей	250
Сейдимбек А. А. Проблемы применения института процессуального соглашения в уголовном процессе Республики Казахстан.....	254
Семкова А. М. Проблемы обеспечения безопасности потерпевших	257
Скуратовский А. Ю. К вопросу о правовом статусе эксперта в уголовном процессе России	260
Смоляченко А. А. Теоретические аспекты понимания института публичности в уголовном судопроизводстве	262
Собакина Н. А. Проблемы участия прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве	265
Терехин Р. А. Деятельность в рамках стадии возбуждения уголовного дела: постановка проблемы	267
Тугутова Д. А. Понятие «слабая» сторона в уголовном процессе.....	270
Федоренко Е. Д. Суд присяжных в России как элемент формирования гражданского общества.....	273
Чигвинцев И. А. Институт общественного обвинителя и общественного защитника: к вопросу о целесообразности возвращения в уголовный процесс	276
Щуко Т. Д. Принцип состязательности в уголовном процессе: понятие и сущность	278

Криминалистика, юридическая психология

<i>Алдашкина А. С.</i> Значение виктимологического портрета жертвы серийных убийц.....	282
<i>Алексеева А. С.</i> Основы использования некоторых научно-технических средств фиксации результатов расследования преступлений	283
<i>Боровикова М. С.</i> Психологические особенности несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы	287
<i>Вокина А. А.</i> Психологические особенности личности преступника насильственной направленности	289
<i>Гриб А. В.</i> Личность несовершеннолетнего преступника	292
<i>Деревцова Л. И.</i> Формирование преступной направленности личности несовершеннолетнего	296
<i>Дудкова А. А.</i> Организационные основы допроса в остроконфликтной ситуации...299	
<i>Козьминых Д. А.</i> Направления и формы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних.....	302
<i>Кольцова А. В.</i> Формирование «профессионального» письменно-двигательного навыка.....	306
<i>Кузьмина А. А.</i> Психологический профиль как способ раскрытия серийных преступлений	310
<i>Лумбунова В. В.</i> Мотивы отказа от наследства: психологический аспект	313
<i>Макушев Д. И.</i> Некоторые вопросы расследования преступлений в сфере компьютерной информации	315
<i>Наумова А. К.</i> Проблемы и перспективы государственной дактилоскопической регистрации в органах внутренних дел.....	319
<i>Николаев Е. И.</i> К вопросу о криминалистическом значении татуировок	321
<i>Попов В. А.</i> Некоторые особенности методики расследования преступлений, связанных с использованием взрывных устройств	324
<i>Семкова А. М.</i> Способы подделки электронной подписи	329
<i>Сухарева В. В.</i> Идентификация человека по следам ладони.....	332
<i>Трифонова М. Е.</i> Установление точки осуществления входа в сеть, а также преступника по «электронно-цифровым следам»	333
<i>Хосоев А. В.</i> Доказательственное значение результатов судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа.....	336
<i>Шафеева М. Д.</i> Значение судебных экспертиз при расследовании убийств по найму	338

И. М. Агаева,

*студентка 3 курса Академии
Генеральной прокуратуры РФ*

**Некоторые вопросы уголовной ответственности
за незаконное возбуждение уголовного дела в целях воспрепятствования
предпринимательской деятельности**

В 2015 году Президент Российской Федерации В. В. Путин обратился с посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации, где обратил особое внимание на проблемы предпринимательства, в том числе на проблему уголовной репрессии в отношении субъектов бизнеса со стороны следственных и контрольно-надзорных органов¹. По статистике, приведенной Президентом РФ, лишь 15% уголовных дел, возбужденных по составам гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), были доведены до суда и закончились обвинительным приговором. В остальных случаях около 83% предпринимателей лишились своего бизнеса или понесли крупный материальный и репутационный ущерб. В связи с этим, Президент РФ внес предложение в Государственную Думу Российской Федерации подготовить и принять поправки в законодательство, которые позволили бы, в том числе, пресечь возможное негативное давление на субъектов предпринимательской деятельности.

Во исполнение поручения Президента РФ Федеральным Собранием Российской Федерации был принят закон, которым внеслись поправки в ст. 299 УК РФ². Она дополнилась новым составом преступления – незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба.

В связи с тем, что состав преступления введен относительно недавно, по нему не существует пока практики применения, а так же написано еще мало научных трудов, поднимающих проблемы введения данной нормы, чем объясняется актуальность выбранной темы исследования.

Необходимо начать с характеристики объекта данного преступления. Исходя из названия главы, в которой расположена ст. 299 УК РФ, основным объектом данного преступления являются интересы правосудия. Дополнительным объектом выступают интересы в сфере предпринимательской деятельности. Общественная опасность этого преступления заключается в том, что нарушаются права законопослушных и добросовестных предпринимателей, причиняется имущественный вред субъектам предпринимательской деятельности, что приводит к полному либо частичному разрушению бизнеса, создается возможность давления на бизнес посредством уголовного преследования. Данное обстоятельство также подтверждается тем, что ч. 3 ст. 299 УК РФ введена для защиты ин-

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Парламентская газета. 2015. № 44.

² О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 19.12.2016 № 436-ФЗ // Российская газета. 2016. № 292.

тересов предпринимателей, ограничении их репрессии, создания в стране благоприятного инвестиционного климата, о чем указано в Пояснительной записке к законопроекту³. Следовательно, возникает резонный вопрос, какие интересы нарушаются в большей мере: интересы правосудия или интересы предпринимателей. На наш взгляд, преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 299 УК РФ посягает в большей степени на интересы бизнеса, на нормальные общественные отношения в предпринимательской сфере, именно им причиняется больший ущерб. Интересы правосудия же нарушаются субсидиарно. Поэтому, на наш взгляд, спорно отнесение незаконного возбуждения уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности к объекту посягательств, охраняемых гл. 31 УК РФ.

Далее предлагается рассмотреть более подробно некоторые признаки состава данного преступления. И прежде всего необходимо уточнить какие действия (предполагается, что преступление совершается только действием) будут считаться незаконным возбуждением уголовного дела. Выяснение данного обстоятельства позволит достоверно определить моменты начала и окончания преступления, и разрешить вопросы квалификации этого преступления.

Для того чтобы возбуждение уголовного дела было законным, оно должно отвечать требованиям, установленным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, уголовное дело возбуждается при наличии повода и достаточного основания. В ст. 140 УПК РФ дан исчерпывающий перечень поводов для возбуждения уголовного дела. Однако для возбуждения уголовного дела по некоторым делам о преступлениях в сфере экономической деятельности предусмотрены специальные правила. Так, например, поводом и основанием для возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица о преступлении в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности служат только те сведения, которые получены в порядке рассмотрения сообщения о преступлении⁴, о преступлении, предусмотренном ст. 172.1 УК РФ служат только те материалы, которые направлены Центральным банком РФ в соответствии с ФЗ от 10.07.2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. То есть, можно заключить, что уголовное дело будет возбуждено незаконно при отсутствии какого-либо повода, указанного в ст. 140 УПК РФ, либо при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, либо при несоблюдении порядка проверки сообщения о преступлении, предусмотренного ст. 144 УПК РФ.

Проверяя законность и обоснованность возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198 – 199.1 УК РФ, суд должен выяс-

---

³ О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 169 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : пояснительная записка к проекту федерального закона. URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (12.01.2017).

⁴ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48.

нить, соблюдены ли требования ч.ч. 7, 8 ст. 144 УПК РФ. При этом необходимо учитывать, что до получения из налогового органа заключения или информации следователь вправе принять решение о возбуждении уголовного дела только при наличии повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 9 ст. 144 УПК РФ), что должно быть проверено судом.

Однако, если по результатам проверки суд установит, что решение о возбуждении уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 172.1 или ст.ст. 198–199.1 УК РФ, принято следователем при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки этих преступлений, то такое решение может быть признано незаконным и (или) необоснованным. В этом случае суд обязывает следователя устранить допущенное нарушение закона⁵.

Также неразрешенной остается ситуация, когда постановление о возбуждении уголовного дела отменяется прокурором в связи его незаконностью и необоснованностью в соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ.

Следовательно, можно заключить, что незаконное возбуждение уголовного дела, по смыслу ст. 299 УК РФ это:

а) возбуждение уголовного дела в отсутствие повода, предусмотренного ч.ч. 1, 1.1 ст. 140 УПК РФ;

б) при отсутствии достаточного основания, предусмотренного ч. 2 ст. 140 УПК РФ;

в) при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 172.1 УК РФ ист.ст. 198 – 199.1 УК РФ в соответствии с требованиями ч.ч. 7, 8 ст. 144 УПК РФ;

г) в случае отмены постановления о возбуждении уголовного дела прокурором в соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ;

д) в случае возбуждения уголовного дела по делам частного, частно-публичного обвинения в отсутствие заявления потерпевшего или его законного представителя.

Понимание данного момента необходимо для решения вопроса о начале преступления.

Спорным остается момент включение в закон цели преступления. Законодатель, желая усилить охрану предпринимателей от репрессии, и, возможно, во исполнение превентивной функции уголовного закона, добавляет к обязательным признакам состава преступления цель – воспрепятствование предпринимательской деятельности, корыстной или иной личной заинтересованности. Однако, представляется, что выделение цели преступления в данной ситуации лишь усложнит практику, так как в каждом конкретном случае придется ее доказывать, а это может повлечь возникновение трудностей. Между тем общая норма – ст. 299 УК РФ – предполагает защиту всех граждан в равной степени от необоснованного привлечения к уголовной ответственности. При этом санкция за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 299 УК РФ, остается аналогичной санкции за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 299 УК РФ. В этом случае проведен-

---

⁵ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48.

ная дифференциация ответственности представляется сомнительной, в том числе с точки зрения реальной общественной опасности деяний, а ее результаты могут повлечь злоупотребления со стороны практических сотрудников (привлечение за оконченное или неоконченное преступление по ч. 2 ст. 299 УК РФ, не требующей доказательств специальной цели, в случае совершения деяния, подпадающего под признаки ч. 3 ст. 299 УК РФ).

Учитывая изложенное, хотелось бы отметить, что в последнее время много внимания со стороны государства уделяется проблемам защиты бизнеса, власть все чаще прибегает к созданию специальных, привилегированных правил для него, проводит амнистии, ограничивает контроль и т.п. Однако, представляется, что проблема репрессии предпринимателей должна решаться конструктивными и последовательными правовыми и организационными мерами, а не сиюминутным нормотворчеством и усилением уголовной репрессии в отношении других лиц.

А. А. Амирджян,

аспирант 2 года обучения

*Иркутский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)*

О международном сотрудничестве в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности

В настоящее время практически все государства находятся в экологической зависимости друг от друга. В связи с чем, решению такой глобальной проблемы как охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности способствует исключительно тесное сотрудничество государств между собой.

Международное сотрудничество в области обеспечения экологической безопасности основывается на принципах, которые были обобщены в декларации Стокгольмской конференции ООН еще в 1972 году, позже эти принципы были сформулированы и изложены в Декларации конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году¹. В этих принципах выражены следующие идеи: люди имеют право на здоровую жизнь, в здоровых условиях; государства имеют суверенное право на собственные ресурсы, но их разработка должна происходить без ущерба окружающей среды за пределами их границ; возмещение ущерба за загрязнение окружающей среды; развитие национального законодательства направленного на охрану окружающей среды; уведомление государствами друг друга о стихийных бедствиях или деятельности, которые могут иметь вредные трансграничные последствия; сохранение природных ресурсов и богатств, для удовлетворения потребностей будущего поколения; сотрудничество государств, в целях сохранения, защиты и восстановления целостности экосистем к экологической информации.

---

¹ Международное экологическое право [Электронный ресурс] : учебник / отв. ред. Р.М. Валеев. // СПС «КонсультантПлюс».

Международные организации являются важным составляющим элементом в системе экологических отношений на международном уровне. Другими словами, участие государств в их деятельности относится к одному из способов международного сотрудничества. На сегодняшний день довольно большое количество международных организаций в той или иной степени занимаются экологическими проблемами. Однако главенствующее положение все же отводится Организации Объединенных Наций. При ООН сформированы и функционируют специализированные организации в сфере международного сотрудничества в области экологии. Специальный орган по окружающей среде (ЮНЭП), международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), всемирная метеорологическая организация (ВМО) – все эти организации в той или иной степени занимаются проблемами состояния и охраны окружающей среды. И это далеко не полный список международных экологических организаций. К слову сказать, в 1991 году Россия стала членом международного союза охраны природы и природных ресурсов (МЕОП).

Другим способом международного сотрудничества является международный договор, заключаемый между двумя или несколькими государствами. Различают: общие и специальные, многосторонние и двусторонние, глобальные и региональные – все они призваны урегулировать отношения участников международного сообщества в определенной сфере, в данном случае в области охраны окружающей природной среды. В части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации сказано «если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора», то есть последний становится одним из источников государственного экологического права.

Международное сотрудничество Российской Федерации в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности осуществляется в рамках многосторонних конвенций и соглашений, деятельности международных организаций (межправительственных и неправительственных), двусторонних договоров со странами СНГ, ближнего и дальнего зарубежья². Так, международное сотрудничество осуществляется в рамках межправительственных комиссий со странами ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджан, Сирия, ЮАР и др.). Российская Федерация на добровольной основе принимает участие в экологическом сопровождении проекта по строительству Северо-Европейского газопровода «Северный поток» (Nord Stream). В течение многих лет является активным участником Всемирного водного партнерства. Российская Федерация осуществляет сотрудничество в рамках заключенных соглашений о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов с сопредельными государствами Финляндией, Украиной, Казахстаном, Монголией, Эстонией, Белоруссией. Названные примеры – это лишь малая часть международных договоров (соглашений) Российской Федерации в области охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности.

В последние годы Россия принимает все более активное участие в между-

---

² Копылова М. Н., Мишланова В. А. Вклад международных организаций в решение экологических проблем [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

народном природоохранном сотрудничестве, реализации решений международных организаций по охране окружающей природной среды. Вместе с тем, такое плотное международное сотрудничество, не без оснований, вызывает и некоторое опасение. Так, профессор Герасимов А. В.³ считает, что в сфере экологии существуют внешние угрозы национальным интересам России. Они обусловлены, в первую очередь, глобальным процессом экологизации, включая экологизацию «общественного сознания, спроса, производства, потребления, мирового рынка товаров и услуг». Таким образом, происходят попытки воздействия Запада на формирование сознания российского населения, внедрения западных компаний в экономики стран СНГ и России с целью использования территорий этих стран для утилизации вредных отходов производства.

Герасимов А. В. обращает особое внимание на то, что попытки западных стран разместить на территории России токсичные отходы носят систематический характер. Под видом сырья в Россию завозят токсичные отходы, захоронение которых на территории европейских стран законодательно запрещено. В качестве примера, профессор называет немецкие фирмы, декларирующие ввоз на территорию России отходов под видом оборудования или сырья. Российскими контрольными органами было зафиксировано, что именно таким образом на рязанские предприятия были завезены токсичные отходы из Германии.

Некоторые недобросовестные иностранные компании предпринимали попытки строительства на территории Российской Федерации заводов по сжиганию и переработке опасных отходов, предлагая полное финансирование таких построек с условием, что на них будут перерабатываться и отходы иностранных государств. Здесь следует заметить, что некоторые отходы сами по себе не являются токсичными, однако при переработке выделяют очень вредные вещества.

Давая оценку подобным действиями иностранных компаний, профессор Герасимов А.В. справедливо указывает на то, что Запад пытается навязать миру свое видение Конвенции устойчивого развития человека, открыв, таким образом, новый способ вмешательства во внутренние дела абсолютно независимых государств, не исключая и Россию, путем наложения санкций на страны-участницы данной конвенции, которые не исполняют или нарушают предписанные ею обязательства⁴.

С изложенной профессором Герасимовым А.В. позицией трудно не согласиться. Положение усугубляется еще тем, что в системе национальных приоритетов обеспечению экологической безопасности как одному из направлений деятельности государства не отводится первое место. Так, по данным Центра экологической безопасности РАН, еще в 1989 году экологическая безопасность стояла на 3-м месте, уже в 2004 году на 18 месте. Согласно высказыванию заместителя председателя Государственной Думы РФ по природным ресурсам, природопользованию и экологии: «страну считают цивилизованной, если она тратит на решение экологических проблем не менее 5% бюджета». К примеру, в

---

³ Герасимов А. В. Меры по защите национальных интересов России от внешних угроз в экологической сфере [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Герасимов А. В. Указ. соч.

2010 г. из общего бюджета России на охрану окружающей среды было выделено лишь 13,2 млрд руб., т.е. 0,13% расходной части, в 2011 – 2013 г. – 16 млрд руб., в 2014 – 2015 гг. около 24 млрд рублей, т. е. с незначительным процентным превышением. 2017 год официально объявлен годом экологии в России, что, в свою очередь, демонстрирует повышенный интерес государства к проблемам экологии. Как следствие, предполагает более значительные выделения денежных средств из бюджета в текущем году.

О том, что государство пытается решить проблемы, связанные с охраной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности, свидетельствует и наличие долгосрочных программ, политико-директивных решений в указанной области. Остановимся на некоторых из них.

Во-первых, это Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁵. В них законодатель определил механизмы международного сотрудничества Российской Федерации в сфере обеспечения экологической безопасности. Согласно этим Основам необходимо активно отстаивать интересы нашей страны при участии России в международных договорах; участвовать в международных проектах в области экологии и развивать международный информационный обмен; внедрять международные экологические стандарты; синхронизировать законодательство об экологии РФ и международное экологическое право.

Во-вторых, Указом Президента от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁶ определены стратегические цели обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования. К таковым относятся: сохранение и восстановление природных систем, необходимых для жизнедеятельности нынешнего и последующих поколений; ликвидация уже причиненного ущерба. Для достижения вышеуказанных целей органам государственной власти необходимо принимать меры, направленные на развитие международного сотрудничества в области экологической безопасности, в том числе в целях предупреждения экологических проблем на приграничных территориях России.

В современных реалиях международное сотрудничество, безусловно, неотъемлемая часть деятельности любого государства, тем более в таких сферах деятельности, которые не имеют четких государственных рамок регулирования, как, например, сфера экологии. Участие в деятельности международных организациях, заключение международных договоров с целью обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности действительно необходимо, однако, это должно происходить, прежде всего, с учетом государственных интересов и исключительным приоритетом национальной безопасности.

---

⁵ Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 года [Электронный ресурс] : приказ Президента Российской Федерации 30 апреля 2012 года // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 // СПС «КонсультантПлюс».

Р. Д. Ахмадуллина,

студентка 2 курса

Института прокуратуры РФ

ФГБОУ ВО «СГЮА»

Проблемы реализации принципа вины в уголовном праве

Принцип виновной ответственности является одним из основополагающих в системе принципов российского уголовного права. Он находит свое юридическое закрепление в ч. 1 ст. 5 УК РФ: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается». Таким образом, уголовное право России придерживается позиции субъективного вменения, т. е. лицо не может подлежать уголовной ответственности, пока его вина в отношении преступного деяния и наступивших общественно опасных последствий не будет установлена. Вина является обязательным признаком субъективной стороны преступления и рассматривается как особое психическое отношение лица к совершенному общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Основное значение вины состоит в том, что без нее не может быть состава преступления, а значит и уголовной ответственности.

Казалось бы, с закреплением принципа вины в уголовном законодательстве о проблемах его реализации не должно быть и речи. Но, к сожалению, практика показывает, что это далеко не так¹. Как известно, преступление представляет собой диалектическое единство объективной и субъективной сторон. Объективная сторона преступления, являясь одним из элементов состава преступления, характеризует внешнее проявление общественно опасного поведения. Деяние, последствия и иные обстоятельства совершения преступления либо проявляются в реальной действительности, либо нет. Тем не менее, субъективное отношение лица к данным факторам может существенно различаться, и именно это должно учитываться при квалификации содеянного и назначении наказания. Нужно учитывать качественное различие между умыслом и неосторожностью в психологическом содержании². В умышленном преступлении виновный осознанно посягает на социальные ценности, проявляя к ним свое отрицательное отношение. При совершении неосторожного преступления такое отношение субъекта к социальным ценностям проявляется в меньшей степени, а значит, ценностные ориентации субъекта при умысле более деформированы, чем при неосторожности³.

Таким образом, исходя из сущности вины, предпочтение при квалификации содеянного и установлении вида и размера наказания должно отдаваться

¹ См.: Голубев Н. А. К вопросу о вине в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 81–83.

² См.: Питецкий В. В. Проблемы реализации принципа вины в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 167–171.

³ См.: Маркарян С. А. Значение субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 271.

субъективной стороне преступления. Осознание субъектом преступления объективных обстоятельств может проявиться в уверенности их наличия или в их допущении. Если какое-то объективное обстоятельство умышленного преступления не осознается виновным, то учитывать его нельзя. Классическим является случай разграничения кражи и грабежа, разъяснение по которому дал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Там, в частности, сказано, что действия виновного нужно квалифицировать как кражу, если он исходя из обстановки полагал, что действует тайно, не смотря на то, что окружающие видели, что совершается хищение (п. 2)⁴.

В другой ситуации, когда субъект преступления стремится причинить вред в большем объеме и исходит из предположения о существовании соответствующего квалифицирующего обстоятельства, то деяние, по нашему мнению и мнению многих ученых, следует оценивать в качестве покушения на преступление. Например, гражданин Б. хотел убить двух лиц, сделал все, что спланировал, в результате чего смерть одного наступила, а второго – нет по независящим от него обстоятельствам. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ) на этот счет сказано следующее: «Убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать как убийство и как покушение на убийство» (п. 5)⁵. Таким образом, квалификацию преступления нужно проводить исходя из психического отношения лица к совершенному им преступлению. В случаях, когда лицо лишь допускает существование объективного обстоятельства, которое отсутствует в действительности, то содеянное нельзя признавать покушением на преступление.

Как показывает правоприменительная практика, нередко случаи объективного вменения при дорожно-транспортных происшествиях. Суды, не учитывая субъективные и объективные особенности, вменяют лицу вину в наступлении последствий, которые водитель не только не мог предвидеть, но и не должен был. Выборочное исследование показывает, что из 100 дорожно-транспортных происшествий только 35 является результатом преступных действий водителя⁶. Объективное вменение, к сожалению, в некоторых ситуациях встречается на практике и из-за халатности сотрудников правоохранительных органов.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что ни одно деяние, совершенное невиновно, какие бы тяжкие последствия оно не причинило, не может рассматриваться как преступление. Принцип вины, изложенный в ч. 1 ст. 5 УК РФ, имеет крайне серьезное значение для современного уголовного права, но все же требует корректировки, чтобы исключить неоднозначность его толкования судами при рассмотрении конкретных уголовных дел.

---

⁴ См.: Российская газета. 2003. 18 января.

⁵ См.: Российская газета. 1999. 09 февраля.

⁶ См.: Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 136.

Е. С. Байкова,

студентка 2 курса

МГУ имени А. А. Кулешова

Некоторые аспекты преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь

Преступность рассматривается как социальное явление. Совершение преступлений влечет за собой нарушение прав и свобод членов социума. Любое преступление, независимо от категории людей его совершившего, приносит ущерб обществу. Не будет являться исключением и преступления, которые совершают лица, не достигшие 18-летнего возраста.

Совершение преступлений несовершеннолетними становится частым явлением в современном обществе. Преступность среди данной категории лиц обуславливается рядом причин. Эти причины могут исходить как из общества, так и из семьи. Причинами совершения преступлений могут служить:

- недостаточное воспитание со стороны родителей;
- плохие условия проживания несовершеннолетних;
- психологическое воздействие на ребенка со стороны окружающих;
- формирование у ребенка преступных качеств;
- проявление агрессивности и жестокости в семье;
- недостатки учебно-воспитательной работы в учебных заведениях;
- навязывание преступного поведения ребенку.

Все перечисленные причины, как и многие другие, являются толчком для совершения преступлений лицами, не достигшими 18-летнего возраста, влекущих за собой уголовную ответственность.

Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних регулируются в главе 5 Уголовного кодекса Республики Беларусь в ст.ст. 108-121¹.

Рассмотрим статистические данные за 2010-2016 года:

- 2010 год – 3946 преступлений;
- 2011 год – 3347 преступлений;
- 2012 год – 2610 преступлений;
- 2013 год – 1983 преступления;
- 2014 год – 2240 преступлений;
- 2015 год – 2377 преступлений²;
- 2016 год – 2004 преступлений³.

Анализируя данную статистику можно сказать, что в период времени с 2010 года по 2013 год преступность среди несовершеннолетних уменьшилась на

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одоб. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

² Общая статистика преступлений за 2016 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел : сайт. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=256493> (23.01.2017).

³ О Общая статистика преступлений за 2016 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел : сайт. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=342713>. (23.01.2017).

49,75%. Однако с 2013 года она увеличивается, и уже в 2015 году она составляет 2377 преступлений, что на 19,87% больше чем в 2013 году. Анализируя показатели 2016 года нужно отметить то, что данный показатель понизился, а соответственно можно сказать, что проводятся различного рода профилактические мероприятия по предупреждению совершения преступлений со стороны несовершеннолетних.

Таким образом, преступность среди несовершеннолетних должна пресекаться еще на самых ранних стадиях формирования личности ребенка. Если же во время не взять на контроль проявление каких-либо отрицательных качеств в поступках ребенка и не принять меры по их предотвращению, то имеется вероятность того, что несовершеннолетний может стать преступником. Если же преступное поведение у ребёнка уже сформировалось, то компетентные органы обязаны осуществлять действия, направленные на предотвращение совершения преступлений несовершеннолетними. Подростков допускающих совершение правонарушений и состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, а так же внутришкольном учете, и детей находящихся в социально-опасном положении направляют в оздоровительные лагеря «Подросток» районных и городских отделов образования в работе с данной категорией активно участвуют работники органов внутренних дел. Аналогичные оздоровительные лагеря могут успешно функционировать с участием военнослужащих (Министерство обороны) и работников отделов по чрезвычайным ситуациям (Министерство по чрезвычайным ситуациям).

С. Р. Батырова,

*студентка 3 курса
БарГУ Республики Беларусь*

**Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности
за халатное отношение к военной службе по уголовному законодательству
Республики Беларусь и Туркменистана**

Важным средством обеспечения защиты безопасности государства и его территориальной целостности является правовое регулирование порядка прохождения военной службы, исполнение военнослужащими обязанностей военной службы и ответственности за нарушения установленного порядка.

Каждое воинское преступление посягает на безопасность общества в целом и военную безопасность государства в частности, дестабилизирует внутренний порядок в войсках, подрывает доверие людей не только к военной службе, но и к государству, поскольку именно государство выступает гарантом безопасности граждан при нахождении на военной службе в мирное время¹.

В борьбе с воинской преступностью, отличающейся повышенной общественной опасностью, наряду с организационными и воспитательными мерами немаловажное значение имеют средства уголовно-правового воздействия. Правовым основанием установления уголовной ответственности за воинские пре-

---

¹ Бриллиантов А. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. М., 2010. 1232 с.

ступления является Конституция Республики Беларусь², ст. 57 которой провозглашает защиту республики обязанностью и священным долгом каждого гражданина Беларуси. Это требование запрещает гражданам уклоняться от исполнения обязанностей военной службы, а военнослужащим – нарушать установленный порядок ее несения.

Хотелось бы обратить внимание на статью 456 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), которая предусматривает ответственность за халатное отношение к службе. В УК предусматривает ответственность за халатное отношение к службе. В УК Республики Беларусь под «халатностью» понимается небрежное или легкомысленное выполнение начальником или иным должностным лицом своих обязанностей, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере либо иные тяжкие последствия (халатное отношение к службе)³.

подавляющее большинство авторов считают, что халатность – это неосторожное преступление, которое может быть совершено по легкомыслию или небрежности. Свою позицию они объясняют тем, что термин «небрежное или легкомысленное выполнение», используемый в тексте статьи о халатности, непосредственно указывает на субъективную сторону этого преступления⁴. По мнению Б. В. Здравомыслова, субъективная сторона халатности характеризуется только виной неосторожной, поскольку это положение полностью соответствует смыслу закона, устанавливающего ответственность за халатность как за небрежное или легкомысленное выполнение лицом своих служебных обязанностей. Неосторожность при халатности может проявляться как в самонадеянности, так и в небрежности⁵.

Наиболее интересной является позиция о так называемой двойной или смешанной форме вины при халатности: умысел или неосторожность по отношению к общественно опасному деянию и неосторожность по отношению к его последствиям. Так, М. Д. Лысова отмечала, что судебной практике по делам о халатности известны случаи, когда должностное лицо, занимая должность, исходит из принципа «лишь бы не работать», безответственно относится к возложенным на него обязанностям, подчиняя службу личным интересам. В подобных случаях имеет место намеренное, умышленно недобросовестное отношение к выполнению своих обязанностей, а по отношению к последствиям – существенному вреду – неосторожность⁶.

Следует отметить, что определение халатности по УК Республики Беларусь лишено таких оценочных понятий, как: «ненадлежащее» или «недобросовестное». В отличие от белорусского законодательства в статье 359 Уголовного кодекса Туркменистана (далее – УК Туркменистана) присутствует термин «не-

² Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп. от 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 3-е издание, стер. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2008. 64 с.

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : по состоянию на 1 июля 2016 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. Минск, 2016.

⁴ Филимонов В. Д. Проблема оснований уголовной ответственности за преступную небрежность. М., 2008. 181 с.

⁵ Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. М. : Юрид. лит., 1975. 167 с.

⁶ Лысов М. Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. 174 с.

добросовестное» и халатность определяется следующим образом: невыполнение или ненадлежащее выполнение начальником или иным должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие небрежного либо недобросовестного отношения к службе, повлекшие причинение существенного вреда интересам службы, правам и законным интересам военнослужащих и иных граждан⁷.

Исходя из научно-практического комментария к УК Республики Беларусь термин «выполнение» означает как активное действие, так и пассивное поведение лица – бездействие. Однако по семантическим свойствам слово «выполнение» означает действие по значению глагола «выполнять», осуществление, приведение в жизнь порученного, необходимого и не охватывает пассивное поведение – бездействие⁸.

В уголовном законе Туркменистана состав халатности имеет материальный характер, а именно имеет место при наступлении указанных в законе последствий. Уголовно наказуемое халатное отношение к военной службе определяется его последствиями. Таким последствием по УК Туркменистана является «существенный вред интересам службы, правам и законным интересам военнослужащих и иных граждан». В то же время вышеназванное последствие вообще не является обязательным признаком объективной стороны воинской халатности по УК Республики Беларусь.

Необходимо выделить квалифицированный состав рассматриваемого преступления в уголовных законах обоих государств. Квалифицированным видом воинской халатности в УК Туркменистана (ч. 2 ст. 359) считается халатное отношение к военной службе, повлекшее «тяжкие последствия», что является оценочным понятием и не разъясняется уголовным законом. Более того, в указанной статье УК Туркменистана присутствует диспозиция, устанавливающая уголовную ответственность за халатное отношение к военной службе с указанием на конкретное тяжкое последствие. Речь идет о наказуемости воинской халатности, повлекшей «смерть человека»⁹.

Полагаем, что наиболее удачно сформулирован квалифицированный состав в ч. 2 ст. 456 УК Республики Беларусь как «халатное отношение к службе в военное время или в боевой обстановке», т.к. определение халатного отношения к службе изложено в ч. 1 ст. 456, являющейся по своему характеру материальным составом. Считаем, что в законодательстве указанных государств должен определяться такой квалифицированный вид воинской халатности более точно, так как за совершение преступления «в военное время», «в боевой обстановке», «во время военного положения», «войны», «в условиях военного положения» устанавливается самая строгая ответственность.

Что касается субъекта исследуемого преступления, то в уголовных законах обеих стран им является «начальник или иное должностное лицо». В уголовных кодексах государств имеется законодательное определение «должност-

---

⁷ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-1 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: https://www.unodc.org/tldb/pdf/TurkmenistanCriminalCode_Russian.pdf (26.22.16).

⁸ Ахраменко Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. 1064 с.

⁹ Лукашов А. И. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Сравнительный анализ и комментарий. Минск., 2000. 672 с.

ное лицо». Однако лишь в УК Республики Беларусь законодательно определен термин «начальник», под которым согласно ч. 6 ст. 4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса» понимается «лицо, на которое распространяется статус военнослужащего и которое по своему служебному положению или воинскому званию имеет право отдавать подчиненным приказы и требовать их исполнения»¹⁰.

Исходя из проведенного сравнительного анализа уголовной ответственности за халатное отношение к военной службе по уголовному законодательству Республики Беларусь и Туркменистана полагаем целесообразным внести изменения в редакцию ст. 456 «Халатное отношение к службе» УК Республики Беларусь:

1) изложить диспозицию ч. 1 ст. 456 как: «небрежное или недобросовестное исполнение или неисполнение начальником или иным должностным лицом своих служебных обязанностей, повлекшие причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, ущерба в особо крупном размере (халатное отношение к службе)»;

2) квалифицированным видом халатного отношения к военной службе считать такое халатное отношение к военной службе, которое повлекло тяжкие телесные повреждения или смерть человека;

3) предусмотреть за указанный квалифицированный вид халатного отношения к военной службе наказание в виде лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью либо без лишения.

К. Г. Бондаренко,

*студентка 2 курса
МГУ имени А. А. Кулешова,
Республика Беларусь*

Органы международной уголовной юстиции: их место и роль в борьбе с международным терроризмом

Опасность международного терроризма заключается в том, что он направлен на манипулирование гражданским населением путём устрашения. В конечном итоге подрывается устройство страны, идеология, целостность и неприкасаемость границ.

Впервые термин «международный терроризм» в его современном значении был использован на II Конгрессе по унификации уголовного законодательства в 1930 году. Спустя почти 40 лет, в 1968, на V Международном конгрессе по унификации уголовного законодательства была принята резолюция о терроризме, определившая это деяние как терроризирование населения с целью раз-

---

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : по состоянию на 1 июля 2016 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. Минск, 2016.

рушения всякого социального строя¹.

Мировое сообщество ещё после Второй Мировой войны пришло к выводу, что необходимо создать единый судебный орган, наделённый юрисдикцией судить и применять наказания в отношении лиц, виновных в таких тяжких преступлениях, как геноцид, экоцид, апартеид, нарушение законов и обычаев войны. Такая идея была реализована в 1945 году путём создания Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов. Они же прекратили свою деятельность с завершением процессов по делам преступников Второй Мировой войны².

Война, конечно же, принесла свои последствия. Именно поэтому в 1948 году Генеральная Ассамблея ООН поставила вопрос о создании международного уголовного суда. Но, к сожалению, на тот момент создание международного суда уголовной юстиции было невозможно. В первую очередь, это объяснялось тем, что не существовало систематизированного нормативного акта, которому бы следовал суд.

Проект такого акта: Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, – приняли в 1954. Статья 2 данного кодекса приписывает международный терроризм к одному из таких преступлений. Так, в 1987 году СССР выступил перед Генеральной Ассамблеей ООН с предложением создать международный трибунал, в компетенцию которого бы входило рассмотрение только преступлений, связанных с международным терроризмом, но эта идея так и осталась на стадии рассмотрения³.

В результате бесчеловечных преступлений, которые происходили на территории Раунды и бывшей Югославии, Совет Безопасности ООН принял резолюции о создании Международных трибуналов ООН по бывшей Югославии и Раунде в отдельности. Несмотря на то, что эти органы международной уголовной юстиции рассматривали преступления, которые отражены в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, трибуналы не могли и не могут рассматривать преступления, связанные с международным терроризмом. Они наделены территориальной, временной и предметной юрисдикцией, но лишь в отношении противоправных деяний, совершенных в странах бывшей Югославии и Раунде⁴.

Таким образом, был подтверждён тот факт, что без Международного уголовного суда Кодекс преступления против мира и безопасности человечества будет бесполезен. И в результате в 1998 году был утверждён Статут Международного уголовного суда, а уже в 2002 году он начал свою работу. Однако нельзя говорить о том, что Международный уголовный суд играют одну из самых важных ролей в противодействии терроризму. Бесспорно, что данный орган юстиции активно ведет как следственную, так и судебную деятельность в отношении международных преступников, но огромный недостаток деятельности суда в том, что под его юрисдикцией преступления совершенные на территории или совершенные самим государством, ратифицировавшим Статут МУС. К сожалению

¹ Гетьман-Павлова И. В. Международное право : учебник. М., 2013. С. 434.

² Богуш Г. И. Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2008. С. 14.

³ Гетьман-Павлова И. В. Указ. соч. С. 436.

⁴ Рабцевич О. И. Органы международной уголовной юстиции : учебник. М., 2008. С. 254.

нию, большинство арабских стран (на территории которых зарождаются и функционируют экстремистские группировки) не ратифицировали Статут МУС. Это говорит о том, что Международный уголовный суд не может привлекать к ответственности данных физических лиц⁵.

Многие региональные организации взяли на себя роли в сфере антитеррористической деятельности. Ведущую роль на себя взял Европейский союз. Был принят ряд мер, которые бы простили интеграцию между организациями: общий ордер на арест; общий перечень террористических организаций; постоянный обмен информацией между государственными организациями и Европейским управлением полиции; создание Евроюста (органа, состоящего из магистратов, прокуроров и офицеров полиции); совместные следственные бригады полиции, совершающие трансграничные действия для целей уголовного правосудия. В более широком плане Интерпол осуществляет важную работу, на которую могут опираться региональные организации. Интерпол, членами которого являются 179 государств, собирает, хранит, анализирует и распространяет разведывательную информацию о подозрительных лицах и группах, и их деятельности⁶.

Антитеррористический центр Содружества Независимых Государств является основным органом борьбы с экстремистской деятельностью на территории бывших стран СССР. Он был создан решением совета глав государств 21 июня 2000 года и является постоянно действующим органом. Основная нормативно-правовая база этого органа сосредоточена в Положении об Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств, утвержденным Решением Совета глав государств СНГ от 1 декабря 2000 г. Основным документом, определяющим спектр задач для АТЦ СНГ, является Программа сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма. Программа принимается решением Совета глав государств СНГ каждые три года. Страны-участники СНГ считают, что ООН является и остаётся основным органом антитеррористической деятельности, и намерены способствовать борьбе с терроризмом всеми силами⁷.

Основными направлениями сотрудничества государств-участников СНГ, их компетентных органов, а также уставных органов и органов отраслевого сотрудничества СНГ, созданных для координации и взаимодействия в борьбе с терроризмом и экстремизмом, являются:

1. Предупреждение, выявление, пресечение и расследование преступлений террористического и экстремистского характера, а также минимизация их последствий.

2. Содействие неотвратимости наказания за преступления террористического и экстремистского характера.

---

⁵ Гетьман-Павлова И. В. Указ. соч. С. 504.

⁶ Нарбутаев Э., Сафаев Ф. Курс международного уголовного права : учебное пособие. Ташкент, 2006. С. 347.

⁷ URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=13828> (02.02.2017).

3. Анализ факторов и условий, способствующих возникновению терроризма и экстремизма, и прогнозирование тенденций их развития и проявления на территориях государств – участников СНГ.

4. Предотвращение использования или угрозы использования в террористических целях оружия массового уничтожения и средств его доставки, радиоактивных, токсичных и других опасных веществ, материалов и технологий их производства.

5. Участие в антитеррористической деятельности международного сообщества, включая взаимодействие в рамках международных организаций и коллективных антитеррористических операций, объединение усилий в содействии формированию глобальной стратегии противодействия новым вызовам и угрозам под эгидой ООН.

6. Оказание содействия третьим государствам, заинтересованным в сотрудничестве с государствами – участниками СНГ в области борьбы с терроризмом и экстремизмом во всех его проявлениях.

7. Совершенствование материально-технической базы борьбы с терроризмом и экстремизмом, разработка, в том числе, средств специальной техники и оборудования для оснащения антитеррористических подразделений.

8. Противодействие финансированию террористической и экстремистской деятельности⁸.

На данный момент существует 4 вида органов уголовной юстиции: Международный уголовный суд; международные трибуналы *ad hoc*; смешанные суды; национальные суды с участием международных судей. Особенностью этих судов является то, что они создаются на основе соглашения стран-участников и функционирует в рамках, предусмотренных их уставами.

Одна из основных задач любой организации такого типа является борьба с финансированием террористической деятельности. Сложность выявления путей финансирования террористических организаций заключается в том, что методы «добычи» денег настолько разнообразны, что борьба с наркоторговцами не решает всей проблемы. Деньги «приходят» от коммерческих организаций, частных лиц и даже государственных спонсоров. В регионе СНГ этими расследованиями занимаются специальные службы (КГБ, ФСБ, АТЦ), на международном уровне на то уполномочены специально создаваемые комиссии ООН (Международная независимая комиссия по расследованию) и Интерпол⁹.

Организация Объединённых Наций играет важнейшую роль в поддержании функционирования международной юстиции, а также как «законодательный» орган. За последнее время, время обострения террористических конфликтов, ООН совместно с региональными системами по борьбе с преступлениями международного терроризма приняли около 12 основных конвенций, касающихся противодействию терроризму: Европейская конвенция по пресечению терроризма, Устав ООН по международным преступлениям, Конвенция о предотвращении терроризма и наказания за террористические действия, Конвенция 13 государств Америки о предупреждении терроризма, региональная Конвенция

---

⁸ URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=18784> (02.02.2017).

⁹ Юркова М. В. Проблема борьбы с финансированием терроризма // Вологодские чтения. 2006. № 56.

по борьбе с терроризмом, Декларация стран-членов Восьмёрки по взаимодействию в борьбе с терроризмом, Декларация о мерах по пресечению международного терроризма, Конвенция о борьбе с захватом заложников, Международная конвенция о пересечении бомбового терроризма, Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма и др.

Подводя вывод, можно сделать вывод, что основным органом международной уголовной юстиции, конечно же, является Международный уголовный суд, который должен осуждать и применять наказание в отношении террористов, вне зависимости от региональной юрисдикции. Что же касается международных органов, ведущих борьбу с тайной агрессией, то основными являются ООН, Интерпол, Евросоюз и Евроюст, а также Антитеррористический центр СНГ.

Основной проблемой борьбы с данным явлением, на наш взгляд, является то, что противодействие терроризму должно быть согласованным и «общегосударственным». Для этого должны быть предприняты глобальные меры, начиная от проведения воспитательных бесед с молодым поколением (именно подростки более открыты для вербовки в террористические группировки посредством социальных сетей и СМИ) до уголовного преследования, осуждения и применения наказания к лицам, ведущих террористическую деятельность, направленную не только на подрыв конституционного строя государства, но и умышленное лишение жизни мирных жителей.

Д. И. Боярский,

*студент 4 курса
ЮИ ИГУ*

Уголовная ответственность за мелкое взяточничество: теоретические и практические аспекты

Уяснение содержания текста уголовного закона, а также его смысла после принятия Федерального закона от 03.07.2016 N 324-ФЗ, которым была введена статья 291.2 УК РФ, предусматривающая ответственность за мелкое взяточничество, в правоприменительной практике возник ряд вопросов. Они связаны как с тем, кого считать субъектом данного преступления, так и главенством размера взятки над квалифицирующими признаками.

Следует отметить, что диспозиция статьи 291.2 УК РФ объединила в себе сразу два состава преступления – получение взятки, дача взятки лично или через посредника. Разграничением мелкого взяточничества и составов преступления, предусмотренных ст. 290 и 291 УК РФ, является размер взятки, который не превышает 10 тысяч рублей.

Необходимо уяснить логику законодательного закрепления мелкого взяточничества. Как следует из текста Пояснительной записки к законопроекту, в 2012–2015 годах преобладают уголовные дела, которые были возбуждены по факту получения или дачи взятки в размере, не превышающем 10 тыс. руб.

В подтверждение этого довода следует обратиться к данным Судебного департамента при Верховном суде РФ. Лидирующие позиции занимают лица,

осужденные за взяточничество в небольших размерах – от 1 до 10 тыс. руб. Осужденных за взяточничество в крупных и особо крупных размерах на порядок меньше. Например, в 2015 г. на размер взятки до 10 тыс. рублей приходится 3348 человек, тогда как у 587 осужденных сумма взяток превышает указанный ранее размер и начинается от 50 тыс. рублей. Из этого числа осужденных лишь 88 человек осуждены за взятку в особо крупном размере (свыше 1 млн руб.)¹.

По нашему мнению, подобное внесение изменений в уголовное законодательство может иметь положительный характер. Например, в качестве позитивного момента можно рассматривать выделение в отдельный статистический параметр – взяточничество в мелких размерах. Такое выделение имеет важное практическое значение, поскольку сотрудники правоохранительных органов не смогут объединить в статистическом отчете уголовные дела, которые были возбуждены по фактам крупного и особо крупного взяточничества с аналогичными деяниями в мелком размере. Данная дифференциация способна показать реальную картину борьбы с преступлениями коррупционной направленности. В качестве второй положительной черты можно рассматривать и тот факт, что мелкое взяточничество передано органам дознания ввиду отнесения данного преступления к преступлениям небольшой тяжести. А, соответственно, это способствует сокращению сроков досудебного производства по уголовному делу, а также возможности рассмотрения уголовного дела в порядке особого производства. Это, в свою очередь, упрощает процедуру и, соответственно, снижает загруженность судебных и правоохранительных органов.

Однако необходимо заметить, что, объединив два состава в одном, законодатель также искусственно уравнивал общественную опасность дачи взятки и её получения. Отсутствие дифференциации наказаний в указанной конструкции вызывает ряд сомнений. Законодателем установлены одинаковые верхние пределы наказания как для взяткодателя, так и для получателя взятки.

Б. В. Здравомыслов делает верное замечание о том, что получение и дача взятки – самостоятельные преступления, которые имеют различную характеристику действий, а также различаются признаками субъекта². Данная идея отражена в действующем уголовном законодательстве. Так, норма ст. 290 УК РФ, предусматривающая ответственность за получение взятки, содержит более строгие санкции, чем за дачу взятки (ст. 291 УК РФ). Ввиду этого, установление одинакового наказания в санкции статьи 291.2 УК РФ для взяткодателя и получателя взятки существенно противоречит принятому взгляду на повышенную общественную опасность получения взятки в отличие от дачи взятки.

Рассматривая природу общественной опасности получения взятки, необходимо акцентировать внимание не на размере взятки, а на обусловленность взяткой деятельности должностного лица. Рассуждая от противного, нельзя сказать, что незаконный отказ в возбуждении уголовного дела будет обладать меньшей опасностью для общества, если следователь получил за это действие взятку в размере не 350 тыс. руб., а 5 тыс. руб. Соответственно, видится непра-

---

¹ Чуклина Э. Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (Ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд // Экономика, социология и право. 2016. № 10. С. 96.

² Здравомыслов Б. В. Квалификация взяточничества : учебное пособие. М. : МЮИ. 1991. С. 82.

вильным подход, согласно которому дифференциация общественной опасности обуславливается размером взятки.

Более глубокое изучение вопроса, касающегося введения ст. 291.2 УК РФ, дает основания сделать вывод о том, изменяется и подход к расследованию данных преступлений. Мелкое взяточничество отнесено к категории преступлений небольшой тяжести ввиду того, что срок лишения свободы в санкции в ч. 1 ст. 291.2 УК РФ не превышает 1 года, а в ч. 2 – 3 лет.

Обращаясь к ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а именно к ст. 8, следует отметить, что прослушивание телефонных и иных переговоров, а также проведение оперативного эксперимента возможно только лишь при осуществлении доследственной проверки сообщений о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких или производстве расследования преступлений указанной категории. Данное законодательное положение исключает возможность проведения указанных оперативно-розыскных мероприятий при обнаружении признаков мелкого взяточничества.

В процессе применения ст. 291.2 УК РФ у судов возникали ряд вопросов. Одним из таких являлся вопрос квалификации получения или дачи взятки в размере, не превышающем 10 тыс. руб., если деяние содержит квалифицирующие признаки, содержащиеся в статьях 290 и 291 УК РФ.

Данный вопрос разрешался на практике следующим образом.

Гроховская Л.А. дала взятку лично в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, при следующих обстоятельствах.

Так она, 15 апреля 2016 года в период с 11 часов до 12 часов находясь в служебном кабинете опорного пункта полиции, умышленно, с целью незаконно избежать привлечения к административной ответственности за совершенное ею административное правонарушение, предусмотренное ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ и не составление протокола об административном правонарушении, лично передала старшему лейтенанту полиции О.А. инспектору отделения по делам несовершеннолетних взятку в виде денежных средств в размере 9 000 рублей.

Органами предварительного следствия действия Гроховской Л.А. квалифицированы по ч. 3 ст. 291 УК РФ, как дача взятки должностному лицу лично за совершение заведомо незаконного бездействия.

В судебном заседании государственный обвинитель мотивированно предложил квалифицировать деяние Гроховской Л.А. по уголовному закону, действующему на момент рассмотрения уголовного дела, а именно по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, мелкое взяточничество, поскольку изменения, внесенные в уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ, улучшают положение подсудимой³.

Суд первой инстанции в основу квалификации деяния в качестве мелкого взяточничества ставит размер взятки, а также факт того, что новое законодательное положение улучшает положение подсудимого лица.

Позднее ответ на интересующий суды, а также теоретиков вопрос был дан Президиумом Верховного суда РФ 28.09.2016. В своем ответе ВС РФ отметил

---

³ Дело № 1-433/16 [Электронный ресурс] : приговор Октябрьского районного суда г. Томск от 01.08.2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/66dPuHe8L06r/> (06.02.2017).

специальный характер ст. 291.2 УК РФ относительно норм статей 290 и 291 УК РФ. Также отмечено, что ст. 291.2 в качестве условия применения не предусматривает отсутствие квалифицирующих признаков ст. 290 или 291 УК РФ.

В этой связи получение или дача взятки в размере, не превышающем 10 тыс. руб., должны влечь ответственность по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ вне зависимости от того, когда и за какие (законные или незаконные) действия они совершены, в каком составе (единолично или группой лиц), а также наличия других квалифицирующих признаков взяточничества.

Еще один вопрос, который вызывает интерес у правоприменителей и ученых, это вопрос о том, кого же следует считать субъектом мелкого взяточничества.

Существовала точка зрения о том, что субъектом преступления в данном составе будут также являться педагогические и медицинские работники. Однако следует внести ясность по данному вопросу. Студенты не находятся в отношениях служебного подчинения с преподавателем. Он не влияет на возможность студента находиться в учебном заведении. Функция преподавателя состоит в обучении и контроле знаний по результатам обучения. Решение о переводе на следующий этап обучения или об отчислении студента принимает руководитель образовательного учреждения. Данные полномочия вытекают из договора об оказании образовательных услуг. В этой связи должностным лицом по отношению к студенту является руководитель образовательного учреждения. Однако руководитель принимает свое решение на основании процедур проверки знаний, которые проведены преподавателем. В этой связи, следует сделать вывод о том, что преподаватель принимает участие в реализации организационно-распорядительных полномочий, реализуемых руководителем учреждения, при этом обладая возможностью своими действиями оказывать влияние на правоотношения между администрацией учебного заведения и студентом⁴.

Аналогичная ситуация и с врачами. Врачи, удостоверяя факты болезни, способны влиять на правоотношения работника и работодателя. Полномочия по удостоверению фактов являются необходимым элементом отношений между больным и различным кругом организаций.

Данные категории лиц могут выполнять и иные функции, не связанные с фиксацией фактов и не относящиеся к организационно-распорядительным функциям и иным функциям должностного лица. Таковыми функциями являются профессиональные: для педагога – обучения, для врача – диагностика. Соответственно, выполнение профессиональных функций преподавателей и врачей не могут наделять других участников общественных отношений правами и обязанностями⁵. Поэтому врачи при выполнении операций или же педагоги в процессе в процессе обучения должностными лицами в данный момент не являются.

Эта неопределенность была решена также Президиумом Верховного Суда РФ, который указал, что субъект преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК

---

⁴ Никонов П. В., Шиханов В. Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ) : учебное пособие. СПб. : Юридический центр, 2016. С. 124.

⁵ Никонов П. В., Шиханов В. Н. Указ. соч. С. 125.

РФ совпадает полностью с субъектом преступлений, предусмотренных статьями 290 и 291 УК РФ.

В этой связи не возникает вопроса о расширительном толковании при определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ. Таковым будет являться лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти, а также лица, выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные в органах публичной власти и учреждениях.

Таким образом, следуя теоретическому анализу функций, выполняемых преподавателями учебных учреждений, а также врачей, исполняющих свои обязанности в медицинских учреждениях, можно отграничить должностные полномочия и профессиональные функции. Данное отграничение имеет практическое значение при квалификации деяния, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ.

Н. Д. Бяширов,

студент 2 курса

Института прокуратуры

ФГБОУ ВО «СГЮА»

Применение аналогии в уголовном праве

Очень часто возникают споры по поводу применения аналогии в российской системе права. Будет ли применение аналогии полезно для нашей системы или наоборот принесет ей вред? У учёных-правоведов так и не сложилось единого мнения по данному вопросу. Нам также не удалось прийти к однозначному выводу, поскольку во всем есть свои плюсы и минусы, для выявления которых необходимо основательно изучить соответствующую проблему.

К существенным минусам применения аналогии в праве будет относиться её необъективность в разрешении некоторых ситуаций, ведь иногда необходимо учитывать совокупность всех обстоятельств, которые фигурируют в деле. К числу последних можно отнести: смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, состояние крайней необходимости и другие факторы, которые могут повлиять на решение суда. Необдуманное применение аналогии в уголовном праве также будет нарушать принцип законности. В данный момент запрет на применение аналогии в уголовном праве содержится в ч. 2 ст. 3 УК РФ.

К плюсам аналогии в праве можно причислить то, что с ее появлением исчезло бы различие в судебных решениях по практически идентичным делам, что понизило бы нагрузку судей и снизило бы процент коррумпированности в судах, так как субъективное мнение судьи было бы не так значимо в вынесении решения по какому-либо делу. Положительным примером может послужить правовая система США, которая полностью основана на прецедентном праве, хотя и в ней есть недостатки. В российской правовой системе применяется аналогия права, но лишь субсидиарно. Так, в гражданском праве существует регулирование по аналогии, но только для тех отношений, которые не регулируются напрямую законом или правовым обычаем. В настоящее время существует что-то похожее на систему аналогии, и суды стараются придерживаться решений

вышестоящих инстанций, но это всё носит только рекомендательный характер, окончательное решение остается за судьей, из-за чего по одному и тому же делу суды одного и того же города принимают различные решения. Наша же задача – не допустить двоякости толкования закона и упорядочить принятие решений судами.

Истории российского уголовного права известны случаи применения аналогии. Так, например, имели место многочисленные факты осуждения за изнасилование по ст. 117 УК РСФСР 1960 г., в то время как имело место совершение иного деяния, а именно насильственных действий сексуального характера, ответственности за которые УК РСФСР не предусматривал. Это, несомненно, следовало рассматривать как пробел в уголовном праве, вызванный, по мнению А. Н. Игнатова, недостаточной разработанностью проблемы уголовной ответственности за половые преступления¹. Однако Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по конкретному уголовному делу разъяснил: «Насильственное совершение полового акта в извращенной форме надлежит квалифицировать как изнасилование»². Такое же решение принял и Президиум Верховного Суда РСФСР по делу Григоряна и Петухова: «Действия лица, совершившего насильственный половой акт в извращенной форме, подлежат квалификации по ст. 117 УК»³.

В первом советском Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. принцип «*nullum crimen, sine lege*» признания не получил как чуждый советскому уголовному праву. «В основу кодекса, – по словам наркомюста Д. И. Курского, – был положен принцип оставления места для народного правотворчества предоставлением суду права в известных случаях вносить коррективы»⁴. В соответствии с этим в Кодекс была включена ст. 10, которая устанавливала: «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного кодекса, предусматривающим наиболее близкие по важности и роду преступления, с соблюдением правил Общей части сего кодекса»⁵.

Помимо примеров применения аналогии в уголовном праве, существуют также и примеры запрета на её применение. Одним из них является принцип отсутствия преступности деяния без указания на то в законе. Принцип «нет преступления без указания о том в законе» впервые был зафиксирован в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.). Уголовное уложение 1903 г. начиналось с определения преступления, под которым понималось «деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания». Несомненно, что данная формулировка означала провозглашение принципа «нет преступления без указания о том в законе»⁶.

Мы считаем, что систему регулирования общественных отношений по-

¹ См.: Игнатов А. Н. Ответственность за насильственное совершение действий сексуального характера // Советская юстиция. 1991. № 12. С. 10.

² БВС СССР. 1964. № 3. С. 32.

³ Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1961-1963 гг. М., 1964. С. 261–262.

⁴ Известия ВЦИК РСФСР. 1922 г. № 21.

⁵ См.: Кауфман М. А. Аналогия в уголовном праве: мифы и реальность // Российская юстиция. 2005. № 12. С. 3.

⁶ См.: Указ. соч. С. 3.

средством применения аналогии из гражданского права можно перенять и в другие отрасли права. Но прежде чем что-то делать, необходимо все тщательно взвесить и обдумать, чтобы не создать пробелов и коллизий в российской правовой системе, в том числе уголовно-правовой. Наиболее оптимальным, по нашему мнению, решением будет создание смешанной правовой системы. Она предполагает, что судьи будут ориентироваться на судебную практику своих коллег из вышестоящих инстанций, но в то же время будут сами объективно оценивать все обстоятельства конкретного дела, чтобы не было нарушения чьих-либо прав, а также одного из основных принципов российского уголовного права и правосудия в целом – принципа законности, после чего будут выносить судебное решение на основании прецедента и всех принципов правосудия с учётом совокупности этих обстоятельств. Это привело бы к вынесению более справедливых решений судами и единообразию судебных решений по аналогичным делам.

Также мы считаем целесообразным создание единой базы данных судебных прецедентов, которые носили бы обязательно-рекомендательный характер для применения судами. Все эти прецеденты должны будут пройти тщательную проверку на законность и справедливость вышестоящими судами, так как в дальнейшем они сами будут служить основой для вынесения других судебных решений, следовательно, будут являться источниками права. Содержание ошибки в источнике права просто недопустимо, так как оно подрывало бы авторитет не только института судебных прецедентов как источников права, но и всего российского уголовного права. Обязательность заключалась бы в том, что решение судьи не должно будет противоречить имеющейся судебной практике по сходным делам, но за ним всегда будет оставаться право вносить свои коррективы в вынесение решения по делу. Это привело бы к отсутствию противоречащих друг другу решений суда по практически идентичным делам, но в то же время выносились бы более справедливые решения в соответствии и с учётом всех обстоятельств данного дела.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что российская уголовно-правовая система в данный момент не готова к введению аналогии в полном объёме, возможно лишь её частичное введение по описанному в данной статье механизму. У российского уголовного права свой путь развития. Мы не должны полностью перенимать в свою систему права имеющийся зарубежный опыт, необходима постоянная доработка и усовершенствование уголовного законодательства в соответствии с современными реалиями, а именно с учётом экономической ситуации, политического режима и формы правления в стране.

С. А. Васильков,

студент 4 курса СФ СГЮА

Характеристика высылки как уголовно-правовой меры

Уголовное право нашей страны на протяжении нескольких столетий неоднократно менялось: развивалось законодательство, исчезали одни правовые институты и появлялись другие. Однако, несмотря на то, что часть таковых больше не реализуется ввиду отмены, некоторые идеи прошлого по-прежнему

вызывают интерес и дискуссии. Одной из таких уголовно-правовых мер, применявшихся в советское время, была высылка, называемая в народе «101-й километр».

В УК РСФСР 1960 года высылке была посвящена 26 статья. Данная норма закрепляла, что высылка состоит в удалении осужденного из места его жительства с запрещением проживания в определенных местностях. Комментарий к УК РСФСР отмечал, что указанная мера применялась к тем субъектам, чье проживание в месте, где они жили до совершения преступления, нежелательно постольку, поскольку проживание в данной местности создает условия для совершения повторных преступлений либо потому, что их нахождение повышает вероятность совершения правонарушений третьими лицами¹.

Высылка применялась как в качестве основного, так и дополнительного наказания, в зависимости от совершенного преступления. При этом в 26 статье УК РСФСР устанавливал, что наказание не применялось к несовершеннолетним лицам, к беременным женщинам и к женщинам, имеющим на иждивении детей до восьмилетнего возраста. Максимальный срок высылки составлял пять лет, нижний предел был ограничен двумя годами².

Под определенными местностями понимались территориальные единицы, в которых осужденному к высылке запрещалось проживать во время исполнения наказания. Судом при вынесении обвинительного приговора такие местности указывались; в неуказанных местах осужденный имел право свободного поселения. Законодательство, в частности, установило запрет проживания в столицах союзных республик, городах, районах и местностях, в которых действуют ограничения в прописке граждан, имеющих судимость за некоторые виды преступлений³. (К слову, данное обстоятельство являлось одним из основных признаков, отличающих высылку от схожего вида наказания – ссылки, которая закреплялась в статье 25 УК РСФСР: при ссылке осужденный был обязан поселиться в определенной, назначенной судом, местности).

В историю уголовного права высылка вошла благодаря активному ее применению в Советском Союзе. Это было обеспечено принятием как УК РСФСР 1922 года и последующими Кодексами (в частности, УК РСФСР 1926 и 1960 года), так и ведомственными нормативными актами. Так, Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года «Об особом совещании при НКВД СССР» наделило Народный Комиссариат Внутренних Дел правом применения высылки к лицам, признаваемым общественно опасными. Помимо точечного применения, «101-й километр» использовали в грандиозных масштабах при различных крупных мероприятиях. Нельзя не вспомнить знаменитую Олимпиаду 1980 года: для обеспечения порядка в Москве, где проходили Игры, в 1979 году ЦК КПСС издал секретное распоряжение о применении ограничительных мер на нахождение в столице⁴, что привело к заселению городов на «101-м ки-

¹ Шаргородский М. Д. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. С. 74–75.

² Однако такие рамки применения высылки были не всегда. Если ст. 26 УК РСФСР 1960 года предусматривала вышеуказанные сроки, то УК РСФСР 1926 года нижнего предела не устанавливал, а в Кодексе 1922 года срок высылки ограничивался 3 годами.

³ О местностях, в которых запрещается проживать лицам, осужденным к высылке [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров СССР от 24.12.1974 № 984 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ О введении временных ограничений на въезд в г. Москву в период Олимпиады-80 и направлении граждан г. Москвы и Московской области в строительные отряды, спортивные, пионерские лагеря и другие места отдыха летом 1980 года : распоряжение ЦК КПСС от 23 июля 1979 года № 1394-А.

лометре» не только антисоциальных элементов – лиц без определенного места жительства, тунеядцев, но и осужденных. Однако здесь стоит понимать, что в таких ситуациях использовалась и высылка административная, применяемая не к осужденным, а к антисоциальным элементам (например, БОМЖам), и которая до принятия КоАП РСФСР 1984 года (в Кодекс законодатель ее не включил) закреплялась в ведомственных нормативных актах⁵.

Впоследствии, в 1993 году, высылка была исключена из уголовного закона⁶, а в новый УК РФ 1996 года ее не ввели вовсе, посчитав это наказание утратившим свое общественное значение. Однако в настоящее время споры и дискуссии по поводу высылки имеют место. Так, в 2007 году на круглом столе, проводимом Федеральной Службой Исполнения Наказаний совместно с представителями Государственной Думы и членами Правительства вопрос о возвращении «101-го километра» в уголовное законодательство обсуждался⁷, однако законодательной инициативы не последовало.

Вопрос о необходимости введения высылки в нынешний уголовный закон вызывает интерес, но вместе с тем, очевидно, что в этом случае будет наличие как положительных, так и отрицательных мнений.

Если рассматривать позитивный момент высылки, то необходимо сказать о том, что данный вид наказания позволит, как и в советские годы, «очистить» крупные города от отрицательной категории населения, то есть осужденных. В частности, мог бы иметь место запрет на поселение в таких городах России как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Владивосток, Калининград и других. Тем самым применяемая правоохранительными органами мера способствовала бы увеличению уровня правопорядка в указанных населенных пунктах. Возможно здесь и уменьшение преступности. Многие общественно опасные деяния легче осуществить с точки зрения объективной стороны в местах с большой плотностью населения: например, различные виды хищения, в частности, кражи; соответственно при удалении бывших осужденных последствие в виде падения уровня совершения преступлений имело бы место (нельзя здесь забывать о высоком риске рецидива преступлений и о социально-экономических факторах: лицам с непогашенной судимостью сложно устроиться на работу, найти место проживания, в то время как совершение упомянутой кражи решило бы материальные проблемы). Кроме того, высылка (при назначении ее в виде дополнительного наказания) вкупе с обязательными либо исправительными работами позволила бы решить определенные проблемы с жилищно-коммунальным обслуживанием (например, сбора и вывоза мусора), а также с обслуживанием муниципальных инфраструктур тех населенных пунктов, в которых субъекты будут обязаны проживать.

Негативизм по отношению к высылке главным образом выражается в том, что если из крупных городов асоциальные элементы удаляются, то происходит их заселение в меньшие населенные пункты. Соответственно вновь стоит уде-

---

⁵ Инструкция по применению постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об административной высылке [Электронный ресурс] : постановление НКВД РСФСР от 03.01.1923 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и закон РСФСР «О милиции» [Электронный ресурс] : закон РФ от 18.02.1993 № 4510-1 // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Огилько И. В. Печальный, но нужный 101-й километр // Российская газета. 2007. № 4317.

лить внимание социально–экономическому аспекту: сложность трудоустройства и обеспечения материальными благами возрастает, поскольку на региональном уровне ситуация в социальной и экономической сферах хуже, нежели в городах федерального значения. Важен и учет упомянутого ранее рецидива преступлений: материальные проблемы осужденных при переселении их в другой населенный пункт могут послужить причиной совершения более общественно опасных деяний, нежели хищения. Кроме того, перевоспитать осужденных удастся не всегда, так как некоторые преступления связаны с психофизическими состояниями личности, таким образом, проблема рецидива останется нерешенной. Интересно, что в 2012 году членами Совета Федерации Е. Г. Тарло и Н. В. Косаревым вносился законопроект о внесении изменений в уголовный закон, предлагающий ввести высылку для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних⁸. Но в данном случае проблема состоит в том, что у осужденных остается возможность совершения преступлений, даже несмотря на их переселение в малые населенные пункты, – соответственно защищенность несовершеннолетних, проживающих в них, многократно снижается. Кроме того, при высылке возникнет проблема обеспечением осужденных жильем, так как зачастую в муниципальном жилищном фонде необходимого количества жилых помещений может и не быть. Строительство же специальных домов, общежитий либо так называемых «бараков» потребует выделение большого объема денежных средств, что в нынешней экономической ситуации нашей страны непозволительно. Очевидно, что и транспортировка осужденных в населенные пункты для отбывания наказания повлечет определенные траты бюджетных средств.

Стоит отметить, что в настоящее время уголовное законодательство предусматривает возможность отбывания лишения свободы в колониях-поселениях. Такой вариант исполнения наказания несколько схож с высылкой: в частности, осужденные могут проживать как в специально предназначенных общежитиях, так и на арендованной территории с разрешения начальника колонии-поселения; кроме того, им разрешается носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги и иные ценности и пользоваться ими без ограничения, согласно ст. 129 Уголовно-исправительного кодекса. Однако колония-поселение, являясь уголовно-исправительным учреждением, непосредственно предназначена для отбывания наказания в виде лишения свободы в отличие от высылки, которая предполагает ограничение свободы⁹ и не предусматривает помещения лица в специальное учреждение.

Таким образом, высылка как уголовно-правовая мера интересна с точки зрения того, что данное наказание с учетом определенной гуманности уголовной политики могло бы стать альтернативой лишению свободы либо стать новым дополнительным наказанием, однако введение в уголовный закон «101-го километра» потребует разработки идей и положений для рационального его применения.

---

⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации в целях усиления защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних [Электронный ресурс] : проект Федерального закона. URL: <http://www.egtarlo.ru/stati/zakonoproekt-usilenie-zaschiti-polovoy-neprikosnovennosti-nesovershennoletnich/> (03.02.2017).

⁹ Рейзман Е. Л. Уголовные наказания, ограничивающие личную свободу : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 35.

Н. Ю. Виноградова,

*студентка 3 курса
ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ)*

**Актуальные проблемы квалификации преступлений
по статье 110 УК РФ (доведение до самоубийства)**

Уголовное законодательство РФ предусматривает привлечение к уголовной ответственности лиц, действия которых образуют состав преступления (доведение до самоубийства), описанный статьей 110 УК РФ¹.

На сегодняшний день действующая редакция ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» вызывает обоснованную критику среди правоприменителей и ученых. Данная ситуация обострилась в связи с распространением суицидальных настроений посредством сети Интернет среди несовершеннолетних. В настоящее время существует множество групп и сайтов на суицидальную тематику. За период ноябрь 2015 года – апрель 2016 года произошло более 130 самоубийств несовершеннолетних, которые были участниками одних и тех же групп в интернете². Так, по инициативе Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ в июне 2016 был проведен круглый стол на тему «Интернет и подростковый суицид», основной целью которого являлся анализ причин и условий, способствующих совершению несовершеннолетними самоубийств и покушений на самоубийства в результате распространения провоцирующей информации в сети Интернет.

По словам В. И. Маркина, бывшего руководителя управления взаимодействия со средствами массовой информации Следственного комитета РФ, предлагается сделать примечание к статье 110 УК РФ – ввести квалифицирующие признаки «доведение до самоубийства и пропаганда суицида среди несовершеннолетних (в том числе, организованной группой лиц)»³. Однако данное примечание, на наш взгляд, не расширит диспозицию статьи 110, что по-прежнему будет затруднять привлечение к уголовной ответственности лиц, оказывающих воздействие на потерпевших способами, не предусмотренными нормой закона.

Необходимость внесения изменений в УК РФ отмечает и Уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ А. Ю. Кузнецова: «следует внести изменения в статью 110 УК РФ, распространив ее действие на виртуальные способы склонения детей к самоубийству через интернет и мобильную связь»⁴.

В уголовном законодательстве ряда зарубежных стран (Армении, Белоруссии, Дании, Латвии, Молдавии, Франции, Швеции, Швейцарии) состав доведения до самоубийства определен более полно по сравнению с законодательством России⁵.

¹ Уголовный Кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Крылова Н. Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: проблемы квалификации // Уголовное право. 2016. № 4. С. 36.

³ URL: <https://ria.ru/society/20160822/1474926955.html> (10.01.2017).

⁴ URL: <https://rg.ru/2016/11/17/reg-szfo/anna-kuznecova-potrebovala-ustanovit-prichiny-gibeli-podrostkov-v-pskove.html> (10.01.2017).

⁵ Глазкова Л. В., Шамбилова А. М. Международное законодательство некоторых стран о самоубийствах или попытках самоубийств // Nauka-rastudent.ru. 2016. № 09 (033).

Таким образом, можно выделить ряд теоретических и практических проблем, связанных с квалификацией деяний виновных лиц по ст. 110 УК РФ:

Во-первых, диспозиция данной нормы не содержит полного, исчерпывающего перечня способов доведения до самоубийства. Данная статья ограничивается перечислением только трех способов, среди которых угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства.

Во-вторых, поскольку диспозиция статьи 110 УК РФ не охватывает иные способы доведения лиц до самоубийства, то становится невозможной квалификация действий лиц, в качестве преступных, иным образом воздействовавших (путем обмана, уговорами и т. д.) на потерпевших, совершивших самоубийство или покушение на него. Так, О. С. Капинус, российский учёный-юрист, специалист в области уголовного права, утверждает, что склонение или содействие суициду находится за рамками уголовно-правового регулирования. Поэтому их нужно криминализировать⁶.

В-третьих, наличие противоречивых мнений по поводу субъективной стороны состава преступления. В диспозиции статьи 110 УК РФ указание на форму вины отсутствует, поэтому, согласно ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только тогда, когда это предусмотрено нормой статьи Особенной части. Существует мнение, что при наличии прямого умысла на доведение до самоубийства потерпевшего содеянное является убийством, которое должно квалифицироваться по ст. 105 УК РФ. Г. Н. Борзенков называет такое мнение ошибочным, поскольку объективная сторона убийства и доведения до самоубийства различны⁷. С. В. Бородин отмечает, что доведение до самоубийства может быть совершено, в том числе и по неосторожности⁸. В целях исключения противоречий, думается, следует последовать опыту Армении. В УК Республики Армения конкретизируется форма вины, с которой может быть совершено доведение до самоубийства – либо с косвенным умыслом, либо по неосторожности, склонение к самоубийству (ст. 111) представляет собой целенаправленный процесс, т. е. виновный действует с прямым умыслом⁹.

В-четвертых, существуют препятствия для квалификации действий лиц, являющихся пособниками, подстрекателями, организаторами доведения иных лиц к совершению самоубийства, поскольку в соответствии со статьей 110 УК РФ действия названных соучастников будут направлены на волю не тех лиц, которые совершили самоубийство или покушение на него, а на тех, кто будет воздействовать на потерпевших. Во многих странах, например в Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, установлена уголовная ответственность за подстрекательство к самоубийству или содействие ему¹⁰.

В-пятых, законодателем не предусмотрена ответственность за распространение указаний и советов, рекламирование способов, средств и методов со-

⁶ Капинус О. С. Законодательные подходы к ответственности за самоубийство и смежные с ним деяния в России и за рубежом // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности : сб. статей. 2008. № 5. С. 263–274.

⁷ Комментарии к уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2042372/> (10.01.2017).

⁸ Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 305.

⁹ Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/1108043-pall.html> (10.01.2017).

¹⁰ Бородин С. В. Указ. соч. С. 304.

вершения суицида, в том числе через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

В-шестых, отсутствуют квалифицирующие признаки: доведение до самоубийства совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой; в отношении несовершеннолетних; в отношении 2-х и более лиц и иные.

Анализируя вышеизложенное, по-нашему мнению, следует, разработать теоретико-практические положения, которые позволят создать действенный уголовно-правовой механизм охраны жизни человека от преступных посягательств в виде доведения до самоубийства, склонения к самоубийству и распространения информации, пропагандирующей средства, способы и методы самоубийства, а также иным образом популяризирующей суицид, а также дополнить статью квалифицирующими признаками: группой лиц; в отношении несовершеннолетнего; в отношении 2-х и более лиц; в отношении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного.

А. М. Возняк,

студент 3 курса ЮФ АГП РФ

Отдельные вопросы реализации уголовной ответственности за преступления, связанные с использованием допинга

Одной из актуальных проблем современности является борьба с употреблением и распространением допинга. 27 декабря 2006 года Российская Федерация ратифицировала¹ Международную конвенцию о борьбе с допингом в спорте, принятую Генеральной конференцией ЮНЕСКО на 33-й сессии в городе Париже 19 октября 2005 года². В связи с этим Россия приняла на себя обязательства поддерживать, разрабатывать и реализовывать антидопинговые программы, проводить разъяснительную работу с населением об опасности употребления допинга, информировать спортсменов, тренеров и врачей об ответственности в случае применения запрещенных в спорте препаратов.

Учитывая участвовавшие случаи нарушений антидопинговых правил, а также необходимость принятия со стороны государства решительных мер реагирования на указанные нарушения, Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что к 2017 году в России должна быть подготовлена национальная программа противодействия допингу, которая призвана стать самой передовой системой борьбы с этим злом в мире спорта³. И действительно, менее чем через месяц после оглашения Послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, принят федеральный закон⁴, который установил уголовную

¹ О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте : федеральный закон от 27.12.2006 № 240-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 3.

² Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте : заключена в г. Париже 19.10.2005 // Бюллетень международных договоров. 2007. № 9. С. 20–46.

³ Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2016. № 1-2 (144-145). С. 1–16.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил) : федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016 № 48. Ст. 6732.

ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.1 УК РФ⁵) и за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.2 УК РФ). При разработке и принятии указанного закона законодатель исходил прежде всего из того, что в большинстве стран мира, в том числе и в Российской Федерации, допинг рассматривается не только как феномен большого спорта, но и как угроза национальной безопасности⁶. В целях выявления возможных трудностей правоприменения, проанализируем содержание рассматриваемых уголовно-правовых запретов.

Говоря об объективной стороне исследуемых составов преступлений, необходимо определиться с ее конструкцией. В ст. 230.1 УК РФ использован термин «склонение», используемый также и в общей норме, предусмотренной ст. 230 УК РФ. Для определения момента окончания указанного преступления следует обратиться к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации⁷. Так, для признания преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, окончательным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство. Применяя данное разъяснение, данное к общей норме, к ее специальным разновидностям, состав преступления, предусмотренного ст. 230.1 УК РФ, является окончательным с момента склонения лица к употреблению запрещенных субстанций и (или) методов, независимо от того, употребил спортсмен указанные вещества или нет. Таким образом, по конструкции объективной стороны рассматриваемый состав преступления является формальным, общественно опасные последствия в виде использования спортсменом запрещенных веществ на квалификацию преступления не влияют⁸. В примечании 1 к ст. 230.1 УК РФ дан перечень способов совершения преступления, а именно путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов. Указанный перечень является закрытым и не подлежит расширительному толкованию. Отдельные вопросы вызывает употребленный законодателем термин «использование». В диспозициях указанных норм ничего не сказано о способах и целях такого использования. В общей норме ст. 230 УК РФ применено, на наш взгляд, более удачное определение «потребление», которое означает введение запрещенных веществ в организм человека любыми способами⁹, такими как прием внутрь таблеток, инъекции, курение, вдыхание, жевание

---

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : в ред. от 28.11.2015 // Собрание законодательства РФ. 1996 № 25. Ст. 2954.

⁶ Алексеева А. П., Ничеговская О. Н. Некоторые направления усиления ответственности за склонение к потреблению аналогов наркотических средств или психотропных веществ // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-1. С. 46–50.

⁷ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

⁸ Мурашов Н. Ф. Ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ). Некоторые спорные вопросы теории и практики // Наркоконтроль. 2016. № 2. С. 3–11.

⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015. Т. 2. С. 128.

и иные. Содержание термина использование же, на наш взгляд, представляется намного шире, может включать в себя такую общественно неопасную деятельность как коллекционирование, научное исследование, извлечение из запрещенных в спорте субстанций полезных свойств, не связанных с употреблением в организм спортсмена. Так, в перечень запрещенных субстанций внесен алкоголь (этанол), который запрещен к употреблению в соревновательный период. Таким образом, дарение тренером спортсмену духов или иной спиртосодержащей жидкости формально может образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 230.1 УК РФ, хотя подобное деяние вряд ли обладает повышенной общественной опасностью. Полагаем, что необходимо изменить неоднозначную формулировку «склонение к использованию» на «склонение к потреблению» или дать исчерпывающий перечень способов и (или) методов использования запрещенных субстанций.

В ст. 230.2 УК РФ также употреблен неоднозначный термин «использование», однако присутствует существенная оговорка: такое использование должно нарушать антидопинговые правила. Перечень нарушений антидопинговых правил изложен в п. 3 ст. 26 ФЗ № 329 и является закрытым. Таким образом, сфера применения положений ст. 230.2 УК РФ существенно сужена

Законодателем верно обозначено, что согласие спортсмена, на использование в отношении него запрещенных субстанций и (или) методов на квалификацию действий виновного не влияет, поскольку не снижает характера и степени общественной опасности рассматриваемого деяния.

Деяния, предусмотренные обеими рассматриваемыми статьями, могут быть совершены только в форме активного действия.

Субъект рассматриваемых преступлений является специальным. Помимо общих требований о том, что это должно быть физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, субъект исследуемых преступлений должен отвечать специальным требованиям, а именно быть тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта. Понятие тренера дано в п. 24 ст. 2 ФЗ № 329, в соответствии с которым тренером признается физическое лицо, имеющее соответствующее среднее профессиональное или высшее образование и осуществляющее проведение со спортсменами тренировочных мероприятий, а также осуществляющее руководство их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов. Официальное определение специалиста по спортивной медицине, равно как и специалиста в области физической культуры и спорта, в действующем законодательстве отсутствует. По смыслу закона, иные лица, склоняющие спортсмена к использованию запрещенных субстанций, например, родственники, друзья, иные спортсмены, не могут быть привлечены к уголовной ответственности. Кроме того, сам спортсмен не может быть привлечен к уголовной ответственности за употребление запрещенных в спорте субстанций и (или) методов.

С точки зрения субъективной стороны рассматриваемые преступления характеризуются виной в форме прямого умысла, поскольку виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, нарушающих антидопинговые правила, и желает их совершить. Совершение рассматриваемых преступлений с

косвенным умыслом невозможно, поскольку по конструкции объективной стороны они являются формальными¹⁰. Цели и мотивы преступления на квалификацию не влияют, однако могут быть учтены при индивидуализации наказания.

Конкуренция норм при склонении спортсмена к использованию запрещенных субстанций, отвечающих также критериям наркотического, психотропного вещества или их аналогов, как прямо указано в ч. 1 ст. 230.1 УК РФ, разрешается в пользу ст. 230 УК РФ и состава преступления, предусмотренного ст. 230.1 УК РФ не образует. Если в отношении спортсмена использована запрещенная субстанция, отвечающая критериям наркотического, психотропного вещества или их аналогов, согласно примечанию 2 к ст. 230.2 УК РФ, конкуренция норм разрешается в пользу общих составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 228–228.4, 234 УК РФ. Следует отметить, что указанное решение законодателя расходится с положением о конкуренции общей и специальной нормы, предусмотренным ч. 3 ст. 17 УК РФ. Данный подход является неоднозначным с теоретической точки зрения, поскольку отдает предпочтение общему составу, а не привилегированному. Однако, необходимо заметить, что использование наркотических веществ в качестве допинга создает повышенную опасность для спортсмена, может вызвать у него зависимость, а также нарушает установленный законом порядок оборота наркотических веществ. Таким образом, решение законодателя о конкуренции норм является удачным с практической точки зрения.

Особого внимания заслуживает разграничение преступлений, предусмотренных ст.ст. 230.1, 230.2 УК РФ и административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.18 КоАП РФ. Если отграничение ст. 230.1 УК РФ от ст. 6.18 КоАП РФ не вызывает затруднений ввиду отличий в объективной стороне: уголовный запрет устанавливается только за склонение спортсмена к использованию запрещенных субстанций и (или) методов, то разграничение деяний, ответственность за совершение которых, предусмотрена ст. 230.2 УК РФ и ст. 6.18 КоАП РФ, представляется крайне затруднительным. Диспозиция ст. 6.18 КоАП является альтернативной, одним из возможных деяний является использование в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода независимо от согласия спортсмена, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Данная норма по объему и содержанию полностью совпадает с ч. 1 ст. 230.2 УК РФ, провести разграничение между ними не представляется возможным. Одним из возможных способов разрешения возникшей коллизии видится уточнение в уголовном законе того, какие именно способы использования запрещенных субстанций и (или) методов образуют состав уголовно наказуемого деяния.

В рамках механизма правовой охраны в области физической культуры и спорта, в том числе в сфере противодействия употреблению допинга, действуют разные виды юридической ответственности¹¹. С 2016 года к ним добавилась еще и уголовная ответственность. Введение уголовной ответственности за

¹⁰ Дагель П. С. Проблемы вины в советском. уголовном праве : ученые записки : выпуск № 21. Владивосток, 1968. С. 74.

¹¹ Ившин В. Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы охраны жизни и здоровья лиц, занимающихся физической культурой и спортом : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1987. С. 78, 89, 91.

склонение спортсменов к использованию допинга должно способствовать осознанию спортсменами, тренерами и иными специалистами в области физической культуры и спорта всей серьезности сложившейся ситуации системности нарушения антидопинговых правил. Полагаем, реальная возможность привлечения к уголовной ответственности может оказать свое положительное влияние. Однако, уголовно-правовой запрет требует тщательной и детальной доработки. Полагаем, необходимо устранить коллизионность и противоречивость, а также уточнить неоднозначные понятия.

В. Р. Волков,

*магистрант 1 года обучения
Университет им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)*

Отдельные вопросы административной преюдиции в уголовном праве

Административная преюдиция – конструкция не новая для уголовного закона. Она использовалась в УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. Как отмечает Н. И. Хавронюк, «административная преюдиция – сугубо советская выдумка. В те времена, когда на пространстве СССР действовали уголовные кодексы союзных республик, принятые в 60-х годах XX века, в них было значительное количество норм с административной преюдицией. Они способствовали усилению репрессивности уголовного закона, распространяя сферу уголовных санкций на административные проступки и позволяя на практике манипулировать с преследованием людей за такие «преступления – непроступления»¹. Как средство криминализации и декриминализации уголовно-наказуемого деяния, она начала рассматриваться с конца 80х гг.² В доктрине уголовного права административная преюдиция рассматривается как «привлечение лица к уголовной ответственности, если оно в течение определенного периода времени (чаще всего в течение года) после одного или двух административных взысканий за правонарушение совершит такое же правонарушение»³. Мы рассматриваем данное понятие с точки зрения его понимания в доктрине уголовного права.

Модель нового Уголовного кодекса РФ не содержала в себе составы преступления с административной преюдицией. Данный признак деяния не существовал в принятом и вступившем в законную силу Уголовном кодексе РФ вплоть до 2009 года. Федеральным законом от 29.07.2009 № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» в Особенную часть УК РФ уже была введена первая уголовно-правовая норма с административной преюдицией в связи с реформированием редакции ст. 178

¹ Хавронюк Н. И. Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения европейских стран [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/190761-administrativnaja-prejudicija-i.html>. (25.12.2016).

² Терентьев Б. П. НТР и вопросы криминализации технической неосторожности // ДВГУ Владивосток. 1978. Вып. 2. С. 24.

³ Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступления и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5(1). С. 248.

«Недопущение, ограничение или устранение конкуренции». Помимо этого в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2009 года было обращено внимание на целесообразность шире использовать в уголовном законодательстве административную преюдицию.

Научная дискуссия о целесообразности введения административной преюдиции породила два противоположных мнения.

С одной стороны, профессор В. П. Малков отстаивает позицию, согласно которой Уголовный кодекс РФ нуждается во введении административной преюдиции. Он приводит следующие аргументы:

1) «уголовная противоправность непременно предполагает в качестве своей предпосылки запрещенность деяния и другими отраслями права»⁴;

2) возврат законодателей к практике использования в уголовном правотворчестве административной и дисциплинарной преюдиции, а также повторности проступка в качестве криминообразующего признака государств – участников Содружества Независимых Государств;

3) повторность совершения правонарушения может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности;

4) преюдиция должна рассматриваться как средство криминализации и декриминализации уголовно-наказуемого деяния;

5) составы преступления, содержащие административную преюдицию, приобретают определенную распространенность и в целом могут наносить и наносят большой вред обществу и государству;

6) это приводит к экономии уголовной репрессии;

7) составы преступления, содержащие административную преюдицию, имеют профилактическую направленность, так как лицо, привлечённое к административной ответственности, заранее предупреждается о привлечении к уголовной ответственности за вновь совершённое такое же правонарушение;

8) это наиболее гуманный путь: криминализировать соответствующее деяние там, где это возможно, в случае повторного совершения его после применения (наложения) меры административного наказания;

9) преюдиция представляет своего рода средство сдерживания расширения уголовно-правового принуждения и противодействия преступности.

10) особый практический и теоретический интерес представляет сравнительное изучение уголовно-правовых норм с признаком административной и дисциплинарной преюдиции и повторности по УК государств – участников СНГ;

11) это своего рода гарантия от возможного нанесения ущерба, который мог бы быть причинен российскому государству и обществу в результате полного отказа от использования уголовного принуждения в пользу мер общественного воздействия, мер дисциплинарного взыскания и административного наказания⁵.

⁴ Кудрявцев В. Н. О противоправности преступлений // Правоведение. 1959. № 1. С. 74.

⁵ Малков В. П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 58–63.

С другой стороны, профессор Н. А. Лопашенко приводит следующие аргументы в обоснование того, что административная преюдиция – это искусственная конструкция не нужная уголовному праву:

1) преступление с административной преюдицей представляет собой искусственно созданную законодателем конструкцию, основанную на повторяемости административных правонарушений;

2) такая конструкция полностью противоречит научной теории преступления и не может быть отнесена ни к множественности преступлений, ни к единичному (простому или сложному) преступлению;

3) самостоятельные административные правонарушения в такой конструкции объединяются только личностью лица, их совершившего, однако это недостаточное основание для криминализации. Основу криминализации составляет общественно опасное деяние лица, которое причиняет или может причинить существенный вред правоохраняемым интересам, чего нет в случае совершения административных правонарушений;

4) лицо, виновное в совершении административных правонарушений, в случае их второго (третьего) повторения подвержено объективному вменению, запрещенному самим же уголовным законом;

5) действующий Уголовный кодекс уже знает преступление с административной преюдицией, при этом – в самом худшем ее виде. Если не начать категорически против подобных шагов законодателя возражать, мы получим продолжение разрушения уголовного закона. Он уничтожается не только бесконечными и безобразными реформациями его, но и бессмысленным уничтожением границ преступного и непроступного⁶;

6) несоответствие этого института положениям ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, запрещающей дважды осуждать за одно и то же преступление;

7) это противоречит представлению об основании уголовной ответственности, каковым является не свойство личности, а деяние;

8) отсутствие оснований для изменения юридической природы деяния от его повторения⁷.

Полагаем, что с учётом научного и теоретического обоснования вторая позиция заслуживает поддержки, поскольку иначе основные положения уголовной доктрины, в частности сложное единичное преступление, идут вразрез с элементом, им чуждым, элементом, у которого иная юридическая природа. Также необходимо отметить, что, несмотря на существующий в теории спор, большую поддержку получает первое мнение лишь потому, что сегодня административная преюдиция законодательно закреплена и имеет тенденцию к своему расширению в уголовном законе⁸.

В связи с расширением количества составов преступлений с административной преюдицией (их сегодня насчитывается 9) полагаем

⁶ Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 71.

⁷ Актуальные проблемы уголовного права : курс лекций / под ред. О. С. Капинус. М. : Проспект, 2016. С. 15.

⁸ Лапина М. А., Карпунин Д. В., Трунцевский Ю. В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=94181#0> (25.12.2016).

необходимым обратиться к статистике преступлений, поскольку практика в той или иной мере отражает последствия нововведений в Уголовный кодекс РФ.

Согласно информации, которая имеется в свободном доступе на официальных сайтах на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства Внутренних дел Российской Федерации, на сайте Росправосудия и ряде других сайтов, составы преступления, содержащие в себе такой признак деяния, как административная преюдиция, применяются не часто (мы находили примеры только по ст.ст. 151¹, 264¹, 314¹ УК РФ). Однако с учетом изменений, принятых ФЗ от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», не все составы ещё нашли хотя бы однократное своё применение. Это свидетельствует об отсутствии всех правовых условий, достаточных для вменения составов преступления с административной преюдицией.

Таким образом, можно признать, что введение такой конструкции, как административная преюдиция, получит дальнейшее своё продолжение в ряде составов преступлений, несмотря на свою отличную от уголовного права юридическую природу, неточность юридической техники при введении этой конструкции в статьи Особенной части УК РФ. Видимо, сегодня административная преюдиция используется законодателем в качестве средства, отвечающего требованиям уголовной политики, а также принципу гуманизма. И, несомненно, имеет идеологическую оценку, вектор которой меняется.

А. С. Волкова,

*студентка 2 курса
МГУ им. Кулешова (ф) ЭиП*

К вопросу о предпосылках легализации наркотических средств

Сторонники легализации наркотических средств ссылаются на «Декларацию прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 года, где в 4 статье утверждается, что свобода заключается в возможности делать все, что не вредит окружающим¹, но забывая, что вокруг потребителя этих наркотиков создается общественно опасная преступная деятельность, за которую предусматривается ответственность в соответствии с законодательством. Ведь легализация не ликвидирует подпольный рынок сбыта, а увеличивает его, поскольку возрастает число потребителей наркотических средств.

Наркотические средства и их аналоги – психотропные одурманивающие вещества, препараты, которые подлежат контролю государства и не используются в лечебных целях, или же те, что входят в перечень химических веществ, используемых в переработке и изготовлении средств, неблагоприятно влияющих на психику человека.

---

¹ Декларация прав человека и гражданина [Электронный ресурс]. URL: <http://larevolution.ru/declaration.html> (12.01.2017).

«Ни один человек не имеет четкого представления о том, как решить проблему наркотиков, поэтому необходимы компромиссы, касающиеся законов и политики в области наркомании», – утверждают экономист Фридман, бывший госсекретарь США Дж. Шульц, поддерживая эту теорию².

Но о каких компромиссах можно говорить, если употребление и распространение этих психотропных, одурманивающих веществ приводит к серьезным заболеваниям: СПИД, гепатит, цирроз печени, сифилис, гноеродные инфекции, – а впоследствии возможна смерть. Особой опасностью при употреблении наркотических средств является риск их передозировки. Потребление наркотиков создает такие проблемы, как одиночество и суицидальные наклонности. Немаловажно также, что молодежь нуждается в воспитательном воздействии и упорядочении своего мышления, без чего она теряет социальные ориентиры. В случае легализации наркотических веществ не будет барьеров, сдерживающих приобщение молодых к жизни в атмосфере наркотиков.

В большинстве стран происходит переосмысление установившейся политики в отношении наркотиков. Многие группы людей, от самих наркоманов до наиболее значительных политических деятелей, сейчас подвергают сомнению традиционное и общепринятое представление о том, что любое немедицинское применение наркотиков должно быть запрещено. Существуют различные взгляды на эту проблему:

– декриминализация. Необходимо допустить свободную продажу некоторых наркотических веществ и некоторых аспектов оборота наркотиков, например их употребление;

– легальная выдача рецептов на наркотики. Наркотики должны назначаться соответствующими медицинскими работниками на законных основаниях;

– легализация. Все или почти все наркотические средства должны продаваться свободно, примерно так, как сегодня продается алкоголь³.

Нередко выдвигается врачами и другими работниками здравоохранения точка зрения о том, что если наркотики продавать по низким ценам или бесплатно раздавать тем, кто от них зависит, то таким людям не нужно будет совершать преступления ради денег для приобретения наркотиков.

Данное мнение фигурировало также в шведских дебатах о наркотиках в 1960-х годах: наркоман вынужден был совершать преступления, чтобы удовлетворить свое пристрастие, которое он не в состоянии был контролировать. Опыт легального назначения наркотических средств, практиковавшихся в Швеции в 1960-х, показал, что среди тех, кто получал наркотики по рецепту, преступность росла, несмотря на то, что наркотики выдавались свободно и многие из предыдущих преступлений, например, владение и торговля наркотиками, практически исчезли из статистических сводок.

Уголовная ответственность за незаконный оборот, изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку наркотических средств, предусмотре-

---

² К проблеме легализации наркотиков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/72.html> (12.01.2017).

³ Там же.

на ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В других странах так же предусмотрела ответственность за незаконный оборот наркотиков. В Австрии, Франции, Италии, Индии и Швейцарии предусмотрено до 20 лет тюрьмы, в Дании и Германии – до 15, в Швеции – до 10, в Великобритании, Греции, Японии, Таиланде, Египте, Нигерии – до пожизненного срока. Особенно суровое наказание грозит лицам, занимающимся незаконным хранением, распространением, сбытом и употреблением наркотических средств в Китае, Иране, Индонезии, Турции, Саудовской Аравии и некоторых других странах Азии. В этих государствах их ожидает смертная казнь – повешение, отсечение головы и расстрел. Однако в Западной Австралии разрешено хранение и частное использование небольшого количества марихуаны. В Германии потребление медицинского каннабиса является законным. В Канаде в 2001 году разрешили употреблять марихуану в медицинских целях, также можно легально выращивать и курить коноплю, но для этого курящий должен получить заключение врача о том, что он серьезно болен и специальное разрешение правительственных органов. В Чехии с 1 января 2010 года в силу вступило правительственное распоряжение, которое регулирует хранение определенного количества наркотиков. Нидерланды – одна из тех немногих стран, где наркотики официально разделяются на «легкие» и «тяжелые». «Легкими» считаются, марихуана, успокоительные препараты и антидепрессанты, а «тяжелыми» – метамфетамин, экстази, героин. Хранение «легких» наркотиков в количестве не более 30 гр. не преследуется законом, а любые операции с «тяжелыми» наркотиками сурово наказываются.

Считаю, что не существует таких терминов, как «легкие» и «тяжелые» наркотики. Наркологи также утверждают, что такое разделение безосновательно, поскольку любой наркотик оказывает негативное воздействие на организм, и то, что «легкие» наркотики якобы не вызывают привыкания – это миф. Марихуана и производные конопли совсем небезобидны, так как содержат в себе психоактивные вещества – каннабиноиды, которые и вызывают наркотическое опьянение. Когда их действие на организм заканчивается, у человека наступает депрессия, он становится раздражительным и подавленным. Его могут мучить головные боли, бессонница или кошмары. Может появиться тремор рук. Снять это состояние помогает только следующая доза. Именно этот путь ведет и человека к наркозависимости.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос о легализации наркотиков очень актуален, но единой точки зрения нет. Я придерживаюсь мнения о том, что необходимо исключить полную легализацию допустимых видов наркотических средств, в целях обеспечения защиты здоровья и жизни граждан, создания условий для безопасного развития детей и молодежи, а также пресечения распространения наркомании как угрозы для демографии и здоровья нации.

Я. М. Ворецкий,

*студент 3 курса
КЮИ (ф) АГП РФ*

К вопросу целесообразности установления уголовной ответственности женщины как субъекта преступления по ст. 131 УК Российской Федерации

Половые преступления относятся к числу наиболее тяжких посягательств на личность, причиняющих огромный моральный и физический вред потерпевшим.

Уголовное законодательство Российской Федерации устанавливает ответственность за совершение преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу человека. Такие преступления, как правило, сопряжены с сексуальным насилием, проявляются в грубом нарушении нормальных личных отношений в обществе. В науке уголовного права такие деяния именуются половыми преступлениями, которые и представляют собой посягательства на нормальный уклад половой жизни, нарушают права человека, достигшего определённого возраста, на половую свободу, а также права несовершеннолетних, их половую неприкосновенность.

Изнасилование – одно из наиболее распространённых и тяжких половых преступлений. Законодатель отнёс изнасилование к категории тяжких преступлений, а его особо квалифицированные виды – к категории особо тяжких преступлений. Ведь насилие в отношении женщины является одним из препятствий на пути достижения равенства, общественного развития. Насилие в отношении женщин – это проявление исторически сложившегося неравенства между мужчинами и женщинами, что необходимо преодолевать, так как это нарушение прав и свобод человека.

В преступной структуре изнасилование составляет около 1–2% всей преступности, однако высок уровень латентности, с зарегистрированными преступлениями соотносится примерно 1 к 6.

По сравнению с 2014 годом количество осуждённых по статьям 131–132 Уголовного кодекса Российской Федерации увеличилось более чем на четверть и составило в первом полугодии 2015 года – 2165. Так, в первом полугодии 2016 года зарегистрировано 868 преступлений по статье 132 УК Российской Федерации, из них совершено женщинами 348 преступлений (в отношении мужчин женщинами – 148)¹. Рост преступности в целом, и половой преступности в частности, обусловлен прежде всего произошедшими в нашей стране изменениями экономической основы общества, которые породили все более увеличивающийся разрыв в материальном благополучии различных социальных слоёв, обострение межличностных отношений и т.д.

Анализируя статью 131 УК Российской Федерации, мы приходим к выводу, что диспозиция данной нормы предусматривает уголовную ответственность за изнасилование исключительно лица женского пола, а диспозиция статьи 132

---

¹ По данным официального портала правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (13.10.2016).

УК Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за насильственные действия сексуального характера, к которым следует относить и насильственные половые сношения лица женского пола с лицом мужского пола. Следовательно, такие действия квалифицируются не как изнасилование, а как иные действия сексуального характера.

Однако учитывая вышесказанное, так называемые законодателям «насильственные действия сексуального характера» лица женского пола с лицом мужского пола направленные на естественный половой контакт по объективному составу являются сходными с «изнасилованием». Так, необходимо привести пример из отечественной практики молодой человек подвозил трёх женщин в Автозаводский район города Нижней Новгород. По словам таксиста, все они были приблизительно одного возраста - около сорока лет. Когда мужчина доставил их по указанному адресу, женщины, которые находились в состоянии алкогольного опьянения, набросились на таксиста. Они «изнасиловали» (иные действия сексуального характера) его, после чего скрылись с места происшествия.

Также около десяти лет назад из колонии Красноярского края сбежала группа арестанток, захватив с собой охранника. В лесной сторожке беглянки перетянули половой орган жертвы проволокой и на протяжении нескольких часов заставляли заложника доставлять удовольствие. Судья вынес им суровый приговор. Не за изнасилование, а за причинение тяжких телесных повреждений.

Кроме того, необходимо обратиться к зарубежному опыту решения указанной проблемы. Так, в большинстве государств уголовный закон по-прежнему однозначно указывает, что потерпевшей при изнасиловании может быть только женщина (Албания, Андорра, Болгария, Бразилия, Бруней, Венгрия, Гватемала, Замбия, Индия, Индонезия, КНДР, КНР, Куба, Сингапур, Сирия, Чехия, Чили, Швейцария, Эфиопия).

В других странах юридическая конструкция состава изнасилования такова, что потерпевшим могут быть признаны равным образом женщина и мужчина (Украина, Молдавия, Австралия, Боливия, Бутан, Венесуэла, Германия, Камбоджа, Коста-Рика, Румыния, Сальвадор, Сент-Люсия, Словения, Уругвай, Франция, Эквадор).

Капинус О. С., Додонов В. Н. утверждают, что данная конструкция стала использоваться все чаще в последние годы под влиянием идей гендерного равенства и получила название «гендерно нейтральной». В Англии уголовная ответственность за изнасилование мужчины была установлена Законом об уголовной юстиции и публичном порядке 1994 г. (ст. 142)².

Вышеуказанные учёные также отмечают, что формулировки соответствующих статей УК Молдовы и Украины прямо предусматривают, что потерпевшим при изнасиловании может быть лицо любого пола. Учитывая, что иным (помимо полового сношения) насильственным действиям сексуального характера в УК этих республик посвящена специальная статья, остаётся предположить только один вариант: молдавский и украинский законодатель исходят из воз-

---

² Капинус О. С., Додонов В. Н. Ответственность за изнасилование по УК стран ближнего и дальнего зарубежья // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности : сб. статей. М. : Буквовед, 2008. С. 213–230.

возможности изнасилования мужчины (в т.ч. малолетнего) женщиной в естественной форме³.

Таким образом, учитывая зарубежный опыт необходимо отметить, что традиционно законодатель всех стран считал субъектом (непосредственным исполнителем) изнасилования только мужчин, однако в последние годы в ряде стран наметилась тенденция к признанию возможности совершения изнасилования женщиной (по отношению к другой женщине или даже к мужчине). Кроме того, перенимая зарубежный опыт, стремясь приблизиться к европейским стандартам, с целью обеспечения гендерного равенства в уголовном законодательстве, необходимо учитывать принцип гендерной адекватности.

Рассматривая проблематику актуальности введения уголовной ответственности женщины как субъекта преступления по ст. 131 УК Российской Федерации, необходимо отметить, исторический аспект, согласно которому УК 1960 года не предполагал т.н. «иные действия сексуального характера» и до принятия действующей редакции уголовного закона насильственными действиями по отношению к мужчине (естественный половой акт) где исполнителем объективной стороны преступления являлась женщина, квалифицировались как нанесение телесных повреждений или хулиганство.

Вместе с тем, необходимо рассмотреть вопрос, целесообразности признания субъектом преступления по признакам конструктивного состава статьи 131 УК Российской Федерации. По нашему мнению, нельзя дать одинаковую юридическую оценку действиям человека, который насилует женщину и действиям женщины, сама или с помощью других лиц с применением физического насилия или угрозы его применения вступает в половые отношения с мужчиной. В связи с этим действия со стороны женщины носят в большей степени общественную опасность.

Также отметим, что если преступление совершается соучастниками, то женщина может быть де-факто соисполнителем изнасилования, так если она применяет к потерпевшей насилие, угрозы или приводит ее в беспомощное состояние, поскольку объективная сторона изнасилования имеет сложный характер, применяя насилие или угрозу его применения к потерпевшей, она выполняет тем самым частично объективную сторону, однако де-юре указанные действия будут квалифицироваться по ст. 132 УК Российской Федерации, что подтверждается судебной практикой.

Кроме того, необходимо учитывать, тот факт, что уголовно правовой охране по ст. 131 УК Российской Федерации придаётся только половая свобода и неприкосновенность женщины, что по отношению к мужчине является дискриминацией, а согласно ст. 19 Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от какого-либо дискриминирующего признака, а также мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации (ч.ч. 1–2 ст. 19)⁴.

Однако если рассматриваться данное нововведение с отрицательной сто-

³ Капинус О. С., Додонов В. Н. Указ. соч.

⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : по состоянию на 10.10.2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

роны необходимо отметить, что мужчины, получают возможность тоже признаваться потерпевшими от изнасилования, получить вместе с этим возможность злоупотреблять доказательствами. Так лицо мужского пола, который изнасиловал женщину, может утверждать, что оставленные им характерные следы изнасилования на теле женщины является следствием того, что не он изнасиловал женщину, а наоборот – она его изнасиловала. Поэтому более подробно и внимательно необходимо будет давать соответствующую правовую оценку. Кроме того, оппоненты этого положения могут возразить следующим образом: во-первых, история отечественного нормотворчества свидетельствует о признании потерпевшей от изнасилования исключительно женщины; во-вторых, судебная практика почти не знает случаев, когда потерпевшей от изнасилования является лицо мужского пола. Однако, как известно, развитие сексуальных отношений не стоит на месте, а потому очевидно уравнивания прав женщин и мужчин. Также, случаи изнасилования женщинами мужчин практически всегда имеют латентный характер, поскольку мужчины не желают сообщать о таких ситуациях в правоохранительные органы, потому, что считают это слишком унижительным.

Таким образом, рассмотрев вопрос целесообразности установления уголовной ответственности женщины как субъекта преступления по ст. 131 УК Российской Федерации, необходимо отметить, что принятие такой меры приведёт: во-первых, к реализации принципа равенства и к устранению гендерной асимметрии в уголовном праве; во-вторых, устранил спорные уголовно-правовые ситуации, связанные с насильственными действиями по отношению к мужчине (естественный половой акт) где исполнителем объективной стороны преступления является женщина.

А. В. Гирель,

студент 1 курса ФЭП, БарГУ

Понятие должностного лица в уголовном законе

Любой термин в уголовном законе имеет юридическое значение. Мало того, правильное понимание буквы закона позволяет дать правильную уголовно-правовую оценку деянию.

Термин «должностное лицо» является распространенным понятием, находящем своё отражение во многих статьях Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК). Следовательно, категория «должностное лицо» является важным явлением и понятием в теории уголовного права, например в плане установления специальных фигурантов преступного поведения. Так, например, субъектами большинства преступлений против интересов службы, предусмотренных статьями 424–426, 428 УК, могут быть только должностные лица¹.

Так, в январе-сентябре 2016 года в Республике Беларусь, по данным Ми-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : в ред. от 19 июля 2016 г. // Эталон–Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

нистерства внутренних дел Республики Беларусь, зарегистрирован 221 случай злоупотребления властью или служебными полномочиями².

В части 4 и 5 статьи 4 УК дается разъяснение понятия «должностные лица» и «должностные лица, занимающие ответственное положение» соответственно. Следует отметить, что часть 5 статьи 4 УК содержит исчерпывающий перечень должностных лиц, занимающих ответственное положение. Вместе с тем, часть 4 данной статьи, содержит не конкретное, а относительное разъяснение понятия «должностное лицо», что, в свою очередь вызывает определённые трудности в понимании данного термина.

Согласно п.1 ч. 4 ст. 4 УК, под должностными лицами понимаются представители власти, то есть депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а равно государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе.

Однако, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда от 16 декабря 2004 года «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы» (далее постановление Пленума Верховного Суда от 16 декабря 2004 года), наряду с лицами, прямо указанными в п. 1 ч. 4 ст. 4 УК, к представителям власти относятся также лица, состоящие на государственной службе, которые в пределах, возложенных на них полномочий на осуществление властных функций, вправе отдавать распоряжения или приказы либо принимать решения относительно не подчиненных им по службе лиц³.

На этом основании к представителям власти могут быть отнесены работники правоохранительных органов, работники органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, судебные исполнители, военнослужащие пограничной службы ((при непосредственном выполнении обязанностей по охране Государственной границы), военнослужащие внутренних войск (при непосредственном выполнении обязанностей по охране общественного порядка, конвоированию и охране исправительных учреждений)), сотрудники государственных органов, осуществляющие контрольные и надзорные функции, и другие.

По мнению Баркова А. В., под властными полномочиями следует понимать право представителя власти предписывать определенное поведение на основе самостоятельно принимаемого им решения. Поэтому нельзя говорить о представителе власти в ситуациях, когда лицо внешне обладает некой «властью» (охранник, вахтер и т. п.), но не принимает самостоятельных управленческих решений. Такие лица являются техническими исполнителями властных

---

² Общая статистика за 2016 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. 2016. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=342713> (10.12.2016).

³ О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 16 декабря 2004 г., № 12 // Эталон–Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

предписаний своего руководства и к должностным лицам не относятся⁴.

Помимо обозначенной категории в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 4 УК, под должностными лицами понимаются также представители общественности, то есть лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия.

Постановлением Пленума Верховного Суда от 16 декабря 2004 года, разъясняется, что к обозначенной категории в частности, относятся члены добровольной дружины, внештатные сотрудники правоохранительных органов, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, участники объединений граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка (Закон Республики Беларусь от 26 июня 2003 года «Об участии граждан в охране правопорядка»⁵), общественные инспекторы, народные заседатели.

В теории уголовного права при определении должностного лица, необходимо также учитывать, что должностные лица выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции.

Так, согласно п. 3 ч. 4 ст. 4 УК, к должностным относятся лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий.

К лицам, занимающим должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций, необходимо относить лиц, осуществляющих руководство деятельностью учреждения, организации или предприятия, их структурных подразделений, расстановку и подбор кадров, организацию труда работников, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий и т. п.

Занимающими должности, связанные с выполнением административно-хозяйственных обязанностей, следует признавать, в частности, лиц, осуществляющих полномочия по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, а также организацию учета и контроля за отпуском и реализацией материальных ценностей.

Следует отметить, что заключение между работником и нанимателем договора о принятии на себя работником полной материальной ответственности за необеспечение сохранности имущества и других ценностей, переданных ему для хранения или для других целей, само по себе не может служить основанием

---

⁴ Понятие должностного лица и судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/113505> (10.12.2016).

⁵ Об участии граждан в охране правопорядка [Электронный ресурс] : закон Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

для признания этого работника должностным лицом. Для этого необходимо, чтобы, наряду с обязанностями по непосредственному хранению имущества, материально ответственное лицо выполняло также функции по управлению или распоряжению им (например, распределение материальных ценностей и т. п.). Помимо этого, важно помнить, что для привлечения должностного лица, в качестве обвиняемого, необходимо указывать какие конкретно организационно–распорядительные или административно-хозяйственные обязанности оно выполняло.

По мнению Лосева В. В., к обязательным признакам надлежащего субъекта должностных преступлений следует отнести, во-первых, законность вовлечения лица в систему служебных общественных отношений и, во-вторых, предоставление ему в установленном порядке служебных полномочий в соответствии с занимаемой должностью. В связи с этим в ходе предварительного расследования и в судебном заседании необходимо устанавливать, какую должность и в течение какого времени занимало должностное лицо, если имело специальное звание, какое именно, какими приказами произошло назначение и освобождение от должности⁶.

Таким образом, единообразное и правильное понимание термина «должностное лицо» позволяет точно установить субъекта преступления, а, следовательно, дать объективную уголовно–правовую оценку противоправному деянию, тем самым обеспечить принцип законности в правовом государстве.

А. В. Гордиенко,

*аспирант 2 года обучения
Байкальского государственного
университета*

Генезис развития законодательства в сфере прав и свобод личности

Научно-философское осмысление правового статуса человека и последовательное доктринальное оформление понятия свободы личности сформировалось в трудах английских, немецких, французских, итальянских и американских просветителей, занимавшихся созданием механизма обеспечения прав и свобод человека.

Вслед за Римской империей, провозгласившей статус свободы, конкретные меры по регламентации правового статуса человека, были предприняты в средневековой Англии. Например, особенности политико-правового развития предопределили принятие в 1215 г. Великой хартии вольностей, в соответствии со ст. 39 которой ни один свободный человек не мог быть арестован, или за-

---

⁶ Лосев В. В. Преступления против интересов службы : юридический анализ и правила квалификации. Минск : Амалфея, 2010. 63–64 с.

ключен в тюрьму иначе как по законному приговору и по закону страны¹.

Еще одним немаловажным правовым документом, является принятая 4 июля 1776 г. тринадцатью колониями, образовавшими Соединенные Штаты Америки, Декларация независимости. Основным правовым постулатом американского конституционализма было признано создание механизма, обеспечивающего безопасность личности от любых посягательств государства и соблюдение неотчуждаемых прав и свобод человека и личности права на жизнь, свободы и стремление к счастью.

В дополнение к Конституции США 1787 г., основополагающим принципом которой становится, закрепление за народом «блага свободы», в 1789г. был принят Билль о правах, провозгласивший свободу индивида как свободу от любого, в том числе государственного вмешательства в сферу автономии человека, а именно свободу совести, печати, собраний, митингов и т.д., неприкосновенность личности, недопустимость необоснованных обысков и арестов, а также рабства и подневольной работы.

Значительный вклад в развитие международной доктрины естественных прав и свобод человека внесло декларирование правового статуса человека в законодательстве Франции, в частности в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Согласно Декларации люди рождаются и остаются свободными и равными в своих правах (ст. 1.)

По мнению Р. А. Мюллерсона, члена Комитета ООН по правам человека, первые попытки по универсализации естественных прав человека на межгосударственном уровне были предприняты в ходе работы Венского конгресса 1815 г., результатом которого становится разработка общих правил по ограничению «торговли невольниками»².

Вклад в создание международного механизма по обеспечению свободы личности внесла деятельность 16 государств-участников Берлинской конференции 1884-1885 гг., признавших противодействие рабству и работорговле в качестве одной из злободневных проблем в Центральной Африке и закрепивших в Генеральном акте решение об установлении запрета на использование территории бассейна реки Конго в качестве рынка чернокожих рабов³.

Реализации международных конвенций по обеспечению свободы человека послужило создание 12 июня 1924 г. Советом Лиги Наций Временной комиссии о рабстве и подписание по итогам работы данной комиссии в Женеве 25 сентября 1926 г. Конвенции о рабстве, декларирующей комплекс мер «практического осуществления намерений в отношении рабства»⁴.

Значительной вехой в разработке межгосударственных средств по обеспечению безопасности человека является подписание 4 ноября 1950 г. в Риме Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Принимая во внимание, что целью Совета Европы является поддержание и дальнейшее осуществление

---

¹ Международные акты о правах человека : сб. документов / сост. В. А. Карташкин. 2-е изд., доп. М. ; Норма, 2002. С. 135.

² Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М. : Юридлит., 1991. С. 48.

³ Микулина Е. Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М. : Юрист, 2006. С. 94.

⁴ Международные акты о правах человека : сб. документов ... С. 87.

прав человека и основных свобод, Конвенция 1950 г. в развитие положений Конвенции МОТ 1930 г. детализировала правовые основы противодействия рабству, подневольному состоянию, принудительному и обязательному труду.

Признание на международном уровне права детей на «особую защиту и помощь» инициировало принятие Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г. Декларации прав ребенка, провозгласившей в п. 9 необходимость предотвращения «всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации» и недопустимость признания ребенка «объектом торговли в какой бы то ни было форме»⁵. Значительный вклад в разработку международных средств по обеспечению свободы личности внесла принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 г. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин, признав дискриминацию в отношении женщин преступлением против человеческого достоинства.

В развитие норм по обеспечению безопасности личности 17 декабря 1979 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН была принята Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, обозначившая настоятельную необходимость развития международного сотрудничества между государствами в разработке и принятии эффективных мер для предупреждения, преследования и наказания за совершение всех видов захвата заложников как проявления международного терроризма.

Следующим универсальным актом по обеспечению свободы личности на международном уровне является принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. Конвенция о правах ребенка, в соответствии с которой государства-участники обязывались создать национальный механизм защиты ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения (ст. 34). На основании ст. 33 Конвенции о правах ребенка исключалась возможность использования детей в целях экономической эксплуатации.

Универсальность естественных прав и свобод человека, в том числе свободы личности, получила признание на проходившей 14–25 июня 1993 г. в Вене (Австрия) Всемирной конференции по правам человека, в ходе которой 7000 представителей от 171 страны декларировали, что международное сообщество признает приоритетность таких прав, несмотря на различие политико-правовых и социально-экономических систем, правовых традиций.

В развитие положений международных актов Конвенция 2006 г. устанавливает дефиницию, согласно которой насильственным исчезновением считается арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия, государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона.

Значительную лепту в совершенствование механизма обеспечения безопасности человека внесло принятие резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 30 июля 2010 г. Глобального плана действий Организации Объединенной Нации по борьбе с торговлей людьми, подтверждая «приверженность ликвидации

---

⁵ Международные акты о правах человека : сб. документов ... С. 90.

такого отвратительного преступления, каким является торговля людьми, особенно женщинами и детьми».

В соответствии с Глобальным планом основным направлением в деятельности государств – членов ООН признается принятие комплекса мер по предупреждению торговли людьми, устранению социальных, экономических, культурных, политических причин совершения преступления.

В дополнение к Глобальному плану действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми в 2010 г. в рамках Глобальной инициативы по борьбе с торговлей людьми (ГИБТЛ) и экспертной группой Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (ЮНОДК) было разработано «Пособие по оценке потребностей в отношении уголовно-правовых мер борьбы с торговлей людьми».

Таким образом, в современном отечественном и международном законодательстве есть вопросы, которые остались пока без должного внимания и требуют дальнейшего более оптимального урегулирования.

И. Д. Гусева,

студентка 2 курса

Иркутский институт (филиал) ВГУЮ

Ретроспективный характер уголовно-правового регулирования в свете проблемы межотраслевого взаимодействия

По общему правилу, закрепленному в ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), обратную силу имеет закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление.

Наряду с этим, в ходе взаимодействия таких отраслей права, как уголовное и административное, в современном российском законодательстве появился институт административной преюдиции.

Сама необходимость существования административной преюдиции, как одного из институтов современного уголовного права Российской Федерации, является актуальной темой научных дискуссий. Основная проблема преюдиционных норм, однако, состоит в том, что они имеют «особую» обратную силу, которая дает возможность применять эти нормы, даже если это фактически ухудшает положение лица, совершившего преступление.

При этом, возможность применения уголовного закона ретроспективно носит скрытый характер. Дело в том, что создавая преюдиционные нормы, законодатель использует бланкетный способ формулирования уголовно – правового запрета. Термин «бланкетность» означает наличие юридически значимой связи между двумя отраслями права, точнее, отсылки нормы одной отрасли к нормам другой. Это приводит к невозможности применения уголовно – правовой нормы, содержащей административную преюдицию, без обращения к нормам административного права. Данный способ межотраслевого взаимодействия уголовного и административного права создает большие трудности в правоприменении.

Дело в том, что тесное взаимодействие с нормами иных отраслей права не

отменяет исключительности уголовно-правового запрета. Правоприменитель, репрессивно воздействуя на лицо, совершившее преступление, обязан руководствоваться общими правилами, предусмотренными уголовным законом. Согласно прямому указанию, содержащемуся в ч. 1 ст. 10, уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. Применение преюдициальных норм на практике, в свою очередь, время от времени порождает ситуации, спорные с точки зрения критерия соответствия требованиям законности¹.

Под административной преюдицией понимается привлечение лица к уголовной ответственности при совершении повторного деяния, признанного законодателем административно наказуемым, в течение периода времени, указанного в уголовно-правовой норме.

Внедрение административной преюдиции в нормы УК РФ были восприняты неоднозначно. Приводя доводы против введения административной преюдиции в уголовное право, авторы говорят о том, что это нарушает принцип «non bis in idem»².

По мнению других авторов, отказ от административной преюдиции как средства декриминализации общественно опасных деяний, был недостаточно продуманным решением³.

Ни те, ни другие авторы, однако, не отрицают того факта, что институт административной преюдиции не имеет достаточной правовой регламентации.

Между тем, административная преюдиция стала уже обычным явлением в уголовном законодательстве РФ. Достаточно обширное количество аргументов приводится как за, так и против его существования в отечественном уголовном законодательстве. Более важным, однако, является то, что на данный момент законодатель не в полной мере раскрывает понятие, принципы и порядок привлечения к ответственности за нарушение указанных норм, что неизбежно влечет проблемы в правоприменении.

Основанием уголовной ответственности за нарушение преюдициальных норм является повторный факт совершения административного правонарушения. С точки зрения проблемы обратной силы закона именно это заслуживает особого внимания.

Лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Если в этот год принимается правовая норма, согласно которой совершение второго подобного деяния влечет уголовную ответственность, то лицо, подвергнутое административному наказанию до вступления в силу данной нормы, будет подвергнуто уголовной ответственности при повторном совершении административного правонарушения. Иными словами, уголовно-правовая норма, по своей природе не способная к самостоятельному ретроспективному регулированию,

¹ Пархоменко Д. А. Соответствуют ли пределы усмотрения при назначении наказания критерию законности? // Проблемы современного российского законодательства : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С. И. Сулова. Иркутск, 2015. С. 349.

² Шемякин Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45–47.

³ Овечкина Е. В. Административная преюдиция как средство криминализации и декриминализации в уголовном праве России // Закон и право. 2009. № 5. С. 52.

осуществляет такое «с помощью» ранее существовавшего административно-правового запрета. Это порождает определенного рода правовой парадокс – норма положение лица ухудшает, но все равно применяется.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. N 25 г. Москва "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения", дается разъяснение по привлечению к уголовной ответственности лиц по ст. 264.1 УК РФ.

В силу статьи 4.6 КоАП РФ суду надлежит выяснить, исполнено ли постановление о назначении лицу административного наказания по части 1 или 3 статьи 12.8 или по статье 12.26 КоАП РФ и дату окончания исполнения указанного постановления, не прекращалось ли его исполнение, не истек ли годичный срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, не пересматривались ли постановление о назначении лицу административного наказания и последующие постановления, связанные с его исполнением, в порядке, предусмотренном главой 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В данном разъяснении ничего не говорится о лицах, совершивших административное правонарушение до вступления в силу ст. 264.1. Исходя из этого, у судов возникает ряд вопросов по ее применению.

В ответах на вопросы Президиум ВС РФ (утв. 31.07.2015) пояснил, что «Установление в УК РФ административной преюдиции служит целям государственного предупреждения граждан о мерах, которые будут применены к виновному в случае повторного совершения правонарушения. Выполнение этих требований не зависит от того, когда была применена соответствующая мера административного взыскания».

Было пояснено, что состав преступления, предусмотренный ст. 264.1 УК РФ, будет налицо независимо от того, что первое нарушение было совершено до 01.07.2015г.

При этом, ни у кого не вызывает сомнения, что незаконно и нецелесообразно применять статью Уголовного кодекса в тех случаях, когда лицо уже совершило два административных правонарушения, однако оба из них – до вступления в силу преюдиционной нормы. Таким образом, признавая возможность применения специфической «обратной силы» преюдиционных норм, правоприменитель ставит в неравное положение лиц, привлеченных к ответственности за деликты, равнозначные по степени общественной вредности или опасности, но разнящиеся во времени совершения.

Более того, оставляя без внимания пробелы правовой регламентации применения преюдиционных норм, законодатель отдает решение многих важных вопросов на усмотрение правоприменительного органа⁴. При этом совсем не обязательно, что решение, вынесенное правоприменителем, будет нарушать права и свободы лица, но полностью исключить возможность вынесения ошибочного решения невозможно. Представляется, что для решения указанной проблемы за-

---

⁴ Пархоменко Д. А. Формы выражения усмотрения в уголовном законе // Вестник Российской правовой академии. 2013. № 2. С. 64.

конодателю придется обратить внимание на необходимость дальнейшей формализации института административной преюдиции, и возможно, закрепления основных положений об обратной силе преюдиционных норм в Общей части уголовного закона.

А. А. Давыдов,

студент 4 курса ЮИ ИГУ

Уголовная ответственность за угрозу совершения террористического акта в уголовном праве России

Необходимость деятельной борьбы с угрозой терроризма актуализирует более глубокую потребность в анализе юридически значимых признаков террористических составов.

Анализ уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за угрозу совершения террористического акта, позволяет выделить две статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, конкурирующих между собой в силу наличия в них общего признака – угрозы совершения террористического акта. К таким статьям Уголовный кодекс Российской Федерации относит составы преступлений, предусмотренные ст. 205 УК РФ (террористический акт) и 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма).

Между тем, объективная сторона статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации образует не только угрозу совершения террористического акта, но и фактическое совершение действий, которыми угрожает виновный. Статью 205 УК РФ в части угрозы совершения террористического акта необходимо отличать от статьи 207 УК РФ, объективную сторону которой, также, образует угроза совершения террористического акта, однако, как это следует из диспозиции ч. 1 ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации, субъект рассматриваемого состава преступления заведомо ложно сообщает о готовящихся действиях террористического характера, в то время как статья 205 УК РФ указанного признака не предусматривает. В этой связи, для правильного уголовного закона об ответственности за террористический акт, необходимо установить реальность высказанной угрозы.

Несмотря на отсутствия в тексте закона прямого указания на реальность угрозы как обязательное условие привлечения к уголовной ответственности по исследуемому составу, представляется необходимым доказывание «наличия у потерпевшего реальных оснований опасаться осуществления теракта»¹. Именно «реальность намерения, выразившаяся в конкретных действиях, отличает угрозу от высказывания в форме обнаружения умысла и придает ей уголовно-правовой характер»².

Правовые критерии, определяющие реальность угрозы в доктрине, носят неоднозначный и дискуссионный характер. Л. В. Сердюк в своей работе называет в качестве критериев реальности угрозы следующие признаки: это серьезность вызвавших ее причин, внешняя активность проявления, наличие у террориста возможности осуществления угрозы и обстоятельства, характеризующие лич-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С. И. Никулина. М. : Юрайт, 2001. С. 341.

² Кириллов И. А. Уголовно-правовой анализ терроризма в России // Уголовное право и современность : межвузовский сб. научных. тр. Вып. 4. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2000. С. 87.

ность субъекта угрозы³. Однако следует, при этом, учитывать и субъективное восприятие угрозы самим потерпевшим лицом.

Как представляется, учитывая плюрализм мнений в доктрине, касательно вопроса природы реальности угрозы, золотой серединой может быть такой подход к ее определению – это разумное сочетание объективного и субъективного критериев, отражающих способность противоправного поведения воздействовать на психику потерпевшего, т. к. он считает такую угрозу осуществимой и опирающихся на фактические обстоятельства террористического акта.

Действительность угрозы – ещё один критерий, позволяющий судить о предъявленной угрозе как о выполняющей свое общественно-опасное назначение при наличии её в объективной реальности. В этой связи, можно процитировать мнение Л. Д. Гаухмана и С. Х. Мазукова, полагающих, что противоправной будет лишь наличная угроза, выраженная вовне и существующее как явление реальной действительности, а не мнимое предположение⁴.

Учитывая вышесказанное касательно угрозы в террористическом акте, можно сделать вывод о том, что законодательная конструкция, регламентирующая её применение на практике, отнюдь не является совершенной.

Ещё одной проблемой угрозы террористического акта, по мнению некоторых ученых, заключается в том, что не всегда оправданным будет являться приравнивание реального совершения террористического акта угрозе его совершения, особенно в тех случаях, когда совершение теракта объективно нереально осуществить вследствие заблуждения субъекта в своей способности осуществить такую угрозу. Толкуя диспозицию части первой ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации, мы наблюдаем именно такую ситуацию, когда эти два действия законодательно приравниваются друг к другу по степени общественной опасности, что, по мнению Шевченко И. В., может нарушать принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Автор полагает, что высказывание угрозы, ввиду большой дифференциации рассматриваемых альтернативных действий по признаку общественной опасности, не может наказываться лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, точно также, как и реальное совершение взрыва, поджога, или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений.

Также, И. В. Шевченко полагает, что решением сложившейся проблемы могло бы быть разделение альтернативных действий по угрозе совершения террористического акта и непосредственному его совершению по разным частям статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо выделения нормы об угрозе совершения террористического акта в отдельный, самостоятельный состав⁵.

Вместе с тем, с указанными доводами, высказанными на страницах спе-

---

³ Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : ВСШ МВД СССР, 1979. С. 151.

⁴ Гаухман Л. Д. Объект преступления : лекция. М. : Академия МВД России, 1992. С. 23. ; Мазуков С. Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: по материалам Кабардино-Балкарской Республики : дис. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону : СКАГС.1997. С. 48–61.

⁵ Шевченко И. В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность : монография. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 57.

циальной литературы, в полном объеме не представляется возможным согласиться.

Как следует из диспозиции части 1 ст. 205 УК РФ, обязательным признаком субъективной стороны рассматриваемого состава преступления является цель, к которой уголовный закон относит дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. Именно на достижение преступной цели направлены противоправные действия виновного лица. Возможность достижения указанной цели равным образом обеспечивается как угрозой террористического акта, так и действиями по осуществлению такой угрозы.

Исходя из правил психологии, высказанные угрозы, которые потерпевшие могут воспринимать как реальные, зачастую устрашают ничуть не меньше, а в некоторых случаях даже больше, чем реальное совершение «взрыва, поджога или иных действий ...». Исходя из этого, следует признать необоснованным довод о том, что все виды альтернативных действий, входящие в объективную сторону террористического акта, имеют разную, неодинаковую общественную опасность.

В. А. Демченко,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Уголовно-правовая характеристика объективной стороны ненадлежащего оказания медицинских услуг пациентам медицинскими работниками

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, ситуация с количественным показателем смертности в Российской Федерации находится на весьма критичном уровне¹. Данному обстоятельству способствуют различные факторы, одним из которых является высокий уровень смертности в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи пациентам.

В медицинской и юридической литературе существует немало позиций относительно оптимального определения ненадлежащего оказания медицинских услуг². Не вдаваясь в существующую дискуссию, в качестве терминологической основы обозначения так называемого дефективного оказания медицинской помощи пациентам воспользуемся такой дефиницией как «халатность медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности»³.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) под уголовно-правовую охрану на первое место поставил общественные отношения в сфере жизни и здоровья личности, предусмотрел всевозможные варианты на ее посягательство, но, тем не менее, обошел стороной основания привлечения к уголовной ответственности медицинских работников за халатное осуществление

¹ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (01.10.2016).

² Кудakov А. В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08. Саратов, 2011. С. 8.

³ Демченко В. А. Понятие халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности в уголовном праве // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 409. С. 166.

своих профессиональных обязанностей, повлекшее причинение пациентам различной степени тяжести вреда здоровью либо наступление смерти.

Указанный законодательный пробел порождает самые серьезные последствия как в судебно-следственной деятельности, так и в деятельности самих медицинских работников. Например, в практике следственных и судебных органов нередко происходят ошибки при производстве юридической оценки халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности. Так, при аналогичных ситуациях наступления общественно опасных последствий, вызванных ненормативными действиями медицинских работников, правоприменителями квалификация содеянного осуществляется в диапазоне ст. ст. 109, 118, 124, 293 УК РФ, что безусловно не соответствует правильному и единообразному применению уголовно-правовых норм⁴. Отсутствие в УК РФ специализированной нормы вырабатывает у недобросовестных медицинских работников чувство собственной безнаказанности за совершаемые деяния, а значит, превентивная функция уголовного закона не выполняется. Указанное, безусловно, является основанием для законодательной корректировки в этой части. В России назрела необходимость выработки действенного механизма реализации уголовной ответственности медицинских работников за вред, причиненный жизни или здоровью пациентов, вследствие ненадлежащего осуществления своих профессиональных обязанностей.

Сказанное определяет актуальность рассмотрения вопроса о криминообразующих признаках объективной стороны халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности в целях выработки концепции необходимой Уголовному кодексу Российской Федерации специализированной нормы⁵.

Учитывая повышенную сложность в процессе производства уголовно-правовой оценки объективной стороны ненадлежащего оказания медицинской помощи пациентам медицинскими работниками, в рамках настоящего исследования рассмотрим именно этот элемент состава преступления.

При характеристике общественно опасного деяния как обязательного признака объективной стороны состава преступления, следует сказать, что ненадлежащее осуществление профессиональной деятельности медицинскими работниками возможно в двух классических формах общественно опасного деяния – действии (активная форма) и бездействии (пассивная форма). Например, активную форму будет характеризовать неправильно поставленный врачом диагноз болезни пациента, ненадлежащим образом проведенное оперативное вмешательство и тому подобные действия; пассивную форму образуют такие акты бездействия как не оказание медицинской помощи пациенту, игнорирование необходимости мер оперативного вмешательства и так далее.

Халатность медицинских работников характеризуется осуществлением врачевания вопреки порядкам и стандартам осуществления медицинской дея-

---

⁴ Пархоменко Д. А. Формы выражения усмотрения в уголовном законе // Вестн. Рос. правовой акад. 2013. № 2. С. 66.

⁵ Демченко В. А. Халатность медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности: уголовно-правовой аспект // Современные проблемы правотворчества и правоприменения. 2016. С. 299.

тельности⁶. Указанные порядки и стандарты медицинской помощи утверждаются приказами министра здравоохранения Российской Федерации по отдельным взятым категориям болезней, согласно Международному классификатору болезней (МКБ-10).

В указанных нормативных актах главы Минздрава России описывается подробный порядок осуществления диагностических мероприятий, непосредственно лечебная деятельность, а также меры по предотвращению заболеваний. Кроме того, ими устанавливается последовательность необходимых действий, меры, к которым должен прибегнуть медицинский работник, необходимые для сохранения жизни и здоровья пациента. Впрочем, нельзя не признать того факта, что не каждый порядок и стандарт медпомощи может в полной мере охватить рядовую ситуацию обращения (поступления) пациента за оказанием медицинской помощи, а уж тем более ситуацию экстренного характера. Нередко медицинским работникам приходится применять творческий подход в процессе осуществления профессиональной деятельности, так как порядки и стандарты медицинской помощи в полной мере не регулируют определенные ситуации, возникающие в медицинской практике. В таком случае процедура медицинской деятельности должна осуществляться согласно общемедицинским правилам оказания врачебной помощи пациентам. Безусловно, пределы таких общих начал медпомощи не имеют четких границ, носят весьма условный характер, но, тем не менее, благодаря общим правилам медицинской деятельности медицинские работники преодолевают существующие нормативные пробелы порядков и стандартов медицинской помощи.

Таким образом, уголовно-наказуемое деяние медицинских работников будет образовывать такое действие (бездействие), которое противоречит установленным порядкам и стандартам медицинской помощи, а в некоторых случаях – правилам (методикам) медицинской деятельности, имеющим общемедицинский характер.

Общественно опасное последствие халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности образует наступление неблагоприятных последствий для пациента, выражающихся в причинении потерпевшему вреда здоровью либо смерти.

Анализ уголовно-правовых норм гл. 16 УК РФ позволяет прийти к выводу о том, что по общему правилу уголовная ответственность за неосторожное причинение вреда здоровью человека предусмотрена только в тех случаях, если характер такого вреда является тяжким (ст. 118 УК РФ). Однако, ч. 1 ст. 124 УК РФ в качестве криминообразующего признака называет общественно опасное последствие, выразившееся в причинении больному по неосторожности средней тяжести вреда здоровью вследствие не оказания помощи без уважительных причин. Таким образом, на сегодняшний день причинение вреда здоровью по неосторожности (в рамках гл. 16 УК РФ) формально является уголовно-наказуемым, если такой вред здоровью, в соответствии с медицинскими критериями, квалифицируется как тяжкий либо средней тяжести вред здоровью.

Учитывая особую общественную опасность халатности медицинских ра-

---

⁶ URL: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/stranitsa-983> (01.10.2016).

ботников – лиц, которым по долгу службы вверена чужая жизнь и здоровье, лицам, имеющим специальную профессиональную подготовку, представляется абсолютно логичным и обоснованным, что уголовно-наказуемым общественно опасным последствием ненормативной деятельности медицинских работников следует считать такие последствия, которые выразились в причинении пациенту средней тяжести, тяжкого вреда здоровью, а также смерти пациента.

Причинно-следственную связь между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием, согласно утвердившейся в доктрине уголовного права и практики его применения, образует явление реальной действительности (действие/бездействие медицинского работника), закономерно вызвавшее наступление определенного последствия (вред жизни или здоровью пациента).

Не вдаваясь в бурную многолетнюю дискуссию между отдельными учеными-юристами, философами и другими представителями научной мысли, выразим солидарность указанной теории причинно-следственной связи в уголовном праве.

Для того чтобы признать деяние работника сферы здравоохранения преступными необходимо, чтобы действие (бездействие) такого медицинского работника прямо повлияло на причинение вреда жизни или здоровью пациента. Скажем, неправильно поставленный диагноз сказался на неверном выборе способа лечения пациента, что в конечном итоге выразилось в наступлении, например, средней тяжести вреда здоровью. Или, оставленный во время операции в брюшной полости пациента ватный тампон, вызвал перитонит и, как следствие, смерть такого пациента. В описанных случаях наблюдается прямая причинно-следственная связь, указывающая на то, что деяние непосредственным (закономерным) образом повлекло наступление общественно опасного последствия. И, напротив, не будет являться преступным ненормативное действие медицинского работника, но прямо не повлиявшее на причинении пациенту вреда жизни или здоровью. К примеру, врач, пренебрегая установленным порядком и стандартам оказания медицинской помощи, производит медицинские манипуляции, полагаясь на свое «внутреннее чутье», но, тем не менее, вред жизни (здоровью) пациента наступает вследствие халатного отношения к собственному здоровью самого пациента.

Таким образом, между общественно опасным деянием медицинских работников и общественно опасным последствием должна существовать прямая причинно-следственная связь.

Проведенный анализ признаков объективной стороны халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности позволяет прийти к следующим выводам:

1. Общественно опасным деянием медицинских работников является такое действие (бездействие), которое противоречит установленным порядком и стандартам медицинской помощи, а в некоторых случаях – правилам (методикам) медицинской деятельности, имеющим общемедицинский характер.

2. Уголовно-наказуемым общественно опасным последствием ненормативной деятельности медицинских работников следует считать такое последствие, которое выразилось в причинении пациенту средней тяжести, тяжкого вре-

да здоровью, а также смерти пациента.

3. И, наконец, причинно-следственная связь между деянием и наступившим общественно опасным последствием должна носить прямой (закономерный) характер.

Представляется, для того, чтобы решить существующие проблемы правоприменительной деятельности в рамках гл. 16 УК РФ необходимо предусмотреть специальную норму, предусматривающую основания уголовной ответственности медицинских работников за вред, причиненный жизни или здоровью пациентов⁷.

Д. А. Дружинина,

А. И. Рубахова,

*студентки 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Проблема соучастия с лицами, не подлежащими уголовной ответственности

На сегодняшний день ни в теории, ни на законодательном уровне, ни на практике не сложилось единообразного отношения к соучастию с лицами, не подлежащими уголовной ответственности. Данная проблема представляется актуальной ввиду того, что на практике возникают сложности с квалификацией состава преступления в отношении тех лиц, которые являются субъектами уголовной ответственности, но привлекали к совершению преступления несовершеннолетних, невменяемых или иных лиц, не являющихся субъектами уголовной ответственности. Решение данной проблемы позволит повысить эффективность правоприменительной деятельности и устранить пробел на законодательном уровне, что будет способствовать справедливому назначению наказания для виновных.

По данной проблеме существует две противоположных точки зрения: согласно первой позиции участие в совместном совершении преступления с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, можно признать соучастием, сторонники же противоположной точки зрения утверждают, что соучастия в данном случае нет.

Группа ученых, выступающих за наличие соучастия с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, основывают свои доводы на ст. 32 УК РФ, в которой сказано: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие *двух или более лиц* в совершении умышленного преступления». Исходя из этого, Т. А. Хмелевская утверждает, что «если в понятии соучастия в законе указывается, что в преступлении принимают участие два и более лица, то такая формулировка соучастия допускает, что в нем могут участвовать

---

⁷ Пархоменко С. В., Демченко В. А. К вопросу о криминообразующих признаках халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности // Глаголь правосудия. 2016. № 2 (12). С. 36.

как субъекты, так и лица, не являющиеся субъектами преступления»¹.

Многие ученые считают, что для квалификации содеянного как преступления, совершенного группой лиц, необязательно, чтобы все участники были субъектами преступления. В данном случае достаточно установить совместность действий нескольких лиц при совершении преступления, независимо от того, что к уголовной ответственности может быть привлечен только один из них².

Исследователи проблемы квалификации соучастия с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, отмечают и то, что у потерпевшего не возникает вопрос, кто совершает преступление в отношении него, субъект или не субъект уголовной ответственности. Данная группа авторов предлагает исходить из позиции, согласно которой невменяемость или недостижение возраста уголовной ответственности влияют на возможность привлечения такого лица к уголовной ответственности, а не на способность совершить общественно опасное деяние³. Соответственно и отсутствие статуса субъекта не может влиять на уголовную ответственность лица, которое совершило преступление совместно с негодным субъектом.

Одним из аргументов, который приводят сторонники данной позиции, является и то, что общественная опасность преступления возрастает за счет того, что в реализации преступления участвует несколько физических лиц. Так, например, Р. Галикбаров отмечает: «виновный (надлежащий субъект ответственности) сознает, что в процессе совершения насильственного посягательства наряду с его собственными действиями используются физические усилия других лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, невменяемых и т. п. Он также сознает, что в процессе реализации насилия присоединяющиеся действия таких лиц, дополняя его собственные, существенно облегчают совершение преступления, и желает совершить посягательство именно указанным способом»⁴.

Помимо вышеуказанной точки зрения на страницах печати излагается и противоположное мнение, согласно которому преступление, совершенное с привлечением негодных субъектов уголовной ответственности, не может квалифицироваться как совершенное в соучастии⁵. В подтверждение своей позиции авторы предлагают следующие положения.

Во-первых, если в ст. 32 УК РФ нет уточнения, что соучастие совершается не лицами, а субъектами, то это не значит, что данную статью следует толковать расширительно. В данной норме не указывается, кто является субъектами уголовной ответственности, так как ранее в статьях УК уже было сказано, кого можно признать субъектом, следовательно, нецелесообразно перегружать ст. 32 еще и определением субъекта.

---

¹ Хмелевская Т. А. Виды групповых преступлений и их квалификация по УК РФ : автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2000.

² Уголовное право России. Общая часть / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2010. С. 297.

³ Рарог А., Есаков А. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 52.

⁴ Галикбаров Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом. М., 2000. С. 32.

⁵ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 2000. С. 305.
См.: Кухтина Т. В. К вопросу о признаках соучастия // Вестник ЮрГУ. 2009. № 40. С. 59.

Во-вторых, те постановления Пленума Верховного суда СССР, которые позволили квалифицировать подобные деяния как совершенные в соучастии (постановление Пленума ВС от 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» и постановление Пленума ВС от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое»), были направлены лишь на три состава: изнасилование, грабеж и разбой. Данный факт свидетельствует об избирательности Пленума, так как по другим составам участие с негодным субъектом не квалифицировалось как соучастие.

Еще одним аргументом, подтверждающим свою позицию, авторы называют абсолютно разную судебную практику. Так, в 2000 году было принято постановление Пленума ВС от 14.02.2000 №7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», в котором указывалось, что привлечение несовершеннолетних к участию в преступлении не создает соучастия, но в постановлении Пленума ВС от 01.02.2011 №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» уже ничего не говорится о соучастии, следовательно, позиция Верховного суда косвенно свидетельствует о возможности квалификации подобных случаев как соучастия⁶.

Проанализировав различные позиции, отраженные в литературе, в законодательстве, мы все же придерживаемся мнения тех авторов, которые не признают соучастия с негодными субъектами, так как в уголовном законе четко прописано, кто может являться субъектом уголовной ответственности, и несовершеннолетние, невменяемые и иные лица, указанные в законе, к данной категории не относятся. Считаем, что те положения, которые закреплены в уголовном законе, должны неукоснительно выполняться на практике и предлагаем следующее решение столь остро стоящей проблемы.

Для правильной квалификации преступлений, совершенных с негодным субъектом, представляется возможным ввести в статьи Особенной части УК РФ квалифицирующий признак «привлечение к совершению преступления лица, не являющегося субъектом уголовной ответственности». Думается, что подобный квалифицирующий признак станет отправной точкой в становлении единообразной судебной практики и позволит не только повысить эффективность правоприменительного процесса, но и будет способствовать реализации принципа справедливости и гуманизма в уголовном законодательстве.

Несмотря на то, что группы лиц как уголовно-правовой категории в данном случае не может быть, повышенная степень общественной опасности такого преступления в уголовном законе все же будет учитываться как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ — «привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность»).

---

⁶ Есаков Г. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 2. С. 10–15.

А. И. Дулова,

*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

**Проблемные вопросы назначения наказания лицам,
заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве**

Несмотря на то, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве функционирует в российском уголовном судопроизводстве уже более семи лет, в судебной практике при рассмотрении уголовных дел в порядке гл. 40.1 УПК РФ стабильно возникает целый ряд спорных вопросов, связанных с назначением наказания.

Анализ результатов рассмотрения судами уголовных дел, приговоры по которым вынесены в порядке ст. 317.7 УПК РФ, позволяют выделить три наиболее неоднозначных момента, при которых размер назначаемого наказания может существенно различаться в зависимости от позиции, которой придерживается суд. При этом некоторые из этих решений зачастую противоречат теории уголовного права и могут быть названы заведомо ошибочными.

Первая и наиболее частая ошибка при вынесении решений – применение при назначении наказания наряду с ч. 2 ст. 62 УК РФ требований ч. 1 ст. 62 УК РФ.

Изучение судебной практики показывает, что судьями по-разному решается вопрос о том, следует ли при назначении наказания по правилам ч. 2 ст. 62 УК РФ учитывать правила части 1 той же статьи.

В п. 24 Постановления Пленума ВС РФ № 16, отмечается, что при назначении наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в соответствии с частью 2 или частью 4 статьи 62 УК РФ положения части первой указанной статьи о сроке и размере наказания учету не подлежат¹. Однако некоторые суды не учитывают это положение в случаях, когда заявление о явке с повинной (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) было сделано до возбуждения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Например, обстоятельством, смягчающим наказание Белову В. В., Подольский городской суд признал активное содействие раскрытию и расследованию преступления, имевшее место ещё до заключения досудебного соглашения, о чём свидетельствуют его объяснения и первичные показания, полученные органами следствия на начальном этапе расследования дела, что, по мнению суда, соответствует п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

В итоге в описательно-мотивировочной части приговора суд указал, что наказание подсудимому Белову В. В. подлежит назначению с учетом положений ч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ по каждому из преступлений, то есть не должно превышать половину максимального срока и размера наиболее строгого вида и размера наказания (ч. 2 ст. 62 УК РФ), а также в соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ, не более

---

¹ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // СПС КонсультантПлюс.

2/3 максимального срока наказания от ч. 2 ст. 62 УК РФ (решение по делу 1-827/2010 Подольского городского суда).

По нашему мнению, в данном случае заявление о явке с повинной и действия по активному способствованию, раскрытию и расследованию преступлений, имевшие место до заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, не должны учитываться как основание для применения ч. 1 ст. 62 УК РФ.

Действительно, смягчение наказания до 2/3 от максимального срока предусмотрено этой частью как при наличии каждого из обстоятельств, предусмотренных п. «и» или «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ в отдельности, так и при их совокупности. Однако учитывая тот факт, что ч. 2 ст. 62 УК РФ является специальной нормой по отношению к ч. 1 той же статьи, представляется, что при назначении наказания лицу, выполнившему условия досудебного соглашения о сотрудничестве, последняя не должна подлежать применению при рассмотрении уголовного дела в порядке гл. 40.1 УПК РФ.

Более верным видится вариант, при котором факт явки с повинной учитывается судом в качестве смягчающего наказание обстоятельства (например, решение по делу 22-6056/2016 Судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда, в котором наказание было назначено судом со ссылкой на положения ч. 2 ст. 62 УК РФ, но при этом в качестве смягчающих обстоятельств суд при назначении наказания учёл осознание вины, раскаяние в содеянном и явку с повинной).

Второй и тоже достаточно спорный момент активно оспаривается Московским областным судом, который в обзорах судебной практики по рассмотрению уголовных дел неоднократно обращал внимание на тот факт, что по ряду дел сотрудничество обвиняемого с органом предварительного расследования одновременно явилось основанием и для применения положений ч. 2 ст. 62 УК РФ, и для применения положений ст. 64 УК РФ.

В теории уголовного права на этот счет сложились две основные точки зрения. Одни авторы считают, что одновременное применение положений указанных статей невозможно в принципе. Например, Строганова Т. Ю. отмечает, что последовательное применение правил, предусмотренных и ч. 2 ст. 62 УК РФ и ст. 64 УК РФ приведет к двойному смягчению наказания².

Другие же не столь категоричны и допускают возможность существования такой ситуации при соблюдении определенных условий. Так Севастьянов А. П. в своей работе делает важное уточнение: невозможность одновременного применения положений статей обусловлена наличием одних и тех же обстоятельств в основании. Следовательно, данные нормы могут и должны применяться вместе, если основанием для применения ст. 64 УК РФ являются обстоятельства, отличные от тех, которые служат основанием для применения ст. 62 УК РФ³.

Второй подход представляется нам более справедливым по отношению к

---

² Строганова Т. Ю. Проблемы реализации специальных правил назначения наказания, предусмотренных частями 2, 4 статьи 62 и статьей 64 УК РФ, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 1. С.197–204.

³ Севастьянов А. П. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление на основании отдельных видов деятельного раскаяния, указанных в ст. 62 УК РФ // Вестник ЧитГУ, 2012. № 2 (81). С. 129–132.

подсудимому. Действительно, в том случае, если помимо обстоятельств, ставших основанием для применения положений ч. 2 ст. 62 УК РФ, судом были установлены и иные, дополнительные обстоятельства, которые уменьшают степень общественной опасности совершенного преступления, либо непосредственно связаны с целями и мотивами, а также ролью виновного в совершении преступления, то препятствий для одновременного применения судами правил ч. 2 ст. 62 и ст. 64 УК РФ возникать не должно.

Третьим и также наиболее распространенным проблемным вопросом является возможность применения ч. 2 ст. 62 УК РФ при наличии отягчающих обстоятельств. Согласно содержанию части статьи, срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишь при отсутствии отягчающих обстоятельств. Этой же позиции придерживаются Конституционный⁴ и Верховный⁵ Суды РФ. При этом согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона от 29.06.2009 № 141-ФЗ институт досудебного соглашения призван способствовать раскрытию наиболее общественно опасных преступлений. Соответственно у лиц, их совершивших, практически всегда имеются отягчающие наказание обстоятельства, которые могут быть не предусмотрены в квалифицированном составе преступления.

Следует согласиться с Тисен О.Н., отмечающей, что при таких условиях целесообразность заключения досудебного соглашения и соблюдения его условий для лиц, в действиях которых имеются отягчающие наказание обстоятельства, отсутствует⁶. В этом случае обвиняемому гораздо выгоднее пойти путем явки с повинной и деятельного раскаяния, что даст ему повод для рассмотрения уголовного дела в особом порядке, при котором наказание не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого наказания из числа предусмотренных в санкции, причем наличие отягчающих обстоятельств в данном случае не будет являться препятствием. Кроме того, обстоятельства, предусмотренные в п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, даже при наличии отягчающих обстоятельств, могут дать основание суду назначить наказание с соблюдением требований ст. 64 УК РФ, то есть более мягкое, чем предусмотрено в санкции.

В связи с этим, государство теряет возможность получения дополнительной информации об иных преступлениях, что было бы возможно при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. По сути, как верно отмечает Мясников А. А., введенное в ст. 62 УК РФ ограничение «бьет мимо цели⁷».

---

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дзензуры В. Н. на нарушение его Конституционных прав п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 24. 09. 2012 № 1674-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ (28.01.2017).

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 58-АПУ15-3 от 04.02.2015 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ (29.01.2017).

⁶ Тисен О. Н. Ошибки при назначении наказания субъектам досудебного соглашения о сотрудничестве, явившиеся основанием для отмены или изменения приговоров // Уголовное право. 2015. № 5. С. 54–61.

⁷ Мясников А. А. Проблемные вопросы назначения наказания в порядке статьи 62 УК РФ // Общество и право. 2010. № 5 (32). С.113–115.

На этом основании представляется целесообразным внесение в действующее законодательство изменений, дающих возможность применения ч. 2 ст. 62 УК РФ вне зависимости от наличия отягчающих обстоятельств, что позволит расширить сферу применения института досудебного соглашения о сотрудничестве.

К. Э. Ефимушкина,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

К вопросу о соучастии со специальным субъектом

Проблемы квалификации совместной преступной деятельности, как правило, вызывают значительные трудности не только в правоприменительной практике, но и в теории уголовного права. Во многом это объясняется сложностью, многообразием форм проявления такого феномена, как совместная преступная деятельность. Однако не последнее место здесь занимает нестабильность судебной практики, противоречие ее в ряде случаев положениям теории соучастия, а также несоответствие теоретических положений потребностям борьбы с преступностью. Несмотря на то, что институт соучастия в УК РФ 1996 г. значительно уточнен и детализирован по сравнению с предшествующим уголовным законодательством, тем не менее, он требует дальнейшего совершенствования, особенно при квалификации соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами¹.

Впервые уголовный закон 1996 г. закрепляет положение о соучастии со специальным субъектом преступления, которое имеет свои особенности уголовной ответственности при совместном совершении общественно опасного деяния при распределении ролей (ч. 4 ст. 34 УК РФ). Исполнителем в данных преступлениях может быть только то лицо, которое обладает специальными признаками, указанными в соответствующей статье Особенной части УК РФ. Остальные соучастники преступления будут нести ответственность как организаторы, подстрекатели или пособники в зависимости от характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления.

Наглядно демонстрирует соучастие в преступлении со специальным субъектом такой состав преступления, как изнасилование, совершаемое группой лиц (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ). Примечательно, что специальным субъектом данного преступления может быть лицо, характеризующееся социально-демографическим признаком мужского пола, достигшее 14 лет. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» разъяснил, что групповым изнасилованием должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совер-

---

¹ Павлов В. Г. Проблемы квалификации соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 144.

шивших насильственное половое сношение или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам. При этом действия лиц, лично не совершавших насильственного полового сношения или насильственных действий сексуального характера, но путем применения насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера². Именно поэтому в уголовно-правовой литературе и следственно-судебной практике специальным субъектом при соисполнительстве в групповом изнасиловании признается также и лицо женского пола. Как справедливо заметил проф. Б. В. Волженкин, что в этой ситуации приходится сталкиваться с отступлением от правила, сформулированного законодателем в ч. 4 ст. 34 УК РФ³.

Необходимо обратить внимание на ситуацию, когда соисполнительство осуществляется двумя и более должностными лицами, т.е. специальными субъектами, обладающими рядом управленческих функций в организации, и, заранее договорившихся о получении незаконного вознаграждения каждым за совершенное преступное деяние по службе соответственно. Преступление в таком случае признается оконченным с момента принятия незаконного вознаграждения хотя бы одним из входящих в преступную группу должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой организации. Кроме того, необходимо уточнить, что действия тех лиц, которые не обладают признаками специального субъекта, предусмотренными в ст. ст. 290, 204 УК РФ, участвующих в получении взятки или коммерческого подкупа, квалифицируются как посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ) или соучастие в коммерческом подкупе (ст. 204 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ) соответственно.

Также широкий интерес по вопросу квалификации совершенного деяния представляют дела, когда идет речь о соучастии специального и общего субъектов. В таком случае, в соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ в п. 22 Постановления №51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», если лицо не отвечает признакам специального субъекта, предусмотренным ст. 160 УК РФ, однако непосредственно участвует в хищении имущества согласно предварительной договоренности с лицом, которому указанное имущество вверено юридическим или физическим лицом на законном основании, должно нести уголовную ответственность по ст. 33 и ст. 160 УК РФ в качестве организатора, подстрекателя или пособника⁴.

---

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8. С. 3.

³ Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 12.

⁴ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Бюлл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2008. № 2.

Для того, чтобы правильно квалифицировать преступление со специальным субъектом, необходимо проследить его вариации «сотрудничества» с другими субъектами преступления.

Во-первых, в том случае, когда наряду с исполнителем соучастники (организатор, подстрекатель или пособник) также обладают признаками специального субъекта – налицо сложное соучастие с распределением ролей. В этом случае действия названных лиц необходимо квалифицировать по общим правилам квалификации соучастия со ссылкой на ст. 33 УК РФ (например, когда должностное лицо склоняет представителя власти (следователя) к совершению преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности) или ст. 301 УК РФ (незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей))⁵.

Во-вторых, что касается соучастия специального субъекта с лицом, не обладающим специальными признаками, указанными в норме, то квалификация осуществляется по правилам, закрепленным в ч. 4 ст. 34 УК РФ. Лицо, не обладающее специальными признаками, указанными в норме, несет уголовную ответственность со ссылкой на ст. 33 УК РФ как организатор, подстрекатель или пособник. Соисполнительство фактически в рассматриваемой ситуации наличествует, однако юридически признать действия таких лиц соисполнительством нельзя. Некоторые специалисты не разделяют эту точку зрения. Так, Т. Г. Макарова считает, что имеется возможность в некоторых случаях соисполнительских действий общих субъектов в преступлениях со специальным субъектом⁶. Представляется, что такая позиция не соответствует правилу квалификации соучастия в преступлении со специальным субъектом, сформулированному законодателем в ч. 4 ст. 34 УК РФ.

Думается, что данный вопрос требует современного теоретического и практического осмысления в новых условиях борьбы с преступностью, а также более чёткого законодательного разрешения и соответствующих разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации правил уголовно-правовой квалификации для отдельных категорий уголовных дел.

---

⁵ Павлов В. Г. Проблемы квалификации соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 147.

⁶ Макарова Т. Г. Уголовно-правовая характеристика соучастия в преступлении со специальным субъектом. СПб., 2002. С. 97–98, 104.

И. А. Жарких,

*магистрант 1 курса
Университет им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)*

**К вопросу о введении уголовной ответственности
за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество**

Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ¹ в Уголовный кодекс Российской Федерации введены статьи 204² и 291², предусматривающие уголовную ответственность за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество соответственно, когда сумма коммерческого подкупа или взятки не превышает 10 тысяч рублей. В свою очередь, указанные нормы не лишены недостатков, способных породить немало проблем как в теории, так и на практике.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 1079243-6² введение ст.ст. 204² и 291² УК РФ аргументировалось тем, что в 2012-2015 годах подавляющее большинство уголовных дел по факту коммерческого подкупа, дачи или получения взятки возбуждалось при сумме менее 10 тысяч рублей. При этом, как отмечает Президент, установить уголовную ответственность за коммерческий подкуп, дачу или получение взятки, размер которых не превышает 10 тысяч рублей, следует, поскольку данные деяния представляют небольшую общественную опасность, а также в целях реализации принципа справедливости при назначении уголовного наказания за эти деяния³.

По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, за последние 5 лет подавляющее число лиц осуждено за взяточничество в небольших суммах: 1 тыс. руб. – 10 тыс. руб. (1 место), 500 руб. – 1 тыс. руб. (2 место), до 500 руб. (3 место). Осужденных за взяточничество в крупных и особо крупных размерах значительно меньше. Так, в 2015 г. на 3348 мелких взяточника с размерами взятки до 10 тыс. руб. приходится всего 587 осужденных, сумма взяток которых начинается от 50 тыс. руб. Из них за взятку в особо крупном размере (свыше 1 млн руб.) осуждено 88 человек⁴.

С момента внесения рассматриваемого нами законопроекта многие ученые акцентировали внимание на некоторых проблемах, которые вызовет введение ст.ст. 204² и 291² в УК РФ. В частности, давно уже отмечались трудности в использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании

---

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [Электронный ресурс] : федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности) : проект федерального закона № 1079243-6 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : сайт. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/5AF03BE982953D3F43257FBC00585574/\\$File/1079243-6.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/5AF03BE982953D3F43257FBC00585574/$File/1079243-6.PDF?OpenElement) (02.01.2017).

³ Там же.

⁴ Чуклина Э. Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд // Экономика, социология и право. 2016. № 10. С. 96.

по делам о взяточничестве⁵.

Как отмечают некоторые исследователи⁶, выделение состава «мелкое взяточничество» существенно влияет на сложившуюся практику расследования дел о получении и даче взятки. Как свидетельствуют судебная и следственная практики, большинство уголовных дел о даче и получении взятки основаны на данных, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий, в частности, наведение справок, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров и оперативный эксперимент. При этом стоит отметить, в большинстве случаев возбуждение уголовного дела ставят в зависимость от результатов проведенных ОРМ.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального Закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативного эксперимента и прослушивание телефонных и иных переговоров допускается при осуществлении проверки сообщений о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких или производстве расследования преступлений указанной категории⁷. Мелкое же взяточничество (ст. 291² УК РФ) относится к преступлениям небольшой тяжести, поскольку максимальный срок лишения свободы в санкции в ч. 1 ст. 291² УК РФ составляет 1 год, а в ч. 2 ст. 291² УК РФ – 3 года.

Таким образом, крайне затруднительным представляется доказать факт совершения дачи и получения взятки, а, следовательно, оперуполномоченные и дознаватели могут испытывать затруднения в расследовании дачи, получения взятки и собирании доказательств при невозможности проведения основных ОРМ по данным уголовным делам.

Вторая проблема, возникшая в связи с введением ст. ст. 204², 291² УК РФ, связана с непониманием логики дифференциации ответственности в ст.ст. 204, 204² и 290, 291, 291². Как верно отметил Верховный Суд РФ, «статья 204² УК РФ (мелкий коммерческий подкуп) и статья 291² УК РФ (мелкое взяточничество) содержат специальные нормы по отношению к нормам статей 204 и 290, 291 УК РФ и не предусматривают такого условия их применения, как отсутствие квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных частями 2–4, 6–8 статьи 204, частями 2–6 статьи 290 или частями 2–5 статьи 291 УК РФ. В связи с этим коммерческий подкуп на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, получение взятки, дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, влекут ответственность по части 1 статьи 204² либо по части 1 статьи 291² УК РФ независимо от того, когда (до 15 июля 2016 года или после этой даты) и за какие действия (законные или незаконные) они совершены, в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также наличия или отсутствия дру-

---

⁵ См., напр.: Таранин Б. А. Проблемы выявления и раскрытия взяточничества и коммерческого подкупа: оперативно-розыскные, криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты : автореф. дис. ... к. ю. н. : 12.00.09. Калининград, 2007. 27 с. ; Филатова Т. В. Расследование взяточничества как проявления коррупции : автореф. дис. ... к. ю. н. : 12.00.09. М., 2009. 28 с.

⁶ Чуклина Э. Ю. Указ. соч. С. 97.

⁷ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ : в ред. от 06.07.2016 // СПС «Консультант Плюс».

гих квалифицирующих признаков коммерческого подкупа и взяточничества»⁸.

По нашему мнению, такая оценка действий лиц, совершивших коммерческий подкуп, дачу, получение взятки при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 204, 290, 291, но на сумму, не превышающую 10 тысяч рублей, не соответствует тем целям, которые инициаторы проекта Федерального закона № 1079243-6 ставили перед собой, а именно «усиление уголовной ответственности за коррупционные преступления»⁹. Кроме того, действия должностного лица, предположим, вымогающего взятку, совершившего получение взятки организованной группой либо получившего взятку за незаконные действия (бездействия) на сумму, не превышающую 10 тысяч рублей, едва ли можно признать менее общественно опасными, нежели получение взятки, например, в размере 20 тысяч рублей без квалифицирующих признаков.

Кроме того, Верховный суд разъяснил, что вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные частями 1–4 статьи 204, частями 1, 3, 4, 5 статьи 290, частями 1, 3, 4 статьи 291 УК РФ (в редакциях, действовавших до 15 июля 2016 года), если предмет коммерческого подкупа или размер взятки составлял сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, подлежат пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании статьи 10 УК РФ с переквалификацией действий осужденных на часть 1 статьи 204² или на часть 1 статьи 291² УК РФ¹⁰.

В частности, апелляционным определением Московского городского суда от 25 августа 2016 г. по делу № 10-12949 приговор Измайловского районного суда г. Москвы от 25 мая 2016 года изменен с переквалификацией действия С. с ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291² УК РФ.

С. признан виновным в покушении на дачу взятки должностному лицу лично за совершение заведомо незаконного бездействия, а именно в том, что он в г. Москве 08 сентября 2015 года лично передал сотруднику полиции А.С. в качестве взятки <данные обезличены> рублей за не привлечение к уголовной ответственности А.В., однако преступление не было доведено до конца по не зависящим от него обстоятельствам, поскольку должностное лицо от получения взятки отказалось¹¹.

---

⁸ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ-326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : вступили в силу с 15 июля 2016 года : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 28 сентября 2016 г. // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: http://www.vsr.ru/Show_pdf.php?Id=11051 (03.01.2017).

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности) : проект федерального закона № 1079243-6 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : сайт. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/5AF03BE982953D3F43257FBC00585574/\\$File/1079243-6.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/5AF03BE982953D3F43257FBC00585574/$File/1079243-6.PDF?OpenElement) (02.01.2017).

¹⁰ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ - 326-ФЗ...

¹¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 25 августа 2016 г. по делу № 10-12949 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=soj&n=1642194&dst=0&profile=0&mb=law&div=ara&basenode=2556475799-1717874264&sorttype=0&rnd=238783.26324421&ts=15317148346378426124&reftype=cldt_childless_contents_item_main_backrefs&refbase=law&refsegm=-1&refdoc=209092&refdst=2100&refpage=0&dirreffid=65534%2c18%2c209092#0 (03.01.2017).

Подобные действия, с нашей точки зрения, являются не менее общественно опасными, чем, например, дача взятки в размере 15 тысяч рублей, поскольку взятка по фабуле дела передавалась за незаконное бездействие.

Как отмечает Э. Ю. Чуклина, «безусловно, смягчение наказания за взяточничество в мелких размерах свидетельствует о гуманистическом характере новеллы, однако возникают вопросы относительно целесообразности данного решения в условиях высокой степени коррумпированности властных структур»¹².

По нашему мнению, подобное нововведение является несостоятельным с точки зрения логики построения уголовного закона и не выдерживает критики.

Помимо прочего, крайне неоправданным представляется отождествление общественной опасности дачи коммерческого подкупа или взятки с их получением. Такой вывод исходит из установленного размера санкции статей 204² и 291² УК РФ, что представляется противоречащим логике уголовного закона. Данная новелла противоречит традиционным в юридической науке и законодательной практике взглядам на степень общественной опасности получения взятки, наказание за которое должно быть строже, чем наказание за дачу взятки¹³.

Помимо вышеуказанных проблем, возникает еще один вопрос. В частях 2 статей 204² и 291² УК РФ предусмотрены квалифицированные составы мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества, совершенных лицом, имеющим судимость за коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе, а также за получение взятки, дачу взятки и посредничество во взяточничестве соответственно. В связи с этим возникает вопрос относительно целесообразности введения такого квалифицирующего признака в статьи 204² и 291² УК РФ при отсутствии данного признака в статьях 204 и 290, 291 УК.

Таким образом, введение статей 204² и 291² в УК РФ оказалось преждевременным. По нашему мнению, возможно несколько вариантов разрешения вышеуказанных проблем. Во-первых, поскольку преступления «мелкого» характера присущи административному праву (мелкое хищение, мелкое хулиганство, в частности), и законодатель усматривает небольшую общественную опасность мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества, возможно, было бы целесообразно отнести данные деяния к ведению КоАП РФ. Во-вторых, и, как нам кажется, это будет более разумным, исключить из УК РФ понятия мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества, поскольку уголовный закон и так предусматривает дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от размера коммерческого подкупа (незначительный, значительный, крупный, особо крупный). В настоящее время рассматриваемые нами составы нуждаются в серьезной доработке и уточнении основных их положений.

---

¹² Чуклина Э. Ю. Указ. соч. С. 98.

¹³ Там же. С. 98.

Н. Н. Зотова,

К. И. Кочеткова,

*студентки Института
прокуратуры РФ
ФГБОУ ВО «СГЮА»*

Проблема отграничения покушения на убийство и добровольного отказа от его совершения

Российская судебная практика зачастую сталкивается с проблемами в квалификации преступлений, находящихся «на границе» двух категорий: покушения на убийство и добровольного отказа от его совершения.

Согласно ч. 3 ст. 30 УК РФ, «покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам».

Особый интерес в данной ситуации представляет отказ от повторной попытки убийства. Правоприменители и ученые-теоретики сталкиваются с проблемой квалификации подобных действий. Возникает вопрос, возможен ли добровольный отказ от посягательства на жизнь после совершения действий, не повлекших за собой смерть потерпевшего случайным образом.

В соответствии с ч. 1 ст. 31 УК РФ «добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца».

В юридической литературе приводятся следующие мнения по данному вопросу. А. В. Наумов пишет о том, что «не признается добровольным отказом от совершения преступления отказ лица от повторного преступного посягательства в случае неудачи первого»¹. В. В. Диаконов формулирует следующую позицию: «Добровольный отказ от совершения преступления следует отличать от отказа от повторной попытки добиться преступного результата. Отказ от повторной попытки добиться преступного результата представляет собой такое завершённое (оконченное) покушение, где деятельность лица завершилась уже полностью. Что же касается отсутствия результата, то это связано с обстоятельствами, не зависящими от него, что не может устранить общественной опасности содеянного. Сам же факт отказа от повторения попытки добиться преступного результата в этом случае является лишь обстоятельством, смягчающим наказание виновному»². Сходное мнение выражает и А. Н. Попов, заметивший, что случай отказа от повторной попытки убийства необходимо квалифицировать как покушение на убийство, поскольку на момент отказа уже имеются все признаки оконченного покушения (виновный выполнил действия, непосредственно направленные на лишение потерпевшего жизни). Даже в случае активных

---

¹ Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 441.

² Диаконов В. В. Уголовное право России (Общая часть) : учебное пособие. М. : Кнорус, 2003. С. 147.

попыток оказать помощь раненому речь может идти только о деятельном раскаянии, которое на квалификацию содеянного не влияет³.

М. Д. Шаргородский отмечает, что в случае совершения посягательства на жизнь потерпевшего добровольный отказ невозможен, поскольку лицо осуществило все действия, необходимые для достижения преступного результата и в силу этого деятельность по предотвращению общественно-опасных последствий является лишь деятельным раскаянием⁴. С ним солидарен и Н. М. Скорилкин⁵.

Другие теоретики видят невозможность добровольного отказа в случае ненаступления смерти, потому что лицо не имеет полного контроля над развитием причинной связи, поскольку такой контроль утрачивается – наступление или ненаступление последствий зависит не только от воли лица, но и от других обстоятельств⁶. А. В. Наумов пишет: «Нельзя говорить, что лицо, давшее потерпевшему яд, а потом и противоядие полностью контролирует развитие причинной связи»⁷.

Существует и другая позиция, согласно которой добровольный отказ от убийства все же возможен, но только в определенных случаях. Во-первых, форма добровольного отказа должна быть исключительно активной. Во-вторых, отказ возможен лишь до тех пор, пока покушающийся способен повлиять на последующее развитие объективной стороны. В-третьих, активные действия покушающегося должны реально предотвратить наступление смерти потерпевшего. Что касается преступлений с материальным составом, то в данном случае виновный обязан не допустить наступление общественно опасных последствий: оказать первую медицинскую помощь, вызвать «скорую помощь» и т. д.⁸ К числу сторонников данной теории относятся А. А. Пионтковский, А. П. Козлов, Т. А. Плаксина, В. Ф. Караулов, Т. Н. Дронова, А. И. Орлова.

По нашему мнению, наиболее верна позиция последней упомянутой группы ученых. Следует признать, что добровольный отказ в подобных ситуациях всё же возможен, однако необходимо ещё раз подчеркнуть, что форма отказа должна быть именно активной. Виновный всеми доступными средствами должен пытаться предотвратить наступление смерти потерпевшего, в том числе обратиться за медицинской помощью. Однако это не означает категорическое отрицание точки зрения А.В. Наумова, поскольку после совершения покушения преступник, действительно, не в силах реально контролировать развитие причинно-следственной связи. Практическая разница этих позиций в том, что в первом случае виновный имеет шанс на добровольный отказ, что является до-

³ См.: Попов А. Н. Разграничение преступлений против жизни со смежными составами по признакам вины // Криминалистика. 2014. № 2. С. 3–11.

⁴ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. С.543–576.

⁵ См.: Скорилкин Н. М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 8.

⁶ Лызлов А. И. Добровольный отказ от доведения убийства до конца на стадии покушения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015. № 3. С. 90–93.

⁷ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 1996. С. 283–284.

⁸ Добровольный отказ от преступления [Электронный ресурс]. URL: http://studopedia.ru/6_83613_glava-X-stadii-soversheniya-prestupleniya.html (01.02.2017).

полнительным стимулом прекратить преступную деятельность и отказаться от совершения убийства, а во втором – он оказывается лишенным такого шанса.

В связи с тем, что учёные-теоретики и сами правоприменители не могут прийти к единому решению данного вопроса в ходе судебных разбирательств зачастую возникают спорные ситуации.

Например, приговором Промышленного районного суда г. Смоленска П. осужден по ч. 1 ст. 139 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Незаконно (через окно) проникнув в квартиру потерпевшей, П. стал угрожать ей лишением жизни. После ссоры П. нанес Г. ножевые ранения в жизненно важные органы. За медицинской помощью обратился несовершеннолетний сын потерпевшей, ей была своевременно оказана медицинская помощь. При рассмотрении дела в апелляционной инстанции Судебная коллегия по уголовным делам Смоленского областного суда не согласилась с квалификацией содеянного судом первой инстанции и переквалифицировала действия виновного на ч. 1 ст. 111 УК РФ. В качестве основания изменения квалификации в апелляционном определении был указан добровольный отказ от доведения убийства до конца. Судебная коллегия решила, что судом первой инстанции не были приняты во внимание причины прекращения осужденным преступных действий, и отметила, что виновный, имея объективную возможность полностью реализовать свой умысел, на стадии покушения добровольно и окончательно прекратил совершение преступных действий, отказавшись от доведения убийства до конца. В кассационном представлении заместитель прокурора Смоленской области поставил вопрос об отмене апелляционного определения и направления уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение ввиду неправильного применения судом апелляционной инстанции уголовного закона и квалификации содеянного как менее опасного преступления по сравнению с фактически совершенным. Президиум Смоленского областного суда, рассматривая дело в кассационном порядке, удовлетворил кассационное представление и отменил апелляционное определение, указав в кассационном постановлении, что суд апелляционной инстанции произвел неверную оценку действий осужденного⁹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данный вопрос необходимо решить путем внесения изменений и дополнений в УК РФ, позволяющих наиболее точно разграничить добровольный отказ от преступления и покушение на преступление, либо путем издания дополнительных актов официального толкования.

Однако пока подобные решения не приняты, необходимо руководствоваться п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», который гласит: «При рассмотрении дел об убийстве, являющемся особо тяжким преступлением, за совершение которого возможно назначение самого строгого наказания из предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний, суды обязаны неукоснительно выполнять требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела»¹⁰.

---

⁹ Кассационное постановление Президиума Смоленского областного суда от 19 июня 2014 г. №44У-51/2014 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : портал. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/rFzT2SylBQZ8/> (01.02.2017).

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

К. А. Зыков,

*студент 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки в российском уголовном законодательстве

В настоящее время уголовное законодательство многих стран мира имеет тенденцию к смягчению репрессивности. Об этом свидетельствует наличие многочисленных оснований смягчения наказания, а также освобождения от него. Уголовный кодекс России 1996 года предусматривает различные основания освобождения от уголовного наказания. Особый интерес вызывает такое основание, как изменение обстановки. О его социальном значении говорит А. В. Кузнецов. Он полагает, что изменение обстановки «служит уголовно-правовым способом защиты прав человека»¹. Мы считаем, что данный институт также является способом воплощения в уголовном законодательстве принципа экономии уголовной репрессии. Но вопрос об эффективности рассматриваемого института является дискуссионным.

В Уголовном Кодексе РФ рассматриваемый институт закреплен в статье 80.1. Она гласит, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными». При анализе данной статьи можно выделить следующие основные признаки.

1. Деяние, совершенное лицом, должно квалифицироваться как преступление небольшой или средней тяжести.
2. Преступление должно быть совершено впервые.
3. Освобождение от наказания по данному основанию может быть осуществлено только судом.
4. Изменение обстановки должно повлечь утрату общественной опасности деяния или (и) лица, его совершившего.

Рассмотрим более подробно последний признак. Именно он является ключевым и раскрывает сущность изменения обстановки. При освобождении от наказания суд должен основываться именно на факте утраты общественной опасности лица или совершенного деяния. Как полагают многие авторы, в таком случае, применение наказания как меры исправительного воздействия нецелесообразно.

Можно ли полагать, что утрата общественной опасности лица обладает уголовно-правовой значимостью при освобождении от наказания (а не при его смягчении)? Так, К. В. Михайлов считает, что, в таком случае, «нецелесообразность применения в отношении него [лица] каких-либо мер исправительного воздействия очевидна»². Мы предполагаем, что не стоит предавать факту утра-

---

¹ Кузнецов А. В. Изменение обстановки как уголовно-правовой способ защиты прав человека: сравнительно-правовой анализ // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. № 3. С. 176.

² Михайлов К. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 28. С. 61.

ты общественной опасности лица столь крупное значение по следующим причинам.

Во-первых, в момент совершения преступления лицо обладало общественной опасностью, так как причинило вред определенным общественным отношениям. Выносить наказание необходимо, на наш взгляд, ориентируясь именно на данный факт. Во-вторых, в уголовном праве России общественная опасность не является обязательным признаком субъекта, поэтому его утрата не должна влиять на освобождение от наказания.

Отметим, что Д. Р. Файзуллина высказала мнение, что утрата общественной опасности лица возможна только тогда, «когда есть основания полагать, что лицо больше не принесет вреда обществу, его интересам»³. Мы считаем, что нельзя дать гарантии, что лицо в будущем не причинит вреда общественным отношениям. Пока лицо является субъектом уголовного права, оно потенциально может стать и субъектом любого преступления. Какие-либо гарантии не имеют значения.

Хотелось обратить внимание и на то, что слишком широко в данном случае проявляется судебное усмотрение, так как четких законодательных критериев утраты общественной опасности лица нет. Это можно считать существенным коррупциогенным фактором.

Таким образом, мы считаем, что факт утраты общественной опасности лица хотя и должен иметь значение при вынесении наказания, но не должен являться основанием полного освобождения от него.

Также возникает вопрос, что такое «изменение обстановки», и каковы его критерии. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к истории. Институт изменения обстановки как основания освобождения от наказания является порождением отечественного законодателя⁴. В УК РСФСР 1926 года, где данный институт и был впервые закреплён, под изменением обстановки понималось «изменение уголовного закона» и «факт изменившейся социально-политической обстановки». В настоящее время изменение уголовного закона нельзя назвать изменением обстановки, так как в данном случае действует положение об обратной силе закона. В современной науке сохраняется понимание изменения обстановки как фактов изменения социально-политической обстановки. Так, К. В. Михайлов под изменением обстановки понимает «определённые перемены объективного характера, в том числе политических, экономических и социальных условий в стране»⁵. Некоторые авторы толкуют данное понятие в широком смысле как «значительные изменения жизненных условий по сравнению с теми, которые существовали к моменту совершения преступления»⁶. Но единого представления о значении понятия «изменение обстановки» нет. Современный законодатель также не счёл нужным дать формальное определение и перечислить его критерии.

³ Файзуллина Д. Р. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки: необходимость или архаизм советского судебного усмотрения? // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 281.

⁴ Кузнецов А. В. Изменение обстановки как уголовно-правовой способ защиты прав человека: сравнительно-правовой анализ // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. № 3. С. 176.

⁵ Михайлов К. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 28. С. 62.

⁶ Кузнецов А. В. Особенности восприятия правоприменителем изменения обстановки как основания освобождения от наказания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. №2. С. 21.

На наш взгляд, факт изменившейся социально-политической обстановки не должен устанавливаться судом. На правоприменителя не возлагается обязанности следить за изменениями социально-политической действительности. В то время как законодатель обязан это делать, в том числе и при принятии решения об изменении уголовного закона. Мы согласны с мнением И. А. Ефремовой, которая говорит о том, что «общественная опасность сопровождает преступление с момента его совершения и до момента декриминализации деяния как преступления»⁷. Таким образом, мы полагаем, что факт изменения обстановки (т. е. социально-политических условий), при котором утрачивается общественная опасность деяния, должен устанавливаться не правоприменительным органом (судом), а правотворческим, который, реагируя на данный факт, должен своевременно вносить изменения в Уголовный кодекс России путем декриминализации определенных деяний. Закрепление подобной функции за правоприменителем можно объяснить исторической обстановкой, при которой в двадцатые годы 20 века был введен институт изменения обстановки как основания освобождения от наказания. В то время не существовало разделения властей как такового, а политизация правосудия, как и прочих государственных органов, напротив, имела место быть. К тому же, в те годы политическая обстановка менялась намного более стремительно, чем в наше время. Законодатель, возможно, не мог своевременно обеспечить приведение уголовного закона в соответствие с социально-политической действительностью.

В целом, можно отметить, что некоторые авторы, основываясь на конкретных примерах из практики, делают вывод, что статья 80.1 УК России зачастую «применяется редко и неправильно»⁸. Анализируя судебную практику, действительно, можно увидеть случаи, когда за изменение обстановки принимали то, что подсудимая «раскаялась, явилась с повинной, добровольно возместила вред, сменила место работы» или родственники подсудимого «предприняли меры, направленные на возмещение вреда». Но статья 75 УК РФ перечисленные признаки признает деятельным раскаянием, а смена работы вообще не свидетельствует об утрате общественной опасности. Принимаются во внимание также то, что преступление «не повлекло значительных негативных последствий», хотя при формальном составе наступление последствий не является обязательным признаком. Учитывается также в качестве изменения обстановки «законопослушное поведение после совершения преступления и отсутствиеотягчающих обстоятельств». Данные факты также нельзя, на наш взгляд, называть изменением обстановки.

Таким образом, институт изменения обстановки, на наш взгляд, является излишним в уголовном законодательстве России. Законодатель не сумел разъяснить сущность данного института, что повлекло его чрезмерно широкую интерпретацию судьями. И, как верно отмечается некоторыми авторами, многие фактические обстоятельства конкретных дел, которые суд принимает за изменение обстановки, на самом деле относятся к другим институтам или вообще не являются основаниями для освобождения от наказания.

⁷ URL: <http://www.dissercat.com/content/osvobozhdenie-ot-nakazaniya-v-svyazi-s-izmeneniem-obstanovki-po-rossiiskomu-ugolovnomu-pravu> (15.02.2017).

⁸ Файзуллина Д. Р. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки: необходимость или архаизм советского судебного усмотрения? // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 283.

И. А. Иванов,

*магистрант 1 года обучения
РГПУ им. А. И. Герцена*

Тернистый путь становления гражданского общества через уголовно-правовую сферу: убийство матерью новорожденного ребенка

Проблематика становления гражданского общества неотъемлемо связана с построением справедливой правовой системы общества. Как известно, любая система есть не сумма отдельных составляющих ее элементов, но слажено взаимодействующих между собой частей. Свойства системы выходят за рамки признаков каждого из элементов, создавая уникальную взаимосвязь между собой. Поэтому существующая неоднозначность трактовки некоторых отраслевых статей, проблемное их понимание соотносится с построением гражданского общества и правового государства как частного по отношению к единому целому.

Сегодня в нашей статье мы хотим сфокусировать внимание на уголовно-правовой норме, посвященной убийству матерью новорожденного ребенка. Норма права, выраженная в статье 106 УК РФ, не была в фокусе внимания законодателей и Верховного Суда с момента ее принятия. Однако за этот длительный срок на неоднозначность и недосказанность статьи указывали как представители доктринальной мысли, так и практикующие юристы. Г. Н. Борзенков, Б. Волженкин, М. Н. Гернет, Е. И. Грубова, А. И. Коробеев, В. Н. Кудрявцев, А. С. Лукомская, Л. И. Мурзина, И. Б. Пашенько, Н. С. Таганцев и многие другие – все эти авторы в разное время изучали данный феномен с различных сторон. Однако на сегодняшний день данная тема исследования не потеряла своей актуальности из-за отсутствия со стороны представителей государственной власти хоть какой-то реакции на выявленные противоречия самой статьи и практики. Проблематика статьи обширна, но мы сделаем акцент на тех проблемах, которые не были выявлены до сих пор в трудах других исследователей.

Во-первых, убийство матерью новорожденного ребенка подразумевает четыре признака объективной стороны, которые по своей сути независимы друг от друга, но при этом все они имеют главную особенность, которая нигде не формулируется в доктрине, но презюмируется судом на практике как неотъемлемый признак объективной стороны преступления. Убийство новорожденного может быть совершено матерью во время родов, сразу же после них, в условиях психотравмирующей ситуации, в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. С точки зрения русского языка, строение предложения, образующего диспозицию статьи 106 УК РФ, видится как простое с однородными членами предложения в виде подлежащих и обстоятельств условия. Соединяются однородные подлежащие путем сочинительной связи в виде союза «а» в значении «а также», однородные обстоятельства – с помощью запятых. Таким образом, члены предложения связаны между собой при помощи сочинительной связи, что указывает на их равноправность. С другой стороны, на практике существует негласное правило, согласно которому любое убийство матерью новорожденного ребенка, при этом неважно признает ли комплексная судебно-психиатрическая экспертиза наличие психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, квалифицируется по статье 106 УК РФ, но не по п. «в» части 2 статьи 105 УК РФ. Возникает ре-

зонный вопрос: «Так ли правильно и достаточно объективно сформулирована статья, если судебная практика вносит свои коррективы в правопонимание нормы?» На наш взгляд, для объективизации нормы необходимо внести коррективы в текстуальную форму статьи, а именно: сформулировать ее иначе и ввести обязательное «условие» с помощью общего второстепенного члена предложения. Например, таким условием может быть «особое психоэмоциональное состояние матери». Тогда презумпция обретет официальное закрепление, что избавит представителей доктринальной мысли от излишних диспутов на сей счет.

Во-вторых, как показывает практика, момент формирования умысла также не влияет на квалификацию деяния конкретно в данном случае. К слову, обдуманное и спланированное убийство, скажем, на четвертом месяце беременности или и того ранее никак не повлияет на его квалификацию после рождения и убийства ребенка. На наш взгляд, это проблема вытекает из предыдущей, то есть вольной трактовки статьи. В этом случае тогда необходимо уточнить, что мать находится в особом психоэмоциональном состоянии на протяжении всей беременности. Учитывая формулировку статьи сегодня, такое деяние, на наш взгляд, необходимо квалифицировать по п. «в» части 2 статьи 105 УК РФ, так как заранее спланированное убийство однозначно отягощает его и требует иной оценки, более строгой и осудительной. Однако на практике все обстоит иначе.

Необходимо обратить внимание на важность принятия постановления Пленума Верховного Суда, в котором давались бы разъяснения по данным и по иным вопросам, касающиеся трактовки понятий «новорожденности для уголовного закона», ведь, как известно, имеется разное понимание по данному вопросу и среди медиков (клиническая, судебно-медицинская точки зрения), поэтому необходима определенность в данном вопросе¹. В постановлении также должны быть даны исчерпывающие комментарии, определяющие, что есть «психотравмирующая ситуация», «психическое расстройство, не исключающее вменяемости», «жизнеспособность плода».

Важно сказать, что становление гражданского общества напрямую зависит от гарантий со стороны государства каждой личности на развитие, реализацию своих прав. Как это не парадоксально звучит, но обязанности не должны быть непомерными для личности. Исходя из этого, необходимо строить и соответствующую будущую концепцию развития гражданского общества. В нашем случае при проведенном анализе были выявлены некоторые общие особенности статуса матерей, идущих на этот отчаянный поступок. Стоит сказать, что большинство матерей попросту не могут позволить себе еще одного ребенка. Как правило, убийство совершают многодетные матери. Не менее остро в таких семьях стоит и финансовый вопрос. Катастрофическое имущественное положение толкает матерей на убийство². Какой здесь видится выход? На наш взгляд, в рамках развития в России гражданского общества необходимо законодательно урегулировать вопрос развития системы бэби-боксов³. Нельзя позволить запретить эту социаль-

¹ Мачинский П. А., Тишков С. В. Судебно-медицинское исследование трупов плодов и новорожденных в учебном процессе. Сообщение 3. Жизнеспособность и нежизнеспособность плодов // Проблемы экспертизы в медицине. 2014. №4 (56). Том 14. С. 54.

² Муляр Е. Н. Актуальные вопросы, меры предупреждения и профилактики убийства матерью новорожденного ребенка // Символ науки. 2016. №4-2. С. 46.

³ Кондрашова М. А. Институт «Бэби – Боксов» для новорожденных как один из способов осуществления семейных прав и исполнения обязанностей // Вестник государственной юрид. академии. 2016. № 3 (110). С. 70.

ную технологию. Если хоть один ребенок будет спасен, то деньги и силы, вложенные в развитие этой программы, будут потрачены не зря. Жизнь человека – имманентная ценность гражданского общества. Это первооснова. Поэтому нам видится, что только развитие социальных программ поддержки матерей, многодетных семей, увеличение и законодательное закрепление бэби-боксов, принятие постановления Пленума Верховного Суда, разъясняющего проблемные вопросы – все эти меры позволят говорить о существенных преобразованиях на пути совершенствования гражданского общества и правового государства.

А. Б. Иванова,

аспирант 2 года обучения

*Иркутский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)*

Общественный контроль за незаконными банкротствами

В соответствии со статьей 32 Конституции Российской Федерации граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, что, безусловно, способствует развитию и эффективному функционированию гражданского общества. Формой участия граждан в управлении делами государства является общественный контроль.

В статье 4 Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля»¹ (далее – Федеральный закон «Об основах общественного контроля») под общественным контролем в настоящем Федеральном законе понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений.

Общественный контроль, его правовая основа, были предметом исследований многих ученых. Так, Доровских Д. В.² изучал проблему конституционно-правового регулирования общественного контроля, реализации принципов его организации и осуществления на различных уровнях. Нестеров А. В.³ рассматривал данный вопрос с точки зрения реализации положений Федерального закона «Об основах общественного контроля», проанализировал пути повышения результативности общественного контроля. Целью настоящего доклада является выяснение необходимости в формировании института общественного контроля за незаконными банкротствами.

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212 : в ред. от 03 июля 2016 г. // Собр. законодательства РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.

² Доровских Д. В. Нормативно-правовое регулирование общественного контроля в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 7–11.

³ Нестеров А. В. Об общественном контроле и открытом государственном управлении // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 3. С. 12–18.

О контроле как проверке, а также постоянном наблюдении в целях проверки или надзора речь идет в толковых словарях русского языка⁴, энциклопедиях⁵. Вместе с тем, не следует считать, что под словом «контроль» подразумевается только ограничение, принуждение, лишение самостоятельности, то есть все то, что прямо противоречит представлениям о свободе. На самом деле, контроль – это процесс обеспечения достижения субъектом управления своих целей.

Коммерческие организации преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. В частности, для этого руководитель организации может заключать от ее имени сделки, в результате которых формальным собственником полученного имущества становится сама организация (юридическое лицо). Соответственно, последствия неисполнения обязательства ложатся на него. Завладев, имуществом, руководитель избегает прямого обращения его в свою собственность. Впоследствии он использует право юридического лица распорядиться имуществом по своему усмотрению (продать его, обменять на другую вещь и т. д.). Здесь стоит сделать оговорку по поводу имущества организации. Ведь последнее является одной из важнейших составных частей успешной работы организации. Отчуждение его существенной части может привести к ослаблению позиций компании на рынке, прекращению коммерческой деятельности. Таким образом, выстраиваются целые цепочки таких сделок. Своими действиями руководитель создает, увеличивает неплатежеспособности юридического лица, что, в конечном счете, приводит к незаконному банкротству.

Незаконные банкротства охватывают закрепленные в статьях 196-197 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УК РФ) два состава: «преднамеренное банкротство» и «фиктивное банкротство». Преднамеренное банкротство – это совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

Фиктивное банкротство определяется как совершенное руководителем или учредителем (участником) юридического лица заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб.

Статья 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве» несмотря на принадлежность к сфере банкротства, имеет качественно иную природу, которая выражается в отдельных общественно опасных нарушениях, допущенных при проведении текущей процедуры банкротства, осуществляемой в соответ-

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 286.

⁵ Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 13. С. 70.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 19 дек. 2016 г. // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

вии с Федеральным законом от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁷. Вне рамок процедуры банкротства совершаются незаконные банкротства.

Для того чтобы действия того же руководителя юридического лица не привели к формированию неплатежеспособности последнего, дальнейшего ее увеличения, необходимо разрабатывать механизмы общественного контроля. Конечно, российское корпоративное законодательство содержит нормы, позволяющие владельцам бизнеса контролировать сделки, а при необходимости запрещать их посредством специальной процедуры – одобрения крупных сделок. Тем не менее, на практике этого может быть недостаточно.

Стоит отметить, о возможности бизнес-сообщества, которое может создавать такую корпоративную обстановку, при которой незаконное банкротство считалось бы аморальным, приносило бы серьезный вред деловой репутации лица. Так, достижение целей развития, успешной экономической и социальной сферы предполагает выстраивание эффективных механизмов взаимодействия общества, бизнеса и права.

Таким образом, необходимость в формировании института общественного контроля за незаконными банкротствами, безусловно, имеется. Участия бизнес-сообщества в осуществлении общественного контроля на современном этапе развития экономических отношений явно недостаточно. Поэтому данный правовой институт может стать эффективным средством обеспечения безопасности государства от незаконных банкротств.

Д. С. Ивинская,

*магистр юридических наук,
аспирант кафедры
уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики ГрГУ им. Я. Купалы,
Республика Беларусь*

Влияние признаков, характеризующих личность преступника, на содержание уголовно-правового воздействия

Для реализации принципа справедливости и индивидуализации меры уголовной ответственности необходимо учитывать признаки, характеризующие личность преступника. В научной литературе распространено мнение, что определяющим фактором при решении вопроса о назначении наказания являются характеристики совершенного преступного деяния. Данное положение требует уточнения. Когда при назначении наказания провозглашается ведущая роль преступного деяния, то подчеркивается значение принципа справедливости (именно справедливости уравнивающей, а не распределяющей). Но при назначении наказания суд должен руководствоваться и другими принципами, такими, как личной виновной ответственности, гуманизма, а также справедливости в контексте дифференцирующего аспекта, с учетом которых требуется обеспе-

---

⁷ О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ : в ред. от 03 июля 2016 г. // Собр. законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

чить учет личности преступника. Можно ли считать принцип «уравнивающей справедливости» главенствующим, по сравнению с остальными? Положительный ответ означал бы, что необходимо признать обоснованным назначение равнозначных мер уголовно-правового воздействия различным лицам, совершившим сходные по степени общественной опасности одновидовые деяния, независимо от характеристик личности преступника (например, лицу, впервые совершившему преступление, и рецидивисту). Очевидно, что суд обязан назначить наказание с учетом личности преступника. Поэтому назначение окончательного наказания с учетом совокупности критериев, в котором отражены различные степени общественной опасности преступления и преступника, есть результат совокупного учета связанных между собой вышеперечисленных принципов. Предназначение принципов назначения наказания состоит в том, чтобы способствовать суду в получении сбалансированной оценки критериев, определяющих вид и размер наказания.

Дефиниция «личность преступника» является полностью теоретической, и отсюда встречаются расхождения во мнениях учёных, а также большое количество отличающихся друг от друга определений данного понятия. Каждый учёный, разрабатывающий учение о личности преступника, давал ему своё описание с акцентом на характеристики, которые на его взгляд, являются ключевыми. «Личность преступника» П. С. Дагель определял как совокупность социально-политических, психических и физических признаков лица, совершившего преступление, имеющих уголовно правовое значение¹. В данном понятии используется ретроспективная оценка личности как преступника, т. е. «личность преступника» появляется уже после совершения преступления. А. Б. Сахаров определял личность преступника как определённую совокупность всех социально значимых признаков, свойств, связей и обстоятельств, которые в сочетании с иными условиями и обстоятельствами влияют на совершение преступления². Данное понятие указывает на наличие у лица признаков, свойств, связей и обстоятельств, которые уже существуют до совершения преступления и являются «толчком» к его совершению. Сравнивая два вышеуказанных подхода нужно отметить, что понятие «личность преступника» по утверждению П. С. Дагеля появляется уже после совершения преступления, а до его совершения существовать не может. У А. Б. Сахарова личность преступника является ключевым звеном на пути к совершению преступления, но с учетом определенной сложившейся ситуации, условий и обстоятельств, создавших благоприятные условия для совершения деяния. Личность преступника – это личность человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовной ответственности³.

В законодательстве понятие «личность преступника» не закрепляется, в частности в Уголовном кодексе Республики используется категория «личность виновного». Следует также различать понятия «субъект преступления» и «личность преступника». Субъект преступления – уголовно-правовая категория,

¹ Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 15.

² Сахаров А. Б. Учение о личности преступника и причинах преступности. М., 1961. С. 66.

³ Личность преступника / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Юрид. лит., 1975. С. 16.

личность преступника – криминологическое понятие. Данные категории не являются тождественными, но взаимосвязаны. В понятии «личность преступника» выражается социальная сущность лица, совершившего конкретное преступление, индивидуальные характеристики, отражающие его нравственный и духовный мир.

Учет признаков, характеризующих личность преступника, основывается на реализации принципа индивидуализации уголовной ответственности и играет важную роль при достижении целей уголовной ответственности. От свойств личности, на которую непосредственно осуществляется уголовно-правовое воздействие, зависит и сама возможность достижения целей уголовной ответственности в отношении определённого лица (т. е. целей специальной превенции). Наказание должно воздействовать на сознание преступника и должно стать одной из детерминант его поведения, тем самым изменяя личность преступника и искореняя в ней склонность к совершению преступлений. Самостоятельное значение имеет социально-демографическая и социально-психологическая характеристика личности лица, совершившего преступление: данные об образовании, профессии, роде и месте работы, занятиях, хобби, его отношении к работе и другим занятиям, информация о его образе жизни, времяпрепровождении и т. п. Полная, всесторонняя, объективная оценка личности преступника дает возможность судить о том, случайно ли совершенное преступление или оно является закономерным результатом антиобщественной направленности личности преступника. Соответственно определяются и оптимальные средства достижения в конкретном случае целей уголовной ответственности.

Значение тех или иных обстоятельств при определении вида и меры уголовно-правового воздействия неодинаково. При этом их стоит учитывать и оценивать лишь в системе, недопустимо заранее декларировать предустановленное значение отдельных из них, взятых изолированно. В каждом конкретном случае следует учитывать следующие конкретные обстоятельства: 1) весь комплекс характеристик, а не отдельно изолированные, позволяющие, индивидуализировать ответственность; 2) динамику развития и модификации личностных характеристик лица, совершившего преступление как до решения вопроса о привлечении его к уголовной ответственности, так и в процессе отбывания наказания.

Р. Н. Исмайылов,

*студент 3 курса
РГПУ им. Герцена*

О необходимости гуманизации уголовно-правовой политики Российской Федерации

Представлены анализ уголовно-правовой политики государства и содержание одного из необходимых направлений ее реализации в современных условиях – гуманизации уголовного законодательства и практики его применения. В рамках статьи проводится анализ некоторых средств, возможных для решения обозначенной проблемы, с учетом опыта их внедрения в уголовную политику

развитых стран зарубежья.

Под уголовной политикой понимается направление деятельности государства в сфере борьбы с преступностью, определение форм, задач, содержания деятельности государства и его органов в этой сфере¹. Необходимо подчеркнуть, что уголовная политика – это именно направление указанной деятельности, а не сама деятельность. Уголовная политика формирует и формулирует стратегию и тактику уголовно-правовой борьбы с преступностью путем той деятельности, которая определяет ее содержание².

В юридической науке под уголовной политикой в широком смысле общепринято понимать, во-первых, уголовно-процессуальную политику, а, во-вторых, уголовно-исполнительную (пенитенциарную) политику. При этом обязательным условием является обозначение пенитенциарной политики как общего, состоящего из двух направлений, которые следует разграничивать: исполнение наказаний, связанных с лишением свободы, а также исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы.

С одной стороны, Уголовный кодекс РФ, принятый в 1996 году, постулирует как основную цель наказания «восстановление социальной справедливости» (ст. 43 УК РФ). Подобная позиция законодателя не может не вызывать опасений, т.к. системой государственного контроля над преступностью намеренно создается тенденция на принятие уголовного наказания обществом как нравственно одобряемого состояния межличностных отношений.

С другой стороны, для российского института исполнения уголовных наказаний характерна неспособность достижения стоящих перед ним целей (вероятно, в большей степени этому способствует неприменимая для современного общества цель уголовного наказания, отмеченная выше): т.н. «кризис наказания» вынуждает общество искать новые способы контроля над преступностью, оптимизировать и совершенствовать систему (наказаний), виды и сроки наказания³.

Применительно к Российской Федерации кризис наказания выражается в неизменном лидерстве среди прочих стран по количеству тюремного населения, исходя из расчета на 100 тысяч человек. Данный тренд сохраняется на протяжении уже многих лет. По данным ФСИН России, по состоянию на 1 января 2017 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержатся 630 155 человек⁴. Еще 406 948 человек, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, состоят на учете в уголовно-исполнительных инспекциях⁵, притом, что большая часть из них – это лица, осужденные к лишению свободы условно.

Научные позиции современных ученых, несмотря на зачастую совершенно противоположные воззрения, сходятся в критических оценках реализуемой

---

¹ Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 9. С. 7.

² Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 18.

³ Дикаева М. С. Назначение и исполнение уголовных наказаний в России: криминологический анализ : дисс. канд. юрид. наук : 12.00.08. Калининград, 2016. С. 3.

⁴ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsin.ru> (24.01.2017);

⁵ Там же.

государством уголовной политики. По мнению Я. И. Гилинского, в России отсутствует реалистическая, научно-обоснованная уголовная политика⁶. Те законодательные и подзаконные акты, которые постоянно принимаются *ad hoc*, не могут ясно обозначить целостную уголовную политику государства. Э.Ф. Побегайло утверждает, что все законодательство, связанное с борьбой с преступностью и представляющее единую систему (УК, УПК, УИК, КоАП РФ), должно быть подвергнуто комплексной криминологической экспертизе с учетом опыта его практического применения и оценки эффективности⁷.

Анализируя объективную законодательную и правоприменительную практику, нами прослеживается комплекс проблем:

1) некорректная (или вовсе отсутствующая) государственная доктрина по борьбе с преступностью, выражающаяся в усилении репрессивности к совершаемым правонарушениям: криминализация незначительных деяний, усиление уголовной ответственности за преступления, связанные с оборотом наркотиков, криминализация пропаганды гомосексуализма, применения административной преюдиции при конструировании составов уголовных преступлений и др.;

2) назначение главным образом лишения свободы в качестве уголовного наказания за совершенное преступление: около 60% случаев нарушения уголовного закона оцениваются судами, как деяния со степенью общественной опасности достаточной для того, чтобы назначить обвиняемому лишение свободы. Несмотря на то обстоятельство, что Уголовным кодексом предусматривается целый ряд альтернатив данному виду наказания (например, доля назначаемых судами в 2014 году штрафов составила лишь 15,7%);

3) наличие исключительной меры наказания: представляется, что, сохраняя смертную казнь, противоречащую всем принципам, провозглашаем Основным законом, законодатель стремится оправдать лишение свободы как реальную альтернативу смертной казни;

4) повальное сокрытие преступлений от регистрации: по некоторым экспертным оценкам, реальный массив преступности превышает регистрируемый в 4-6 раз, что исключает возможность достоверно оценить ущерб от фактической преступности;

5) среда обитания в местах лишения свободы, не соответствующая принципам гуманизма и социальной справедливости: как правило, судимость неизгладимо сказывается на дальнейшей судьбе осужденного, а пребывание в местах заключения способствует не исправлению и последующей за освобождением социализации, а, напротив, рецидиву.

Помимо «восстановления социальной справедливости», как цели применения уголовного наказания, Уголовный кодекс РФ определяет еще одну цель – исправление осужденного (ст. 43). Отметим, что вторая половина XX века стала эпохой развития научной мысли о необходимости и возможности ресоциализа-

---

⁶ Гилинский Я. И. Уголовная политика Российской Федерации: *de jure* и *de facto* // Уголовная политика и проблемы правоприменения : сб. статей по материалам международной научно-практической конференции: 1 ноября 2013 г. / сост. Е.Н. Рахманова. СПб : ИД «Петрополис», 2013. С. 33.

⁷ Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 9. С. 14.

ции осужденных, т. е. их социальной адаптации после отбывания наказания. Помимо этого, выдвигались идеи о развитии института медиации, восстановительного правосудия. В то же время, современной наукой опровергнута возможность исправления осужденного применением к нему наказания.

Гуманизацию уголовной политики следует обозначить как выделение оснований и условий применения более мягкого уголовного наказания, либо освобождения от него. Гуманизация способствует утверждению принципов равенства, справедливости, человечности.

С учетом вышесказанного, определим некоторые основные положения, необходимые к применению в сфере уголовной политики с целью ее гуманизации.

Одним из приоритетных направлений уголовной политики развитых зарубежных стран в области назначения и исполнения уголовных наказаний является применение альтернатив лишению свободы, а также повсеместное расширение их применения. Например, при проведении масштабной правовой реформы в Финляндии, двумя основными альтернативами тюремному заключению для финских судей были условное лишение свободы (отсроченное наказание) и штраф⁸. Финский опыт применения альтернатив лишению свободы демонстрирует колоссальную эффективность: за время проведения реформы (вторая половина XX века) финнам удалось снизить количество заключенных в тюрьмах почти в 5 раз. При этом уровень криминогенности общества остался на дореформенном уровне, что подтверждает тезис о независимости числа совершаемых преступлений от суровости уголовных наказаний.

Другой мерой на пути к гуманизации уголовной политики России должно стать полное исключение возможности применения смертной казни. Достаточно назвать лишь один «побочный эффект» от применения высшей меры наказания, наглядно и исчерпывающе аргументирующий в пользу ее отмены – эффект восприятия суровости прочих наказаний. В стране, где применяется смертная казнь, все другие наказания, включая даже пожизненное лишение свободы, воспринимаются как более мягкие. Если в стране нет смертной казни, то статус наиболее сурового наказания переходит к пожизненному заключению⁹.

Примечательно, что некоторые развитые страны, ранее отменившие смертную казнь, продолжили движение в данном направлении, в последующем отменив и пожизненное лишение свободы. Так, в 1979 году смертная казнь была полностью отменена в Норвегии (с 1905 отменена в мирное время), а уже к 1981 году было отменено и пожизненное заключение.

Существенный потенциал содержит в себе институт медиации. Восстановительное правосудие способствует не только разрешению конфликта без применения уголовной ответственности, что минимизирует негативные последствия для виновного, но и позволяет максимально полно учесть интересы потерпевшего. Также применение медиации может стать дополнительным основанием освобождения лица от уголовной ответственности, что расширяет действие

---

⁸ Lappi-Seppala, T. Controlling Prisoner Rates: Experiences from Finland // UNAFEI Resource Material Series. №. 74. 2008. P. 3–19.

⁹ Anttila I. The Death Penalty: Criminological Perspectives. Syracuse-Italie, 1987.

статьи 76 Уголовного кодекса.

В Российской Федерации существует законодательная основа и практика применения восстановительных процедур¹⁰. Однако законом не предполагается возможности применения медиации в уголовном производстве. Рациональным решением проблемы могло бы стать дополнение вышеуказанного ФЗ положением о расширении его действия, в частности, к конфликтам, возникающим из уголовно-правовых отношений, с учетом ограничений, установленных УК РФ.

Касательно проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, необходимо утвердить новую концепцию отказа от усиления уголовной репрессии, увеличения сроков заключения, от ничем не объяснимой жесткости условий содержания заключенных, отбывающих наказание. Чрезмерно длительные сроки лишения свободы направлены лишь на изоляцию лица с девиантным поведением от общества. При таком подходе исправительное воздействие наказания представляется абсурдным, а наказание – первобытным причинением боли, нацеленным на частную превенцию.

Необходимо переориентирование уголовно-правовой политики государства на существенное сокращение как сроков лишения свободы, так и составов преступлений, которые предусматривают заключение. Приоритетным является улучшение условий содержания в местах лишения свободы.

Помимо вышеназванных, существует еще множество инструментов гуманизации уголовно-правовой политики, из которых большая часть уже была апробирована уголовными системами развитых зарубежных странах. В Российской Федерации помимо прочего возможны расширение действия института освобождения от уголовной ответственности, пересмотр санкций, установленных за криминализованные деяния (их соразмерности и правовой обусловленности), переоценка порогов возраста уголовной ответственности, отказ от использования административной преюдиции и т. д.

Е. А. Казанцева,

*магистрант 1 года обучения
ЮИ ИГУ*

Развитие уголовного закона в сфере защиты прав несовершеннолетних

Несомненно, что дети – это будущее общества, и от того, на каком уровне осуществляется защита их прав сегодня, зависит и то, каким будет это общество в будущем. Совсем недавно в уголовном законодательстве произошло выделение в качестве самостоятельного родового объекта уголовно-правовой охраны интересов семьи и несовершеннолетних, выраженное в главе 20 Уголовного кодекса РФ.

Охрана и обеспечение прав несовершеннолетних повышает уровень защищенности личности в государстве, а также престиж самого государства. В частности, исследование преступности несовершеннолетних показывает, что

---

¹⁰ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс] : федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

«из общего числа подростков, совершивших преступления, около 12% (по некоторым данным – более 20%), ранее сами являлись объектами преступной или иной противоправной деятельности еще до их вовлечения в совершение преступления»¹.

Исторический анализ уголовных норм, охраняющих права и интересы семьи и несовершеннолетнего, позволяет учесть накопленный веками законодательный опыт, и более детально регламентировать современные уголовно-правовые аспекты защиты интересов семьи и несовершеннолетних. В связи с этим изучение исторических аспектов развития института уголовной ответственности за нарушение прав несовершеннолетних является актуальным.

В одном из первых источников древнерусского права – Русской Правде, не уделялось большого внимания уголовно-правовой охране интересов семьи и несовершеннолетних. Так, в разделе, посвященном наследственному праву Пространной редакции, содержатся нормы, регулирующие опеку над сиротами (ст. 99). В статье регламентируются права и обязанности опекуна. Так же устанавливалась обязанность матери (вдовы) сохранять имущество семьи для передачи его детям (ст. 101). В случае если она утратит это имущество и второй раз выйдет замуж, то должна будет обеспечить содержанием детей. Право отражает существующие в обществе порядки.

В княжеских Уставах Владимира Святославича и Ярослава Владимировича уделяется большое внимание уголовно-правовой охране брачно-семейных отношений. Устав князя Ярослава Краткой редакции устанавливает наказание женщине за убийство плода. В данном случае законодатель предпринимает попытки защиты права ребенка на жизнь. В ст. 24 Устава «регламентируется право детей свободно вступать в брак, но наказание родителям назначалось не за сам факт насильственной женитьбы (замужества), а за повлекшее в результате самоубийство ребенка или попытку его совершения»².

Соборное Уложение 1649 г. явилось новым этапом в развитии права. Родители имели неограниченное право по отношению к детям. Убийство отца или матери наказывалось смертной казнью, в то время как убийство ребенка влекло для родителей тюремное заключение на 1 год.

В эпоху Петра I был сделан большой вклад в правовую охрану семьи и несовершеннолетних. Впервые в Воинском Артикуле 1715 г. была произведена попытка уравнивать ответственность за убийство родителей и за убийство детей.

В 1832 году под руководством М. М. Сперанского был принят Свод законов Российской империи. В Свод законов была включена глава «О превышении прав родительской власти». С этого периода начинают ослабевать патриархально-авторитарные внутрисемейные отношения.

Гуманизация всего российского общества обусловила изменение существующего уголовного законодательства. В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. «Раздел XI Уложения 1845 г. был посвящен преступлениям против прав семейственных. Отделение первое главы 2,

¹ Энциклопедия уголовного права. Т. 17. Преступления против семьи и несовершеннолетних. СПб., 2011. С. 123.

² Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов., М. : Проспект, 1999. С. 89.

и глава 4 этого раздела содержали преступления, связанные со злоупотреблением родительской властью»³. Такие злоупотребления могли проявляться в следующем: 1) в принуждении к браку детей своих или к пострижению в монашество (ст. ст. 2157, 2171); 2) в вовлечении своих детей в совершение какого-либо преступления путём злоупотребления своей властью или «преступных внушений» (ст. ст. 2158, 2172); 3) в развращении нравственности детей и потворству их разврату (ст. 2159); 4) в присвоении и растрате принадлежащего детям имущества (ст. ст. 2161, 2172). Также интересы несовершеннолетних охранялись и нормами других глав. Например, в разделе VIII «О преступлениях против общественного благоустройства и благополучия» содержалась глава 6 «О нарушении постановлений о воспитании юношества».

Уложение 1903 г. содержало главу о преступлениях против прав семейственных. Отметим ст. 420, в соответствии с которой родитель (опекун, попечитель) подлежал тюремному заключению и лишению родительской власти над несовершеннолетним за жестокое обращение с детьми, не достигшими 17 лет, если «деяние виновного не составляет весьма тяжкого или тяжкого телесного повреждения»; за обращение к нищенству или иному безнравственному занятию или в отдаче несовершеннолетнего для этой цели; за принуждение к вступлению в брак лица, не достигшего 21 года.

В УК РСФСР 1922 г. практически не содержалось норм, направленных на охрану интересов несовершеннолетних. В гл. V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства» была включена ст. 162, предусматривающая ответственность за похищение, сокрытие или подмену чужого ребенка с корыстной целью, из мести или из иных личных побуждений. Также существовала норма об оставлении без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишенного возможности самосохранения по малолетству (дряхлости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния), если оставивший без помощи был обязан заботиться об этом лице (ст. 163). В ст. 165 устанавливалась ответственность родителей за неуплату алиментов или за вообще оставление детей без надлежащей поддержки. В 1926 г. рассматриваемое преступление было разделено на два самостоятельных деяния, предусматривающих ответственность за: «злостное, несмотря на имеющуюся к тому возможность, уклонение от платежа присужденных судом средств на содержание детей» (ч. 1 ст. 158) и «оставление родителями малолетнего без всякой поддержки, а равно понуждение детей к занятию нищенством» (ч. 2 ст. 158 УК). Безусловно, такое разделение можно рассматривать как совершенствование уголовно-правовых норм. На наш взгляд, ч. 1 ст. 158 УК РСФСР – прототип ч. 1 ст. 157 действующего УК РФ, а ч. 2 ст. 158 УК РСФСР – ч. 1 ст. 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в занятие попрошайничеством).

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 11 августа 1924 года была введена мера социальной защиты несовершеннолетнего – лишение родительских прав, в случае «неправомерного их использования», (п. «е» ст. 6 УК) или злоупотребление таким правом (ст. 49-а).

---

³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII- нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. Т. 1. СПб., 2000. С. 88.

В 1960 был утвержден новый Уголовный кодекс РСФСР, который не содержал самостоятельной главы о преступлениях, посягающих на интересы несовершеннолетних, нормы, затрагивающие их права, содержались в нескольких главах. В ст. 122 устанавливалась ответственность за «злостное уклонение родителей от уплаты по решению суда или постановлению народного судьи средств на содержание несовершеннолетних детей или от содержания состоящих на их иждивении совершеннолетних, но нетрудоспособных детей»⁴. Ст. 124 УК РСФСР защищала подопечного от злоупотребления опекунами обязанностями, а именно, от использования опеки в корыстных целях или оставление подопечных без надзора и необходимой помощи. Ст. 125 УК РСФСР предусматривала уголовную ответственность за подмену или похищение ребенка, совершенное из корыстных или иных низменных побуждений. Позже, данный состав был разделен на два самостоятельных: ст. 125 УК РСФСР – подмена ребенка, совершенная из корыстных или иных низменных побуждений; ст. 125.1 УК РСФСР – похищение человека. Также УК РСФСР устанавливал ответственность за посягательства на нормальное развитие несовершеннолетнего: вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность (ст. 210); доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения (ст. 210.1).

Подводя итоги исследования исторического обзора российского уголовного законодательства о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, отметим, что оно постоянно развивалось и совершенствовалось. Уголовно-правовая охрана семьи встречается уже в XI–XII веках в Уставах князя Владимира и князя Ярослава. Интересы и права ребенка стали объектом уголовно-правовой охраны значительно позже. Первоначально охранялось лишь право на жизнь. Впервые в Воинском Артикуле 1715 была произведена попытка уравнивать ответственность за убийство родителей и за убийство детей. Постепенно беспредельное право родителей по отношению к детям ослабевало и стало ограничиваться рамками закона. Значительный прогресс в развитии Уголовного законодательства произошел с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Была произведена первая попытка систематизации преступлений: составы были сгруппированы по 53 объекту посягательства. Однако в Советском уголовном законодательстве дореволюционный законодательный опыт по политическим мотивам был отброшен. Традиционными, независимо от исторического периода, остаются такие преступления, как вовлечение ребенка в совершение какого-либо преступления, непредоставление родителями пособий «для жизни» и неуплата средств на содержание ребенка, подмена ребенка.

Включение в Уголовный кодекс РФ самостоятельной главы об ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних является обоснованным законодательным решением, так как в настоящее время защита прав и интересов несовершеннолетних является важнейшим направлением государственной уголовно-правовой политики. Политика, направленная на поддержание и защиту прав несовершеннолетних, обеспечивает формирование демократического правового государства и стабильное развитие общества в целом.

---

⁴ История отечественного государства и права : учебник / отв. ред. И. А. Исаев. М. : Проспект, 2012. С. 236.

Я. В. Каплич,

студентка 5 курса

УО «БарГУ», Республика Беларусь

**«Корыстная цель» как субъективный признак преступления,
предусмотренного ст. 210 УК Республики Беларусь**

Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями занимает особое место среди форм хищения имущества, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК). Повышенная опасность данного состава преступления заключается в том, что он относится к одному из наиболее распространенных проявлений коррупции. Вследствие чего белорусский законодатель закрепил его в перечне коррупционных преступлений. Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями составляет удельный вес в системе коррупционных преступлений.

Актуальность темы определяется тем, что согласно статистическим данным Министерства внутренних дел, за январь-декабрь 2012 год зарегистрировано по ст. 210 УК – 546 преступлений; за январь-декабрь 2013 года зарегистрировано по ст. 210 УК – 597 преступлений; за январь-декабрь 2014 год зарегистрировано по ст. 210 УК – 526 преступлений; за январь-декабрь 2015 год зарегистрировано по ст. 210 УК – 703 преступлений; за январь-декабрь 2016 года зарегистрировано по ст. 210 УК – 783 преступлений¹.

Анализируя данные статистики за пять лет, стоит отметить, устойчивый количественный рост преступлений, связанных с хищением путем злоупотребления служебными полномочиями, в общем количестве преступлений против порядка собственности. Данный рост свидетельствует как о несовершенстве уголовно-правовых мер борьбы с данным преступлением, так и несовершенстве мер уголовно-правовой охраны данной сфере общественных отношений.

Уголовное законодательство устанавливает ответственность за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, которое состоит в завладении имуществом либо приобретении права на имущество, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ст. 210 УК Республики Беларусь)².

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.210 УК характеризуется использованием должностным лицом своих служебных полномочий для завладения имуществом или приобретения права на него.

Объектом данного преступления являются отношения собственности по поводу владения, пользования или распоряжения имуществом.

Предмет рассматриваемого преступления закреплен в примечании главы 24 в п. 1, в качестве которого выступает – имущество и право на имущество.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью.

---

¹ Общая статистика за 2012-2016 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by> (30.01.2017).

Субъект преступления, предусмотренный ст. 210 УК – специальный, должностное лицо³.

Подробнее остановимся на субъективной стороне рассматриваемого преступления, которая характеризуется умышленной формой вины, прямым умыслом и корыстной целью. Виновный сознает, что завладевает имуществом или приобретает право на него путем злоупотребления своими служебными полномочиями, предвидит, что в результате своих действий причинит вред собственнику, и желает этого.

Корыстная цель – это обязательный признак субъективной стороны рассматриваемого преступления (ч. 1 прим. к главе 24 УК)². Если, например, имущество изымается не в целях обогащения кого-либо, а, например, для последующего уничтожения, то ответственность должна наступать соответственно за приготовление к умышленному уничтожению имущества (ст. 13, 218 УК).

Стоит отметить, что в настоящее время понятие корыстной цели на законодательном уровне не закреплено. В судебной практике корыстная цель признается при наличии следующих обстоятельств:

- 1) лицо стремится извлечь материальную выгоду;
- 2) эта цель удовлетворяется за счет изъятого имущества;
- 3) лицо стремится обратить похищенное имущество в свою пользу, в пользу близких лиц или других лиц, в чьей судьбе виновный заинтересован.

Как видим, несмотря на различие формулировок, сущность корыстной цели состоит в стремлении похитителя извлечь материальную выгоду из чужого имущества, незаконно обогатиться. Но стремление незаконно обогатиться – это ведь и есть внутреннее побуждение, т. е. мотив. В уголовном праве мотив преступления определяется как осознанное побуждение, которым руководствуется лицо, совершая преступления.

Корыстные побуждения формируют у субъекта специфическое содержание корыстной цели. В этой связи для понимания содержания некоторых элементов корыстной цели следует использовать определение корыстных побуждений, данное в ч. 10 ст. 4 УК, где под ними понимаются мотивы, характеризующиеся стремлением повлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера⁴. Сочетание корыстных побуждений и корыстной цели при хищении является типичным, но не обязательным. В научной литературе неоднократно высказывалось суждение таких ученых как Дагеля П. С., Филановского И. Г., что лицо может совершать хищение с корыстной целью и при этом руководствоваться не корыстными побуждениями⁵.

Правило о наличии корыстной цели применяется и в случае совершения хищения при соучастии. Однако здесь отдельные соучастники хищения могут не преследовать корыстной цели завладения имуществом для себя, но сознательно могут направлять свои действия на то, чтобы произошло обогащение других лиц, участвующих совместно в преступлении. При хищении (особенно

³ Хиллота В. В. Квалификация преступлений против собственности. Гродно : ГГАУ, 2013. С. 152.

⁴ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : по состоянию на 19 июля 2016 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. Минск, 2017.

⁵ Барков А. В., Хомич В. М. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. С. 443–444.

при соучастии) могут и иметь место и другие побуждения (боязнь соучастника или чувство солидарности с ними). Следовательно, хищение в таких случаях совершается при наличии корыстных мотивов у одних, и совершенно иных мотивов (не корыстных) у других.

В данной ситуации практика последовательно исходит из того, что если участнику группы было заведомо известно, что он участвует в хищении, то такой субъект должен нести ответственность на тех же основаниях, что и лица, преследовавшие корыстные цели, ибо корыстная цель – это признак хищения, а не действия каждого участника в отдельности.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Мы полагаем, что мотивы, побудившие совершить преступление, предусмотренное ст. 210 УК, могут быть различными, но цель всегда остается одна – только корыстная. Это связано с тем, что лицо, совершающее анализируемое преступление, всегда противоправно завладевает чужим имуществом или приобретает право на такое имущество для того, чтобы обратить его в свою пользу либо распорядиться им по своему усмотрению, то есть преследует корыстную цель. А побуждения, толкнувшие его на это, могут быть различными.

2. С целью понимания корыстной цели как обязательного признака субъективной стороны хищения, а также во избежание ошибок при квалификации преступлений, полагаем целесообразным дополнить примечания к главе 24 УК частью 1¹ следующего содержания: *«Под корыстной целью хищения понимается стремление виновного завладеть чужим имуществом или приобрести право на него, с целью обратить похищенное имущество в свою пользу и распорядиться им по своему усмотрению, либо в пользу других лиц».*

А. Г. Кипель,

студентка 4 курса

*Барановичского государственного
университета*

Исторический очерк развития уголовного законодательства Республики Беларусь об ответственности за кражу

Кража всегда являлась неотъемлемой частью общественных отношений и всегда была уголовно наказуема, а само наказание было дифференцированным в зависимости от определенной эпохи, от уровня развития общества, общественных интересов и общественной опасности.

Одной из первых попыток систематизации норм в области охраны прав собственности и имущественных прав стал Судебник Казимира 1468 г., статьи которого устанавливали порядок возмещения вреда, причиненного кражей имущества и ответственности членов семьи преступника¹.

Судебник ввел также ряд новых принципов и подходов к наказанию преступников. Так, например, устанавливались единые для всего государства виды наказания за преступления, ограничивалась ответственность жены и детей

---

¹ Дмитрук Е. П. История государства и Беларуси : электрон. учеб.-метод. комплекс. Барановичи : РИО БарГУ, 2009. С 80–81.

за преступления мужа и отца. Также в Судебнике была закреплена идея индивидуализации наказания и впервые установлен принцип освобождения от уголовной ответственности детей до семилетнего возраста.

Согласно древним обычаям, если преступник был пойман с краденными вещами, то они передавались судье как оплата за работу, а потерпевший получал компенсацию в двукратном размере. По Судебнику имущество возвращалось потерпевшему. К преступнику могли применить два гражданских иска – штраф и иск о восстановлении нарушенных прав.

Таким образом, изданием в 1468 г. Судебника было положено начало кодификации норм уголовного и уголовно-процессуального права, заложена основа для дальнейшей систематизации писанного права.

В первой половине XVI века Великое Княжество Литовское являлось развитым государством. И первым наиболее полным систематизированным сводом законов этого периода стал Статут 1529 г.²

Так, в соответствии со Статутом 1529 г. кражей называлось тайное похищение чужого движимого имущества с корыстной целью. Предметом кражи законодатель считал имущество, находящееся во владении другого лица. Статут относит к нему вещи, находящиеся в домах, во дворе, в амбаре. Кражей также называлась и самовольная охота в чужих лесах, ловля рыбы в чужих озерах³.

Преступное действие при краже состоит в захвате предмета, когда происходит переход из правомерного владения потерпевшего в незаконное владение виновного. Этот захват является незаконным, самовольным и совершается тайно.

Кража считалась опасным преступлением, и в качестве меры наказания Статут часто предусматривал телесные наказания или наказания, связанные с членовредительством, а вора пойманного с поличным или «по горячим следам», карали смертью. В качестве дополнительного наказания за кражу предусматривались денежные штрафы — «вина» и «навязка», размер которых зависел от характера преступления, а часто и от воли суда или сословного положения преступника и потерпевшего.

Дальнейшее развитие нормы об имущественных преступлениях получили в Статуте 1588 г., согласно которому к повешению приговаривались разбойники, воры, пойманные с поличным; лица, впервые обвиненные в краже, если стоимость превышала определенную сумму; а также воры – рецидивисты независимо от стоимости украденного и др.

Первая четверть XVIII в. была временем бурных изменений не только в обществе, но и в правовой сфере. В 1715 г. издается Артикул воинский, нормы которого широко применялись на практике, так как зачастую это был единственный закон, на который суды могли сослаться в этот период. Впервые в истории уголовного права Артикул вводит понятие «преступление», которое, однако, не разъяснено в самом законе.

---

² Уголовное право в Беларуси по Статуту ВКЛ 1588 г. [Электронный ресурс] / Библиотека Грамотея. URL: <https://scholar.su/kontrolnye/ugolovnoe-pravo-1588-p2> (06.01.2017).

³ Шепелев И. В. Характеристика уголовно-правовых норм о хищении имущества по Статуту ВКЛ 1529г. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by> (06.01.2017).

Среди источников уголовного права XVIII в. следует выделить также и Указ Сената «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов» (3 апреля 1781 г.), в котором впервые была сделана попытка выработать точную терминологию преступлений против собственности.

В уголовном законодательстве Российской Империи XIX в. важное место занимает Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. По мнению Н.С. Таганцева, «это уложение несравненно более походило на свод, чем на кодекс, систематически построенный на едином общем начале». Современные исследователи отмечают, что Уложение о наказаниях не представляло собой достаточно четкого, юридически точно разработанного уголовного кодекса, однако система преступлений в нем стала более четкой и соответствующей объектам посягательства⁴.

Так, в Уложении 1845 г. были даны формальные определения имущественных преступлений. Кража определялась как «всякое, но в тайне похищение чужих вещей, денег, иного движимого имущества» посягательство. Достаточно большое число статей Уложения о наказаниях было посвящено именно имущественным преступлениям, которые были наиболее распространены.

Следующим важным источником уголовного права в истории был Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (20 ноября 1864 г.), глава XII которого содержала отделение III «О краже», однако само понятие кражи не раскрывалось.

Практически все централизованные законодательные источники досоветского периода юридически не дифференцируют ответственность за хищение в зависимости от стоимости похищенного. Эта новелла относится ко времени появления Устава 1864 г. и Проекта Уголовного уложения 1903 г. Согласно Уставу 1864 г., хищения относились к компетенции мировых судей, а наказание могло быть уменьшено за хищение вполнину, если похищенное имущество оценивалось в размере не свыше 30 копеек.

Для уголовного права было характерно понимание кражи как непосредственно тайного хищения чужого имущества. В Уголовном уложении 1903 г. была сделана попытка объединить составы кражи и грабежа в едином составе воровства. Однако эта новелла так и не была опробована в связи с изменением общественного строя и правовой системы.

В советском уголовном законодательстве термин «хищение» впервые был употреблен в Декрете ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении»⁵. Понятие «хищение» широко трактовалось также и в Постановлении от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной социалистической собственности»⁶ и в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

---

⁴ Уголовное законодательство об ответственности за кражу в дореволюционный период [Электронный ресурс] // Право и справедливость. URL: <http://www.lawplan.ru/lawds-1189-1.html> (21.01.2017).

⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова. М. : Статут, 2012. С. 625.

⁶ Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2012. С. 324.

Согласно данному Указу уголовно-наказуемыми были кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества. Также предусматривалась ответственность за такие же формы хищения колхозного, кооперативного или иного общественного имущества.

Применительно к посягательствам на личную собственность в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» вместо термина «хищение» был применен термин «похищение». В качестве форм похищения личной собственности граждан были предусмотрены кража (ст. 1) и разбой (ст. 2).

В доктрине уголовного права в различные периоды предпринимались попытки определить признаки общего понятия хищения. Так, Г. А. Кригер выделял два основных признака хищения: 1) преступное завладение имуществом; 2) корыстную цель⁷. Такие же признаки хищения выделяли Т. Л. Сергеева и Д. О. Хан-Магомедов. В работах других авторов указывались и другие признаки хищения. Однако обобщенное определение хищения было предложено А. А. Пионтковским: «Хищение государственного или общественного имущества – это умышленное незаконное обращение кем-либо государственного, колхозного или иного общественного имущества в свою собственность»⁸.

В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. определение хищения дано в следующей редакции: «Хищение – умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники»⁹.

Анализируя понятие хищения, И. Я. Фойницкий выделял шесть признаков понятия «хищение» чужого имущества: 1) чужое имущество; 2) изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц; 3) противоправность; 4) безвозмездность; 5) причинение ущерба собственнику или иному владельцу; 6) корыстная цель. Полагаем, что для полноты определения понятия «хищение» целесообразно учитывать еще один его признак, а именно – изъятие и (или) обращение чужого имущества помимо воли его собственника или владельца. Отсутствие хотя бы одного из семи указанных признаков исключает возможность признания совершенного деяния хищением.

Изучение отечественной истории показывает, что кража всегда признавалась одним из наиболее опасных преступлений, посягающих на основы существования общества, поскольку нарушала отношения собственности, вела к несправедливому перераспределению материальных ценностей, подрывала доверие к общественно полезному труду, как единственному одобряемому обществом источнику извлечения материальной выгоды.

⁷ Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная : учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана. М. : Юриспруденция, 2009. С. 384.

⁸ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / под ред. А. А. Жижиленко. 7-е изд., доп. и пересмотр. Петроград : Юрид. о-во при Петрогр. ун-те, 1916. С. 149–154.

⁹ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

В этой связи на территории Беларуси издревле существовали религиозно-духовные и уголовно-правовые запреты на совершение кражи, которые действовали с разной степенью эффективности на протяжении всей белорусской истории.

Таким образом, исследование основных тенденций развития уголовного законодательства Республики Беларусь позволило разработать и предложить ввести периодизацию правового регулирования отношений, связанных с обеспечением сохранности чужого имущества от тайного похищения, состоящую из следующих периодов:

1) период привилейного права (1468 г. – 1529 г.) – связан с одной из первых систематизаций норм в области охраны права собственности и других имущественных прав, закрепленных в Судебнике Казимира;

2) период действия статутов Великого Княжества Литовского (1529 г. – 1840 г.);

3) дореволюционный период (1840 г. – 1917 г.), связан с прекращением действия Статута 1588 г. и распространением на территории Беларуси действия законодательства Российской империи;

4) советский период (1917 г. – 1991 г.), связан с введением первых декретов советской власти о регулировании отношений в области охраны права собственности и имущественных прав;

5) современный период (1991 г. – настоящее время), связан с провозглашением независимости Республики Беларусь и обусловлен принятием действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь.

М. В. Ковальчук,

*курсант 2 курса
СЭФ Академия МВД
Республики Беларусь*

Проблемы реализации уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием

Зачастую у правоприменителей возникают весьма противоречивые мнения относительно квалификации преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 165 УК Российской Федерации (далее УК РФ). Данные противоречия, как нам представляется, существуют в большей степени из-за неоднозначности и нечеткости формулировки ч. 1, ч. 2 ст. 165 УК РФ. Останемся, на некоторых проблемах применения данной статьи в правоприменительной практике.

1. Проблема исчисления имущественного ущерба. Диспозиция ч. 1 ст. 165 УК РФ предполагает общественно опасное последствие в виде наступления имущественного ущерба в крупном размере. Понятие имущественного ущерба – оценочное, в законе не оговорено и в существенной степени зависит от мнения потерпевшего или правоприменителя.

Установление имущественного ущерба, причиненного анализируемым преступлением, и определение его размера подразумевает исчисление ущерба в денежном выражении на момент совершения преступления. В этом судебная

практика, как показывает анализ изученных уголовных дел, испытывает определенные затруднения. Не представляет собой сложности установление имущественного ущерба, возникшего в связи с уклонением от передачи (уплаты) должного. В данном случае, сумма материальных благ, не поступившая собственнику, либо иному владельцу имущества представляет величину имущественного ущерба. Труднее определить размер имущественного ущерба, причиненного вследствие незаконного использования имущества. В данном случае, для установления такового, следует руководствоваться соответствующими нормативными актами, в которых в денежном выражении отражена стоимость износа либо полного потребления данного имущества в зависимости от срока его эксплуатации. Рассматриваемая форма причинения имущественного ущерба также предполагает включение в исчисление размера ущерба так называемой упущенной выгоды, то есть недополученных доходов, которые потерпевший получил бы при обычных условиях оборота, если бы его право не было нарушено. Определение упущенной выгоды является не менее сложной проблемой, требующей обращения к гражданско-правовому анализу отношений. Её решение включает в себя следующие действия: а) определение наличия упущенной выгоды, на возмещение которой лицо действительно имеет право; б) собственно исчисление размера упущенной выгоды¹.

2. Проблема установления потерпевшего. Как правило, вопрос установления категории потерпевшего от названного преступления сложности не вызывает, однако в правоприменительной практике имеют место случаи, когда суд при вынесении решения по уголовному делу может и не признать потерпевшего собственником или иным владельцем имущества. Подобная ситуация в правоприменении возможна в тех случаях, когда между потерпевшим и обвиняемым имеют место обязательственные отношения.

Представляется, что за счет указания на категорию потерпевшего («собственник или иной владелец *имущества*») законодатель ограничил круг лиц, которые могут быть потерпевшими по уголовному делу о рассматриваемом преступлении, поставив под уголовно-правовую охрану субъектов лишь вещного права.

Расширение правового поля действия ст. 165 УК РФ, по нашему мнению, возможно путем исключения указания в диспозиции данной статьи ограничение категории потерпевших словосочетанием «собственник или иной владелец имущества». Подобный законодательный подход при конструировании статьи о причинении имущественного ущерба без признаков хищения заложен в УК Республики Беларусь и УК Украины.

3. Проблема установления момента окончания преступления. Эта проблема связана с необходимостью ответа на вопрос о том, обязательно ли для данного состава преступления получение виновным предполагаемой им имущественной выгоды. Судебно-следственная практика идет разными путями: в одних случаях деяния квалифицируются со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ как покушение на преступление, в других – без ссылки на таковую, т. е. как окончательное преступление.

---

¹ Борчашвили И. Ш. Мукашев А. К. Преступления против собственности: монография. Астана : Институт законодательства, 2009. С. 312.

Представляется, что второй вариант наиболее соответствует букве закона. Например, лицо незаконно воспользовалось вверенными предприятием денежными средствами в иностранной валюте, которые внесло на банковский счет под высокий процент, однако не успело получить накопленные по процентам суммы. Такое лицо несет ответственность за оконченное преступление, поскольку имущественный ущерб организации, которой принадлежат денежные средства, уже причинен (нецелевое использование денежных средств повлекло приостановление строительства торгового центра, а также штрафные санкции за несвоевременную оплату).

Поскольку состав рассматриваемого преступления имеет материальную конструкцию, то указанное преступление считается оконченным с момента причинения виновным собственнику или иному владельцу имущества ущерба в крупном размере независимо от получения виновным имущественной выгоды.

4. Проблема разграничения дефиниций «особо крупный ущерб» и «особо крупный размер» и исчисление размера особо крупного ущерба. Квалифицированным видом причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, согласно п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ является деяние, причинившее особо крупный ущерб. Понятие «особо крупный ущерб» не является идентичным понятию «особо крупный размер», используемый применительно к хищениям. Первый признак носит оценочный характер, так как УК не определён, второй же – четко отражен в примечании 4 к ст. 158 УК РФ и признается таковым, если стоимость похищенного имущества превышает один миллион рублей. Правоприменитель для исчисления размера особо крупного ущерба допускает аналогию указанных понятий. При терминологической, на первый взгляд, схожести названных признаков, обусловленной использованием законодателем одного и того же атрибута «особо крупный», они существенно отличаются друг от друга². В то же время законодательная техника требует правильного применения терминологии. Под ущербом понимают убытки, непредвиденные расходы, утрату имущества и денег, а также недополученную выгоду³. Это понятие включает в себя положительный (прямой) ущерб, т. е. выражающийся в реальном лишении собственника или владельца, принадлежащих ему ценностей, а также неполученный доход (косвенный ущерб), выражающийся в упущенной выгоде⁴. При этом особо крупный размер, исходя из положений УК РФ, определяется фактической стоимостью предмета преступного посягательства на момент совершения преступления. Из этого следует, что общий, совокупный особо крупный ущерб ни при каких обстоятельствах не может быть меньше особо крупного размера: он может быть либо больше последнего, либо равен ему.

Для устранения ошибок в правоприменительной практике, в п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ необходимо заменить словосочетание «особо крупный ущерб» словосочетанием «особо крупный размер».

---

² Гаухман Л. Д. Соотношение крупного размера и крупного ущерба по УК РФ // Законность. 2001. № 1. С. 34.

³ Современный экономический словарь / под ред. Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовского, Е. Б. Стародубцевой. М. : ИНФРА-М, 2006. С. 246.

⁴ Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 726.

Совершенно очевидно, что в рамках одной статьи невозможно подробно осветить не только все, но даже немногие проблемы практического применения рассматриваемой статьи. Поэтому здесь мы обозначили лишь некоторые из них, представляющиеся нам наиболее актуальными и значимыми в теоретическом и практическом отношении.

А. Н. Ковшова,

*студентка 2 курса
МГУ имени А. А. Кулешова,
Республика Беларусь*

Криминологическая характеристика женской преступности в Республике Беларусь: теория и практика

Безусловно, среди населения Республики Беларусь численность мужчин несколько меньше численности женщин, но, по данным статистических исследований, в криминальной сфере все совсем иначе. Среди лиц, совершивших преступления, женщин гораздо меньше, чем мужчин.

Так, в нашей стране за 2016 год по уголовным делам, расследование по которым окончено, выявлено 51 551 лиц, совершивших преступления. Среди них 8208 являются лицами женского пола. Темпы снижения к 2015 году 2,9% в отношении женщин¹.

Женская преступность является одним из важнейших и актуальных вопросов исследования. Это обусловлено тем, что преступное поведение женщин оказывает негативное влияние на все общественные процессы, на общество в целом и на его институты, на состояние преступности в будущем. Женщины более подвержены негативному влиянию, чем мужчины. Их поведение способно оказывать эффект и на других женщин, подавая им пример. Именно поэтому, профилактика таких преступлений имеет огромную значимость.

За последние годы количество преступлений, совершаемых женской половиной населения, существенно возросло, но в 2016 году, как отмечалось ранее, количество таких преступлений понизилось. Динамика женской преступности носила неустойчивый характер: удельный вес колебался от 12,7% до 20,6%.

Преступность женщин, наряду с общими признаками, обладает рядом специфических черт, отличающих их от преступлений, совершаемых мужчинами. Так, женская преступность, зачастую, отличается от преступности мужчин характером преступлений, их масштабами, последствиями, орудиями и способами совершения преступлений, а также целями.

Характерной особенностью женской преступности является превосходство корыстных целей при совершении преступлений. К таким преступлениям можно отнести кражи имущества, мошенничество, хищения путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, обман покупателей. В последние годы, женщины проявляют активное участие в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также наблюдается увеличение числа тяжких преступлений, совершаемых женщинами.

---

¹ Общая статистика преступлений за 2016 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел : сайт. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=342713> (23.01.2017).

Побуждением к совершению преступлений у женщин могут служить различные обстоятельства, к таким можно отнести: особенности их образа жизни, излишняя эмоциональность, защитная реакция, стремление к самоутверждению, получение материальных благ, политическая и экономическая нестабильность в стране.

Поэтому, основным детерминантом при совершении преступлений женщинами является нахождение их в состоянии алкогольного, наркотического и токсического опьянения. Попав в тяжелые жизненные ситуации, женщины, как правило, нередко прибегают к чрезмерному их употреблению, которые, как мы знаем, всегда усугубляют ситуацию.

Исследования в области женской преступности, в том числе и осужденных женского пола, отбывающих наказания в исправительных колониях № 4 (г. Гомеля в условиях общего режима) и № 24 (г. Речица в условиях строгого режима) подтверждают мнение ученых и работников правоохранительных органов необходимость внесения изменений в гражданское, трудовое, семейное, административное и уголовное законодательство с учетом психофизиологических особенностей лиц женского пола, который практически полностью несет ответственность за законопослушание подрастающего поколения и на плечах которых лежит весь микроклимат семьи.

А. А. Козылева,

студентка 2 курса

МГУ имени А. А. Кулешова

Общая характеристика наказаний в Республики Беларусь, не связанных с изоляцией от общества: понятие и условия назначения

Наказание является самостоятельной мерой уголовной ответственности. Его понятие установлено в ст. 47 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь).

Наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного. Уголовное наказания отличается от иных видов государственного принуждения в том, что оно назначается только по приговору суда и применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления.

Наказания, которые применяются к лицам, осужденным за совершение преступления, предусмотрены в ст. 48 УК Республики Беларусь, а именно: 1) общественные работы; 2) штраф; 3) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 4) исправительные работы; 5) ограничение по военной службе; 6) арест; 7) ограничение свободы; 8) лишение свободы; 10) пожизненное заключение; 11) смертная казнь (до ее отмены). Кроме основных наказаний, к лицам, совершившим преступления, мо-

гут применяться и дополнительные наказания: 1) лишение воинского или специального звания; 2) конфискация имущества¹.

Наказания подразделяются на основные и дополнительные. *Основные* назначаются самостоятельно и не могут быть присоединены в дополнение к другим наказаниям. *Дополнительное наказание* может быть назначено только в дополнение к основному виду наказания. Такие наказания присоединяются к основному наказанию, увеличивая тем самым карательный объем правовых ограничений за совершенное преступление.

Особенностью таких наказаний как общественные работы, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является то, что они могут применяться в качестве не только основного, но и дополнительного наказания, также эти наказания не связаны с изоляцией от общества.

Необходимо уделить внимание значению системы наказаний. Она способствует соблюдению законности при вынесении судами обвинительных приговоров и назначении наказаний. Судом может быть назначено только такое наказание, которое предусмотрено в уголовном законе и в системе наказаний. Определить какое наказание является более строгим или более мягким, возможно лишь на основе системы наказаний².

Система наказаний выражает сущность и направления карательной политики государства, его подходы к дифференциации, индивидуализации и гуманизации уголовной ответственности.

Таким образом, под системой наказаний понимается установленный уголовным законом, обязательный для суда, исчерпывающий перечень видов наказаний, расположенных в определённом порядке.

В группу наказаний не связанных с изоляцией от общества относятся следующие: 1) общественные работы; 2) штраф; 3) лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью; 4) исправительные работы; 5) ограничение по военной службе.

Социальная ценность наказаний, не связанных с изоляцией лица от общества, состоит в том, что при их исполнении не наступают негативных последствий в виде разрыва социально полезных связей осужденного, распада семьи, обогащения осужденного криминальным опытом. Ему не нужно заново интегрироваться в социальную систему, овладевать социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками, которые помогут заново функционировать в обществе. Однако не каждый человек, побывавший в местах лишения свободы, сможет заново интегрироваться в социальную систему общества из-за его постоянного развития, поэтому и необходимы наказания, которые не предусматривают лишения или ограничения свободы, то есть изоляции от общества.

При назначении таких наказаний суд исходит из принципа индивидуализации, то есть учитывать характер и степень общественной опасности совершённого преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, харак-

---

¹ Уголовный Кодекс Республики Беларусь : официальный текст : по состоянию на 19 июля 2016 г. Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. 320 с.

² Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть : учебник. Минск : Академия МВД, 2014. С. 354–355.

тер нанесённого вреда и размер причинённого ущерба, дохода, полученного преступным путём и другое.

Общественные работы являются самым легким по тяжести видом наказания. Общественные работы заключаются в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением общественных работ и устанавливаются на срок от шестидесяти до двухсот сорока часов.

Начиная с 2013 года, применение общественных работ характеризуется следующими данными: 2013 год – 3004 лица или 7,8% от всех осужденных, 2014 год – 3478 лиц или 8,5%, 2015 год – 4200 лиц или 9,6%, 2016 год – 4411 лиц или 9,8%.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК Российской Федерации) существует схожая мера наказания – обязательные работы (ст. 49). Содержание данного наказания является схожее с общественными работами, закрепленные в Уголовном кодексе Республики Беларусь. Однако существуют различия применения таких наказаний. Во-первых, УК Российской Федерации относит обязательные работы к основным видам наказания, а во-вторых, максимальный предел срока наказания составляет 240 часов.

Исправительные работы устанавливаются на срок от шести месяцев до двух лет и отбываются на основании приговора суда по месту работы осужденного. Из заработка по основному месту работы осужденного производится удержание в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от десяти до двадцати пяти процентов, но не менее одной базовой величины ежемесячно³. Наказание в виде исправительных работ удачно сочетает в себе карательное и воспитательное воздействие на осужденного. Длительность удержаний из заработка осужденного определяет тяжесть этого наказания в системе уголовных наказаний в целом. Данное наказание призвано воздействовать на лиц, общественная опасность которых не требует обязательной изоляции их от общества.

Практика применения наказания в виде исправительных работ характеризуется спадом назначения, так если в 2013 г. исправительные работы были назначены в 2864 случаях, то уже в 2016 г. – 2066⁴.

Ещё одним видом наказания, который не связан с изоляцией от общества, является *штраф*. Штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом в случаях, установленных УК Республики Беларусь. Размер штрафа определяется с учетом размера базовой величины, установленного на день постановления приговора в пределах от тридцати до одной тысячи базовых величин. За преступления против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы штраф устанавливается в размере от трехсот до пяти тысяч базовых величин⁵.

Осужденный к штрафу обязан уплатить штраф в течение тридцати дней со дня вступления приговора суда в законную силу. Если осужденный не имеет возможности единовременно уплатить штраф, суд по ходатайству осужденного

³ Уголовный Кодекс Республики Беларусь. Минск, 2016. С. 31.

⁴ Статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: <http://court.gov.by/> (22.01.2017).

⁵ Уголовный Кодекс Республики Беларусь. Минск, 2016. С. 29–30.

и заключению судебного исполнителя может отсрочить или рассрочить уплату штрафа на срок до одного года⁶.

Анализируя статистические данные, можно прийти к выводу, что суды стали значительно чаще применять средства материального воздействия на лиц, совершивших преступление, так в 2013 г. – 4559, 2014 г. – 4648, 2015 г. – 4848, 2016 г. – 5196⁷.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено судом в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления на срок от одного года до пяти лет. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не может назначаться в качестве дополнительного наказания к общественным работам и штрафу.

Уголовно-правовое содержание этого вида наказания состоит в ограничении трудовых прав лица, злоупотребляющего своими правами и полномочиями, лишении его возможности заниматься привычной профессиональной деятельностью. Это наказание обладает значительными возможностями по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, связанных с осуществлением должностных или профессиональных функций.

Ограничение по военной службе сравнительно новым наказанием, применяемым в Республики Беларусь с 1 января 2001 года. Ограничение по военной службе по своим признакам аналогично исправительным работам, но применяется только к офицерам и иным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту. Содержание этого наказания составляет совокупность материальных, служебных и иных ограничений прав и свобод осужденных военнослужащих, реализуемых в результате их службы и без изоляции от общества. Это выражается в том, что помимо ежемесячных удержаний из заработной платы осужденный военнослужащий во время отбывания этого наказания не может быть повышен в должности, воинском звании. При этом срок наказания не засчитывается в срок выслуги лет для присвоения очередного воинского звания. Ограничение по военной службе назначается на срок от трех месяцев до двух лет. Размер удержаний из денежного содержания осужденного определяется приговором суда в пределах от десяти до двадцати пяти процентов. Ограничение по военной службе не может быть назначено: 1) лицам, имеющим выслугу лет для назначения пенсии, либо достигшим предельного возраста состояния на военной службе, либо имеющим право на увольнение по состоянию здоровья; 2) беременным женщинам; 3) лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком⁸.

Подводя итог, можно сказать, что при назначении наказания следует учитывать множество факторов, которые в дальнейшем могут повлиять на исправление человека и пресечение иных преступлений. Наказания, не связанные с лишением или ограничением свободы направлены на то, что лицо, осужденное

⁶ Круглов В. А., Климова Е. И. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Минск: Амалфея, 2015. 1008 с.

⁷ Статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: <http://court.gov.by/> (22.01.2017).

⁸ Уголовный Кодекс Республики Беларусь. Минск, 2016. С. 32–33.

за совершение преступления, не прекратит взаимодействовать с окружающим миром, ему не придётся заново интегрироваться в социальную систему и приспособливаться к новому, постоянно развивающемуся миру. Прежде всего, лицо, осужденное за совершение преступления, должно осознавать, что ему даётся шанс на исправление. Также стоит учитывать, что осужденные не прошедшие процесс социализации заново, являются опасными для общества. Поэтому деятельность исправительных учреждений должна быть направлена на разрешение, по нашему мнению, двух основных проблем: исполнение наказания и помощь осужденному в социализации. Исправительные учреждения не полностью помогают социализироваться после освобождения, так как лица, находившиеся в тюремном заключении, выходят на свободу и не могут интегрироваться в социальную систему общества, повторно совершают правонарушения, потому что они адаптированы к жизни в заключении, а к нормам принятым на свободе они привыкнуть не могут.

Е. В. Крахина,

*магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) АГП РФ*

**Совершение сделок как реализация объективной стороны легализации
(отмывания) денежных средств или иного имущества,
приобретенного преступным путем другими лицами**

В статье 174 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) указано: «Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом». В связи с этим возникает вопрос: что понимать правоприменительно под совершением сделок?

Согласно ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ), сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

В связи с этим целесообразно отметить различие понятий «обязательство» и «договор». Так, обязательство как обязанность есть не договор, а только последствие договора, как соглашения о ее установлении³. То есть, договор – это двухсторонняя сделка, являющаяся юридическим фактом, порождающим обязательственные правоотношения, в том числе, содержанием которых являются субъективные права и юридические обязанности. Закономерен вопрос: под совершением сделки следует понимать только ее заключение, либо исполнение субъективных прав и юридических обязанностей в рамках возникшего на основе двухсторонней сделки обязательства?

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательств Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательств Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. 2-е изд., СПб., 1901. С. 3–4.

ГК РФ выделяет три типа (модели) договора в зависимости от момента признания договора заключенным:

а) договоры, заключаемые в момент получения оферентом акцепта (консенсуальные);

б) договоры, для заключения которых необходима также передача вещи (реальные);

в) а также договоры, которые подлежат государственной регистрации и считаются заключенными с момента таковой⁴.

Согласно позиции Пленума Верховного суда Российской Федерации, момент окончания составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации совершаемых с помощью сделок, зависит от того, совершена ли эта сделка с передачей денежных средств или иного имущества приобретенного преступным путем, либо без их передачи. В первом случае, согласно пункту 8 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 32 от 07.07.2015 года «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»⁵, преступление будет считаться оконченным с момента фактического исполнения виновным лицом хотя бы части обязанностей или реализации хотя бы части прав, которые возникли у него по совершенной сделке. Данные положения применимы к консенсуальным договорам, например, купли-продажи.

Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что когда создается лишь видимость заключения сделки с имуществом, тогда как в действительности фактическая передача имущества по ней не предполагается, то преступления, предусмотренные статьями 174 и 174.1 УК РФ, следует считать оконченными с момента оформления договора между виновным и иным лицом. Необходимо также отметить, что если легализация денежных средств совершена посредством заключения договора займа, который, исходя из своей юридической природы, будет считаться заключенным в момент передачи суммы займа, то юридически правильно говорить о том, что преступление окончено в момент заключения сделки, а не ее исполнения виновным лицом хотя бы в части.

Таким образом, легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, будет считаться оконченной в момент заключения двухсторонней сделки не только тогда, когда не предполагается фактическая передача имущества, приобретенного преступным путем, но и когда момент его передачи в соответствии с гражданским законодательством считается моментом заключения такой сделки. Кроме того, Пленум Верховного суда Российской Федерации расширительно толкует данные нормы УК РФ, понимая под совершением сделки как ее заключение, так и исполнение по ней в зависимости от типа договора.

Закономерно возникает следующий вопрос о том, в какой момент оканчи-

---

⁴ Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. А. Белова. 2-е изд., М., 2016. С. 414.

⁵ О судебной практике по делам о легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : пост. Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 07 июля 2015 г. № 32 // Рос. газ. 2015. № 151.

вается преступление, совершаемое посредством односторонней сделки, например зачета взаимных требований? Когда, например, между двумя лицами – продавцом (кредитором) и покупателем (должником) заключен договор купли-продажи, во исполнение которого продавец – законопослушный гражданин передал покупателю законно приобретенное имущество. Предположим также, что указанные лица заключили между собой договор возмездного оказания услуг, где исполнителем будет являться покупатель по первому обязательству, а должником – продавец по первому обязательству, причем произведено надлежащее исполнение обязанностей исполнителем – оказана услуга. Таким образом, в двух обязательствах с одними и теми же субъектами гражданского оборота, произошло надлежащее исполнение обязательств кредиторами – имущество передано, услуги оказаны, а обязанности должников не исполнены, причем только одно лицо – покупатель имеет цель легализовать денежные средства, приобретенные преступным путем им самим либо другими лицами. При условии, соблюдения требований, предусмотренных статьей 410 ГК РФ, данные обязательства можно прекратить посредством зачета путем заявления одной из сторон, что по своей правовой природе является односторонней сделкой.

Право, при наличии указанных условий, возникшее у сторон, заключается в возможности совершить определенное юридически значимое действие – заявление о зачете, а не фактическое, которое является содержанием субъективного права, как например, передать деньги либо товар, кроме того это право обеспечено не обязанностью другой стороны, а необходимостью претерпевания таких действий, состоянием связанности. Возникает логичный вопрос о том, с каким юридически значимым действием следует соотносить момент окончания такого преступления: заключение первого договора купли-продажи, заключение второго договора возмездного оказания услуг, возникновение права зачета требований (наступления срока платежа), либо реализация права зачета посредством односторонней сделки – заявления о зачете?

По нашему мнению, если умысел виновного лица на придание правомерного вида владению денежным средствам, приобретенным преступным путем возник при заключении первого договора, и если данные денежные средства фактически переданы не будут, то преступление будет считаться оконченным в момент заключения договора купли-продажи, а дальше оно длится на стадии оконченного.

Если умысел виновного лица на придание правомерного вида владению денежными средствами возник при заключении второго договора возмездного оказания услуг, при том, что передача по нему данных денежных средств не предполагается, то преступление будет окончено в момент заключения второго договора возмездного оказания услуг, а далее преступление длится на стадии оконченного.

В том случае, если умысел виновного лица на придание правомерного вида владению денежными средствами возник уже после заключения второго договора, то преступление будет считаться оконченным с момента фактического исполнения виновным лицом обязанности по договору купли – продажи, а именно с момента заявления им о зачете платы оказанных им возмездных услуг и стоимости приобретенного им товара.

Таким образом, момент окончания состава преступления – легализации

имущества, приобретенного преступным путем с помощью совершения сделок, зависит от наличия факта передачи данного имущества, от типа заключенной двухсторонней сделки, а если схема легализации состоит из совокупности последовательно совершаемых сделок, то момент окончания такого преступления зависит от момента обнаружения умысла виновного лица на придание правомерного вида владения указанным имуществом.

Е. А. Лайкова,

адъюнкт ФГКОУ ВО
ВСИ МВД России

Назначение наказаний за преступления, предусмотренные ст. 322² и 322³ УК РФ

Каждый год в России обнаруживаются тысячи «резиновых квартир», в которых сотнями регистрируются мигранты, не имея намерения в них вселяться. При этом реальное место их жительства остается неизвестным. Можно бесконечно ругать государство за рост числа нелегальных эмигрантов, за недостаточность правового регулирования в этом вопросе. Однако граждане, на бытовом уровне выказывающие недовольство нелегальной миграцией, сами сдают квартиры таким иностранцам, превращая их в «мини-общежития»¹. Бесконтрольное пребывание на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства привело к резкому увеличению потока незаконной миграции и к увеличению совершаемых ими и в отношении их преступлений. Следует отметить, что уголовный закон неоднократно подвергался изменениям в части, касающейся преступлений, связанных с незаконной миграцией.

Так, 21 декабря 2013 г. Федеральным законом РФ № 367-ФЗ были криминализованы два противоправных деяния: статья 322² «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации», статья 322³ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации»². В соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ, составы преступлений, предусмотренные ст. 322² и 322³ УК РФ, относятся к категории составов преступлений небольшой тяжести.

По мнению Е. В. Роговой следует, что преступления небольшой тяжести за последние несколько лет стабильно доминируют, это связано, в том числе, и с изменениями, внесенными в уголовный закон в декабре 2011 года, в отношении преступлений небольшой тяжести, к которым стали относиться умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы³.

¹ См.: Лейба А. Нет «резиновым» квартирам // ЭЖ – Юрист. 2014. № 8.

² О внесении изменений, а отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон РФ от 21 дек. 2013 г. № 376-ФЗ // Российская газета. 2013. 25 дек.

³ Рогова Е. В. Криминологическая характеристика лиц, виновных в совершении преступлений небольшой тяжести // Вестник казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 40.

Изучение статистических сведений свидетельствует о том, что рассматриваемые в работе нормы уже достаточно широко применяются в судебно-следственной практике (табл. 1).

Таблица 1

**Число лиц, осужденных за совершение преступлений в 2014–2016 гг.,
предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ⁴**

<i>Статья</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>6 месяцев 2016</i>
322 ²	223	486	501
322 ³	3 344	5 543	3 424

Исследуя судебно-следственную практику по делам, предусмотренных ст. ст. 322² и 322³ УК РФ, позволяет нам сделать следующий вывод, что суды в 77% случаев назначают наказание в виде штрафа с применением ст. 64 УК РФ и устанавливают размер штрафа ниже минимального установленных санкциями рассматриваемых нами преступлений.

Так, например, гр. С., была признана виновной в совершении преступления предусмотренного ст. 322² УК РФ. Гр. С., являясь собственником жилого помещения, имея умысел на фиктивную регистрацию иностранного гражданина, по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации, из личной заинтересованности, с целью материальной выгоды, не имея намерений фактически предоставить иностранному гражданину указанное жилое помещение для проживания в нем, судебным участком Сергиево-Посадского судебного района Московской области было назначено наказание в виде штрафа в размере 6000 рублей⁵ (при минимальном размере штрафа в сто тысяч рублей).

В 5% случаев судом было назначено наказание в виде лишения свободы с максимальным сроком один год и шесть месяцев.

В 18% случаев, обвинение в совершении рассматриваемых нами преступлений прекращается в связи с деятельным раскаянием в соответствии со ст. 28 УПК с применением ч. 1 ст. 75 УК РФ. Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», условие освобождения от уголовной ответственности в виде способствования раскрытию преступления следует считать выполненным, если лицо способствовало раскрытию преступления, совершенного с его участием⁶.

Подводя итог, согласимся с мнением И. А. Петровой, которая считает, что санкции, предусмотренные к данным статьям, представляются достаточно жесткими и являются неистребованными судебной практикой⁷.

⁴ Данные статистики судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2011–2014 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.cdep.ru (12.01.2017).

⁵ Приговор судебного участка Сергиево-Посадского судебного района Московской области № 1-105/2016 от 05.12.2016г.

⁶ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

⁷ Петрова И. А. Уголовная ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59). С. 139–140.

Н. Е. Лаптова,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

**Некоторые вопросы квалификации преступления,
предусмотренного ст. 282 УК РФ**

Преступления в сфере экстремизма для России как многонационального и многоконфессионального государства представляют особую угрозу. Безусловно, общество, в том числе и государство, предпринимает определённые действия с целью недопущения его распространения. Одной из достаточно действенных форм такого противодействия является и форма уголовно-правового реагирования. Одно из центральных мест в системе антиэкстремистского уголовного законодательства занимает ст. 282 УК РФ, устанавливающая ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Однако практика применения данной нормы не совершенна, зачастую возникают вопросы и проблемы с правильным толкованием используемых категорий, разграничение преступного и не преступного, а также смежных составов преступлений. Важным и наиболее дискуссионным вопросом из вышеперечисленных является отграничение ст. 280 и ст. 282 УК РФ.

Общим у деяний, ответственность за которые наступает по ст. ст. 280 и 282 УК РФ, является один родовый и видовой объект преступного посягательства. Однако некоторые специалисты в области уголовного права называют разные непосредственные объекты у этих преступлений. Например, профессор И. Э. Звечаровский указывает, как непосредственный объект публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, внутреннюю безопасность Российской Федерации, а непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, по мнению ученого, является, конституционный принцип равенства граждан независимо от расы, национальности и вероисповедания¹.

Одинаковым является и возможный субъект совершения таких деяний – физическое лицо, вменяемое, достигшее 16-летнего возраста. Но только ст. 282 УК РФ предусматривает более строгую ответственность за совершение преступления специальным субъектом – лицом с использованием своего служебного положения – и организованной группой.

Так же следует обратить внимание на объективную сторону данных составов преступлений. У рассматриваемых составов преступлений такие общие черты данного элемента, как например, совершение соответствующих деяний публично или с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». А также составы преступления являются формальными и считаются оконченными с момента совершения указанных в диспозиции преступных деяний независимо от того, удалось ли склонить кого-либо к осуществлению экстреми-

---

¹ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М. : Юристъ, 2004. С. 440, 442.

сткой деятельности или же возбудить в ком-либо ненависть или вражду по социальным признакам. Однако сами деяния образующие преступления разнятся. Под публичными призывами, предусмотренными ст. 280 УК РФ, следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности². Развернутое определение последней категории дается в ФЗ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Под действиями же, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц³. Из этого вытекает, что призывы к осуществлению экстремистской деятельности не оправдывают ее, не направлены на возбуждение в людях чувства, отношения нетерпимости, неприязни, ненависти к другим по признакам пола, расы, национальности, языка или принадлежности к той или иной социальной группе. Этот признак обуславливает и субъективную сторону данных преступлений, делая цель – возбуждение вражды, ненависти, унижения достоинства человека или группы лиц – для состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК обязательной.

В правоприменительной практике встает вопрос о возможности применения ст. 280 и ст. 282 УК РФ в совокупности. Так в соответствии с ч. 3 ст. 17 УК совокупность преступлений отсутствует, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, и в этом случае уголовная ответственность наступает по специальной норме. В данном случае нормы не являются по отношению друг к другу общей и специальной или общей и частной. Объясняется это особенностями объективной стороны этих составов преступления. И, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что применение этих норм по совокупности возможно в случаях, когда действия виновного, имея характер призыва к осуществлению экстремистской деятельности, одновременно направлены на возбуждения в других людях ненависти либо вражды или на унижение достоинства человека или группы лиц по социально значимым признакам (признаку) и наоборот. Таковую точку зрения высказывает С. В. Борисов. Той же позиции придерживается и Л. Л. Мартынова: «если в действиях виновного имеется направленность и на побуждение адресата к осуществлению экстремистской деятельности и на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений (ст. 280 и ст. 282 УК РФ)»⁴. Лингвисты, проводящие специальные экспертизы текстов и речей экстремистской направленности, так же отмечают что призывы и возбуждение вражды или ненависти различны по содержанию, и, следовательно, мож-

---

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 № 11 // Рос. газ. 2011. № 5518 (4 июля).

³ Там же.

⁴ Мартынова Л. Л. Вопросы квалификации деяний, связанных с возбуждением ненависти либо вражды // Теория и практика общественного развития. 2005. № 2. С. 32.

но сделать вывод, образуют различные деяния.

Однако мнения ученых и практических работников разнятся по поводу этого вопроса. В комментариях к Уголовному кодексу под редакцией Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева указывается, что при наличии в деяниях одновременно признаков преступлений, предусмотренных ст. 280 и 282 УК, будет наличествовать ст. 280, которая в своей конструкции предусматривает и действия по ст. 282 УК, следовательно, дополнительной квалификации не требует⁵. На практике же в большинстве случаев такие деяния квалифицируются только по одной статье путем поглощения другой, и чаще всего, в 63% случаев, применяется ст. 282 УК РФ.

Постановление же Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» не дает на этот вопрос конкретного ответа, а лишь указывает, не решаясь нарушить устоявшуюся практику, что «публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т. д., либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого преступления»⁶. Однако эта формулировка не отвечает на поставленный вопрос, а лишь оперирует некоторыми схожими понятиями, из которых невозможно сделать однозначного вывода.

Таким образом, преступления, заключающиеся в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности и возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства, во многом схожи. Но на сегодняшний день остается актуальной проблема правильной квалификации преступлений по данным статьям уголовного закона и отграничения смежных составов преступлений. Однако наиболее дискуссионный вопрос о возможности применения данных норм по совокупности при наличии достаточных оснований, не должен вызывать затруднений, поскольку такой вариант квалификации вполне обоснован.

Я. С. Лузикова,

*студентка 2 курса
МГУ имени А. А. Кулешова*

Некоторые аспекты категоризация киберпреступности в контексте Европейской Конвенции по киберпреступлениям

Киберпреступность в современном обществе является одной из быстро развивающихся сфер преступлений. Разнообразие методов и форм киберпреступности пополняется каждый день новыми и более изощренными способами. Само понятие «киберпреступность» является относительно новым термином, хотя многие из преступлений, совершенных с помощью компьютера или смарт-

---

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. С. 455.

⁶ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 № 11 // Рос. газ. 2011. № 5518 (4 июля).

фона, совершались и до укрепления данного положения в мировом сообществе. Киберпреступность – это, по своей сути, незаконные действия, которые осуществляются людьми, использующими информационные технологии для преступных целей¹.

Основным международным нормативным правовым актом, регулирующим вопрос киберпреступности, является Европейская Конвенция по киберпреступлениям, принятая 23 ноября 2001 года (далее – Конвенция). Данный документ стал первым международным соглашением по юридическим и процедурным аспектам расследования и криминального преследования киберпреступлений. На сегодняшний день 67 стран ратифицировали или были приглашены присоединиться к Конвенции. Более 120 стран сотрудничают с Советом Европы в целях укрепления собственной законодательной базы и потенциала своих систем уголовного правосудия для решения проблемы киберпреступности².

В контексте уголовного права Конвенцией предусмотрены 4 группы преступлений, против которых государствами должны быть предприняты определенные меры:

- 1) преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем;
- 2) преступления, связанные с компьютерами;
- 3) правонарушения, связанные с содержанием;
- 4) преступления, связанные с нарушениями авторского права и смежных прав.

Первая группа преступлений включает в себя незаконный доступ, незаконный перехват, вмешательство в данные, вмешательство в систему и ненадлежащее использование устройств. Под незаконным (несанкционированным) доступом понимается умышленное общественно опасное активное поведение, посягающее на безопасность компьютерной информации и причиняющее вред, по меньшей мере, собственнику или пользователю этой информации. Конвенцией отмечается, что «для признания деяния преступлением требуется его совершение с нарушением мер безопасности, с намерением получения компьютерных данных или с любым другим нечестным умыслом, или же в отношении компьютерной системы, которая связана с другой компьютерной системой»³.

Раскрывая понятие компьютерной системы, Конвенция определяет, что под такой системой может пониматься «любое устройство или совокупность соединенных между собой или связанных устройств, одно либо более из которых осуществляет автоматическую обработку данных в соответствии с программой»⁴.

Согласно Конвенции, незаконный перехват – это умышленный перехват не предназначенных для общественности передач компьютерных данных на компьютерную систему, с нее либо в ее пределах, включая исходящие от компьютерной системы электромагнитные излучения, несущие в себе подобные

---

¹ URL: <http://www.securitylab.ru> (29.01.2017).

² URL: <https://wcd.coe.int> (30.01.2017).

³ URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (29.01.2017).

⁴ URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (29.01.2017).

компьютерные данные⁵.

В данном документе также разграничиваются понятия «вмешательство в данные» и «вмешательство в систему». Под вмешательством в данные понимается противоправное умышленное повреждение, стирание, порча, изменение или подавление компьютерных данных. Вмешательство в систему – это противоправное умышленное создание серьезных препятствий функционированию компьютерной системы путем ввода, передачи, повреждения, удаления, порчи, изменения или подавления компьютерных данных.

Ненадлежащее использование устройств может выражаться в умышленном:

1) производстве, продаже, приобретении с целью использования, импорта, распространение или предоставление каким-либо иным образом:

а) устройства, в том числе компьютерной программы, разработанного или приспособленного прежде всего для совершения преступления;

б) компьютерного пароля, кода доступа, или аналогичных данных, с помощью которых можно осуществить доступ к компьютерной системе в целом или отдельной ее части, с намерением использования его в целях совершения преступления.

2) обладание одним из предметов, перечисленных выше, с намерением использовать его в целях совершения любого из преступлений.

Вторая группа преступлений подразделяется на подлог компьютерных данных и компьютерное мошенничество.

Конвенция устанавливает, что подлог компьютерных данных – это противоправное умышленное введение, изменение, стирание или подавление компьютерных данных, имеющее результатом недостоверные данные, с намерением, чтобы такие данные считались подлинными, или над ними совершались действия, как если бы они были подлинными, вне зависимости от того, действительно ли эти данные являются удобочитаемыми и разборчивыми.

Компьютерное мошенничество, в свою очередь, определяется как противоправное умышленное причинение материального ущерба другому лицу путем любого ввода, изменения, стирания или подавления компьютерных данных, а также любого вмешательства в функционирование компьютерной системы, с обманным или нечестным намерением противоправного получения экономической выгоды для себя самого или для другого лица.

Третья группа, выделяемая Конвенцией, является специфичной, так как заключается в предотвращении преступлений, связанных с детской порнографией. Из общего количества преступлений в Республике Беларусь на 2015 год в сфере торговли людьми и иными преступлениями, связанными с ней, 557 деяний связаны с порнографией и вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение, из которых на изготовление и распространение детской порнографии приходится 32 правонарушения, в том числе 29 – совершенных при отягчающих обстоятельствах, 27 – в сети Интернет, 10 – с использованием несовершеннолетних или малолетних в качестве «моделей»⁶.

⁵ URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (29.01.2017).

⁶ URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=315243> (29.01.2017).

Четвертая группа преступлений, регулирующая вопросы авторского права и смежных прав, заключается в присвоении любых моральных прав, когда такого рода действия совершаются преднамеренно, в коммерческом масштабе и посредством компьютерной системы.

Таким образом, разделение всех правонарушений в сфере киберпреступности Европейской конвенцией на группы позволяет охватить и исследовать данную сферу со всех сторон и во всех появляющихся аспектах. Европейская Конвенция выступает в роли нормативного правового акта, объединяющего государства в борьбе против киберпреступлений и в удовлетворении потребности защищать законные интересы в использовании и развитии информационных технологий.

Е. Д. Макрицкая,

студентка 4 курса ЮИ ИГУ

«Существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций», «тяжкие последствия» в диспозиции статьи 285 Уголовного Кодекса Российской Федерации

Статья 285 Уголовного Кодекса Российской Федерации содержит состав такого преступления как «Злоупотребление должностными полномочиями». Деяние такого рода посягает на государственную власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Перечисленные социальные институты очень важны в гражданском обществе, поскольку основные их функции служат реализации и защите прав граждан. Согласно данным «Портала правовой статистики» Генеральной прокуратуры РФ, в период с января по декабрь 2016 года на территории Российской Федерации зарегистрировано 2273 преступления по статье 285 УК РФ¹. Изучая динамику преступности такого рода в РФ, можно отметить, что по сравнению с 2015 годом, в 2016 году количество преступлений по статье 285 УК уменьшилось на 1%². Безусловно, это положительная тенденция, и уголовное законодательство, путем совершенствования его содержания, правильного правоприменения, позволит эффективно бороться с такого рода преступлениями и охранять общественные отношения, необходимые для построения и укрепления гражданского общества.

Предметом настоящего исследования является объективная сторона состава преступления, закрепленного статьей 285 УК РФ, а именно общественно – опасные последствия, предусмотренные данной статьей. Злоупотребление должностными полномочиями относится к числу преступлений с материальным составом, то есть считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий. Поэтому при квалификации необходимо пристальное внимание обращать на правовые категории, понятия, используемые законодателем для описания последствий. В теории уголовного права и судебной следственной практике основной проблемой в применении статьи 285 Уголов-

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimestat.ru> (27.01.2017).

² Там же.

ного Кодекса РФ является правильное определение общественно-опасных последствий как существенного нарушения правоохраняемых интересов.

Высшая судебная инстанция понимает под существенным нарушением прав граждан или организаций нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации. Как разъясняет Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», при оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т. п. Под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренным частью 3 статьи 285 УК РФ, следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т. п.³ Анализируя указанное Постановление Пленума, можно отметить, что перечень последствий, относящихся к существенному нарушению прав и законных интересов граждан или организаций и к тяжким последствиям, сформулирован неисчерпывающим образом. Формулировки носят оценочный характер, например, причинение значительного материального ущерба как тяжкое последствие в части 3 статьи 285 УК РФ. Как следует определять значительность ущерба? Недопустимо использовать примечание к статье 159 УК РФ, поскольку оно детализирует норму, охраняющую общественные отношения абсолютно отличные от охраняемых статьей 285 УК РФ. Зачастую, отсутствие четких критериев определения существенности нарушения прав и степени тяжести последствий приводит к сложности решения вопросов квалификации на практике.

В этой связи, в теории уголовного права предлагают детализировать и конкретизировать оценочные категории, используемые при описании последствий в статье 285 УК РФ. Например, установить фиксированную денежную сумму при определении значительности материального ущерба. На наш взгляд, такое предложение носит преждевременный характер, поскольку оценочные категории не будут иметь одинаковое значение при применении к индивидуально – неопределенному кругу случаев совершения данного преступления. Необходимо давать оценку общественно-опасных последствий в зависимости от фактических обстоятельств совершенного преступления.

На наш взгляд, для эффективного применения статьи 285 УК РФ, необходимо проанализировать и обобщить судебную практику и предложить определенную классификацию общественно-опасных последствий. Ори-

---

³ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. №19// Рос. газ. 2009. №5031.

ентируя тем самым судебные органы на правильное понимание и применение указанной уголовно-правовой нормы. Анализ доктрины уголовного права и правоприменительной практики позволяет классифицировать общественно-опасные последствия в зависимости от вида вреда, причиненного в результате деяния.

1. Материальный вред потерпевшему или организации, такой вред может выражаться как в виде реального ущерба, так и упущенной выгоды. Определяя наличие такого вреда необходимо учитывать финансово-хозяйственное состояние организации, имущественное положение потерпевшего.

2. Физический вред, к которому можно отнести причинение вреда здоровью. При этом, решая вопрос о том, является ли применение физического насилия существенным вредом, необходимо установить повлекло ли насилие причинение вреда здоровью, а в случае, если физическое насилие не повлекло последствия и выразилось в причинении физической боли, необходимо устанавливать однократность или многократность, длительность и силу физических страданий. Например, Пензенский областной суд в 2014 году вынес обвинительный приговор в отношении сотрудника ФСИН Г. по ч. 1 ст. 285 УК РФ. Материалами следственной проверки было установлено, что Г. из корыстной или иной личной заинтересованности не препятствовал пользованию заключенными мобильным телефоном, и не препятствовал избитию одного из заключенных.

3. Моральный вред может быть выражен в унижении чести и достоинства личности, нанесении ущерба деловой репутации организации. При отнесении такого вида вреда к существенному, необходимо учитывать длительность, однократность, публичность воздействия, повлекло ли воздействие расстройство здоровья, утрату трудоспособности.

4. Предлагается дополнительно к указанным видам, выделить в классификации организационный вред. Он выражается в прекращении, приостановлении, ухудшении качества деятельности организации. Специфика вреда в том, что он носит опосредованный характер, и такой вред может повлечь за собой как причинение материального, так и морального вреда.

Изучая законодательство зарубежных стран о должностных преступлениях, применительно к данному исследованию следует обратить внимание на Уголовный Кодекс Федеративной Республики Германия. Состав преступления об ответственности за злоупотребление служебными полномочиями, рассматриваемый в уголовном законе Германии как получение выгоды должностным лицом (параграф 331), сконструирован как формальный. То есть при квалификации преступления считается оконченным с момента совершения деяния, наступление общественно опасных последствий в данном случае не имеет значения. В Российской Федерации такой подход к конструкции рассматриваемого состава преступления применить нельзя, поскольку такое изменение состава, в условиях действующего законодательства РФ, образует дисциплинарное нарушение должностного регламента.

Проанализировав особенности диспозиции статьи 285 УК РФ, можно сделать вывод о том, что оценочно-формальные критерии при описании общест-

венно опасных последствий являются наиболее оптимальным средством конструирования указанной нормы. Такой подход позволяет применять рассматриваемый состав преступления и содержащиеся в нем правовые предписания, как это ранее было отмечено, к индивидуально-неопределенному кругу случаев, с учетом фактических обстоятельств и особенностей совершения противоправного события.

А. А. Михеенко,

*курсант 4 курса
СЭФ Академии МВД
Республики Беларусь*

К вопросу о понятии организатора преступления

Организатором преступления в соответствии с ч. 4 ст. 16 УК Республики Беларусь «признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением, либо лицо, создавшее организованную группу или преступную организацию либо руководившее ими»¹.

Обращаясь к лексическому значению слова «организатор», следует отметить, что оно произошло от французского слова *organisateur*, т. е. организующий, устраивающий что-либо. По В. Далю, организатор – это устроитель, учредитель².

Выделение такого вида соучастника преступления как организатор важно для понимания сущности соучастия в преступлении и его форм. От организатора зависит сплоченность действий всех соучастников, качество их совместности действий и уровень их объединенности. Классификация характера поведения соучастников не может быть полной без организатора и его функций.

Обращаясь к теоретическим источникам Советского периода, следует заметить, что организатору преступления уделялось особое внимание. А. Н. Трайнин по этому поводу писал: «Конкретно роль организатора выражается в создании преступного сообщества, в вербовке его членов, разработке плана преступных действий и в руководстве совершением преступления»³. Г. А. Кригер предлагал признавать организаторами лиц, создавших преступное сообщество или шайку либо руководивших их деятельностью, а также лиц, руководивших подготовкой или совершением отдельных преступлений⁴. Однако последняя из приведенных позиций была подвергнута критике Ф. Г. Бурчаком в связи с тем, что указание только на руководство сужает функциональные свойства организатора⁵. Однако и эта позиция также критиковалась А. М. Царегородцевым из-за «неприемлемого понимания соучастия как института, действующего только в том случае, когда в норме Особенной части нет специального указания на не-

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : в ред. закона Респ. Беларусь от 29.11.2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000. Минск, 2017.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 690.

³ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 100.

⁴ Гришаев П. И. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 131.

⁵ Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 141.

го»⁶.

По мнению М. И. Ковалева организаторы выполняют следующие действия: а) организуют преступление, то есть не только привлекают другое лицо к преступлению, но и сами принимают участие в его совершении в качестве непосредственных исполнителей; б) руководят непосредственным совершением преступления независимо от того, участвуют они при этом в физическом выполнении состава преступления или совершают только действия, которые направлены на успешное выполнение преступной деятельности физическими исполнителями преступления⁷.

Как нам представляется, неверно утверждение о том, что, организовав преступление, лицо должно еще и непосредственно участвовать в его исполнении. Ведь чем рискованнее совместное преступление, тем дальше держится организатор от непосредственного участия в исполнении преступления, тем эффективнее и опаснее его поведение. Считаем, что А. П. Козлов в этой связи абсолютно верно указал, что в определение функций того или иного соучастника следует вводить лишь определенное для него поведение, то, чем данный вид соучастника отличается от других видов⁸.

А. А. Арутюнов считает, что под значением слова организатор следует понимать лицо, подготовившее или объединившее других лиц для совместного совершения преступления (преступлений). Он предлагает из законодательного определения организатора преступления исключить слова «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими», поскольку, по его мнению, этого требуют законы логики. В обоснование своей позиции автор указывает на то, что создание преступного сообщества для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство им является самостоятельным преступлением и поэтому не требует включения в определение организатора преступления⁹.

Когда степень организации находится на относительно высоком уровне, то необходимость участия организатора непосредственно в совершении преступления значительным образом уменьшается, хотя, по данным П. Ф. Тельнова, 97% организаторов непосредственно участвуют в исполнении преступления¹⁰. На наш взгляд, данная цифра несколько завышена, так как сам ученый признает выборочность исследования, которая, возможно, сказалась на его результатах. К тому же эти данные уже не столько актуальны в связи с тем, что после проведения исследований прошел значительный промежуток времени.

С субъективной стороны действия организатора характеризуются лишь умышленной формой вины. Действительно, нельзя объединять, координировать и планировать без волевой направленности на результат. Однако здесь следует отметить, что вполне возможна умышленная организация преступления со сложной формой вины, когда все участники относительно последствий дейст-

---

⁶ Царегородцев А. М. Понятие организатора преступления требует уточнения. Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства : сб. науч. тр. Свердловск, 1974. С. 52–55.

⁷ Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : Изд. УрГЮА, 1999. С. 125.

⁸ Козлов А. П. Соучастие. Традиции и реальность. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 116.

⁹ Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 84.

вуют с преступным легкомыслием или преступной небрежностью.

В уголовном законодательстве зарубежных стран просматривается нежелательное выделение такой самостоятельной фигуры соучастника как организатор. Как нам представляется, зарубежный законодатель понятие организатора искусственно соединяет с понятием исполнителя. Так, подобный подход в Уголовных кодексах Германии, Франции, Испании, Японии, Польши, Голландии, Швеции, Швейцарии, Дании, Республики Болгария. Вместе с тем в УК зарубежных государств можно наблюдать ответственность за следующие организованные формы преступной деятельности:

1) как самостоятельное противоправное деяние в рамках отдельных статей или даже разделов (Уголовные кодексы Турции, Японии, Кореи);

2) как самостоятельное противоправное деяние (Уголовные кодексы Австрии, Аргентины, ФРГ, Франции);

3) как обстоятельство, отягчающее ответственность за ряд преступлений (Уголовные кодексы Израиля, Австралии)¹¹.

В целом можно констатировать, что складывается странная ситуация: во всем мире идет речь о росте организованной преступности, тогда как действия лиц, стоящих у ее истоков, не находят самостоятельного отражения в уголовных законах зарубежных стран.

Таким образом, на основании вышеизложенного целесообразно определить организатора преступления как лицо, объединившее и координирующее общественно опасное поведение нескольких лиц для достижения совместного преступного результата и планирующее обстоятельства совершения преступления при его подготовке либо исполнении.

Р. А. Мелкумян,

*студентка 2 курса
Института юстиции
ФГБОУ ВО «СГЮА»*

К вопросу об оптимизации категории преступлений небольшой тяжести

Вопрос о гуманизации уголовного законодательства встает в научных кругах очень часто. Вызвано такое желание многими факторами: стремлением к соответствию международным стандартам и векторам движения мировой уголовной политики, перегруженностью Уголовного кодекса РФ, потребностью снижения процессуальной нагрузки правоохранительных органов и затрат государства и т. д. Социальная обусловленность проводимых в рамках современной российской уголовной политики мероприятий также неопровержима.

Представляется, что для совершенствования уголовного законодательства и повышения тем самым эффективности работы как правоохранительных органов, так и институтов гражданского общества, которые способствуют фор-

---

¹¹ Швед Н. А. Ответственность за организованные формы преступной деятельности в зарубежном уголовном законодательстве [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000. Минск, 2017.

мированию правовой культуры и правосознания, необходима реализация шагов, которые позволяли бы разрешить дискуссионные и проблемные вопросы в уголовном праве, обсуждаемые как в теории, так и на практике.

Одним из таковых является оптимизация категоризации преступлений, предложенной в ст. 15 УК РФ, которая на сегодняшний момент является четырехзвенной и в зависимости от характера и степени общественной опасности представлена преступлениями небольшой тяжести, преступлениями средней тяжести, тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Вопрос о дифференцированном подходе к категориям преступлений в науке обсуждается очень давно, что связано с динамично изменяющимся уголовным законом и практикой многих зарубежных стран. Так, «уголовное законодательство Германии, Испании, Австрии, Голландии, Норвегии, Чехии, Албании, Украины, Литвы, Казахстана содержит качественно иную классификационную систему уголовно наказуемых деяний, включающую в себя преступления и уголовные проступки»¹.

В частности, актуальна оптимизация категории преступлений небольшой тяжести, так как, согласно данным официальной статистики, на 1 января 2017 г. совершено 213 0613 преступных деяний, из числа которых 944 206 преступлений небольшой тяжести², что составляет почти 50%. Несомненно, оптимизация такой масштабной категории путем введения уголовного проступка поможет вести статистику совершаемых преступлений, отвечающую действительности, и снизить криминализацию в целом, выделить из общей массы на основе определенных критериев правонарушения, которые не подходят ни под категорию уголовных, ни административных, занимая промежуточное место, снизить количество осужденных лиц, социализация которых будет существенно затруднена после отбытия наказания, повысить эффективность работы правоприменителей в части «наиболее быстрого реагирования на деяния, не представляющие большой опасности»³ и т. д.

Постепенно шаги, ведущие в сторону гуманизации уголовного законодательства и введения уголовных проступков, совершаются государством путем внесения изменений в действующий УК РФ. Так, изначально критерием выделения преступлений небольшой тяжести выступала типовая санкция, которая предусматривала верхнюю границу наказания в виде лишения свободы не выше двух лет. Однако в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ⁴ преступлениями небольшой тяжести стали признаваться умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы. Эти нововведения вызвали неоднозначную реакцию со стороны правоведов. Так, Н.Е. Крылова замечает, что «частичная депенализация преступлений средней тяжести сама по себе рез-

---

¹ Комбарова Е. Л. О проблемах оптимизации структурирования категории преступлений небольшой тяжести в уголовном законодательстве РФ // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 103–110.

² См.: Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (23.02.2017).

³ Рогова Е. В. Уголовный проступок: суждения экспертов // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 225–233.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Российская газета. 2011. 09 дек.

ко увеличила число лиц, судимых за преступления небольшой тяжести»⁵. Увеличив максимальную планку срока лишения свободы за данные преступления, законодатель как бы закупорил еще больше разнородных умышленных и неумышленных уголовных правонарушений, посягающих на совершенно разные объекты, в рамках одной категории. Такие преступления как получение взятки (ч. 1 ст. 290) или привилегированные убийства (ч. 2. ст. 108, ч. 1 ст. 107), доведение до самоубийства (ст. 109), истязание (ч. 1 ст. 117), совершающиеся в большом количестве, также считаются преступлениями с небольшой тяжестью, а лица, которые совершили их впервые в отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, согласно положениям ч. 1 ст. 56 УК РФ, не подвергаются лишению свободы.

Другие авторы, напротив, считают, что «такое законодательное решение является своевременным, позволяющим не считать многие деяния серьезными преступлениями. Перевод немалого количества преступлений средней тяжести в категорию преступлений небольшой тяжести в большей степени работает на идею гуманизации уголовного права»⁶.

Изменения, внесенные в УК РФ и УПК РФ в 2016 г., явно расширили сферу применения административной преюдиции и в целом явились неким вектором, в котором будет далее развиваться уголовное законодательство, а также предпосылкой введения категории уголовного проступка. Федеральный закон⁷, помимо всего прочего, изменяет и вводит в действие такие статьи УК РФ, как 76.1 (ч. 2), 76.2, 116.1, 157, 158.1 и т. д. Против этих нововведений высказалось большое количество ученых, которые считают, что «разгрузка правоохранительной системы, решение экономических и кадровых проблем не могут и не должны осуществляться за счет снижения уголовно-правовой защиты потерпевших от преступлений»⁸.

Представляется уместным заметить, что своевременное и последовательное пресечение нетяжких преступлений эффективно предупреждает совершение тяжких, потому пока не до конца ясно, к каким уголовно-правовым последствиям приведет декриминализация выбранных законодателем деяний. Возможно, отсутствие уголовной ответственности, связанной с судимостью, будет влиять на повышение статистики совершения подобных деяний.

С другой стороны, излишняя криминализация и расширение уже существующего количества составов преступлений, предусматривающих лишение свободы, столь же опасны, как и непродуманная декриминализация, так как «она приводит к избыточности законодательства. Избыточность – следствие преодоления так называемых мнимых пробелов, в результате чего УК РФ пополняется нормами, которые ни криминологически, ни социально не обуслов-

---

⁵ Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных пленумом ВС РФ 31 июля 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=5336> (23.02.2017).

⁶ Кадников Н. Г., Дайшутов М. М. К вопросу о категоризации преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 56–59.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Российская газета. 2016. 08 июля.

⁸ Крылова Н. Е. Указ. соч.

лены»⁹.

Думается, что решением этой двоякой проблемы может послужить дифференцированный подход к категории преступлений небольшой тяжести, который стоит проводить на основании выделения из общей массы уголовных правонарушений уголовных проступков, которые являются их самостоятельной разновидностью, а также преступлений небольшой и средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

По мнению И. И. Сапрыкина, такого рода модификация ст. 15 УК РФ нецелесообразна, так как «нарушаются логические и юридические правила категоризации преступных деяний в зависимости от их тяжести»¹⁰. Ряд ученых напротив поддерживает идею структурирования преступлений небольшой тяжести.

Н.Ф. Кузнецова предлагает в качестве решающего критерия выделения категории уголовного проступка считать санкцию, то есть размер и вид наказания, и фактически заменить уголовным проступком категорию преступлений небольшой тяжести, таким образом, любое деяние, которое предусматривает до трех лет лишения свободы, будет считаться уголовным проступком.

Представляется, это слишком суровое наказание, которое не будет отвечать уровню общественной опасности таких деяний. Так, Е. В. Рогова, приводя суждения специалистов по поводу введения уголовного проступка, указывает на то, что 50% из них уверены, что за уголовные проступки не должно быть предусмотрено лишение свободы, а 20% поддерживают санкцию в виде лишения свободы, из них 10% считают, что лишение свободы должно быть установлено сроком до одного года, 5% – до двух лет и оставшиеся 5% – до трех лет, а 30% респондентов «предложили свои варианты наказаний за совершение уголовных проступков, среди которых ими были выделено обязательное привлечение к труду лиц, виновных в их совершении, применение исправительных и обязательных работ, назначение наказания в виде лишения свободы условно и др.»¹¹, т.е. наказания, которые являются слишком жесткими для административных правонарушений, но не такими строгими, как того заслуживают лица, совершившие преступление. Последний подход видится нам верным. Таким образом, выделение лишь одного критерия недостаточно для объективного разделения уголовных правонарушений на уголовные проступки и преступления.

Другим возможным и наиболее важным критерием выступает уровень общественной опасности, который будет, несомненно, разным у уголовных проступков и преступлений. Представляется целесообразным указать, что под уголовным проступком нами понимается посягательство на общественные отношения, совершение которого не влечет за собой серьезных последствий. Соответственно, они не могут посягать на такие объекты, как жизнь и здоровье личности, государственная власть, конституционные права и свободы, безопасность общества и т. д. Логичен вывод о том, что не могут быть признаны уголовными

---

⁹ Кауфман М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/57246640/> (24.02.2017).

¹⁰ Рогова Е. В. Социальная обусловленность категории уголовного проступка в современном уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 3. С. 70–76.

¹¹ Там же. С. 232.

проступками деяния, совершенные с прямым или косвенным умыслом, за исключением, возможно, нескольких случаев, и уж тем более квалифицированные составы умышленных преступлений, где лицо преднамеренно увеличивает общественную опасность своего деяния. Субъективная сторона – важная составляющая состава преступления, отражающая психическое отношение лица к совершенному деянию – хотел ли человек переступить закон, были ли у него мотив и цель совершения, желал ли он наступления преступного результата. По нашему мнению, только при отрицательном ответе на вышеперечисленные вопросы можно отнести то или иное деяние к уголовным проступкам.

Резюмируя вышеописанное, считаем, что критериями выделения уголовных проступков могут стать вид и размер наказания за деяние, а также уровень общественной опасности, складывающийся с учетом всех признаков состава преступления.

Таким образом, рассмотрев некоторые изменения, внесенные на протяжении последнего времени в УК РФ, касающиеся категоризации преступлений небольшой тяжести и связанные с расширением применения различных методов декриминализации, можно сделать вывод о том, что существует явная тенденция унификации российского уголовного законодательства с законодательством многих зарубежных стран – в части введения такой категории, как уголовный проступок. Многие ученые в своих исследованиях показали социальную обусловленность и раскрыли достоинства такой системы уголовных правонарушений. Законодателю стоит не игнорировать предложения теоретиков и, сотрудничая, решить этот дискуссионный вопрос путем внесения изменений в действующий УК РФ, не нарушая правил логики, юридической техники и устоев справедливости и морали.

С. С. Мухутдинов,

студент 4 курса ЮИ ИГУ

Об актуальных проблемах условно-досрочного освобождения от отбывания наказания

На первый взгляд может показаться, что практика условно-досрочного освобождения от отбывания наказания не оказывает воздействия на основные институты функционирования общества. В учреждениях уголовно-исполнительной системы по состоянию на 1 января 2017 г. содержится 630 155 человек, и многие из них имеют субъективное право на условно-досрочное освобождение. По большому счёту качество и эффективность организации условно-досрочного освобождения в определённой степени опосредует состояние законности и уровень преступности в нашей стране, поэтому представляется необходимым рассмотреть некоторые проблемные аспекты названного правового института.

Нет необходимости доказывать, что организация контроля за поведением лиц, освобождённых условно-досрочно, носит принципиально важное значение. Постпенитерциарное поведение во многом зависит от качества реализации про-

граммы ресоциализации осуждённых¹. Вместе с тем, в ч. 6 ст. 79 УК РФ и ст. 183 УИК РФ не установлен специализированный орган, осуществляющий контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно. Видится, что последствие этого в определённой степени отражается в статистике: рецидив преступлений совершает около трети лиц, отбывших наказание, в т.ч. освобождённых от его дальнейшего отбывания. Полагаем, что причиной вышеназванных явлений является частичная неурегулированность важнейшей составляющей условно-досрочного освобождения – постпенитенциарного контроля.

По смыслу уголовного и уголовно-исполнительного законодательства таким органом должна быть уголовно-исполнительная инспекция, но в ст. 54 УИК РФ нет прямого возложения обязанности по контролю за освободившимися. Неурегулированность данного вопроса сегодня приводит к тому, что кроме инспекции осуществление контроля за поведением осуждённых в равной степени ожидается и от полиции. В итоге, весь механизм реализации положений ст. 79 УК РФ приводится в движение силами органов прокуратуры и нередко обретает региональную специфику, что не способствует успешной реализации задач уголовного закона.

Важным представляется вопрос раскаяния заключённого. Так, по жалобе Платона Лебедева в 2012 году на неконституционность ст. 175 УИК РФ Конституционный Суд РФ указал: «право каждого осужденного за преступление – независимо от того, за совершение какого преступления он осужден, какое наказание ему назначено и каковы условия его исполнения, – просить о смягчении наказания (ст. 50, ч. 3 Конституции РФ) является непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности; в целях обеспечения реализации данного права в ч. 1 ст. 175 УИК РФ на основе уголовного закона (ч. 1 ст. 79 УК РФ) определен порядок обращения осужденного в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, в том числе установлено, какие сведения должны содержаться в таком ходатайстве; из ее положений не следует, что отсутствие в ходатайстве осужденного указания на те или иные сведения, в том числе на раскаяние в совершенном деянии, препятствует рассмотрению такого ходатайства или применению условно-досрочного освобождения от отбывания наказания; нет также оснований рассматривать эти положения как придающие непризнанию лицом своей вины в совершении преступления значение обстоятельства, исключающего условно-досрочное освобождение, – более того, по смыслу закона, основаниями, предопределяющими возможность или невозможность применения условно-досрочного освобождения, являются обстоятельства, характеризующие личность осужденного и его поведение после постановления приговора, в период отбывания наказания»².

Очевидно, что Конституционный Суд РФ рассмотрел вопрос раскаяния лишь с той позиции, что осуждённый имеет право на условно-досрочное осво-

---

¹ Чреваткин А. Проблемы судебной практики рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении лиц, отбывающих лишение свободы. С. 131.

² По жалобе гражданина Лебедева Платона Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2012 г. № 274-О-О [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

бождение независимо от того, раскаялся он или нет. Однако есть очень важный нюанс, который, думается, может склонить чашу весов в противоположную сторону. Он заключается в характере раскаяния, форме его выражения. К примеру, в случае личного присутствия осуждённого при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении суд, осведомляясь об отношении осуждённого к совершённым им деяниям, выясняет у последнего, признаёт ли он свою вину, продолжит ли совершать противоправные деяния этого же или иного характера. Таким образом, раскаяние устанавливается в системе с другими обстоятельствами и носит косвенный характер, однако его характер представляется важным.

В мае 2013 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Чеченской Республики удовлетворила ходатайство об условно-досрочном освобождении Бекхана Ибрагимова, осужденного за участие в драке в Москве, во время которой был убит футбольный болельщик Юрий Волков. Суд признал Ибрагимова виновным в умышленном причинении легкого вреда здоровью из хулиганских побуждений и в хулиганстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору. Вины последний не признал.

В вердикте присяжных указывается, что «10 июля 2010 года около 01:10 подсудимые, противопоставляя себя окружающим, демонстрируя пренебрежительное отношение к другим людям, в присутствии посторонних граждан, напали на ранее незнакомых им потерпевших... Провоцируя драку... Ибрагимов – нанес удар ножом Дмитриеву в область плеча, причинив ему непроникающую колото-резаную рану пояснично-крестцовой области». В результате драки 23-летний футбольный болельщик Юрий Волков был убит.

Отбыв половину назначенного срока, Ибрагимов был условно-досрочно освобождён, поскольку согласно решению суда «суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания по таким основаниям, как непризнание осужденным вины»³. Так же суд не дал должную оценку тому обстоятельству, что Ибрагимов неоднократно привлекался к ответственности за нарушения правил отбывания наказания, так как два наложенных ранее взыскания погашены в связи с истечением срока давности.

Отсюда вытекает следующая проблема, связанная с материальным основанием условно-досрочного освобождения – отпадением необходимости в дальнейшем отбывании наказания. В ч. 4.1. ст. 79 УК РФ указывается, что для решения этого вопроса суд учитывает в том числе поощрения и взыскания в период отбывания наказания. Из буквального толкования нормы вытекает, что наличие взысканий ставит крест на возможности условно-досрочного освобождения, однако суть проверки наличия поощрений и взысканий заключается в том, чтобы при их должной оценке констатировать факт исправления осуждённого, причём не констатации нейтрального поведения, а чётко выраженного стремления к позитивному поведению (наличие благодарности, участие в культурной деятельности и т. п.) или же факт безрезультативности или малой эффективности назначенного наказания.

---

³ Решение по делу 22К-178/2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-chechenskoj-respubliki-chechenskaya-respublika-s/act-428455450/> (29.01.2017).

Уже после такой оценки возможно решение вопроса об удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении осуждённого либо об отказе. Здесь же следует отметить, что учитываются проступки на протяжении всего срока отбывания наказания, в т. ч. и те, которые погашены в результате истечения одного года⁴. В ином случае заключённым было бы достаточно показывать свою благонамеренность и перевоспитанность лишь в течение последнего года отбывания наказания, что противоречило бы смыслу ст. 79 УК РФ.

Как справедливо отмечает В. Селиверстов⁵, имеет место несоответствие важных элементов диспозиций ч. 4.1. ст. 79 УК РФ и ч. 2 ст. 175 УИК РФ: нормы УК РФ предусматривают учёт поощрительных и взыскательных мер, сведений об иных мерах, предпринятых осуждённым для заглаживания вреда, причинённого преступлением, а положения УИК РФ, установленные в безусловно закрытом перечне предоставляемых суду сведений, такие элементы не предусматривают. Очевидно, что необходимо приведение ч. 2 ст. 175 УИК РФ в соответствие с ч. 4.1. ст. 79 УК РФ.

В заключение хотелось бы осветить проблему учёта мнения потерпевшего при удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной постановлением от 24 апреля 2003 г. № 7-П, обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Таким образом, учёт мнения потерпевшего возможен в том случае, когда последний преследует личный интерес, т. е. не тогда, когда разрешаются вопросы о виновности лица, назначения наказания. К примеру, потерпевший стремится получить возмещение вреда, причинённого преступлением. В этом случае он имеет право высказать своё неодобрение по отношению к условно-досрочному освобождению, а суд учесть эту позицию, поскольку осуждённый не исполнил в надлежащей мере свои имущественные обязательства по отношению к потерпевшему. Возможен диаметрально противоположный (позитивный) вариант: осуждённый возместил вред лишь частично, но потерпевший не возражает о применении условно-досрочного освобождения к посягавшему на его права, свободы и законные интересы лицу. Равно как и в предыдущем случае представляется возможным учёт мнения потерпевшего.

Кроме вышеназванных проблем условно-досрочного освобождения, существует ещё ряд проблемных моментов, в т. ч. касающихся возмещения вреда, как одного из оснований условно-досрочного освобождения, ведения более систематизированной и информативной статистики о применении института ус-

---

⁴ По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области: определение Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Селиверстов В. Уголовно-правовые и уголовно-исправительные проблемы условно-досрочного освобождения. С. 128.

ловно-досрочного освобождения, введения дополнительных требований к сведениям о несовершеннолетних. Всё это говорит лишь о том, что реформирование института условно-досрочного освобождения в рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы России, проводимой до 2020 г., необходимо продолжить и довести до логического конца.

Е. И. Новикова,

студентка 2 курса

КИ (ф) РПА Минюста РФ

Спорт как отягчающее обстоятельство в уголовном праве

В последнее время, безусловно, вырос интерес к здоровому образу жизни в целом и к спорту в частности. Растет количество секций, привлекающих молодежь в профессиональный спорт. В связи с этим вопрос о преступности среди профессиональных спортсменов получает особенную актуальность. Официального статистического учета таких преступлений в России пока не ведется. Поэтому проследить количественные характеристики преступности профессиональных спортсменов, привлеченных к уголовной ответственности, в настоящее время довольно сложно. Можно лишь говорить о наиболее заметных спортивных скандалах, которые стали известны прессе.

В Саратове в 2011 году произошло чрезвычайное происшествие с участием Александра Хромова кикбоксера-профессионала. Молодой человек решил продемонстрировать свои умения приятелям и одним ударом отправил в нокаут случайного прохожего. Впоследствии потерпевший скончался от полученных травм. В отношении Хромова возбуждено уголовное дело по ст. 111 УК РФ (умышленное причинение вреда, повлекшее смерть человека). Спортсмену грозит до 15 лет лишения свободы¹.

Еще одно громкое происшествие с участием профессионального спортсмена произошло в Москве. Чемпион мира по смешанным единоборствам Расул Мирзаев, в августе 2011 года возле ночного клуба ударил кулаком в лицо молодого человека. Потерпевший упал, ударился головой об асфальт и спустя несколько дней скончался в больнице. Первоначально Мирзаеву предъявили обвинение по статье «умышленное убийство», которое грозило ему 15 годами колонии. Однако позже следствие переквалифицировало обвинение на более мягкое – «убийство по неосторожности», которое признал и сам спортсмен².

Лишь за последний год в разных уголках страны произошло более десятка инцидентов с участием спортсменов. В связи с этим многие правоведы требуют приравнять кулаки спортсменов, занимающихся боевыми искусствами, к оружию. Но нужно ли это?

В ч. 1 ст. 37 УК РФ закреплено такое понятие как необходимая оборона. Под которой понимается – защита личности и прав обороняющегося и других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства от общест-

---

¹ В Саратове решается судьба кикбоксера, который на улице до смерти избил прохожего [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2011/09/19/112994v_saratove_reshaetsya_sudba_kikboksera_kotoryu_na_ulitse_do_smerti_izbil_prohozhego (20.01.2017).

² Гранина Н. Спорт как отягчающее обстоятельство // Профиль . 2012.

венно опасного посягательства, путём причинения вреда посягающему лицу³. Право на самооборону является неотъемлемым правом каждого человека, а значит и ответственность за превышение её пределов все должны нести одинаковую как лица, обладающие профессиональными спортивными навыками, так и не обладающие ими. Однако, в последнее время данную точку зрения активно пытаются оспорить некоторые специалисты, которые на примере профессиональных спортсменов пытаются доказать обратное⁴.

Несомненно, профессиональный спортсмен имеет больше шансов выйти победителем из схватки с потенциальным обидчиком, но согласно УК РФ он имеет такое же право на самооборону, как и любой другой человек. Ч. 3 ст. 37 устанавливает: положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки ...⁵ Таким образом, действия спортсмена, защищающего свою жизнь, следует рассматривать как необходимую оборону, не зависимо от его профессиональных навыков.

Через уголовные дела с участием профессиональных спортсменов послужила основанием для разработки в 2012 году проекта ужесточения уголовной ответственности для спортсменов, обладающих навыками боевых искусств. Депутатами Государственной Думы от партии ЛДПР был предложен проект Федерального Закона «О внесении изменений в УК РФ». Согласно данному проекту необходимо дополнить обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность формулировкой «с применением навыков силовых единоборств против невооруженного лица, которое заведомо для применяющего не обладает подобными навыками»⁶.

Исходя из текста пояснительной записки депутатов, необходимость внесения данных изменений обуславливается возросшей криминальной ситуацией среди категории профессиональных спортсменов. Согласно данному проекту, действия спортсмена следует приравнивать к оружию, которое используется против заведомо безоружного оппонента осознанно и с особой жестокостью.

В официальном отзыве Правительства РФ на данный проект федерального закона был выявлен ряд замечаний. Было установлено, что в законодательстве не закреплено понятие «навыки силовых единоборств» и критерии их оценки, а, следовательно, носит оценочный характер. По мнению членов Правительства РФ, принятие подобного Федерального закона может создать трудности и неоднозначность в правоприменительной практике⁷.

Несмотря на неудачный опыт, депутаты Государственной Думы от партии ЛДПР весной 2016 года предложили уже внесенный ранее проект Федерального

³ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. Ст. 37.

⁴ Необходимая оборона [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0 (20.01.2017).

⁵ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. Ст. 37.

⁶ Применение навыков силовых единоборств считать отягчающим обстоятельством. См.: О внесении изменений в УК РФ [Электронный ресурс]. URL: http://ldpr.ru/power/Bills/Amending_the_Criminal_Code_of_the_Russian_Federation/ (20.01.2017).

⁷ Официальный отзыв Правительства РФ на проект о внесении изменений в УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duma.gov.ru/> (20.01.2017).

Закона «О внесении изменений в УК РФ» но с учетом устранения выявленных замечаний. Согласно новой редакции депутаты предлагают дополнить часть первую статьи 63, часть вторую статьи 105, часть вторую статьи 111, часть вторую статьи 112 пунктом следующего содержания: «с применением навыков силовых единоборств против невооруженного лица, который заведомо для применяющего не обладает подобными навыками, —»⁸.

В тексте обновленной пояснительно записки приводится статистика полученная СМИ. В процентном соотношении были выявлены категории преступлений, которые совершаются спортсменами среди них: рэкет – 35%, хулиганство – 30%, воровство – 40%, спортивный подлог – 30%, ростовщичество – 15%, иные – 2%. Так же депутаты делают отсылку к зарубежной правоприменительной практике, в которой имеют место многочисленные случаи, когда наличие у подсудимого навыков в области силовых единоборств приравнивалось к использованию оружия и поэтому оценивалось как обстоятельство, отягчающее наказание⁹. В настоящее время вопрос о принятии или отклонении измененного проекта Федерального Закона «О внесении изменений в УК РФ» остается нерешенным.

Ещё в 2011 году в газете «Взгляд» было опубликовано интервью федерального судьи в отставке Сергея Пашина, в котором была затронута тема ужесточения ответственности для спортсменов. По его словам, если обвиняемый, от ударов которого погиб человек, занимается единоборствами, доказать, что его действия были самообороной ему непросто. В ст.63 УК РФ нет прямого указания на то, что навыки владения боевыми искусствами являются отягчающими обстоятельствами. Однако, судьи всегда учитывают этот аспект характеристики обвиняемого. Обосновывается это тем, что профессиональный спортсмен заранее обладает преимуществом, благодаря своей профессиональной подготовке. Однако, по мнению Пашина, спорт не стоит причислять к списку отягчающих вину обстоятельств¹⁰.

По мнению адвоката Антона Шалькова, признать отягчающими обстоятельствами владение приемами – идея не самая разумная, потому что в самом занятии спортом нет умысла на совершение преступления¹¹.

Проблемой остаётся то, что следователи и судьи не делают различия между «обычными» убийцами и убийцами-боксерами, — говорит председатель Ассоциации адвокатов России «За права человека» Евгений Архипов. – Боксеры, как обладатели особых знаний о причинении вреда здоровью человека, понимают, как нужно ударить, чтобы убить. В то время как большинство других граждан, ставших убийцами в драках, нанося удары, не предполагали, что лишат человека жизни¹².

Подводя итог, необходимо отметить, что предвзятое отношение к спорт-

⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект Федерального закона. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=146108&div=PRJ&dst=100005%2C1&rnd=0.8488987490742494#0> (20.01.2017).

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : пояснительная записка к проекту Федерального закона. URL: <http://www.consultant.ru/> (20.01.2017).

¹⁰ Крецул Р. Судьи всегда это учитывают // Взгляд. 2011. 19 сент.

¹¹ Мясникова О., Зайнуллин Т. Бойцовскую силу уравниют с ножом // Фонтанка. 2013. 22 авг.

¹² Словецкий В. Почему судьи отпускают спортсменов-убийц? // Свободная Пресса. 2012. 31 окт.

сменам – это явление, которое уже успело устояться в обществе. Подтверждением тому может служить тот факт, что в СССР было запрещено обучение и занятие каратэ.

Ужесточение законодательства в отношении профессиональных спортсменов – это необоснованный и несвоевременный шаг, который может повлечь последствия, совершенно противоположные ожидаемым. Несомненно, данная проблема требует решения, но решения, которое будет взвешенно, и не будет ущемлять права профессиональных спортсменов. По сути человек, начавший заниматься спортом, будет заранее обрекать себя на ограничение собственных прав. Это послужит поводом для отказа от спорта многих людей.

Ю. О. Олейникова,

студентка 2 курса

ИЮИ (ф) АГП РФ

Проблемы легализации эвтаназии в Российской Федерации

В контексте отечественного уголовного права институт эвтаназии прошел неоднозначный путь. Так, Уголовное Уложение 1903 г. (ст. 445) признавало лишение жизни по просьбе жертвы убийством, заостряя, однако, внимание на возможное уменьшение ответственности в силу наличия факта настояния убитого или мотива сострадания по отношению к нему виновного лица. В примечании же к ст. 143 УК РСФСР 1922 г. была закреплена норма, в соответствии с которой уголовная ответственность за убийство, совершенное по настоянию убитого из сострадания к нему, исключается. Однако на сессии ВЦИК 9-ого созыва Н. В. Крыленко выступил с докладом, обосновавшим нецелесообразность наличия подобного правового материала в кодексе, после чего примечание утратило свою силу, что означало установление запрета на осуществление эвтаназии.

При подготовке проекта действующего УК РФ проф. С. В. Бородин предложил включить в закон норму, предусматривающую, что убийство из сострадания, являясь специфическим по своей юридической природе должно квалифицироваться как совершенное при смягчающих обстоятельствах, однако данная норма не нашла своего отражения в окончательном варианте редакции. В настоящее время согласно действующему уголовному законодательству эвтаназия рассматривается как убийство, однако согласно п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ мотив сострадания может быть признан судом в качестве смягчающего наказание.

Рассмотрим юридическую природу эвтаназии. В данном контексте представляется возможным согласиться с О. С. Капинус, которая под эвтаназией понимает «умышленное причинение смерти неизлечимому больному, осуществленное по его просьбе медицинским работником, а также иным лицом по мотиву сострадания к больному и с целью избавления его от невыносимых физических страданий»¹.

В. И. Морозов и А. С. Попова, рассматривая соотношение эвтаназии с

---

¹ Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2006. 59 с.

крайней необходимостью и обоснованным риском, приходят к выводу, что по признакам эвтаназия больше схожа с обоснованным риском («цель не может быть достигнута иным путем, как через смерть»), однако имеет свою специфику, которая объясняет последствия осуществления акта эвтаназии в виде уголовной ответственности².

Специфика эвтаназии, в частности, заключается в двух основных аспектах. Во-первых, эвтаназия (если речь идет о такой ее разновидности, как добровольная эвтаназия) основывается на настоянии человека. В данном контексте мы можем говорить о таком институте науки уголовного права, как согласие потерпевшего. Под согласием потерпевшего Е. К. Гадзанова предлагает понимать «волеизъявление лица на причинение ему вреда или на поставление в опасность причинения такого вреда в качестве способа достижения личной цели, которое характеризуется объективными и субъективными признаками правомерности»³. Вопрос о необходимости включения института согласия потерпевшего в УК РФ как обстоятельства, исключающего преступность деяния, является дискуссионным среди правоведов, однако за законодателем замечена тенденция к введению этого института если не в гл. 8 УК РФ, то в отдельные статьи Особенной части УК РФ (прим. ст. 122 УК РФ). Данным фактом подтверждается процесс приобщения уголовного законодательства Российской Федерации к мировому юридическому опыту (в настоящее время институт согласия потерпевшего относительно лишения жизни отражен в уголовном законодательстве Австрии, Азербайджана, Германии, Грузии, Дании, Индии, Италии, Японии и т. д.)⁴.

Во-вторых, осуществление акта эвтаназии будет отличаться от предусмотренных УК РФ составов преступлений наличием такого конститутивного признака субъективной стороны, как мотив сострадания. Находясь на стыке философии и психологии, категория сострадания вызывает не меньшее количество дискуссий. Это связано с тем, что философская категория сострадания стоит в одном ряду с другими качествами высоконравственного человека и исключает любое аморальное начало в его поведении. Но именно аморальные мотивы, как правило, движут преступником. Таким образом, при определении соотношения вины и мотива сострадания возникают трудности. К тому же, как и любой другой психологический юридический важный аспект, мотив сострадания вызывает трудности при доказательстве его наличия.

Дискуссионный характер специфических черт эвтаназии, в свою очередь, является одним из факторов неопределенности в отношении собственно эвтаназии. Как было упомянуто, Российская Федерация не готова последовать примеру западных стран и легализовать эвтаназию. Противники эвтаназии в своих суждениях опираются на следующие аргументы.

---

² Морозов В. И., Попова А. С. Правовое регулирование эвтаназии: какой должна быть позиция России? // Юридическая наука и правоохранительная практика. С. 47–57.

³ Гадзанова Е. К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение : дис. ...к.ю.н. : 12.00.08. М., 2011. 191 с.

⁴ Пархоменко С. В. Юридическая характеристика нормативной основы деяний, преступность которых исключается // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 74–81.

1. Религия. Действительно, исторически православие играет большую роль в развитии России (что упомянуто в преамбуле ФЗ от 26.09.1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» № 125-ФЗ). А православное учение, как и многие другие конфессии, отрицательно относится к лишению человека жизни вне зависимости от причины, способа и обстоятельств, кроме естественной смерти. Однако не стоит забывать, что согласно Конституции РФ, Российская Федерация является светским государством, и влияние религиозных догматов на государственную политику должно стремиться к минимуму. С другой стороны, необходимо признать, что исторические, культурологические особенности, а также особенности менталитета российского народа могут объяснять отрицательное его отношение к лишению жизни искусственным путем.

2. Клятва Гиппократова. «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла», – говорится в клятве Гиппократова – примате врачебного дела.

3. Аморальный характер лишения жизни. Конституция РФ, а также общепризнанные источники международного права указывают, что жизнь человека – наивысшая ценность и наивысшее благо. Но чье именно благо – самого человека или государства и общества? Насколько человек может распоряжаться своей жизнью? Многими исследователями^{5,6} было отмечено, что право на жизнь имеет сложную правовую структуру, включая в себя право на свободное распоряжение своей жизнью. «Право на свободное распоряжение своей жизнью означает возможность добровольного принятия лицом решения о возможности поставить свою жизнь в опасное положение, обусловленного свободным волеизъявлением, направленным на достижение некой положительной цели личного или общественного характера. Тем не менее, данное право не должно рассматриваться излишне широко. Оно не может включать в себя право на смерть, представляющее юридический нонсенс»⁷. Позволим себе не частично не согласиться с данным утверждением, опираясь на тот факт, что в законодательстве Российской Федерации не установлено ответственности за совершение суицида или за попытку его совершения.

4. Совокупность двух аспектов: возможности пациента выздороветь и необратимого характера смерти. Этот аргумент заслуживает внимания в дискуссиях о целесообразности легализации эвтаназии только в том случае, если речь идет о больном человеке. Однако большинство споров ведутся относительно легализации эвтаназии в отношении неизлечимо больных пациентов. Неизлечимость заболевания должна быть подтверждена документально.

5. С разрешением осуществления эвтаназии у представителей науки исчезнет мотивация для развития медицинских технологий. Этот аргумент также вызывает сомнения, так как нет никаких доказательств того, что эвтаназия может быть причиной регресса в сфере медицинских технологий.

---

⁵ Рыбальник М. М. К вопросу уголовно-правовой оценки эвтаназии // Вестник Бурятского университета. 2012. № 2. С. 264–267.

⁶ Мацкевич И. М. Право на жизнь как основное право человека и гражданина: правовые, культурологические и криминологические аспекты // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 191–197.

⁷ Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление : монография. СПб. : Буквевед, 2006. 402 с.

6. Возможность врачебной ошибки в объявлении человека неизлечимо больным является действительно весомым аргументом противников эвтаназии, однако эта проблема имеет решение – признания заключения одного врача относительно неизлечимости заболевания недостаточным для установления недействительности.

7. Возможность провокации злоупотребления правом. Пожалуй, этот аргумент чаще всего используют противники эвтаназии. И это не случайно. Неграммотное включение института эвтаназии в ряд правомерных действий может повлечь за собой негативные последствия, в том числе развитие коррупциогенной обстановки. Субъектами подобного злоупотребления правом могут являться как представители медицинского персонала, не заинтересованные в лечении пациента, так и недобросовестные родственники и близкие пациенту лица, имеющие корыстный интерес в его кончине.

Проанализировав доктринальные источники и судебную практику по теме эвтаназии, а также отдельные свидетельства неизлечимо больных пациентов и медицинских работников, привлеченных к ответственности за осуществление актов эвтаназии, можно прийти к следующему выводу: думается, что эвтаназия, а именно умышленное причинение смерти в виде действия или бездействия неизлечимо больному пациенту, совершенное по мотиву сострадания, вызванному его просьбой, должно быть включено в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния⁸, при наличии следующих признаков.

1. Объективно существующие материальные предпосылки неизлечимости больного (продолжительность применения методов и средств лечения, наличие у больного невыносимых физических страданий, отсутствие эффективных мер по облегчению страданий больного).

2. Факты реальной действительности, исключающие возможное злоупотребление правом медицинских работников и недобросовестных лиц, имеющих влияние на пациента (письменное, нотариально заверенное заявление пациента, заключение медицинской комиссии о неизлечимости заболевания, заключение психолога о добровольности, объективности и отсутствии внешнего психологического воздействия иных лиц на принятие пациентом решения).

Таким образом, представляется возможным добавить в УК РФ ст. 39¹. Причинение смерти по мотиву сострадания:

Не является преступлением осуществление акта эвтаназии, а именно умышленного причинения смерти в виде действия или бездействия неизлечимо больному пациенту, совершенное по мотиву сострадания.

В связи с подобным изменением в уголовном законе будет необходимо принятие Постановления Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам, связанным с осуществлением эвтаназии», где целесообразен комментарий к легальной дефиниции эвтаназии; условия, при которых осуществление акта эвтаназии является причиной исключения преступности деяния; требования к документальному оформлению воли пациента, принявшего решение об уходе из жизни; требования к доказательствам неизлечимости заболевания пациента,

---

⁸ Пархоменко С. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в отечественном и в зарубежном уголовном законодательстве. Иркутск, 2003. С. 35.

продолжительности его лечения; требования к психологам, выдающим заключение о добровольности пациента уйти из жизни; а также требования, предъявляемые к членам медицинского консилиума (например, их количественный состав, квалификация и специализация каждого врача, требование к нахождению их в разных регионах – для исключения развития коррупциогенного фактора на данной почве) и т. д.

В. А. Перфильева,

*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Актуальные проблемы необходимой обороны в автономном режиме

Необходимая оборона традиционно один из наиболее сложных и спорных институтов уголовного права, имеющий значительную роль в охране интересов личности, общества и государства. По своей юридической природе она является прирожденным правом человека, вытекающим из естественного, присущего ему с рождения права на жизнь. Учитывая важность и необходимость для общества и государства данного института, в теории уголовного права и судебной практике возникают сложные и неоднозначные вопросы в ее оценке¹.

После принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» получила толкование долгое время остававшаяся дискуссионной проблема использования специальных средств и устройств, применяемых для защиты охраняемых законом интересов от общественно опасных посягательств и действующих в момент отсутствия обороняющегося лица в месте совершения такого посягательства.

Верховный Суд РФ, признавая оборону в автономном режиме, разъяснил: «правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств. Если в указанных случаях причиненный посягавшему лицу вред явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. При срабатывании (приведении в действие) таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях»². Таким образом, Верховный Суд РФ признает возможным использование таких технических устройств в качестве способа совершения оборонительных действий³.

---

¹ Пархоменко С. В. Об актуализации уголовно-правовых исследований деяний, преступность которых исключается // Проблемы современного российского законодательства : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / отв. редактор С. И. Сулова. Иркутск, 2015. С. 352–354.

² О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Пархоменко С. В. К вопросу о необходимой обороне в автономном режиме // Проблемы современного российского законодательства. Иркутск, 2012. С. 296–300.

Однако данное положение оставляет не разрешенными многие другие вопросы квалификации, связанные с применением подобных автономно действующих средств и приспособлений.

При срабатывании автономных устройств вред должен причиняться только посягавшему лицу, то есть в условиях наличности и действительности посягательства, исключая возможность причинения вреда третьим невиновным лицам. Стоит отметить, что заблаговременная установка автономных средств никаким образом не влияет на признак наличности посягательства⁴. Условие наличности общественно опасного посягательства хоть и отсутствует в момент установки устройства, но при его срабатывании оно соблюдается, ведь срабатывание происходит непосредственно в момент совершения такого посягательства. Иными словами, использование автономных устройств в целях защиты должно осуществляться таким образом, чтобы в обычной обстановке, не в момент совершения общественно опасного посягательства, не создавалось угрозы причинения вреда третьим лицам.

Представляется дискуссионной позиция Верховного Суда РФ о возможности использования в целях необходимой обороны только не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений. Думается, что обороняющееся лицо имеет право воспользоваться любыми средствами в целях защиты, главное чтобы оборонительные действия соответствовали характеру и опасности посягательства. В таком случае причинение вреда посягавшему лицу должно оцениваться как совершенное в состоянии необходимой обороны, пусть даже обороняющееся лицо будет привлекаться к уголовной ответственности за иное деяние, связанное с использованием подобных технических средств (например, незаконное хранение взрывчатых веществ)⁵.

Дискуссионным остается вопрос об оценке причинения посягавшему лицу вреда как превышения пределов необходимой обороны. Разъяснение Верховного Суда РФ по этому поводу дано достаточно лаконично и в основном повторяет уголовный закон.

Так, например, профессор Г. А. Есаков указывает, что использование так называемых пугающих средств полностью соответствует пределам необходимой обороны⁶. В случае же если посягавшему причиняется вред здоровью или смерть, то такое последствие признается невиновным причинением вреда. Действительно, такое деяние нельзя вменить в вину обороняющемуся как неосторожное причинение вреда, так как неосторожное превышение пределов необходимой обороны не наказуемо.

Более сложным представляется вопрос об использовании автономно действующих средств, причиняющих вред здоровью.

По вопросу причинения тяжкого вреда здоровью посягавшему лицу вследствие срабатывания автономно действующих средств мнения ученых рас-

---

⁴ Васин Д. М. Использование средств защиты в автономном режиме при необходимой обороне // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 112–121.

⁵ Гарбатович Д. А. Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2013. № 1. С. 12–16.

⁶ Есаков Г. А. Использование предохранительных устройств при защите имущества и необходимая оборона // Уголовное право. 2013. № 1. С. 17–23.

ходятся. Так, например, А. Н. Попов полагает, что «причинение тяжкого вреда здоровью в разбираемых случаях всегда образует превышение пределов необходимой обороны»⁷. Однако профессор Г. А. Есаков, критикуя данную позицию, утверждает, что в данных ситуациях никогда не возникает превышения пределов необходимой обороны⁸. Свои выводы он основывает на сравнении санкций лишь некоторых статей уголовного закона.

Представляется правильным оценивать в каждом конкретном случае, как к этому призывает Верховный суд РФ (п. 17 постановления), соответствие причиненного посягнувшему лицу вреда характеру и опасности посягательства.

Что же касается причинения смерти в состоянии необходимой обороны в автономном режиме, то здесь также нет однозначного решения. Так, А. В. Шнитенков утверждает, что «применение средств и приспособлений для защиты правоохраняемых интересов признается правомерным при причинении любого вреда лицу, совершившему общественно опасное посягательство»⁹. Однако профессор Г. А. Есаков не согласен с такой позицией, указывая, что «причинение смерти в рассматриваемой ситуации всегда образует превышение пределов необходимой обороны»¹⁰, обосновывая свое мнение тем, что жизнь человека не сопоставима с иными отношениями, охраняемыми уголовным законом.

Тем не менее, необходимо оценивать каждый конкретный случай, связанный с применением автономно действующих средств или приспособлений, чтобы правильно применить нормы уголовного закона, ведь автономно действующие средства могут использоваться в целях защиты не только имущества, как, например, жилища, но и находящихся внутри него людей.

Подводя итог выше сказанному, Верховный Суд РФ устранил неопределенность судебной практики в данной сфере, признавая существование необходимой обороны в автономном режиме. Однако все приведенные тезисы свидетельствуют о том, что институт использования автоматически срабатывающих или автономно действующих средств и приспособлений в целях защиты интересов общества и государства нуждается в дальнейшей разработке и совершенствовании.

П. П. Пиншин,

*студент 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

**О направлениях совершенствования института соучастия
в российском уголовном законодательстве (логико-юридический
и сравнительно-правовой анализ)**

В российском уголовном праве институт соучастия можно считать одним из наиболее спорных. Существует несколько обоснованных, но противопоставленных друг другу позиций относительно этого института, и выбрать из них

---

⁷ Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. С. 424–425.

⁸ Есаков Г. А. Указ. соч. С. 21.

⁹ Шнитенков А. В. Новая редакция статьи о необходимой обороне требует дополнения // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 12–16.

¹⁰ Есаков Г. А. Указ. соч. С. 22.

наиболее верную очень трудно. Проблема усугубляется тем, что помимо подходов, изучаемых отечественной наукой уголовного права, существует также зарубежный опыт, который зачастую совершенно иным образом решает эти вопросы.

Например, в науке и в судебной практике существует проблема правовой оценки группового преступления, совершенного совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности. И если среди правоведов происходят споры, то правоприменительная практика (преимущественно по преступлениям против личности) склонна в таких случаях видеть соучастие в совершении преступления.

Близким по духу вопросом является выделение фигуры посредственного причинителя как вида соучастника. Можно ли говорить о соучастии, когда фактически объективная сторона преступления выполнена несколькими лицами, но уголовной ответственности подлежит лишь один из них? Однозначного ответа на этот вопрос не существует ни в теории, ни у правоприменителей.

В разных странах к определению видов соучастников также подходят по-разному. И здесь мы усматриваем одно очень важное отличие УК РФ от зарубежных кодексов. Зарубежные законодатели разграничивают понятия «исполнительство» и «соучастие», не считая при этом исполнителя видом соучастника. Во-первых, потому, что при соисполнительстве участники несут ответственность по статье Особенной части УК без ссылки на положения Общей части. Во-вторых, как можно говорить о соучастии, о виде соучастника, если в наличии один только исполнитель?

При этом и криминализация видов соучастника характеризуется разнообразием. Например, УК Дании не называет различных видов соучастников, ограничиваясь перечислением возможных действий соучастника в рамках одной нормы. Разграничивается только исполнительство и соучастие. УК Турции использует термин «лицо, принявшее участие в совершении правонарушения» и уже ему предписывает возможные наказуемые формы поведения, не выделяя при этом видов соучастников, что сближает УК Турции с УК Дании.

УК ФРГ, Швейцарии и Японии признают соучастниками только подстрекателей и пособников. Уголовный закон Ирана рассматривает подстрекателя как вид пособник, а потому различает исполнителя преступления и соучастника-пособника с весьма широкими границами. С другой стороны соисполнители в Иране считаются соучастниками.

УК Польши выделяет ещё и фигуру организатора: она прямо не названа, но четко угадывается в формулировке «лицо, руководящее исполнением противозаконного деяния другим лицом ...». УК КНР различает организатора, пособника, подстрекателя, даёт им относительно точные и полные определения, однако оставляет открытым перечень действий пособника, указал лишь, что он выполняет «вспомогательную роль».

В целом, действующий УК РФ в вопросах соучастия многое заимствовал из УК РСФСР 1960 г., чем объясняется отнесение фигуры исполнителя к видам соучастника. Заметим, что советское уголовное законодательство оказывало существенное влияние на законодательство всех социалистических стран, однако УК Польши и УК КНР считают соучастие и исполнительно разными право-

выми категориями. Стоит ли отечественным ученым рассматривать подобную тенденцию как один из возможных путей совершенствования законодательства? Справедливости ради стоит отметить, что реализация такого подхода в УК РФ не будет новеллой для отечественного законодательства. Например, Уголовный Кодекс РСФСР 1926 г. отграничивал соучастников от исполнителя.

Во всех странах романо-германской правовой семьи мы наблюдаем, что соучастие в преступлении неразрывно связано с самим совершаемым преступлением. Эта связь используется для юридического обоснования ответственности соучастников и в текстах уголовных законов описывается тремя способами. Во-первых, это может быть одна или несколько статей Общей части кодекса, где установлены правила ответственности для соучастников. Во-вторых, встречается указание на то, что участие в преступлении с другими лицами признается обстоятельством, отягчающим наказание. В-третьих, встречается закрепление такого обстоятельства в качестве квалифицирующего признака в статье Особенной части кодекса. Зачастую применяется сразу несколько вариантов регламентации ответственности соучастников: в УК РФ мы наблюдаем все три.

В странах-представительницах англо-саксонской правовой семьи подход к регламентации ответственности за участие нескольких лиц в совершении преступления существенно отличается. В уголовном праве таких стран существуют отдельные институты, предусматривающие самостоятельную ответственность за подстрекательство, за сговор или за покушение. Объясняется это тем, что подобная деятельность преступна сама по себе, и ни одна из них, по мнению британских и американских правоведов, не является стадией предварительной преступной деятельности, а является наказуемой формой поведения, пусть и не причинившей реального вреда. В данном случае требуется установить, что данная деятельность была направлена против законных интересов и предполагала нанесение им вреда способом, который запрещен законом. Уже на основании этого будет наступать уголовная ответственность.

Таким образом, в странах, тяготеющих к англо-саксонской правовой семье, соучастие никак не связано со стадиями совершения преступления и предполагает наличие самостоятельной ответственности по категориям преступлений (выработанным общим правом), которые характеризуются совершением «явных действий», но отличаются неоконченностью реализации преступного намерения¹.

Заметим, что в российском уголовном законодательстве такие веяния обозначились: введение самостоятельной ответственности за пособничество терроризму (ст. 205.1), за обещание или предложение посредничества во взяточничестве или в коммерческом подкупе (ч. 5 ст. 291.1, ч. 4 ст. 204.1).

Различия в регламентации института соучастия в современном мире на этих аспектах не заканчиваются. Так, в России невозможно даже поставить вопрос о том, возможно ли соучастие в преступлениях, которые не являются умышленными. С одной стороны, нераспространение института соучастия на неосторожные преступления выглядит гуманным решением. Но в реальной дей-

---

¹ Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебrenникова А. В. Уголовное право современных зарубежных стран, М., 2019. С. 234–244.

ствительности нередки случаи стечения нескольких действий, от которых по неосторожности наступает неблагоприятный общественно опасный результат.

Законодатели разных стран по-разному решают этот вопрос, и потому мы можем найти разные подходы к представлениям о субъективной стороне соучастия. При этом российские правоприменители в целом ряде случаев самостоятельно отработали схему квалификации участия нескольких лиц в причинении преступного результата по неосторожности (например, по ст. ст. 143, 219, 216, 264 УК РФ), а в составе неосторожного преступления, предусмотренного ст. 263.1 УК РФ, даже появились квалифицированные разновидности, совершённые группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Бесконечные споры возникают по поводу зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя и их самостоятельной ответственности. Разные ученые и законодатели разных стран по-разному подходят к разрешению этого вопроса².

Мнения криминалистов по поводу этому вопросу разделились в конце XIX – начале XX веков. Сторонники акцессорности соучастия аргументируют свою позицию тем, что если нет самого преступления, совершённого исполнителем, то нет и соучастия в преступлении, так как нельзя говорить о соучастии в том, чего в действительности не было и нет.

Их оппоненты считают, что соучастник отвечает за собственные действия, а не за совокупные, поскольку каждое действие, которое обусловило наступивший результат, является самостоятельным основанием для вменения лицу всего результата.

Ни одна из сторон не смогла найти достаточно весомых аргументов в пользу своего видения вопроса. Современная теория и практика двинулись по пути смешения данных точек зрения, стремясь взять положительные стороны от обеих теорий. Это можно отчетливо проследить и в отечественном законодательстве. Между тем, отсутствие четкого понимания этого вопроса влечет за собой неоднозначность его правового регулирования.

Таким образом, институт соучастия является одним из самых неоднозначных и специфических институтов уголовного права как в России, так и за рубежом. Существует несколько вопросов, по которым расхождение во мнениях напрямую влияет на качество правового регулирования общественных отношений, на принимаемые решения о привлечении к уголовной ответственности. Стремясь объединить положительные черты разных правовых школ, российский законодатель прибегнул к эклектическому подходу, создав конгломерат норм, решающих одни и те же вопросы, исходя порою из противоположных представлений об их природе. Это приводит к многочисленным парадоксам и сложностям правоприменения. Однако для того, чтобы вносить изменения в данный правовой институт, нужно достигнуть некоторого, хотя бы формального, единства в понимании основных спорных вопросов и на основании этого выработать обобщенную концепцию института соучастия в уголовном законодательстве.

---

² Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2001. С. 10–11

А. В. Подзигун,

*курсант 3 курса
учебно-строевых подразделений
Факультета очного обучения,
ФКОУ ВО Пермский институт
ФСИН России*

**Уголовно-правовая характеристика состава преступления,
связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение
преступления, совершенные с применением насилия или с угрозой
его применения (ч. 3 ст. 150 УК РФ)**

Часть 3 ст. 150 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за действия предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения. Таким образом, часть 3 предусматривает в качестве способа вовлечения – применение насилия или угрозу его применения. Законодатель выделил эти способы из-за их повышенной общественной опасности. Необходимо отметить, что в литературе существует дискуссия о том, к кому может применяться насилие или угроза его применения.

Так, по мнению Николаевой Ю. В., Мкртычяна Б. А. диспозиция ч. 3 ст. 150 УК РФ является неполной, так как угроза применения насилия к близким потерпевшего не служит признаком состава преступления, предусмотренного в ч. 3 ст. 150 УК РФ. Между тем вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления под воздействием такой угрозы существенно увеличивает общественную опасность содеянного. Поэтому указанный признак, по их мнению, целесообразно включить в ч. 3 ст. 150 УК РФ¹.

Олейникова Т. А. придерживается противоположной позиции, т. к. из текста закона нельзя сделать вывод о том, к кому применяется психическое или физическое насилие. Поэтому она считает, что насилие может быть применено не только к несовершеннолетнему, но и к его близким, поскольку это может побудить несовершеннолетнего к совершению различного рода действий, в том числе и совершению преступлений².

В литературе нет единства мнения, что понимать под насилием. Так, Л. Д. Гаухман пишет, что «в законе под термином «насилие» подразумевается только физическое насилие»³. Иного мнения придерживается Л. В. Сердюк, включая в содержание насилия и психическое насилие и определяя насилие как «внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий»⁴. По моему мнению, отказывать психическому насилию в существовании не достаточных

¹ Мкртычян Б. А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дисс. канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 86.

² Олейникова Т. А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовный и криминологический аспекты : дисс... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 55.

³ Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 75.

⁴ Сердюк Л. В. Насилие: уголовно-правовое и криминологическое исследование. М., 2002. С. 22.

оснований, а потому можно выделить два вида насилия в уголовном праве: психическое и физическое.

Также в литературе ставится вопрос об определении объёма физического насилия при вовлечении несовершеннолетнего в совершение, который до настоящего времени так и не решён.

Например, Чучаева А. И. понимает под применением насилия любые способы физического воздействия на подростка с целью склонить его к совершению преступления. Если в результате этого здоровью несовершеннолетнего был причинен тяжкий вред или наступила его смерть, действия виновного подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150 УК и ч. 1 ст. 105 УК или ч. 1 ст. 111 УК. Нанесение побоев, истязание, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью несовершеннолетнему дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК не требуют⁵.

Другой позиции придерживается Пудовочкин Ю. Е, который считает, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с применением насилия или угрозой его применения, предполагает применение к потерпевшему различных видов насилия, не признаваемого законом в качестве преступления, а также угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, оскорбления и клеветы, разовых побоев при допущении в сознании возможности их применения в других эпизодах вовлечения, не требующих самостоятельной квалификации. Причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью (как умышленного, так и по неосторожности), причинение смерти по неосторожности, истязание всегда должны требовать дополнительной квалификации. В связи с изложенным Пудовочкин Ю. Е. предлагает ограничить насилие в ч. 3 ст. 150 УК РФ насилием, не опасным для жизни и здоровья⁶. Такой же позиции придерживается Жукова Т. Г.⁷, Есаков Г. А.⁸

Что касается угрозы применения насилия, то в литературе нет дискуссии по данному поводу, и позиция авторов сводится к следующему: угроза применения насилия представляет собой психическое насилие и выражается в обещании применить к потерпевшему физическое воздействие с целью вовлечь его в совершение преступления (намерения убить, причинить вред здоровью различной тяжести). Уголовно наказуемой считается угроза, если имелись основания опасаться ее осуществления. Это означает, что угроза должна быть реальной, способной устроить. При этом необходимо учитывать как объективные, так и субъективные обстоятельства конкретного дела в их совокупности⁹.

В судебной практике часто встречаются дела по ч. 3 ст. 150 УК РФ. Так, например, К., достигший восемнадцатилетнего возраста, заведомо зная о том, что Д., является несовершеннолетним, в период с конца декабря 2009 г. по 7 января 2010 г. умышленно, из корыстных побуждений, с целью совершения кражи чужого имущества, путем словесных уговоров и уверений в безнаказанности,

⁵ Чучаева А. И. Комментарий к УК РФ. М. : Контракт, 2012. С. 152.

⁶ Пудовочкин Ю. Е. Цит. соч. СПб., 2002. С.116–117.

⁷ Жукова Т. Г. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Доктринальные, законодательные и судебные понятия / под ред. Чечель Г. И. Т.1. Ставрополь, 2012. С.116.

⁸ Есаков Г. А. Комментарий к УК РФ. М. : Проспект, 2012. С. 145.

⁹ Чучаева А. И. Комментарий к УК РФ. М. : Контракт, 2012. С. 153.

обещаний впоследствии брать с собой на рыбалку и охоту, а также путем угроз нанесения побоев возбудил у Д. готовность совершить хищение ледобура, принадлежащего П., после чего Д. 7 января 2010 г. в вечернее время из корыстных побуждений, с целью хищения, тайно, незаконно проник через окно в сарай, откуда похитил ледобур стоимостью 660 рублей, принадлежащий П., и спрятал его в сарае в усадьбе своего домовладения, чтобы впоследствии передать К. К. был призван виновным Тегульдетский районный суд Томской области в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 33 – п. "б" ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 150 УК РФ¹⁰.

Другим примером, может служить дело № 1-368/2012 Псковского городского суда Псковской области. К. был осужден по ч. 3 ст. 150 УК РФ. С целью вовлечения несовершеннолетнего потерпевшего в совершение кражи К. дважды нанес удары кулаком правой руки с находившимся в ней кухонным ножом по лицу последнего, причинив ему физическую боль и телесные повреждения в виде ссадин¹¹.

В период времени с 21 часа 15 марта до 1 часа 16 марта 2008 года около дома N по улице N в г. N района N области Асауляк и Данилов, действуя совместно, на почве личных неприязненных отношений, нанесли потерпевшему Д. телесные повреждения, при этом Асауляк нанес потерпевшему удары руками и ногами по телу и голове, а затем нанес удары деревянным брусом Д. по голове. После этого, Асауляк, зная о том, что И. и Ш. не достигли восемнадцатилетнего возраста, высказал в их адрес угрозы причинения им телесных повреждений и заставил: И. помочь перенести тело Д., Ш. – перенести деревянные бруски на расположенную в этом же районе мусорную свалку. Асауляк В. В. был осужден в том числе и по ч. 3 ст. 150 УК РФ¹².

Таким образом, ч. 3 ст. 150 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем насилия или угрозы применения насилия, т. к. общественная опасность таких способом более высокая и данные способы более негативно отражаются на психическом и физическом здоровье несовершеннолетнего.

Е. В. Полуян,

*студентка 5 курса
МГУ имени А. А. Кулешова*

К вопросу об объекте и предмете разбоя

Среди преступлений против собственности, которые предусмотрены Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК), разбой занимает особое место и определяется наибольшей общественной опасностью.

---

¹⁰ Приговор Тегульдетского районного суда по Томской области от 10 апреля 2010 г. По делу № 1-97-2010 [Электронный ресурс]. URL: http://teguldetsky.tms.sudrf.ru/modules.php?id=153&name=docum_sud (20.01.2017).

¹¹ Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. М. : Норма, 2014.С. 530.

¹² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24 сентября 2009 г. № 66-009-114сп [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

В настоящее время существует не только недостаточность теоретической проработанности вопросов, связанных с характеристикой разбоя, но также требуется необходимость разработки и законодательного закрепления понятий, которые используются в теории уголовного права, но не имеют единого значения.

В январе – сентябре 2016 г. в Беларуси зарегистрировано 9,7 тыс. особо тяжких и тяжких преступлений, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 13,6%. Из них случаев разбоя 173, это на 22,4% меньше, чем в показателях за такой же период 2015 года¹.

Разбои совершаются в основном в городах и поселках городского типа. При этом значительная часть подобных посягательств совершается приезжими гражданами, в том числе иностранцами.

Барченков Д. В. отмечает, что разбой, как правило, совершается в вечернее или ночное время. Наиболее распространенными местами совершения разбоев являются жилища и иные помещения, улицы, переулки, а также автодороги².

Согласно законодательной конструкции разбой представляет собой идеальную совокупность преступлений: при совершении одного деяния (нападения, применения насилия) причиняется вред двум охраняемым уголовным законом интересам – праву на жизнь или здоровье и праву собственности. Таким образом, разбой состоит из двух разнородных преступлений: хищения чужого имущества и посягательства на жизнь или здоровье³.

Особое значение для определения природы разбоя, для выяснения характера и степени его общественной опасности имеет установление объекта этого преступления.

Родовой объект разбоя – это общественные отношения собственности.

Собственность – понятие сложное, оно включает в себя не только экономические отношения между людьми по поводу материальных благ, но и правовые отношения, обеспечивающие корректное поведение субъектов по поводу имущества.

Гражданский Кодекс Республики Беларусь⁴ (далее – ГК) выделяет две формы собственности: государственную и частную. Государственная собственность выступает в виде республиканской собственности (собственность Республики Беларусь) и коммунальной собственности (собственность административно-территориальных единиц).

Субъектами права частной собственности являются физические и негосударственные юридические лица.

Исходя из этого, непосредственным объектом разбоя может быть госу-

¹ Общая статистика за 2016 год [Электронный ресурс]. Минск, 2017. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=342713>. (10.01.2017).

² Барченков Д. В. Разбой: уголовно-правовые и криминологические аспекты [Электронный ресурс]. Минск, 2017. URL: <http://www.dissercat.com/content/razboi-ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-aspekty#ixzz4Vr0cFDps> (15.01.2017).

³ Хиллота В. В. Квалификация преступлений против собственности [Электронный ресурс]. Минск, 2017. URL: http://ebooks.grsu.by/prestyp_protiv_sobstv/3-razboj.htm (15.01.2017).

⁴ Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : от 7 декабря 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : по состоянию на 5 января 2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000. Минск, 2016.

дарственная либо частная собственность, отношения по владению, пользованию, распоряжению имуществом. Формы собственности равны, и права всех собственников защищаются равным образом нормами как уголовного, так и других отраслей права.

Объект разбоя схож с другими посягательствами на собственность – общественные отношения, возникающие на основании права собственности и иных смежных прав. Такое преступление как разбой совершается в целях хищения.

В части 1 примечаний к главе 24 УК под хищением законодатель понимает противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью, совершенное любым из девяти перечисленных в законе способов⁵.

Несмотря на это отнесение разбоя к хищениям подвергается серьезной критике. В частности, С. М. Кочои, Н. А. Лопашенко и некоторые другие специалисты, анализируя признаки объективной стороны разбоя, пытаются последовательно и обоснованно доказать несостоятельность его отнесения к хищениям. Так, Н. А. Лопашенко подчеркивает, что нападение в целях хищения чужого имущества, соединенное с физическим и психическим воздействием на потерпевшего, не равнозначно хищению. По ее мнению, законодательная конструкция разбоя находится в глубоком противоречии с законодательным определением хищения, и поэтому считать разбой формой хищения нет никаких оснований. С. М. Кочои полагает, что разбой более всего похож на корыстное преступление против собственности, а не на хищение. Такие позиции специалистов подчеркивают неудачность законодательной формулировки разбоя⁶.

Следует отметить, что акцент в преступлении делается на вред личности – ее жизни или здоровью. Отсюда, факультативным объектом может выступать или здоровье, или жизнь человека, в зависимости от фактических обстоятельств.

Обязательный признак разбоя – применение или угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать причинение потерпевшему легких телесных повреждений, повлекших за собой кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату трудоспособности, или телесного повреждения большей степени тяжести, а равно насилие, которое хотя и не повлекло за собой причинения таких телесных повреждений, однако в момент применения создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего. Под угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, следует понимать такие действия или высказывания виновного, которые выражали намерение немедленно применить к потерпевшему насилие, опасное для его жизни или здоровья. Угроза при разбое должна быть реальной. При этом необходимо учитывать не только субъективное восприятие потерпевшего, но и конкретные обстоятельст-

---

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь : от 9 июля 1999г., № 275-3 [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999г. : в ред. закона Респ. Беларусь 19 июля 2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000. Минск, 2016.

⁶ Пантюхина И. В., Бражник С. Д. Анализ соответствия признаков разбоя форме хищения [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sootvetstviya-priznakov-razboya-forme-hischeniya>. (11.01.2017).

ва дела, а также направленность умысла виновного⁷.

При разбое угроза применением насилия опасна для жизни и здоровья потерпевшего и характеризуется угрозой причинения потерпевшему легких телесных повреждений, способных повлечь за собой кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату трудоспособности, или телесного повреждения большей степени тяжести, а равно любого иного насилия, способного создать реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего (угроза убийством).

В. Хилюта считает, что выражая угрозу, виновное лицо стремится запугать, устрашить потерпевшего и тем самым подавить его волю, принудить к передаче имущества или неоказанию сопротивления при его преступном завладении. Угроза при разбое может быть выражена словесно («убью!», «зарезу!», «выколю глаза!», «изувечу!» и т. п.) или в действиях, вызывающих опасение за жизнь и здоровье (захват шеи руками, накидывание петли на шею, демонстрация приемов восточных единоборств, показ сосуда с кислотой, способной вызвать обезображение лица, и т. п.)⁸.

Угроза при разбое должна носить реальный характер. Потерпевший должен осознавать, что угроза немедленно может быть приведена в исполнение.

Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, всегда должно рассматриваться как насилие, опасное для жизни или здоровья, или угроза таким насилием. Насилие или угроза насилием могут быть применены к собственнику, к лицу, в ведении или под охраной которого находится имущество, либо вообще к посторонним лицам. Определяющим в подобной ситуации является то обстоятельство, что насилие либо угроза насилия являются способом либо изъятия, либо удержания имущества и применяются виновным с целью непосредственного (т. е. в этом месте и в это время) завладения имуществом к любому лицу, которое может оказать сопротивление либо действительно противодействует преступнику⁹.

Составной частью объекта является предмет преступления.

Предмет разбоя полностью совпадает с предметом любого хищения.

Предметом хищения может быть только вещь, которая имеет определенную экономическую ценность, т. е. способность удовлетворять определенные потребности человека (потребительская стоимость), и в которой в определенной мере овеществлен человеческий труд (меновая стоимость). Вещь, неспособная удовлетворять определенные человеческие потребности ввиду ее не востребованности, не может являться предметом преступного посягательства. Как правило, не могут быть предметом хищения природные объекты, в которые не вложен труд человека. В качестве предмета преступления может выступать лишь чужое имущество¹⁰.

⁷ Грунтов И. О. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел VIII. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Глава 24. Преступления против собственности (статьи 205 - 220) [Электронный ресурс] : по состоянию на 15.09.2015г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000. Минск, 2016.

⁸ Хилюта В. Грабеж или разбой? // Судовывесник. 2008. № 2. С. 62–65.

⁹ Преступления против собственности: понятие, виды. Кража, грабеж, разбой: признаки и критерии разграничения [Электронный ресурс]. URL: <http://bellib.org/?p=30178>. (07.01.2017).

¹⁰ Грунтов И. О. Указ. соч.

Имущество или право на него считается чужим, если на момент завладения виновный не являлся его собственником или владельцем на законных основаниях. Изъятие собственного имущества из правомерного временного владения другого лица с нарушением установленного порядка не нарушает отношения собственности, а поэтому не может оцениваться как хищение¹¹.

И. Г. Барсукова отмечает, что не могут быть предметом хищения документы, дающие право на получение того или иного имущества, а также объекты интеллектуальной собственности, газ, электроэнергия, животные на свободе, номерки на одежду и т. п. Однако могут быть предметом разбоя устройства для накопления энергии (электрической, химической, тепловой, кинетической) с целью ее последующего использования¹².

Имущество как предмет преступлений против собственности может быть движимым и недвижимым. Движимое имущество чаще подвергается преступным посягательствам.

Резюмируя вышеизложенное, делаем вывод, что объектом будет являться жизнь и здоровье, независимо от того, было применено насилие либо лишь угроза, в моральном или физическом его проявлении, которая окажет на потерпевшего устрашающий эффект. Предмет разбоя должен быть движимым и не изъятым из оборота, то есть находиться в собственности или владении потерпевшего на законных основаниях. В рамках уголовного законодательства целесообразно сузить круг предметов данного преступления до чужих вещей, включая деньги и ценные бумаги.

В. Н. Попов,

*студент 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Соучастие при совершении преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности

В науке уголовного права существует немало дискуссионных вопросов, касающихся института соучастия. Один из них возник на основе неразрешённости проблем об участии в преступлении лица, которое уголовной ответственности по признакам возраста и вменяемости не подлежит. В научных работах, учебниках, комментариях к УК РФ можно выделить как позицию, говорящую о невозможности рассматривать в качестве соучастия совместную объективно противоправную деятельность нескольких лиц, если уголовной ответственности подлежит только один, так и мнение о допустимости этого. Ситуацию осложняет и разрозненность судебной практики по данному вопросу.

Так, например, А. П. Козлов пишет о необоснованности и недопустимости

---

¹¹ О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 21 дек. 2001 г., № 15 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000. Минск, 2016.

¹² Барсукова И. Г. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика разбоя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovno-pravovaja-i-kriminologicheskaja-harakteristika-razboja.html> (15.01.2017).

признания действий несубъектов групповым преступлением¹. Совместная деятельность субъектов преступления создаёт соучастие, а деятельность с несубъектами не является таковой, поскольку они не осознают общественной опасности своих деяний или их последствий. С. В. Тасаков аргументирует свою позицию тем, что лицо, не подлежащее ответственности, действует невиновно, следовательно, не превращается в исполнителя, соисполнителя преступления, а отсутствие соисполнителя означает, что и сам преступник не становится таковым. Значит, признак совершения преступления в составе группы отсутствует². Данная позиция прослеживается и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», несмотря на то, что редакция изменилась, нет прямых указаний на признаки субъекта при соучастии³. Так, например, Рубцовский городской суд Алтайского края исключил из обвинения квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», указав на то, что обвиняемый должен нести ответственность как непосредственный исполнитель⁴.

Другая позиция состоит в том, что всё же стоит признавать соучастием совершение преступления с лицами, не подлежащими ответственности⁵. Некоторые авторы указывают на то, что в ст. 32 УК РФ используется термин «лицо», который шире субъекта преступления по содержанию, что позволяет относить к соучастникам и несубъектов⁶. Однако данная точка зрения сомнительна, поскольку законодателем подразумевается под лицами именно лица, подлежащие уголовной ответственности, признаки которого раскрыты в главе 4 УК РФ. Это является лишь приёмом юридической техники, позволяющим сократить объём текста.

В. Н. Шиханов выделяет три обстоятельства, на которые обращают внимание суды, признавая соучастием совершение преступления совместно с несубъектами⁷. В первом случае суды принимают решение, основываясь на руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по соответствующей категории дел. Такая позиция создаёт разрозненную судебную практику, при которой принятие решения зависит от вида преступления, что нарушает принцип равенства перед законом, закреплённого в ст. 4 УК РФ.

Другой путь по вменению квалифицирующего признака за групповое преступление обосновывается обстоятельством, при котором лицо, совершившее преступление, не знало и не могло знать о невменяемости соисполнителя.

---

¹ Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 314–315.

² Тасаков С. В. Институт соучастия в уголовном законодательстве России и проблемы его правоприменения // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 295.

³ Шиханов В. Н. Участие в совершении преступления с лицами, не подлежащими уголовной ответственности: подходы к правовой оценке в современной судебной практике // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 53–54.

⁴ Приговор Рубцовского городского суда Алтайского края от 5 июля 2012 г. в отношении Полянского Д. С. [Электронный ресурс] // Правосудие. URL: <http://bsr.sudrf.ru> (23.01.2017).

⁵ Трухин А. М. Соучастник преступления // Уголовное право. 2006. № 3. С. 50.

⁶ Есаков Г. А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 2. С. 13–15.

⁷ Шиханов В. Н. К проблеме соучастия при совместном совершении преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 220–224.

Однако здесь нет фактических заблуждений, следует учитывать правила квалификации при юридической ошибке, по которому лицо не подлежит ответственности только при мнимом преступлении. Такая аргументация по данному вопросу не разрешает вопроса о квалификации по правилам соучастия.

В третьем случае квалифицирующий признак за групповое преступление вменяется судом на основании данных о том, что деликтоспособное лицо выполнило объективную сторону преступления или его часть совместно с неделиктоспособными, и при этом во внимание судом не принимается осознание факта невменяемости всех остальных фактических соисполнителей или недостижения ими возраста уголовной ответственности. Как отмечает автор, данный подход является наиболее удачным, хотя и он не в полной мере согласуется с уголовно-правовой доктриной.

Например, Самарский областной суд квалифицировал действия П.Б. и С.С., признанного в процессе расследования невменяемым, как совершённые группой лиц по предварительному сговору, указав, что групповым изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера признаются не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственный половой акт и насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшей независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости⁸. Суды надзорной инстанции также принимают позицию, по которой виновное лицо совершает преступление не с использованием лица, не подлежащего ответственности, а совместно с ним⁹.

Так или иначе, учёные предлагают различные пути разрешения данной проблемы. Учёные, которые не признают соучастием совершение умышленного преступления совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, предлагают сформулировать ст. 32 УК РФ иным образом, чтобы она отражала такой случай как отдельную категорию, косвенно связанную с соучастием¹⁰. Некоторые исследователи отмечают необходимость включения в определённые статьи Особенной части УК РФ квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц, среди которых имеются лица, не подлежащие уголовной ответственности»¹¹. С. В. Тасаков считает, что в ряде статей УК РФ целесообразно указать на соответствующий квалифицирующий признак, а для иных же преступных деяний это обстоятельство могло бы стать отягчающим

---

⁸ Приговор Самарского областного суда от 31 мая 2011 г. в отношении П.Б. [Электронный ресурс] // Росправосудие : информационный портал. URL: http://rospravosudie.com/courtsamarskij_oblastnoj_sud_samarskaya_oblast_s/act_103932305/ (27.01.2017).

⁹ Дрепелев А. С. О количественном признаке понятия соучастника преступления // Вестник ЯрГУ. 2014. № 2 (28) С. 66.

¹⁰ Безбородов Д. А. О некоторых направлениях дифференциации уголовной ответственности за совместное совершение преступления // Криминалистика. 2012. № 1 (10). С. 19.

¹¹ Мазаева А. М. Совершение изнасилования группой лиц, среди которых имеются лица, не подлежащие уголовной ответственности // Вестник Международного юридического института. 2015. № 4 (55). С. 62.

наказание¹². М. В. Панкратов в свою очередь предлагает дополнить ст. 67 УК РФ частью 3, которая бы регламентировала основание привлечения к ответственности за совершение преступления в соучастии, если к этому привлекается несубъект¹³. Наиболее продуманными выглядят предложения по системному изменению Общей части УК РФ, как, например, у Н. Э. Шаповалова: дополнить статьи 32, 34, 35 УК РФ, отграничив соучастие от совершения преступления с фактическим участие лиц, не подлежащих ответственности, и ввести новое обстоятельство, отягчающее наказание¹⁴.

Несмотря на то, что вопрос соучастия с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, рассматривается довольно долго, до сих пор не сложилось единого мнения в его решении, складывается противоречивая судебная практика. Представляется, что необходимо законодателю решить данную проблему с учётом особенностей института соучастия, приняв во внимание то, что действия лиц по привлечению в совершение преступлений несубъектов несомненно несут повышенную общественную опасность, что подтверждается стремлением судов усилить наказание таким лицам.

А. А. Пунинская,

студентка 2 курса

МГУ имени А. А. Кулешова,

Республика Беларусь

Экономический риск как вид обстоятельства, исключающего преступность деяния

Некоторые преступления, которые причиняют вред личности, обществу или государству в силу своей вынужденности и определенных обстоятельств или условий не могут оцениваться как противоправные, преступные и общественно опасные, хотя формально и имеют все его признаки. Действия лица при данных обстоятельствах направлены на сохранение общественного блага в виде жизни, здоровья, имущества и других, но следует отметить, что вред, который может наступить, если бы не предпринимались меры по устранению преступной ситуации, предполагается большим, чем после совершения действий по устранению этой ситуации. Законодатель устанавливает правомерность наступления этого вреда и закрепляет его в Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З в редакции от 19.07.2016 года (далее – УК Республики Беларусь), а данные обстоятельства определяются, как обстоятельства, исклю-

---

¹² Тасаков С. В. Институт соучастия в уголовном законодательстве России и проблемы его правоприменения // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 296.

¹³ Панкратов М. В. Особенности совершения преступления в группе с лицом, не подлежащим уголовной ответственности // Вестник Академии Ген. прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 4 (36). С. 66.

¹⁴ Шаповалов Н. Э. Уголовная ответственность соучастников преступления // Закон и общество: история, проблемы, перспективы. 2016. С. 148–149.

чающие преступность деяния¹.

Одним из видов обстоятельств, исключающих преступность деяния, является деяния, связанные с риском. В предыдущей редакции УК Республики Беларусь закреплялся только обоснованный риск в качестве деяний, связанных с риском, что значительно сужало круг общественных отношений, регулируемых уголовным законодательством по данному вопросу, так как деяния, связанные с риском, понятие более обширное, по сравнению с обоснованным риском. Тем самым расширив данную категорию обстоятельств, законодатель указывает на важность и актуальность регулирования отношений, связанных с риском.

Как отмечает С. Н. Сноп, риск – это действие наудачу с целью достижения общественно полезной цели². Институт риска в уголовном праве сопровождается процессом производственной или научной деятельности, в ходе которой может возникнуть ситуация, что поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями, при этом лицо, допустившее риск, предприняло все возможные меры для предотвращения вреда. Такие обстоятельства признаются, как деяния, связанные с риском в соответствии в УК Республики Беларусь³.

Важным элементом деяний, связанных с риском, как обстоятельств, исключающих преступность деяния, является специальный субъект и предмет. Данное обстоятельство распространяется на лиц, занимающихся профессионально определенной деятельностью, а обеспечение соблюдения условий правомерности входит в их обязанность, и причинение вреда сопутствуется только достижением общественно полезных целей. В качестве предмета обоснованного риска выступают производство и испытание новых технических разработок, внедрении новых технологий в промышленном производстве и так далее.

Исходя из предмета, можно выделить виды правомерного риска: экономический риск, коммерческий риск (инвестиционные проекты, коммерческие сделки, банковские операции), состязательный риск (организация экстремальных видов спорта, зрелищ, состязаний, путешествий.), экспериментальный риск (организация научных экспериментов), медицинский риск и другие.

Важным условием для выяснения условий освобождения от ответственности является определения критериев правомерности и неправомерности деяний, связанных с риском. Рассматривается в данной статье более подробно экономический риск, условия правомерности и неправомерности которого, позволяют отличить данный риск от «авантюры». Проанализировав многие юридические источники, следует выделить данные условия.

Первым условием правомерности экономического риска является то, что действия, которые могут нести этот риск, могут предприниматься только для достижения общественно полезной цели, т. е. лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения причинения вреда охраняемым

---

¹ Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : в ред. закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

² Сноп С. Н. Уголовное право. Общая часть : конспект лекций. ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. 153 с.

³ Обстоятельства, исключающие преступность деяния [Электронный ресурс]. URL: <http://bargu.by/200-obstoyatelstva-isklyuchayushhie-prestupnost-deyaniya.html> (26.12.2016).

уголовным законодательством интересам.

Второе условие – это то, что деяние, которое несет угрозу наступления риска причинения вреда, должно соответствовать полученным техническим знаниям и научному опыту и имеется реальная возможность благоприятного исхода событий.

И к последнему условию можно отнести тот факт, что достижение цели, которая была поставлена в ходе исследования, невозможно не связанным с риском действием.

Наряду с условиями правомерности деяний, связанных с риском в экономической деятельности, выделяют и условия неправомерности. Они заключаются в том, что риск заведомо сопряжен с угрозой катастрофы (например, экологической), общественного бездействия, наступления смерти или причинения тяжкого телесного повреждения лицу, не выразившему согласия на то, чтобы его жизнь или здоровье были поставлены в опасность. Эти условия закреплены в ч. 3 ст. 39 УК Республики Беларусь. В данном случае риск признается необоснованным или неправомерным. Также следует отметить, что согласно ст. 37 УК Республики Беларусь, если лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности.

Степень экономического риска должна соответствовать важности и полезности результата, т. е. чем важнее цель, тем большим может быть риск ради ее достижения.

Таким образом, можно сделать вывод, что при соблюдении условий правомерности, экономический риск признается правомерными в соответствии с законодательством. Цели создания института риска в уголовном законодательстве, как обстоятельства исключающего преступность деяния, заключаются в том, чтобы дать возможность внести вклад в развитие прогресса людям, умеющим брать на себя ответственность за новые решения определенной проблемы, не смотря на влияние уголовного закона, который может выступить в качестве преграды для поиска данного решения.

Подводя итоги, следует отметить, что в уголовном законодательстве Республики Беларусь, как уже отмечалось, в качестве условия правомерности деяний, связанных с риском в экономической сфере выступает достижение общественно полезной цели, но в данной отрасли права не закреплено понятие «общественно полезной цели». Исследуя юридические источники, необходимо сказать, что каждый автор вкладывает в это понятие свое значение. Например, под общественно полезной целью одни авторы понимают стремление к результату, одобряемому моралью и правом, такие как спасение жизни людей, научное открытие, значительная прибыль в предпринимательской деятельности, обеспечение безопасности общества и т. д.; другие – под этой целью определяет общественно полезный результат, вследствие правомерного рискованного действия, как сохранение и увеличение любых общечеловеческих ценностей, как для общества, так и для отдельных групп населения или личности.

Следовательно, решением данной проблемы будет являться дополнение в уголовное законодательство определения «общественно полезной цели экономического риска».

Под общественно полезной целью экономического риска следует понимать общественно полезный результат, достигаемый вследствие правомерного экономического риска, направленного на достижение поставленного научно обоснованного результата и получение значительной прибыли.

А. С. Романова,

*магистрант 1 года обучения
ЮИ ИГУ*

История института прикосновенности к преступлению в уголовном праве России

История института прикосновенности к преступлению уходит корнями в древность, что подтверждается нормативными актами Древней Руси. С учетом недостатков юридической техники того периода времени, тем не менее, можно сделать вывод о том, что уже в древнерусском уголовном праве предпринимались попытки обозначить на законодательном уровне случаи прикосновенности к преступлению и установить ответственность за это.

По мнению многих историков впервые институт прикосновенности к преступлению упоминается в Уставе князя Ярослава «О судах церковных» (X–XI вв.), а именно: «Услышит жена от иных людей, что думати на царя или на князя, ... а опос-ли обличиться»¹. В дальнейшем, Русская Правда фактически устанавливала ответственность за укрывательство беглого холопа. В соответствии со ст. 11, 113 Пространной редакции Русской Правды, наказание представляло собой штраф. А для тех, кто содействовал обнаружению беглеца и сообщал об его местонахождении, предусматривалось вознаграждение². Устанавливалась ответственность за прикосновенность и в сфере преступлений против собственности. Например, за скупку краденого имущества. В 1497 г. был принят Судебник Ивана III, значимой заслугой которого является внесение единообразия в судебную практику. Судебник по-прежнему уделял внимание прикосновенности к преступлению в связи со скупкой краденого. Так, согласно его статьям 46–47, добросовестность приобретения новых вещей необходимо было доказывать с привлечением двух или трех свидетелей, хотя по Псковской судной грамоте требовалось наличие 4–5 свидетелей. Судебник Ивана IV 1550 г. регламентировал порядок приобретения поношенных вещей: «А кто купит на торгу что поношено у носящего или с лавки, ино тому купити с порукою с рядовою; а кто купит без поруки, и тому тем бытии виновату»³.

Таким образом, институт прикосновенности к преступлению широко использовался в карательной политике государства и расценивался как эффективное средство борьбы с преступностью. Нормами этого института, в первую очередь, защищались интересы государства. Вместе с тем проявлялась тенденция к установлению уголовной ответственности за прикосновенность и к особо тяж-

¹ Древнерусское государство и право : учебное пособие / под ред. Т. Е. Новицкой, 1998. С. 53.

² Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М., 1990. С. 21.

³ Российское законодательство X – XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 119.

ким общеуголовным преступлениям, и к наиболее распространенным противоправным деяниям, например, хищениям.

Дальнейшее развитие институт прикосновенности к преступлению получил в законодательстве Российской империи. Правовые акты России дооктябрьского периода содержали широкий перечень уголовно наказуемых деяний, составляющих институт прикосновенности к преступлению. На протяжении всего досоветского периода значительно усиливалось уголовное наказание за укрывательство преступлений и преступников, за приобретение, сбыт или хранение имущества, добытого преступным путем, совершенные в виде промысла (ремесла). Наиболее полно в данный период нормы об ответственности за прикосновенность к преступлению были разработаны и представлены в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. В нем исследуемому институту обоснованно посвящены нормы Общей части Уложения, раскрывавшие понятия видов прикосновенности к преступлению, и Особенной, предусматривавшие наказания за конкретные виды прикосновенности к тем или иным преступлениям⁴. В Уголовном Уложении, подготовленном в 1903 г., нормы об ответственности за прикосновенность к преступлению вошли в главу «О противодействии правосудию». Уголовная ответственность предусматривалась за недонесение-неизвещение уже только о тяжком преступлении или о достоверно известном его участнике. Суровому наказанию подлежали служащие, обязанные по роду своей официальной деятельности предупреждать или пресекать преступления, но не принявшие умышленно либо по небрежности надлежащих мер. Должностные лица привлекались к уголовной ответственности, как за попустительство, так и за неизвещение о преступлениях и преступниках, сокрытие преступлений⁵.

В теории советского уголовного права мнение об отнесении заранее не обещанного укрывательства к пособничеству никогда не поддерживало большинство юристов. При этом многие выступали за расширение границ соучастия путем отнесения к нему заранее не обещанного укрывательства. Это расширение осуществлялось двойным путем: во-первых, отрицанием необходимости для ответственности за соучастие причинной связи между деянием пособника и вменяемым ему общественно опасным результатом, т. е. конструированием общего положения, принятие которого делало излишним специальное рассмотрение частного случая – проблемы укрывательства. Во-вторых, произвольным перенесением момента окончания преступления за пределы фактического окончания преступного посягательства на его объект.

---

⁴ Российское законодательство X - XX вв. М., 1988. Т. 6. С. 176–177.

⁵ Российское законодательство X - XX вв. М., 1994. Т. 9. С. 310.

В. А. Санеева,

*магистрант 2 года обучения
Иркутский институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Насильственная преступность и ее профилактика

Насильственная преступность – это совокупность преступлений, совершенных с применением физической силы либо с угрозой применения таковой и имеющих основной непосредственной целью лишение человека жизни либо причинение вреда его здоровью, физической свободе, телесной (в том числе половой) неприкосновенности против его воли, а также совокупность лиц, совершивших насильственные преступления за определенный период на определенной территории¹.

Под насилием понимается внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий.

Основным признаком, объединяющим отдельные противоправные деяния в насильственные преступления, является физическое или психическое насилие над личностью или угроза его применения. Причем насилие при совершении этих преступлений является элементом мотивации, а не просто средством достижения криминальной цели.

Особое внимание акцентируется на наиболее опасных проявлениях насилия – насильственных преступлениях против личности. К ним относятся преступные деяния, объектом которых является именно и только человек: убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, побои, истязание, изнасилование.

Общественная опасность названных тяжких насильственных преступлений против личности заключается в том, что они посягают на основные конституционные права граждан – жизнь, здоровье, свободу и достоинство.

Особенную опасность представляют насильственные преступления, совершенные с особой жестокостью. Содержание понятия особая жестокость в полной мере раскрывается в постановлениях пленума Верховного суда РФ.

При квалификации убийства по пункту «д» части 2 ст. 105 УК РФ надлежит исходить из того, что понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости.

При этом для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью.

---

¹ Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 303.

Признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой. Либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т. д.).

Особая жестокость может выражаться в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания.

Глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное в таких случаях, если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших.

Уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления не может быть основанием для квалификации убийства как совершенного с особой жестокостью².

Изнасилование или насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с особой жестокостью, если в процессе этих действий потерпевшему лицу или другим лицам умышленно причинены физические или нравственные мучения и страдания. Особая жестокость может выражаться в издевательствах и глумлении над потерпевшим лицом, истязании в процессе изнасилования, в причинении телесных повреждений, в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера в присутствии родных или близких потерпевшего лица, а также в способе подавления сопротивления, вызывающем тяжелые физические либо нравственные мучения и страдания самого потерпевшего лица или других лиц. При этом суду следует иметь в виду, что при квалификации таких действий по признаку особой жестокости необходимо устанавливать умысел виновного лица на причинение потерпевшим лицам особых мучений и страданий³. Анализируя указанные постановления, можно выделить в них схожие моменты в толковании понятия особая жестокость. Также насильственные действия совершаются при доведении до самоубийства, истязании, умышленном причинении вреда здоровью различной тяжести, насильственном грабеже, разбое, похищении человека и других преступлениях подобного рода.

Общественный резонанс вызывают многоэпизодные убийства на сексуальной почве женщин и детей, а также преступления, совершаемые особо жестоким способом в сфере семейно-бытовых отношений. В связи с этим

---

² О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1.

³ О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11.

признаки проявления особой жестокости подлежат отдельному доказыванию при расследовании преступления и отражения его в приговоре.

В данной статье необходимо рассмотреть не только сами насильственные преступления, совершенные с особой жестокостью, но и криминологическую характеристику личности насильственного преступника.

В криминологии личность субъекта, совершившего преступление, изучается в целях оказания помощи правоохранительным органам:

– при принятии решений уголовно-правового, уголовно-процессуального характера (при квалификации противоправных действий, при избрании меры пресечения обвиняемому, при определении меры наказания подсудимому с учетом характера совершенного преступления и особенностей его личности);

– в выборе оптимальных тактических решений, тактических комбинаций и приемов воздействия на подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) в различных следственных ситуациях;

– в ходе установления некоторых обстоятельств, подлежащих доказыванию, в частности мотивов преступления, обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (подсудимого), потерпевшего и др.;

– при изучении причин совершенных преступлений (по видам преступных посягательств, по лицам, участвовавшим в их совершении и т. д.);

– в целях определения мер воспитательного воздействия на личность тех, кто совершил преступление и нуждается в перевоспитании⁴.

Однако стоит заметить, что насильственная преступность неоднородна не только по формам проявления, но и по характеристикам субъектов насильственных преступлений, их мотивации, иных признаков. В настоящее время наиболее широкое распространение получил подход к изучению личности преступника, предполагающий наличие в ней следующих двух наиболее крупных подсистем, объединяющих различные более мелкие признаки, отдельные характеристики личности: социально-демографической и социально-психологической подсистем личности преступника⁵.

Социально-демографическая подсистема личности преступника включает пол, возраст, семейное положение, образование, профессиональную принадлежность, род занятий, социальное, материальное положение, наличие судимости (иных связей с криминальной средой). Сюда же относятся признаки, характеризующие личность преступника с точки зрения выполнения им определенных функционально-ролевых обязанностей.

Социально-психологическая подсистема личности преступника. Психологическую структуру личности образуют четыре основных структурных элемента:

1) подструктура направленности в виде совокупности наиболее устойчивых, социально значимых качеств личности (мировоззрения, ценностных ориентаций, социальных установок, ведущих мотивов и т. д.), связанных с правосознанием человека;

---

⁴ Полянская В. А. Деформация направленности личности преступника как криминогенная предпосылка его преступного поведения // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4

⁵ Кургузкина Е. Б. Теоретические основы учения о личности преступника // Борьба с преступностью. М., Современный Гуманитарный Университет. 2002. С. 159–160.

2) подструктура опыта, включающая знания, навыки, привычки и другие качества, которые проявляются в выборе ведущих форм деятельности;

3) подструктура психических форм отражения, проявляющихся в познавательных процессах, психических, эмоциональных состояниях человека;

4) подструктура темперамента и других биологически, наследственно обусловленных свойств, которые наряду с социальными факторами влияют на формирование характера и способностей человека.

Рассмотрение социально-демографических, социально-психологических особенностей личности преступника предполагает анализ так называемых психических аномалий, т. е. отклонений от средней психической нормы, в значительной мере связанных с типом, свойствами нервной системы, которые определяются наследственными факторами.

При определенных благоприятных условиях психические аномалии конкретного лица могут служить условием его преступного поведения.

Итак, подводя итог, стоит заметить, что основное направления борьбы с указанными преступлениями необходимо сосредоточить как на общесоциальном, так и специально-криминологическом уровнях. Эта задача не только правоохранительных органов, но и государства в целом. Повышение экономического благосостояния людей, совершенствование их нравственного воспитания, решение политических задач и проблем повседневного существования, быта имеет первостепенное значение для борьбы с данным видом преступлений. Индивидуальная же профилактика насильственных преступлений осуществляется с целью недопущения совершения этих преступлений со стороны конкретных лиц. Процесс индивидуальной профилактики складывается из следующих взаимосвязанных этапов: выявления лиц, ведущих антиобщественный образ жизни и склонных к совершению насильственных преступлений; постановки выявленных лиц на учет в органах внутренних дел; определения причин антиобщественного поведения и условий, способствующих этому поведению; принятия мер для устранения указанных причин и условий; применение разнообразных форм и методов профилактического воздействия.

Круг лиц, нуждающихся в индивидуальной профилактике, определяется на основе информации, поступающей в органы внутренних дел от граждан, администрации предприятий, учреждений, учебных заведений, жилищно-эксплуатационных контор, органов суда, прокуратуры. Кроме того, объекты профилактики выявляются среди лиц, нарушающих правила общежития, пьяниц и алкоголиков, ранее судимых за аналогичные преступления, неработающих и не учащих, несовершеннолетних, находящихся без надзора. Особое внимание необходимо уделять выявлению и нейтрализации влияния лидеров формирующихся по месту жительства групп с отрицательной направленностью времяпрепровождения (выпивки, пристаивания к прохожим и т. д.). Успех в профилактике насильственных преступлений зависит от полноты их выявления и обеспечения неотвратимости наказания за совершение этих преступлений.

Т. Ю. Сапранкова,

*аспирант Московской Академии
Следственного комитета
Российской Федерации*

О понятии «частная жизнь»

В Российской Федерации провозглашено демократическое правовое государство. Одним из важнейших условий построения демократического государства и правового общества является соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Соблюдение указанных прав гарантировано государством, поскольку закреплено в Конституции РФ, как основополагающий принцип существования государства. Кроме того, соблюдение этих прав охраняется законом, как в области гражданского и административного, так и в области уголовного законодательства.

Реализация конституционных принципов в полной мере относится к соблюдению прав и интересов человека в такой важной составляющей части его жизни, как частная жизнь. Право на неприкосновенность частной жизни подразумевает право на защищенность и закрытость каждого человека от общества и государства в определенных сферах его жизни для соблюдения личных интересов.

Право на неприкосновенность частной жизни является неотъемлемым правом каждого, оно принадлежит человеку от рождения, не зависит от наличия гражданства вообще или гражданства того или иного государства. Данное право позволяет сохранять определенные сведения, касающиеся его личной и семейной жизни, в тайне. То есть каждый человек самостоятельно может определить, какие сведения нужно сохранить втайне, а какие можно придать огласке.

Неприкосновенность частной жизни включает защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь посторонних лиц. Данные положения закреплены в международных правовых актах, которые реализуются в российском законодательстве. В том числе такие положения реализуются через включение соответствующих норм в Конституцию РФ и иные нормативные правовые акты.

Во время действия и развития советского права не уделялось внимание понятию «частная жизнь», вместо него применялось понятие «личная жизнь»¹. Однако следует согласиться с мнением О. Е. Кутафина о том, что многие положения выработанные наукой советского периода можно считать применимыми к современному понятию частной жизни².

В последнее время в литературе предпринимаются попытки формулировки более точного определения понятия «частная жизнь»³. Представляется, что наличие такого понятия обусловлено необходимостью его включения в законодательство, в том числе, уголовно-правового направления, для точной и пра-

---

¹ Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи : принят XIV съездом ВЛКСМ. М. : Молодая гвардия. 1981.

² Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004. С. 142.

³ Баринов С. В. К вопросу об определении понятия «частная жизнь» // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 28–30.

вильной квалификации преступлений против неприкосновенности частной жизни и отграничения их от других групп преступлений.

В большинстве случаев попытки формулирования понятия частной жизни предпринимаются через перечисление сторон жизни человека, которые не связаны с его публичной и профессиональной деятельностью⁴.

Нормативного правового акта, в котором бы содержалось четкое понятие частной жизни, в настоящее время в России нет. Также нет нормативного регулирования порядка обращения со сведениями, составляющими личную тайну. Отдельные нормы, содержащиеся в законах и иных нормативных актах, не могут служить достаточной основой для регулирования сферы неприкосновенности частной жизни.

В России понятие частной жизни впервые на законодательном уровне появилось в Постановлении ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1⁵, а в дальнейшем было закреплено в ст. 23 Конституции РФ.

В научной литературе многими авторами предпринимается попытка дать определение частной жизни. Например, Г. Б. Романовский дает определение частной жизни как нематериальному благу, которое принадлежит от рождения каждому гражданину, и заключается в сферах его общения и сторонах жизни, которые им сохраняются в тайне и подлежат защите в любом демократическом государстве⁶.

Европейский суд по правам человека в своей практике исходит из того, что понятие личной жизни достаточно широкое, оно не может быть определено исчерпывающе⁷.

Статья 137 УК РФ охраняет от посягательств ту сторону частной жизни, которая относится к личной или семейной тайне, то есть к тому, что скрывается от других⁸. При этом под личной тайной понимаются такие сведения, которые касаются лишь одного лица и сохраняются им в секрете от других лиц. К личной тайне, как уже отмечалось, можно отнести персональные данные, дружеские, а также интимные отношения, сведения о религиозных взглядах, состоянии здоровья, месте проживания и т. д.

В настоящее время в законодательстве встречается понятие конфиденциальной информации, то есть сведений, составляющих, в том числе, и личную тайну. В соответствии с Перечнем сведений конфиденциального характера к таким сведениям относятся сведения о событиях, фактах, обстоятельствах частной жизни гражданина, которые позволяют идентифицировать его персональные данные. Сюда не включаются сведения, которые подлежат распространению в средствах массовой информации в случаях, определенных законом⁹.

Понятие персональных данных содержится в ФЗ «О персональных дан-

⁴ Баринов С. В. Указ. соч. С. 28–30.

⁵ О Декларации прав и свобод человека и гражданина : постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

⁶ Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001. С. 80.

⁷ Фомина Л. Ю. Защита права на уважение частной и семейной жизни в Европейском суде по правам человека // Международное публичное и частное право. 2016. № 5. С. 12–15.

⁸ Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 272 с.

⁹ Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера : указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 // Российская газета. 1997. № 51.

ных». Под такими данными понимается информация, которая относится к физическому лицу. Это фамилия, имя, отчество, дата рождения, место рождения и проживания, профессия, размер доходов, семейное и социальное положение, а также другая информация. При этом закон обязывает лиц, имеющих доступ к персональным данным обеспечивать их конфиденциальность¹⁰.

Под семейной тайной понимается тайна группы лиц, к которым относятся члены одной семьи¹¹. Семейную тайну обычно составляет информация, которая касается взаимоотношений между членами семьи. Однако понятие семьи в законодательстве Российской Федерации также не раскрывается. Исходя из определений о составе семьи, которое применяется в нормативных актах, можно сказать, что носителями семейной тайны являются родители, дети, супруги, а также иные лица, проживающие совместно.

Таким образом, частная жизнь составляет определенную сторону жизни человека, которую он не желает оглашать для посторонних лиц. Частная жизнь включает в себя понятие личной и семейной тайны. Личная тайна – это тайна одного лица, семейная тайна – тайна группы лиц, которые относятся в соответствии с законами и иными нормативными актами к одной семье.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что ни наукой, ни практикой нельзя охватить всю многогранность понятия частной жизни и дать чёткое определение. Соглашаясь с позицией Конституционного суда РФ, отметим, что сам потерпевший определяет, что является для него частной жизнью. То есть, необходимость законодательного закрепления этого понятия не приведёт к решению проблем, встречающихся при применении этой нормы.

Однако полагаем, что необходимо внести изменения в статью 137 УК РФ. Во-первых, в статье 137 УК РФ уточнить формулировку о том, что сведения о частной жизни лица не должны иметь противоправный характер. Во-вторых, в диспозицию статьи 137 УК РФ следует включить указание на вред. Таким образом, изложить статью 137 УК РФ в следующей редакции: незаконное собирание или распространение сведений, не носящих противоправный характер, о частной жизни лица, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам человека и гражданина.

М. А. Сафронова,

*магистрант 2 года обучения
СПбЮИ (ф) АГП РФ*

Преступность как система

Вопрос о том, является ли преступность системным явлением, был поставлен в 70-х годах прошлого века на основе теоретических и методологических разработок системного анализа любых явлений, однако дискуссии на эту

¹⁰ О персональных данных : федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. № 165.

¹¹ См.: Новиков В. А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 18–21.

тему ведутся до сих пор. Данную проблему освещали в своих работах Г. А. Аванесов, Ю. М. Антонян, Ф. Ю. Бердичевский, Ю. Д. Блувштейн, С. Е. Вицин, Л. А. Волошина, Г. А. Туманов, И. И. Карпец, В. Я. Рыбальская, Д. А. Ли и др.¹

Для того чтобы разобраться, является ли преступность системой, необходимо дать определение самому термину «система». В переводе с греческого система (systema) означает целое, составленное из частей². В. И. Садовским и Э. Г. Юдиным предложено следующее определение понятия «система».

1. Система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов.

2. Она образует особое единство со средой.

3. Как правило, любая исследуемая система представляет собой элемент более высокого порядка.

4. Элементы любой исследуемой системы, в свою очередь, обычно выступают как системы более низкого порядка³.

Любая система складывается из элементов (относительно самостоятельно функционирующих частей), целостность (эмерджентность, то есть наличие у целого свойств, не сводимых к простой сумме свойств компонентов) системы обеспечивается связями («ограничение степени свободы элементов»⁴) между ее частями. Отражение связей между элементами, а также их взаиморасположения обеспечивается структурой системы. Функционирование (развитие) системы обусловлено взаимодействием ее элементов между собой, а также с окружающей средой.

Криминологи, которые полагают, что преступность – стихийное явление, не отвечающее признакам системы, считают, что связь между элементами достаточно опосредована, невозможно проследить зависимость между индивидуальными актами противоправного деяния. Сохранение преступности продолжается не в результате ее адаптации к изменяющимся условиям среды, а из-за внешних объективных причин и условий, вытекающих из конкретных исторических особенностей жизни общества⁵.

С другой стороны, многие авторы отмечали, что преступность с точки зрения системного подхода представляет собой сложную социальную, диалектическую систему, которая может быть достаточно адекватно охарактеризована определенными параметрами и изучена как определенный процесс⁶. К ним относятся В. Н. Кудрявцев, Л. А. Волошина, Д. А. Ли, С. Е. Вицин и другие.

Преступность не является простой суммой преступлений, а представляет собой совокупность преступных деяний в их взаимосвязи, иначе говоря, преступность обладает свойством эмерджентности. Попадая в систему, отдельные

¹ Сутурин М. А. К вопросу о преступности как системе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13. С. 168.

² Кононов А. А., Честнов И. Л. Системные исследования норм права : учебное пособие. СПб, 2001. С. 5.

³ Волошина Л. А. О системном подходе к изучению сущности преступности // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 15. С.12.

⁴ Кононов А. А., Честнов И. Л. Системные исследования норм права : учебное пособие. СПб, 2001. С. 6.

⁵ Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 129.

⁶ Антонян Ю. М. Системный подход к изучению личности преступника // Советское государство и право. 1974. № 4.

преступления приобретают некоторые новые признаки, свойственные преступности: массовость, общую распространенность, социально-групповую распространенность и пр.

Свойство целостности преступности предполагает наличие связей между ее элементами (внутриструктурные связи) и самой системы с окружающей ее средой (внешнеструктурные связи).

Внутриструктурные связи достаточно разнообразны, однако, как пишет профессор Д. А. Шестаков, непосредственной связи между конкретными преступлениями как будто бы нет, не очень отчетливо наблюдается и связь между видами массового преступного поведения. Но есть связь опосредованная, что может быть понято только при новом теоретическом подходе к преступности⁷. Так, повышение уровня преступлений, совершенных несовершеннолетними, является предпосылкой для повышения уровня рецидивной преступности как элемента системы «преступность».

Внешнеструктурные связи проявляются при взаимодействии преступности как системы, ее отдельных элементов и различных сфер социальной среды, отражают единство системы с окружающей ее средой. Являясь результатом воздействия криминогенных и антикриминогенных факторов, обусловленных социальной, культурной, образовательной, политической и иной средой, преступность так же влияет на общество. Например, «от степени респонсивности общества, от степени обеспечения вертикальной мобильности, от сокращения экономического неравенства существенно зависят и тенденции преступности»⁸, что не может не отразиться на безопасности общественной жизнедеятельности. По мнению С. Г. Олькова, с высокой долей вероятности можно утверждать, что степень неравенства в распределении доходов народонаселения влияет на динамику умышленных убийств в мире⁹.

Особенно наглядно продемонстрировано взаимодействие преступности со средой, в которой она существует, в обществе постмодерна, для которого свойственна «глобализация всего и вся — финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков»¹⁰, и преступности в том числе. Экономическая преступность, терроризм, торговля наркотиками, оружием и так далее приобретают интернациональный характер. Глобализация, выступая в данном случае в качестве криминогенного фактора, ускорила миграцию, что привело к взаимному непониманию, раздражению, вследствие чего возросло число «преступлений ненависти». Развитие информационных технологий, всемирной системы объединенных компьютерных сетей, соответственно, приводит к развитию киберпреступности.

Таким образом, целостность преступности обеспечивается наличием общественной опасности, уголовной наказуемости, а также криминогенных и антикриминогенных факторов.

⁷ Шестаков Д. А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. СПб, 2006. С. 151.

⁸ Гишинский Я. И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалистика. 2016. № 1 (18). С.4.

⁹ Ольков С. Г. Влияние степени неравенства в распределении доходов народонаселения на уровень умышленных убийств // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 1. С.242.

¹⁰ Гишинский Я. И. Указ. соч. С. 3.

Взаиморасположение связей в системе отражает ее структура, которая характеризует организованность системы, устойчивую упорядоченность элементов (в данной системе – видов преступлений) и связей¹¹. Определяя преступность как систему, возможно выделение различных структур в зависимости от основания их выделения. Так, традиционно выделяют элементы преступности в соответствии с расположением видов преступлений в главах Особенной части Уголовного Кодекса РФ. Возможны классификации преступлений по их субъектам: преступность мужская и женская, молодежная и взрослая, первичная и рецидивная, одиночная и групповая; по формам вины – умышленная и неосторожная; по ведущему мотиву – насильственная, корыстная, корыстно-насильственная¹². В зависимости от сферы проявления выделяют такие элементы преступности, как преступность в сфере труда, профессиональной деятельности, досуга, быта, киберпреступность и т. д.

Динамическое равновесие преступности как системы обеспечивается ее способностью адаптироваться к изменяющимся социальным условиям, воссоздавать структуру системы и связи между ее элементами. При отсутствии такого свойства как самосохранение система прекратила бы свое существование. Однако стоит отметить, что, несмотря на изменение среды существования системы, преступность сохраняет свою сущность, что невозможно без внутренних стабилизирующих факторов, ресурсов для самовоспроизводства преступности. Так, одно удачно совершенное преступление порождает другое; при подготовке к основному преступлению совершается сопутствующее; преступные навыки прививаются и закрепляются в тюрьмах¹³; несовершеннолетние лица подражают взрослым преступникам в результате внушения преступного поведения последними.

Преступность как система является элементом большей системы по отношению к ней. Так, преступность можно рассматривать элементом таких систем как «поведение», «девиантное поведение», «правонарушающее поведение», а также «социальная система». Основной элемент системы «преступность» – преступление, также является системой, которая характеризуется наличием структуры, элементным составом (состав преступления) и связями между ее элементами.

Таким образом, рассмотрев преступность как системное явление, автор приходит к выводу о том, что преступность обладает основными признаками системы, несмотря на некоторую стихийность, хаотичность и парадоксальность.

Системный подход к исследованию преступности обеспечивает целостное всестороннее изучение данного явления; выявление новых тенденций преступности, а также взаимосвязанных криминальных деяний и системообразующих связей позволит разработать качественную методику прогнозирования и определить основные направления противодействия преступности.

---

¹¹ Кононов А. А., Честнов И. Л. Указ. соч. С. 8.

¹² Кравченко Е. В. Преступность как система // Молодой ученый. 2014. №17. С. 394–395.

¹³ Нагаева А. И. Возможности и пределы использования системного подхода в криминологических исследованиях // Наука и современность. 2015. № 36. С. 269.

А. Г. Середа,

*студентка 4 курса
МГУ им М. В. Ломоносова ВШГА,*

С. Ю. Новоселов,

*студент 3 курса
ИрЮИ (ф) ВГУЮ (РПА МЮ РФ)*

К вопросу о целесообразности применения института помилования

Совершение преступлений, на всей протяженности развития человеческого общества, всегда являлось неотъемлемой составной частью существования государственных образований. Однако отношение к преступным проявлениям, как показывает история, неоднозначно, как со стороны общества, так и со стороны государства в целом. Неоднозначность проявления характеризуется применением уголовных норм с учетом личностных особенностей осужденных не только с точки зрения закона, но и с позиции морали.

Законодательное закрепление уголовно-правовых институтов, касающихся личностных особенностей преступника, имеет первостепенное значение при осуществлении правосудия.

Индивидуальный подход к каждому преступнику позволяет достигать целей уголовного наказания и выражаться в восстановлении социальной справедливости, исправлении осужденного и предупреждении совершения новых преступлений¹.

И именно поэтому, в действующем законодательстве, в статье 89 Конституции РФ, закреплено полномочие Президента РФ на осуществление помилования².

Законодательной регламентации помилования посвящена статья 85 Уголовного кодекса РФ. Данная норма раскрывает помилование как акт, вследствие применения которого, лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания, либо назначенное лицу наказание может быть сокращено, или заменено более мягким видом наказания, а также с лица, уже отбывшего наказание, может быть снята судимость. Необходимо отметить, что помилование осуществляется только в отношении индивидуально определенного лица.

В соответствии с Конституцией РФ Президент является гарантом Конституции РФ и уполномочен принимать меры по охране прав и свобод человека и гражданина. Закрепление в основном законе государства права каждого осужденного просить помилования, свидетельствует о гуманизации и индивидуализации в подходе к осужденным.

Однако ситуация, которая сложилась в настоящее время в области применения помилования, наглядным образом демонстрирует отторжение последнего от правовой гуманистической природы, которая является необходимым звеном для функционирования этого института.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993г. // Рос. газ. 1999. 25 дек.

В действующем законодательстве порядок осуществления помилования предусмотрен Указом Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов», а так же «Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации», которое было утверждено Указом Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500.

Законодательного определения помилования нет, и, в связи с этим, основное содержание этого понятие раскрывается при анализе статьи 85 Уголовного кодекса РФ. Доктринальное толкование помилования представляется по-разному. Так, например, помилование – это акт высшего должностного лица Российской Федерации, полностью или частично освобождающий конкретное лицо от наказания либо заменяющий его более мягким³. А. Корецкий определяет помилование как исключительную меру, которая, в отличие от условно досрочного освобождения, может применяться лишь в единичных случаях, при возникновении исключительных обстоятельств, связанных, как правило, с позитивными поступками осужденного⁴.

Современная процедура прошения о помиловании представляет собой так называемую систему фильтрации через ряд ступеней общественного, административного контроля. Первой инстанцией такого фильтра выступает администрация исправительного учреждения. Далее ходатайство направляется в территориальный орган уголовно-исполнительной системы. После этого – в комиссию по вопросам помилования на территории субъекта. По результатам рассмотрения комиссией ходатайства составляется заключение о целесообразности применения акта помилования в отношении осужденного и направляется высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации. Только после этого высшее должностное лицо субъекта РФ вносит Президенту Российской Федерации представление о целесообразности применения акта помилования. Следует отметить, что вопрос о недопустимости помилования решается не только Президентом РФ, но и, как представляется, комиссией на уровне субъекта РФ и главой субъекта РФ. Тем самым, Президент РФ оказывается ограничен в осуществлении своего конституционного полномочия⁵.

Однако и при рассмотрении ходатайства о помиловании обязательно принимаются во внимание: характер и степень общественной опасности совершенного преступления; поведение осужденного во время отбывания или исполнения наказания; срок отбытого (исполненного) наказания; совершение осужденным преступления в период назначенного судом испытательного срока условного осуждения; применение ранее в отношении осужденного акта амнистии, помилования или условно-досрочного освобождения от наказания; возмещение материального ущерба, причиненного преступлением; данные о личности осужденного: состояние здоровья, количество судимостей, семейное положение, возраст; другие обстоятельства, если комиссия сочтет их существенными для рассмотрения ходатайства.

³ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. А. Вайпан, В. П. Ревин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юстицинформ, 2010. 496 с.

⁴ Гришко, А. Я., Потапов А. М. Амнистия. Помилование. Судимость. М. : Университетская книга : Логос, 2009. 42 с.

⁵ О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500.

Вышеуказанные индивидуально-личностные особенности осужденных, способствуют детальному подходу при рассмотрении ходатайства о помиловании.

В свою очередь, как показывает статистика, помилование, как институт применения права, в последнее время теряет свое непосредственное значение и превращается, в большей степени, в политизированную норму, которая направлена на повышение рейтинга власти, создание и укрепление дружественной атмосферы в межгосударственных отношениях. Например, помилование Михаила Ходорковского в 2013 году или помилование Надежды Савченко в 2016 году.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что наличие помилования, как функционирующего механизма стимулирования осужденных, позволяет влиять на проведение уголовной политики в Российской Федерации.

Представляется, что главенствующей задачей института помилования является подход к осужденным лицам не только лишь с точки зрения законодательства, но и с позиции моральных устоев общества, традиций, особенностей менталитета личности осужденного, мотивов, которые его побудили совершить преступление. В тоже время, роль суда в осуществлении правосудия является главной и непоколебимой.

Существующие реалии по вопросам применения помилования, демонстрируют, что этот институт реализуется не должным образом. Это обусловлено прежде всего тем, что существующие ступени продвижения ходатайства о помиловании не совсем соответствуют законодательству. В Конституции РФ закреплено, что помилование осуществляет только Президент РФ, однако, на практике фактически получается, что наряду с Президентом, право на помилование реализует также комиссия в субъекте РФ и высшее должностное лицо субъекта РФ.

Отсутствие федерального органа, рассматривающего ходатайства о помиловании не позволяет качественно проводить комплексный анализ осужденных, обращающихся с таким ходатайством.

Излишняя политизация уголовно-правовых институтов, в частности помилования, несколько выделяет его над сферой применения уголовного закона, что является недопустимым.

А. С. Смирнова,

*студентка 3 курса
ЮФ АГП РФ*

**Проблемы применения уголовно-правовой нормы
об ответственности за нарушение права на свободу совести
и вероисповеданий (ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации)**

Статья 28 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому «свободу совести, вероисповедания включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и дей-

ствовать в соответствии с ними»¹. Статья 148 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) выступает как одна из форм обеспечения данной гарантии.

Принятие Федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»² создало ряд проблем. Рассматриваемая норма является сложной для применения, так как содержит в себе ряд оценочных терминов, не нашедших нормативного закрепления и, следовательно, подлежащих различному пониманию и толкованию.

В диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ указывается, что запрещаются «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих»³. Необходимо выяснить, что из себя представляют «религиозные чувства» и кого можно отнести к категории «верующих». Определение данных понятий не содержится ни в одном нормативном правовом акте, включая Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁴, который регулирует вопросы, связанные непосредственно с вероисповеданием на территории Российской Федерации.

Обратившись к толковому словарю С. И. Ожегова, можно установить, что под «верующим» понимается человек, признающий существование Бога⁵, в толковом словаре Д. Н. Ушакова, помимо вышесказанного, добавляется, что «верующий» – это религиозный человек⁶. В словаре, посвященном основам духовной культуры, указывается, что «верующий» – это человек, признающий существование Бога, относящий себя к определенному вероисповеданию, исполняющий требования и правила церковной жизни и живущий по Заповедям Божиим⁷.

Использование в правоприменительной практике столь абстрактно трактуемого понятия может повлечь его излишне широкое толкование⁸. Представляется, что верующего можно определить как лицо, относящее себя к определенному вероисповеданию, совершающее богослужения, религиозные обряды, таинства, церемонии и соблюдающее внутренние правила религиозного объединения, к которому он принадлежит.

Такая категория как «религиозные чувства верующих» введена в УК РФ Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 36-ФЗ. На данный момент отсутст-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 2014. № 6420.

² О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан : федеральный закон от 29 июня 2013 г. №136-ФЗ // Российская газета. 2013. № 6117 (141).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 2016. № 7017 (149).

⁴ О свободе совести и о религиозных объединениях : федеральный закон от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Большой толковый словарь. Т. 1. А-Д. М. : Азъ, 1992. С. 36.

⁶ Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Мультимедиа, 2003. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (12.01.2017).

⁷ Безрукова В. С. Основы духовной культуры : энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000. С. 134.

⁸ Федотова Ю. Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон: работа над ошибками // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 203.

вует не только нормативное закрепление содержания данного понятия, но и его толкование со стороны правоприменителя, т. к. судебные решения по ст. 148 УК РФ в новой редакции отсутствуют, что отчасти может свидетельствовать о неясности для правоприменителя включенного в УК РФ словосочетания.

Разъяснение словосочетания «религиозные чувства» можно встретить в толковых словарях и высказываниях представителей различных религиозных объединений. Например, под религиозными чувствами некоторые авторы предлагают понимать «эмоциональное отношение верующих к сакральным существам, связям, к вещам, персонам, местам, друг к другу и к самим себе, а также к религиозно интерпретируемым явлениям природы и к миру в целом»⁹.

В диспозиции ст. 148 УК РФ предусмотрена специальная цель – оскорбление религиозных чувств верующих. Следовательно, вина в этом преступлении может выражаться только в прямом умысле. Это означает, субъект преступления по ст. 148 УК РФ должен осознавать, что перед ним находится верующий и своими действиями или высказываниями он оскорбляет религиозные чувства такого лица. Примером преступного поведения может считаться открытое выражение неуважения к христианскому миру и церковным канонам¹⁰, проникновение в огороженные части храма, предназначенных для совершения религиозных обрядов и т. д.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что необходимо законодательное закрепление в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» таких понятий как «верующий» и «религиозные чувства» или изменение диспозиции ст. 148 УК РФ таким образом, который создавал бы реальную возможность применения этой уголовно-правовой нормы без ущерба для идей законности. Возможно изложить в следующей редакции:

«Статья 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий.

1. Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, исповеданию любой религии или не исповеданию никакой, совершению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, свободно распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Наказываются ...».

П. М. Ткачук,

*студентка 3 курса,
МГУ имени А. А. Кулешова,
Республика Беларусь*

Необходимая оборона: теоретический и практический аспекты

Уголовный кодекс Республики Беларусь среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, выделяет необходимую оборону. Согласно п. 2 ст. 34 не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите жизни, здоровья, прав оборо-

⁹ Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1985. С. 49.

¹⁰ Уголовное дело №1-170/12 от 17.08.2012г. Москва [Электронный ресурс]. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/3738990> (12.01.2017).

няющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Необходимая оборона – действие общественно полезное. Она является субъективным правом каждого и по своей сути должна расцениваться как один из важнейших и необходимых способов борьбы с преступностью, доступным каждому средством защиты неотъемлемых прав человека и гражданина, охраняемых законом интересов и ценностей от преступных посягательств. Кроме того, необходимая оборона – важное средство предупреждения преступлений.

Учение о необходимой обороне подвергалось исследованиям многими учеными. Вместе с тем, несмотря на значительное число научных работ, многие из которых имеют буквально фундаментальный характер, понимание существа и применения законодательства о необходимой обороне, продолжает вызывать затруднение¹.

Институт необходимой обороны, несмотря на кажущуюся простоту и ясность содержит немало оценочных категорий, которые порождают многочисленные споры и проблемы в квалификации деяний, совершенных защищающимися.

Актуальность темы обусловлена тем, что каждый из нас или наших близких может оказаться в ситуации, порождающей необходимость защищать себя, следовательно, каждый имеет свою точку зрения по данному вопросу. Следует отметить, что не все граждане являются профессиональными юристами или сотрудниками правоохранительных органов. Большинство граждан обладают обыденным правосознанием, которое складывается стихийно и присуще людям, сталкивающимся с юридической сферой периодически. Именно от правовой грамотности и практических навыков обороны будет зависеть то, как человек сможет выйти из неблагоприятной для него ситуации.

Ни одна правовая система в мире не способна обеспечить всестороннюю и полную защиту своих граждан, а поэтому уголовным законом нам предоставлено право на защиту от общественно опасного посягательства².

Но, как уже было сказано ранее, не все так просто и ясно – требования соблюдать многочисленные условия правомерности, относящиеся как к посягательству, так и к защите, делают необходимую оборону трудной в понимании не только субъекту применения, но и специалистам. Обороняющемуся надлежит соблюсти все условия правомерности, относящиеся к посягательству, чтобы не быть осужденным за последствия это акта. Но даже это не гарантирует ему того, что он не будет необоснованно осужден.

Ключевой проблемой является определение самих пределов необходимой обороны, при превышении которых устраняется общественная полезность действий обороняющегося, и деяние последнего становится преступным.

---

¹ Мацокина Г. Н. Уголовно-правовая характеристика института необходимой обороны [Электронный ресурс] : дисс. ... канд. юрид. наук :12.00.08. URL: <http://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-kharakteristika-instituta-neobkhodimoioborony> (31.01.2017).

² Тараканов И. А. Особенности доказывания состояния необходимой обороны в стадии предварительного расследования : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. URL: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-dokazyvaniya-sostoyaniya-neobkhodimoioborony-v-stadii-predvaritelnogo-rassledov> (20.01.17).

Понятие превышения пределов необходимой обороны как явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства и его условия, из-за высокой степени оценочного характера не всегда правильно толкуются правоприменительными органами, и является причиной многочисленных судебных ошибок и противоречивых судебных решений.

В судебной практике широко распространен «механический» подход к определению соразмерности средств защиты и нападения, который нередко приводит к тому, что, к примеру, применение оружия против невооруженного преступника при отсутствии явной угрозы жизни защищающегося однозначно квалифицируется как превышение пределов необходимой обороны. При этом не учитывается тот факт, что даже удар кулаком средней силы в область виска может обернуться летальным исходом или утратой возможности дальнейшей обороны³.

Гарантией правильного применения оценочных понятий института необходимой обороны является формирование адекватных стандартов оценки, с которыми сопоставляются конкретные обстоятельства каждого дела. Ведь только лишь на основе всестороннего изучения и анализа всех обстоятельств, обстановки посягательства, его степени и характера можно определить имеет ли здесь место превышение пределов этой необходимой обороны.

Естественно, многообразие ситуаций, связанных с необходимой обороной, неизбежность субъективных оценок действий обороняющегося, уровень правосознания и профессиональной подготовки судей, вечные споры об условиях правомерности являются причинами квалификационных ошибок.

Нарушения законности при рассмотрении дел о необходимой обороне связаны в основном с обвинительным уклоном расследования. К основным ошибкам расследования можно отнести: завышение квалификации дел о необходимой обороне, недостаточное подтверждение фактами таких важных обстоятельств дела, как характеристика личности подозреваемого, детальное выяснение характера и степени, а значит и, прежде всего, правильной юридической квалификации общественно опасного посягательства, вызвавшего состояние обороны, невнимательное выяснение субъективных характеристик защиты⁴.

Типичной ошибкой также является то, что при расследовании дел об экстремизме обороне уделяется мало внимания выяснению возможности субъективного контроля ситуации оборонявшимся, а также его психического и эмоционального состояния в момент посягательства.

Каждым неправильно разрешенным делом наносится непоправимый вред обществу, подрывается авторитет органов правосудия. При подобной практике генерируется социальная пассивность граждан, у населения возникает нежелание участвовать в осуществлении государственных функций охраны правопорядка, чтобы не ставить под угрозу свои собственные интересы. Это – серьезная социальная проблема, порожденная «человеческим фактором», стереотипами правосознания.

---

³ Барков А. В. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. С. 160.

⁴ Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С135.

Неправильное понимание и применение закона о необходимой обороне, приводящее к судебным ошибкам, ограничивает право граждан на законную защиту и содействует безнаказанности преступников и росту необоснованно осужденных, что вызывает справедливое недовольство граждан и затрудняет борьбу с преступностью.

В настоящее время на страницах юридической литературы можно обнаружить стремление некоторых авторов дать критическую оценку уголовному закону о необходимой обороне, однако кардинального изменения законодательной регламентации рассматриваемого института уголовного права в полном его объеме обнаружить не удается.

Таким образом, в настоящее время институт необходимой обороны представляет собой важнейшую форму участия граждан Республики Беларусь в правоохранительной деятельности, где он представлен, с одной стороны, как субъективное право каждого человека, а, с другой, в качестве публично-правовых полномочий правоохранительных органов и их сотрудников, связанных с применением правомерного насилия в правоохранительной деятельности. В то же время, изучение теории и практики применения института необходимой обороны по уголовному законодательству позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительную его разработанность, он нуждается в дальнейшем совершенствовании в целях его эффективного применения.

Е. Г. Усов,

адъюнкт ВСИ МВД России

Проблемы определения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ

В процессе реализации на практике уголовно-правовых норм, правоприменитель неизбежно сталкивается с рядом сложностей и чем меньше проработана нормативная база, тем больше проблем возникает при разрешении тех или иных юридических ситуаций.

С момента принятия нового УК РФ была впервые в истории отечественного законодателя установлена уголовная ответственность за незаконный оборот специальных технических средств для негласного получения информации (далее – СТС НПИ).

Данная норма была закреплена в ч. 3 ст. 138 УК РФ¹ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений» и предусматривала ответственность за незаконные производство, сбыт или приобретение в целях сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Таким образом, фактически было криминализировано три варианта выполнения объективной стороны: 1) незаконные производство СТС НПИ; 2) сбыт СТС НПИ; 3) приобретение в целях сбыта СТС НПИ.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 329-ФЗ // СЗ РФ 1996. № 25. Ст. 2954

Указанная юридическая конструкция имела целый ряд недостатков, хотелось бы заострить внимание на некоторых из них.

В толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова², слова «изготовить» и «производить» имеют тождественное значение, но судебное толкование данных терминов различается.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»³ под изготовлением понимается осуществленное без применения специального оборудования и промышленных методов разовое создание одного или нескольких экземпляров, а под производством – создание серийное, масштабное создание экземпляров, в том числе с использованием специального оборудования, либо в специально оборудованном для этих целей месте.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»⁴ понятия «изготовление» и «производство» оружия тождественны. Несмотря на то, что по смыслу переделка оружия подразумевает собой наличие специального оборудования, она все равно входит в понятие «изготовление».

Отсутствие в доктрине уголовного права единого понимания категорий «производство» и «изготовление» приводит к их неоднозначному толкованию. Если придерживаться позиции Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», то лицо, однократно изготовившее СТС НПИ, подлежит уголовной ответственности, а если придерживаться позиции Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», то лицо, однократно изготовившее СТС НПИ, уголовной ответственности не подлежит, так как имеет место не предусмотренное диспозицией статьи изготовление, а не производство. Стоит отметить, что даже однократное изготовление СТС НПИ, предназначенного, например, для прослушивания телефонных переговоров, безусловно обладает общественной опасностью и должно преследоваться по закону.

Имеется неопределенность и в отношении такого варианта выполнения объективной стороны как «сбыт» СТС НПИ. На первый взгляд, уголовно-правовое понятие «сбыт» должно быть единым, унифицированным. Однако при более детальном изучении частных случаев «сбыта» в уголовном праве России можно прийти к выводу о различных трактовках данного понятия применитель-

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.

³ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 : в ред. от 30 июня 2015 г. № 30 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

⁴ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 : в ред. от 03 декабря 2013 г. № 34 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

но к различным составам преступления.

Согласно постановлению Пленума, по делам о незаконном обороте оружия, под незаконным сбытом указанных предметов следует понимать их безвозвратное (в отличие от незаконной передачи) отчуждение в собственность иных лиц в результате совершения какой-либо противоправной сделки (возмездной или безвозмездной), т. е. продажу, дарение, обмен и т. п.

Позиция, изложенная в постановлении Пленума по делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, под сбытом понимается незаконная деятельность лица, направленная на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т. д.) другому лицу, при этом фактическое отчуждение от одного лица и переход к другому лицу не обязательны.

Учитывая тот факт, что в отечественном уголовном праве отсутствует единое понимание категории «сбыт», принимая во внимание отсутствие руководящего постановления Пленума по делам о незаконном обороте СТС НПИ, можно сделать вывод о том, что решение о квалификации того или иного сбыта как оконченного преступления либо как покушения на сбыт, будет приниматься ситуативно и не единообразно.

Еще один вариант выполнения объективной стороны, имевший место в изначальной редакции УК РФ – приобретение в целях сбыта. Зачастую, при документировании противоправных действий, сотрудникам правоохранительных органов после документирования приобретения СТС НПИ не удавалось доказать цель последующего сбыта. Большинство совершаемых сбытов СТС НПИ осуществляется частными лицами путем покупки соответствующих устройств в интернет-магазинах (большой частью расположенных за границей) и последующей перепродажи на территории города за большую цену. В данном случае умысел на последующую продажу СТС НПИ не принимал объективного выражения. Таким образом, для того чтобы избежать уголовной ответственности, лицу было достаточно сказать, что приобретенное устройство ему требовалось для личных нужд.

Изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ⁵, выделили ч. 3 ст. 138 УК РФ в самостоятельный состав – ст. 138.1 УК РФ «Незаконный оборот специальных технических средств для негласного получения информации». Текст статьи был изменен, в частности, приобретение с целью сбыта было заменено на более лаконичное понятие сбыт. Это позволило ликвидировать одну из существующих проблем, однако в остальном статья не претерпела никаких изменений и дополнений.

Однако нельзя сказать, что все имеющиеся проблемы были устранены. Если следовать устоявшейся логике законодателя (в частности, на примере конструирования статей УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и за незаконный оборот оружия), то в число альтернативных действий, указанных в диспозиции статьи, необходимо включить: изготовление, хранение, перевозку и пе-

---

⁵ О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 07 декабря 2011 № 420-ФЗ // Российская газета. 2011. № 278.

ресылку СТС НПИ. Пренебрежение указанными элементами незаконного оборота может снизить эффективность уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере конституционных прав на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений.

В случае признания какого-либо предмета запрещенным к обороту, целесообразно предположить, что уголовно-правовой запрет должен распространяться на любые операции с данным предметом. Выпадение из списка запрещенных такого действия как «хранение» позволяет на сегодняшний день правомерно владеть и пользоваться СТС НПИ, что по своей сути является парадоксом – предмет, запрещенный к продаже, приобретению и изготовлению не запрещен в повседневном использовании.

Решением проблемы к толкованию понятий «производство» и «сбыт» применительно к ст. 138.1 УК РФ может стать принятие соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ. Следует отметить, что по делам о незаконном обороте наркотиков, огнестрельного оружия и фальшивых денежных знаков подобные постановления давно приняты и успешно функционируют.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что вопросы незаконного оборота СТС НПИ в настоящее время не получают должного внимания законодателя. С 1996 года текст статьи остался без существенных изменений, выделение данного состава из ч. 3 ст. 138 УК РФ в самостоятельную статью носило формальный характер и практически никак не повлияло на правоприменительную практику. За более чем двадцатилетнюю историю данного состава преступления в тексте УК РФ не было принято постановление Пленума, в котором давалось бы разъяснение неоднозначным понятиям «изготовление» и «сбыт».

С целью оптимизации механизма уголовно-правового регулирования незаконного оборота СТС НПИ, выявленные недостатки должны быть устранены. Это позволит избежать множества практических проблем и увеличить эффективность противодействия указанному виду преступлений.

А. А. Фисенко,

*студент 2 курса,
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)*

О некоторых аспектах преступности несовершеннолетних

В процессе своего исторического развития правовое положение несовершеннолетних в рамках уголовного права России претерпело существенные изменения.

- В шестнадцатом веке лица до семи лет не признавались виновными даже при совершении убийства.
- В начале восемнадцатого века малолетних (до 10 лет) за воровство полагалось наказывать розгами.

- При Екатерине II 10-летние преступившие закон считались невменяемыми. Лица от 10 до 15 лет наказывались розгами. Старшие – до 17 лет – плетями.

- В начале и середине первого десятилетия советского периода на совершивших противоправные действия несовершеннолетних стремились воздействовать усиленным педагогическим или медико-педагогическим воздействием. Уголовному преследованию подвергались лишь несовершеннолетние, уличенные в особо тяжких преступлениях (убийствах с отягчающими обстоятельствами, изнасилованиях).

- В 1924 году введено понятие «малолетний правонарушитель».

- С 1929 по 1935 лиц младше 16 лет не подвергали уголовному наказанию.

- С 1935 по 1940 год прошлого столетия статьи УК могли распространять свое действие и на 12-летних правонарушителей. К ним не применялась лишь смертная казнь;

- В послевоенное время законодательными органами устанавливалось послабление наказания для несовершеннолетних преступников и преобладание принудительно-воспитательных мер для незначительно нарушивших закон¹.

Особенности исторического развития института привлечения к ответственности несовершеннолетних лиц, оказали определенное влияние на его формирование в современном уголовном праве РФ. При этом характер и степень общественной опасности деяний несовершеннолетних обуславливали возможность снижения возраста уголовной ответственности.

Исторически сложившийся особый правовой статус несовершеннолетних дает возможность назначения им особых видов наказания. При этом, процессе назначения наказания обязателен учёт конкретных обстоятельств, при которых было совершено общественно опасное деяния. Этот вопрос оставлен на усмотрение правоприменительного органа, в частности на судебское усмотрение².

Представляет интерес статистика совершения преступлений несовершеннолетними в России за последние годы. Сопоставим данные о преступности за 2009 – 2016 гг.

Зарегистрированные преступления несовершеннолетних

Год	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Количество зарегистрированных преступлений	2355,4	2491,4	2809,9	3094,8	3328,8	3604,8	3802,2	2550
Удельный вес в общем числе расследуемых преступлений	5,4%	5,8%	5,9%	6,3%	6,4%	6,8%	6,9%	6,2%

¹ URL: <http://ug-ur.com/nakazanie/nesovershennoletnih/otvetstvennost.html> (12.01.2017).

² Пархоменко Д. А. Формы выражения усмотрения в уголовном законе // Вестник Российской правовой академии. 2013. № 2.С. 64–67.

Исходя из статистических данных в 2016 году произошло некоторое снижение преступлений, совершаемых несовершеннолетними, на фоне статистических показателей предшествующих лет.

При этом, согласно данным официальной статистики в разных регионах России преступность несовершеннолетних имеет различные показатели. Так, в частности, высокая преступная активность несовершеннолетних отмечается в Дальневосточном и Сибирском регионах, а также в некоторых областях Северо-Западного региона.

Согласно статистике за 2016 год, наибольшую долю среди преступлений, совершенных несовершеннолетними, занимают:

1) преступления против собственности (кражи, мошенничество, грабежи, разбой, вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и др.) – 64% в целом по Российской Федерации;

2) преступления против личности (убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, побои, истязания, изнасилование и другие), составляющие соответственно около 30%;

3) преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, – незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка, пересылка и другие – 1,6%;

4) преступления против общественной безопасности и общественного порядка – хулиганство, хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств – 0,7%.

При этом, традиционным показателем для преступности несовершеннолетних является совершение ими преступлений в соучастии.

Таким образом, специфика исторического развития ответственности несовершеннолетних и представленные современные статистические характеристики этого негативного социального явления ярко актуализируют необходимость изучения как уголовно-правовых, так и криминологических особенностей преступности несовершеннолетних.

А. А. Чичёв,

*студент 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в рамках современного российского законодательства

Вопрос установления уголовной ответственности юридических лиц в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в настоящее время находится в центре внимания отечественной науки.

Существует ряд различных мнений по решению данного вопроса. Одни учёные считают, ссылаясь на повышение превентивной роли уголовного закона в сфере предупреждения преступности и важность приведения законодательства РФ в соответствие с международными стандартами в области противодействия транснациональным преступлениям, обязанность соблюдения которых предусмотрена рядом международных актов, ратифицированных Российской Федера-

цией, что необходимо ввести уголовную ответственность юридических лиц, другие же, в свою очередь, придерживаются противоположной точки зрения.

Разберемся с понятиями, которые являются ключевыми в рассматриваемой проблеме: «уголовная ответственность» и «юридическое лицо».

Одной из фундаментальных категорий уголовного права является уголовная ответственность как разновидность юридической ответственности, которая является связующим элементом между такими явлениями как преступление и наказание, и в которой, по сути дела, выражается смысл всего уголовного законодательства.

В теории права существуют значительные расхождения по поводу того, что представляет собой это понятие, так как законодатель не даёт его точного определения. Не вдаваясь в глубину каждой из точек зрения, можно сделать вывод о том, что ни одна из них не даёт полной характеристики уголовной ответственности, каждый специалист в области уголовного права или их группы придают этому понятию различные характеризующие их признаки. Следовательно, представляется наиболее правильным то, что уголовная ответственность – «сложное структурное образование, характеризующееся несколькими признаками или компонентами»¹, «как правовое последствие уголовно-правового поведения»².

В части 1 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) даётся определение понятия юридического лица: «Юридическим лицом признаётся организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести юридические обязанности, быть истцом и ответчиком в суде». Отсюда следует, что юридическое лицо – субъект общественных отношений наряду с физическим лицом.

Говоря об объекте преступления и исходя из положений части 1 статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ, потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо, в случае причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации.

Что касается субъекта преступления, то, как следует из смысла ст. 19 УК РФ, субъектом преступления является только физическое вменяемое лицо, которое достигло установленного уголовным законом возраста (по общему правилу с 16 лет, по исключительному – с 14), то есть по отечественному уголовному законодательству уголовной ответственности юридические лица не подлежат. Следовательно, физическое и юридическое лица имеют разный правовой статус в уголовном законодательстве, так как одно из них, а именно юридическое лицо, не может быть привлечено к уголовной ответственности, то есть быть субъектом преступления.

Отталкиваясь от данного положения, можно предположить, что в нормах российского законодательства возможно предусмотреть уголовную ответствен-

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 49.

² Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М. : Инфра-М, 2010. С. 361.

ность юридических лиц с целью устранения этого неравного положения юридических и физических лиц в уголовно-правовых отношениях. В этих целях учеными проводится глубокий анализ имеющегося законодательства.

Такие учёные как С. Г. Келина, А. В. Наумов, А. С. Никифоров, В. С. Устинов, С. И. Никулин и другие стоят на позиции введения уголовной ответственности юридических лиц, считая, что юридические лица в процессе своей деятельности, перейдя черту закона, способны причинить колоссальный ущерб государству и обществу в целом по сравнению с тем вредом, который может причинить физическое лицо, и «применяемые к организациям штрафные санкции в рамках гражданского и административного законодательства не адекватны размеру причиненного вреда»³. К тому же, эти авторы прослеживают нить, связующее начало между административным и уголовным правом, говоря о том, что нормы административного права уже предусматривают ответственность юридических лиц за нарушение установленного законом порядка. И с этим трудно не согласиться. К примеру, статьёй 2.10 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) предусматривается административная ответственность юридических лиц, в части 2 статьи 3.2 КоАП РФ закрепляются такие виды наказания в отношении юридического лица как предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, административное приостановление деятельности. На основании п. 1 ст. 1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. В статье 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» закрепляется обязанность юридического лица возмещения в полном объеме вреда окружающей среде. Профессор С. Г. Келина считает, что «близость административного и уголовного права свидетельствует о том, что если административное право ввело ответственность юридических лиц, то логичным, с точки зрения системы права, было бы и положительное решение вопроса об ответственности этих субъектов в уголовном праве»⁴.

После всех обсуждений «за» и «против», в конечном итоге, возникает риторический вопрос: а есть ли реальная необходимость введения в отечественное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц?

Стоит сказать, что дискуссия по данному вопросу определенным образом важна для дальнейшего развития современного российского права тем, что появляется возможность проследить в условиях глобализации столкновение реальных потребностей государства и инициатив извне.

Из курса теории государства и права известно, что право представляет собой особый регулятор общественных отношений. Но нужно также подчеркнуть тот факт, что право не просто регулирует, но оно и должно определённым образом реагировать на складывающиеся в обществе объективные потребности в целях обеспечения своей значимости, ценности. Отсюда следует, что развитие за-

---

³ Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц : монография. СПб., 1998. С. 2.

⁴ Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи : сб. ст. М., 1994. С. 53.

конодательства того или иного государства напрямую зависит от развития общества данного государства, потребности, особенности экономического, политического, социального, культурного развития которых различны, что приводит к выводу о том, что дифференцированными должны и быть и правовые институты, законодательство в целом.

Проф. Головки Л. В. утверждает, что «искусственная унификация правовых средств реагирования на *argiori* дифференцированные социально-экономические потребности приводит к фундаментальному кризису правового развития»⁵. Это может привести к падению ценности права, снижения его роли, а также росту количества числа «мёртвых» норм.

На данный момент зарубежная инициатива введения института уголовной ответственности организаций исходит от Организации по экономическому сотрудничеству и развитию и основанной ею ФАТФ, куда входит Российская Федерация. ФАТФ ставит перед собой задачу выработки рекомендаций в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма и рекомендует странам-участникам вводить института уголовной ответственности юридических лиц для реализации целей и задач данной организации. За рубежом институт уголовной ответственности юридических лиц действует во всех странах англо-американского права, в странах Евросоюза, а также в ряде других стран.

При анализе института уголовной ответственности юридических лиц в зарубежном законодательстве, а именно законодательства Франции, установлено, что во французском праве существует трехчленная классификация деяний, которая делится на преступления в строгом смысле, уголовные проступки и уголовные правонарушения⁶. То есть уголовные правонарушения и отчасти проступки во Франции охватывают аналоги отечественных административных правонарушений, которых во Франции в нашем понимании не существует.

В отечественном уголовном праве понятие преступления едино и охватывает наиболее опасные для общества деяния. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в кодекс, разного рода санкционированные правонарушения выделены за пределы уголовного права и вовсе не считаются уголовными (административные, налоговые). То есть, что мыслится во Франции под уголовной ответственностью, предусмотрено в отечественном законодательстве не только УК РФ, но и КоАП РФ, Налоговый кодекс РФ, иными нормативно-правовыми актами. Российское и французское право далеко не одинаково воспринимает такие фундаментальные уголовно-правовые понятия как «преступление», «уголовная ответственность», «источник уголовного права», в них вкладываются разные смыслы и, следовательно, эти понятия рассматриваются в их разных границах.

К тому же, при сравнении отечественного и зарубежного уголовного права стоит обратить внимание на международное право, в частности согласно сложившейся практике Европейского Суда по правам человека административно-деликтное право (административная ответственность) является частью уго-

---

⁵ Головки Л. В. Уголовная ответственность юридических лиц для России : социальная потребность или институциональная глобализация? // Закон. 2015. № 5. С. 136.

⁶ Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции : монография. М., 1996. С. 50.

ловного права (уголовной ответственности в широком смысле).

Таким образом, тема введения уголовной ответственности юридических лиц является одной из самых обсуждаемых. В 2015 г. своём официальном отзыве Верховный Суд РФ выразил свою позицию по данному вопросу. На основе данной позиции уполномоченного органа, можно сделать вывод о том, что в настоящее время уголовная ответственность юридических лиц не согласуется с принципами личной виновной ответственности, справедливости и не содействует реализации целей уголовного наказания, в частности восстановления социальной справедливости и исправления осужденного, так как по природе юридическое лицо не обладает индивидуальным сознанием в отличие от конкретного физического лица. В случае признания юридического лица субъектом уголовной ответственности в уголовном законе сложатся две системы принципов и оснований уголовной ответственности, что может иметь непредсказуемые последствия. Также стоит отметить, что отсутствие уголовной ответственности юридических лиц достаточно компенсируется возможностью привлечения к административной и иной ответственности. В то же время какие-либо убедительные аргументы и отрицательные статистические данные, свидетельствующие о неэффективности применения в отношении юридических лиц существующих в законодательстве РФ мер правового воздействия, не усматриваются.

Подводя общий итог, законодательное регулирование содержит достаточные механизмы воздействия на юридические лица, деятельность которых связана с совершением преступлений, и в настоящее время в отечественном законодательстве нет потребности введения уголовной ответственности юридических лиц.

В. Р. Шарапова,

*студентка 2 курса
Юридический институт,
Кемеровский госуниверситет*

Уголовно-правовая характеристика бездействия

В уголовно-правовой науке бытует мнение о меньшей общественной опасности преступного бездействия, если сравнивать его с действием. Думается, что данное предположение не может быть обоснованным в отношении бездействия как в целом, так и отдельных его видов, причем только по причине того, что законодатель весьма сдержанно относится к криминализации такого вида деяния. Кроме того, как отмечает С. В. Землюков, большинство составов бездействия в текущем законодательстве обозначены как «беспоследственные» (формальные), из чего вытекают трудности с определением степени их общественной опасности¹.

Преступное бездействие определяется как акт общественно опасного и противоправного поведения, основной характеристикой которого выступает невыполнение обвиняемым того, что он обязан был выполнить и имел на то соответствующую возможность. На практике преступное бездействие встречается

---

¹ Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 36.

гораздо реже, чем действие – не более чем в 10% всех уголовных дел. В том числе и в уголовном кодексе данный вид преступного деяния упоминается редко. По мнению А. А. Тер-Акопова, это объясняется несколькими причинами: уже оговоренным мнением о меньшей степени общественной опасности деяний, выражаемых в бездействии, меньшей возможностью бездействия причинить вред охраняемым законом интересам, опосредованным характером детерминации при бездействии, узкой сферой общественных отношений, способных изменяться в худшую сторону при бездействии и т. п.²

Считается, что наиболее обоснованно признаки общественной опасности бездействия определены в трудах Г. В. Тимейко и С. В. Землюкова. Так, по мнению Г. В. Тимейко, общественно опасный характер действия выражает «количество вреда» – накопленного или возможного – объекту; благодаря этому вреду происходят «качественные изменения» объекта. Бездействие же, согласно Тимейко, заключается в том, что посягательство на объект происходит не в силу причинения существенного вреда или создания угрозы такого вреда, а в силу безразличия к общественно опасным последствиям и к достижению общественно полезных результатов³. Схожим образом считает и С. В. Землюков. Он уверен, что противообщественная сущность бездействия выражена теми общественными изменениями положительного характера, которые должны были произойти, но не произошли, и теми изменениями отрицательными, которые произошли, хотя не должны были происходить⁴.

Исследователи данного вопроса в доктрине уголовного права справедливо указывают на неценность уровня общественной опасности бездействия как пассивной формы посягательства на охраняемые законом интересы человека и граждан⁵, а также его отдельных видов, в частности, бездействия должностных лиц⁶. Такое умаление общественной опасности бездействия перед действием приводит к недостаточности правовых норм по его урегулированию⁷, либо к крайне редкому применению таких норм⁸.

Путем бездействия совершаются такие преступления, как халатность должностного лица, неоказание помощи больному, неявка в срок на военную службу без уважительной причины и прочее.

С психофизиологической точки зрения преступная пассивность обладает теми же качествами, что и активность: это поведение человека, носящее волевой характер и сознательно избранное. Поэтому то, что применимо к действию, касается непреодолимой силы, физического и психического принуждения, относится и к преступному бездействию.

---

² Тер-Акопов А. А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980. С. 9.

³ Тимейко Г. В. Понятие и критерии общественной опасности преступного действия и бездействия // Актуальные проблемы государства и права. Уголовно право, уголовный процесс, криминалистика. Краснодар, 1976. С. 184–185.

⁴ Землюков С. В. Указ. соч. С. 37.

⁵ Вороненков Д. Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 1999. С. 32.

⁶ Тимейко Г. В. Указ. соч. С.187.

⁷ Янова Л. С. Социальное бездействие и преодоление его негативных последствий : дис. ... канд. философ. наук. Н. Новгород, 2007. С.93, 104.

⁸ Есипова И. А. Указ. соч. С. 30.

Важнейшим условием привлечения лица к ответственности за его преступную пассивность является также указание того обстоятельства, что обязанность лица не была выполнена, хотя оно имело возможность и необходимость выполнить ее в данной конкретной ситуации.

Что касается признака противоправности в составе преступного бездействия Н. Ф. Кузнецова совершенно справедливо отмечает, что «превосходство юридического начала над предметным или физическим приводит к тому, что при описании действия законодатель основное внимание уделяет способу посягательства, а при формировании уголовной ответственности за бездействие – наличие юридической обязанности действовать»⁹.

Анализируя признаки противоправности бездействия, исследователи включают в них помимо специальной обязанности действовать реальную возможность совершения соответствующих действий. Несмотря на это, в тексте уголовного закона отсутствует указание на необходимость установления возможности бездействующего субъекта действовать надлежащим образом (в отличие от наличия обязанности действовать, вытекающей из уголовно-правовых норм). Правда, в рамках отдельных статей уголовного кодекса все же имеются указания касательно возможности действовать. Так, в статье 124 УК РФ говорится об отсутствии «уважительных причин» неоказания медицинской помощи.

Судом определяется и оценивается возможность осуществления лицом лежащих на него обязанностей. Однако, эта оценка не может быть беспочвенной, она должна учитывать содержание обязанности, условия места и времени, а также субъективные возможности, в том числе способности данного лица. Естественно, что чем выше профессиональная подготовка у лица, чем больше у него знаний и опыта, тем выше требования будут к нему предъявляться.

Думается, что в целях уравнивания фактического и юридического оснований ответственности за бездействие, необходимо сформулировать в уголовном законе ряд специальных норм, которые регламентировали бы основания уголовной ответственности за бездействие. Невозможно согласиться с мнением отдельных исследователей о том, что бездействие содержит в себе гораздо меньшую степень общественной опасности, нежели действие.

Подводя итоги, уголовно-правовое бездействие заключается в невыполнении или неподобающем выполнении юридической обязанности либо в невоспрепятствовании наступлению последствий, которое лицо обязано было и могло предотвратить. Бездействие – это общественно опасное, волевое и пассивное поведение человека. При этом лицо в физическом смысле может проявлять большую активность, но, если при этом оно проигнорировало определенную обязанность, тем самым нарушив уголовно-правовой запрет, налицо преступное бездействие.

---

⁹ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1989. С. 88.

В. А. Шепетько,

студентка 1 курса, ФЭП

Преступления против информационной безопасности

Под информационной безопасностью понимается состояние защищенности информационных систем, представляющих собой совокупность информационных ресурсов государства, физических и юридических лиц, информационных технологий и комплекса программно-технических средств, осуществляющих информационные процессы в человеко-машинном или автоматическом режиме¹.

Цели информационной безопасности:

– предотвращение утечки, хищения, утраты, искажения, подделки информации;

– предотвращение угроз безопасности личности, общества, государства;

– предотвращение несанкционированных действий по уничтожению модификации, искажению, копированию, блокированию информации;

– предотвращение других форм незаконного вмешательства к информационным ресурсам и информационным системам, обеспечение правового режима документированной информации;

– защита конституционных прав граждан на сохранение личной тайны и конфиденциальности персональных данных, имеющих в информационных системах;

– сохранение государственной тайны, конфиденциальности документированной информации в соответствии с законодательством;

– обеспечение прав субъектов в информационных процессах и при разработке, производстве и применении информационных систем, технологий и средств их обеспечения.

Новые информационные технологии, органически встраиваясь в информационные системы экономических объектов и повышая эффективность и качество их работы, породили и проблемы обеспечения информационной безопасности. Следовательно, возникли мало изученные информационные угрозы, реализация которых может приводить к непредсказуемым и даже катастрофическим последствиям, сводя на нет все усилия по повышению эффективности управления экономическим объектом.

Первоначально, столкнувшись с компьютерной преступностью, органы уголовной юстиции начали борьбу с ней при помощи традиционных норм о краже, присвоении, мошенничестве, злоупотреблении доверием и др. Однако такой подход оказался не вполне удачным, поскольку многие компьютерные преступления не охватываются составами традиционных преступлений.

В соответствии с позицией Лукашова Алексея Ильича, компьютерная информация – информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинном носителе, сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях

---

¹ Лукашков А. И. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / под общ. ред. А.И. Лукашова. Минск : Изд-во Гревцова, 2009. С. 648.

и процессах, зафиксированные в оперативной памяти ЭВМ или на машинном носителе или передаваемые по телекоммуникационным каналам в форме, доступной восприятию электронно-вычислительной техникой².

Транснациональный характер компьютерной преступности, быстрые темпы ее распространения обуславливают неизбежность объединения сил и средств многих государств по противостоянию этому явлению. Так, стала возникать система защиты информации. Система защиты информации – совокупность средств, противодействующих несанкционированному доступу к информации³. В настоящее время создается острая необходимость разработки международно-правовой базы предотвращения инцидентов, связанных с обменом информацией, борьбы против «информационного терроризма», разработки комплекса мер международного характера, предотвращающих деструктивное использование средств воздействия на национальные и глобальные информационные ресурсы.

28 января 1981 г. была принята Конвенция Совета Европы о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных. В статье 7 этой конвенции подписавшие ее государства обязались принимать надлежащие меры для охраны персональных данных, накопленных в автоматических базах данных, от случайного или несанкционированного разрушения или случайной утраты, от несанкционированного доступа, изменения или распространения⁴. Определенные меры в этом направлении предпринимаются и государствами-участниками СНГ. Так, 18 октября 1996 г. совет глав правительств Содружества независимых государств принял Концепцию формирования информационного пространства СНГ, которая основана на констатации имеющегося информационного сближения государств Содружества и представляет собой систему согласованных взглядов на цели и приоритеты в сферах сотрудничества государств – участников СНГ в развитии межгосударственных информационных обменов.

Родовым объектом компьютерных преступлений является общественная безопасность. В качестве дополнительных объектов в ряде случаев могут выступать права и интересы граждан в сфере обеспечения личной, семейной, врачебной тайны, интересы собственности, защищенность государственной, банковской тайны и т. п.

Видовым объектом преступлений является совокупность общественных отношений, обеспечивающих состояние защищенности процессов создания, сбора, хранения, передачи и использования компьютерной информации, в которых правомерно участвуют собственники, владельцы и пользователи информации (информационная безопасность).

Информационная безопасность представляет собой состояние защищенности информационной сферы государства, общества, личности, обеспечиваемое комплексом мер по снижению до заданного уровня,

---

² Лукашков А. И. Указ. соч. С. 648.

³ Там же. С. 650.

⁴ Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Электронный ресурс] : заключена в Страсбурге 28 января 1981 года // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000. Минск, 2016.

предотвращению или исключению негативных последствий от воздействия (или отсутствия такового) на элементы информационной сферы.

Современное общество использует четыре основных ресурса: природные богатства, труд, капитал и информацию.

При определении состава компьютерных преступлений большое значение имеет время совершения преступления. Моментом совершения компьютерного преступления является момент нажатия клавиши клавиатуры компьютера или кнопки «мыши», отсылающей последнюю компьютерную команду, независимо от того, в какое время наступили опасные последствия. Время, отделяющее последствия от деяния, может быть минимальным и составлять несколько секунд, необходимых для прохождения информации по каналам и выполнения компьютером команды. Однако в некоторых случаях этот промежуток времени может быть весьма продолжительным. Некоторые вредоносные программы могут начать свое разрушительное действие не сразу, а по истечении длительного времени. Вирус может, выражаясь терминологией программистов, «спать» в компьютере и начать работу после совершения пользователем определенных действий, например, после обращения к тем или иным программам, использования определенных терминов или просто по прохождении некоторого времени.

Значительно сложнее обстоит дело с определением места совершения преступления. Поскольку большое количество компьютерных преступлений совершается в компьютерных сетях, объединяющих несколько регионов или стран, лидирующее место среди которых занимает всемирная компьютерная сеть Интернет, постольку место совершения деяния и место наступления последствий могут отделять многие километры, таможенные и государственные границы.

Выделяют следующие основные угрозы информационной безопасности:

- угрозы конституционным правам и свободам человека в информационной сфере;
- угрозы интересам общества в информационной сфере;
- угрозы интересам государства в информационной сфере.

Угрозы информационной безопасности подразделяются на внутренние и внешние.

Внутренние источники угроз в информационной сфере распространяются на территорию определенного государства. К ним относятся недостаточная экономическая мощь страны, неразвитость институтов гражданского оборота, неблагоприятная криминологическая обстановка, недостатки нормативного обеспечения информационной безопасности, снижение эффективности системы воспитания и образования, чрезмерный государственный контроль за развитием информационного рынка.

К внешним источникам угроз в информационной сфере относятся деятельность политической и экономической разведки и иных информационных структур, которые направлены против интересов государства в информационной сфере; деятельность международных террористических

организаций, стремление некоторых государств к доминированию в информационной сфере и монополизации ими мирового пространства.

Таким образом, самое важное на законодательном уровне – создать механизм, позволяющий согласовать процесс разработки законов с реалиями информационных технологий. Конечно, законы не могут опережать жизнедеятельность, но важно, чтобы отставание не было слишком большим, так как на практике, помимо прочих отрицательных моментов, это ведет к снижению информационной безопасности.

Е. В. Березина,

*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) А ГП РФ*

О конкуренции в системе принципов уголовного судопроизводства

Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации не содержит дефиниции понятия «принцип уголовного судопроизводства». В доктрине уголовно-процессуального права принципы чаще всего понимаются как руководящие идеи, которые определяют построение уголовного процесса; как объективно необходимые общеобязательные критерии справедливого и должного в праве¹. Значение принципов уголовного судопроизводства является бесспорным и обуславливает недопустимость отклонения от них. Однако при реализации принципов уголовного судопроизводства нередко возникают трудности. Например, в возможности осуществления одновременно состязательности и розыскных начал расследования. Возникает вопрос: существуют ли коллизии между принципами уголовного судопроизводства?

Ответ на поставленный вопрос очевиден. Все принципы уголовного судопроизводства имеют общее назначение: они выражают сущность процесса, его характерные черты; представляют систему юридических норм наиболее общего характера, служащую основой уголовно-процессуального законодательства; несоблюдение при производстве по уголовным делам норм-принципов может повлечь отмену принимаемых решений. Следовательно, все принципы служат единым целям, и речи об их коллизии быть не может². В проблеме соотношения принципов уголовного судопроизводства может иметь место их конкуренция. При реализации своей деятельности правоприменитель обязан соблюдать все принципы уголовного судопроизводства и ни в коем случае не должен выбирать между тем или иным принципом. Это значит, что конкуренция принципов не должна приводить к их противоречиям, принципы не должны быть взаимоисключающими по отношению друг к другу. Возможная конкуренция между ними разрешается путем определения оптимального соотношения и пределов действия каждого из конкурирующих принципов.

Обозначенная проблема является недостаточно разработанной в науке уголовного процесса. Однако свое внимание этой проблеме в своих работах уделяли такие ученые, как В. Т. Томин, А. Л. Карабанов и другие. При этом А. Л. Карабанов пришёл к выводу, что «конкуренция отдельных принципиальных начал организации предварительного расследования существует и разрешается только на концептуальном (научно теоретическом) уровне, а не на уровне конкретных правовых норм, в которых последовательно и непротиворечиво отражается их концептуальное единство»³.

¹ Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2008. С. 35.

² См.: Лавдаренко Л. И. Принцип свободы и личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве : монография. Иркутск, 2016. С. 37.

³ Карабанов А. Л., Смирнов Г. К. Актуальные проблемы государственной политики в области досудебного уголовного судопроизводства : монография / М., 2011.

Наиболее ярким примером такой конкуренции является соотношение принципов быстроты и полноты расследования. При разрешении трудностей применения этих принципов нужно иметь в виду, что процессуальные сроки, установленные законом в целях обеспечения быстроты, служат не только своевременности расследования, но и напрямую способствуют реализации принципа полноты расследования⁴. Ограничения сроков расследования направлены на то, чтобы следователь (дознатель) концентрировал своё внимание исключительно на главном, существенном, не «распыляя» свое внимание и силы на незначительные, не относящиеся к делу обстоятельства.

Таким образом, можно сделать вывод, что находясь в конкуренции, принципы уголовного судопроизводства не противоречат друг другу и не являются взаимоисключающими. Более того, правильное соблюдение одного принципа способствует соблюдению другого. Важно найти оптимальное их соотношение, «золотую середину» при производстве по уголовным делам.

Е. И. Вершинская,

*магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Возмещение вреда несовершеннолетним потерпевшим в российском уголовном судопроизводстве

Принятие мер по обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, вовлеченных в сферу правоотношений, возникающих в уголовном судопроизводстве, является первостепенной задачей государства.

В российском уголовно-процессуальном праве нормы, касающиеся производства по делам несовершеннолетних, занимают особое положение. С одной стороны, они являются неотъемлемой частью процессуального законодательства и подчинены его принципам и положениям. С другой стороны, эти нормы имеют свою специфику. Следует учитывать, что несовершеннолетние разных возрастов имеют различные уровни психического и физического развития, что, в свою очередь, влияет на их способность участия в уголовном судопроизводстве.

Законом предусмотрено несколько способов возмещения вреда, причиненного преступлением. Так, наиболее простым и желательным из них является добровольное возвращение виновным лицом несовершеннолетнему потерпевшему всех материальных затрат, которые он понес в результате неправомερных действий. К сожалению, добиться этого в процессе расследования преступления бывает весьма сложно. В настоящее время такая возможность становится более вероятной в связи с изменениями, внесенными в Уголовно-процессуальный ко-

---

⁴ Лавдаренко Л. И. Категория «разумный срок» в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2014. № 1. С. 25.

декс Российской Федерации¹ и Уголовный кодекс Российской Федерации² Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ³, в части назначения вида наказания, возможности его замены на более мягкое, а также применения условно-досрочного освобождения, поставленными в зависимость от возмещения причиненного вреда полностью или частично. Однако на практике возникают вопросы в связи с частичным возмещением вреда, носящим оценочный характер. В последнее время все чаще встречаются случаи, когда лицо, совершившее преступление, при наличии возможности частичного возмещения вреда вносит несоизмеримо малую сумму, придавая лишь значение самому факту возмещения. Определение размера вреда в решении суда также не всегда в полной мере может отвечать интересам потерпевших. В связи с этим, на наш взгляд, представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить полное возмещение вреда потерпевшим применительно к ст. 74, 79, 80 УК РФ.

В теории уголовного судопроизводства в качестве одного из возможных способов возмещения вреда принято рассматривать реституцию, которая в переводе с латинского означает «восстановление в прежнем правовом или имущественном положении»⁴.

Так, положения ст. 82 УПК РФ предусматривают возможность возврата потерпевшему имущества, являющегося вещественным доказательством. При этом, отметим, что, по общему правилу, обнаруженные и изъятые предметы, а также деньги и ценности, отвечающие требованиям ст. 81 УПК РФ, должны признаваться вещественными доказательствами и храниться, как правило, до вступления приговора в законную силу. Однако, в нормах УПК РФ предусмотрена возможность возврата вещественных доказательств их владельцам до рассмотрения дела судом, если это возможно без ущерба для производства по делу. В связи с этим данный способ возмещения вреда должен включать в себя два условия: вынесение приговора, определения или постановления о прекращении производства по уголовному делу и фактическую передачу вещественных доказательств собственнику (законному владельцу)⁵. Первое условие соответствует положению ч. 3 ст. 35 Конституции РФ о том, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Поэтому как конфискация ценных вещественных доказательств, так и обращение их в возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, с передачей в натуре другому лицу может производиться только на основании судебного решения (приговора).

В юридической литературе существует мнение, что когда вопрос о возврате вещественных доказательств решается следователем до окончания рас-

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : с изм. от 19 дек. 2016 г. // СПС «Консультант Плюс». Далее – УПК РФ.

² Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : с изм. от 19 дек. 2016 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>. (25.01.2017). Далее – УК РФ.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федер. закон от 28 дек. 2013 № 432-ФЗ // Рос. газ. 2013. № 295.

⁴ Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2006. С. 315.

⁵ Ашкатова К. В. Реституция в уголовном судопроизводстве и проблемы ее реализации // Вестник Волгогр. академии МВД России. 2011. № 16. С. 93–96.

следования, акт реституции должен быть облечен в соответствующую процессуальную форму. Основанием для передачи вещей может служить только постановление, а перечень возвращаемых предметов (с точным указанием их количества, меры веса, индивидуальных признаков и стоимости) должен найти отражение в протоколе о применении уголовно-процессуальной реституции. Какое-либо утрирование данной процедуры недопустимо⁶. Следует отметить, что данное мнение не нашло отражения в уголовно-процессуальном законодательстве: реституция сама по себе в УПК РФ не закреплена, соответственно и не является процессуальным действием. Следовательно, она не может производиться путем оформления соответствующего протокола. В связи с этим, представляется, что единственным доступным методом фиксации передачи материальных ценностей законному владельцу является отметка о передаче их данному лицу на хранение в постановлении о приобщении к делу вещественных доказательств. При этом от потерпевших требуется расписка о получении и надлежащем сохранении вещественных доказательств до вступления приговора в законную силу, которая приобщается к материалам дела.

Возникает вопрос: являются ли такие действия реституцией? Представляется, что указанные действия нельзя в полной мере считать реституцией, так как вопрос о судьбе вещественных доказательств разрешается только в итоговых решениях судом или органами предварительного расследования (ч. 3 ст. 81 УПК РФ), а возвращение вещественных доказательств законным владельцам в период производства по делу предусмотрено ст. 82 УПК РФ «Хранение вещественных доказательств». В связи с этим можно прийти к выводу, что осуществление следователем реституции возможно лишь при прекращении производства по уголовному делу, что должно найти отражение в соответствующем постановлении. По делам же, направленным в суд, судьба вещественных доказательств разрешается в приговоре (определении, постановлении о прекращении дела или применении принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия). Это дает нам право говорить лишь о наличии некоторых проявлениях реституции в уголовном судопроизводстве России.

В качестве одной из наиболее эффективных возможностей возмещения вреда в уголовном процессе следует рассматривать предъявление гражданского иска. Это дополнительная, причем, весьма ощутимая материально, гарантия обеспечения прав для лица, которому преступлением был причинен вред.

В соответствии с ч. 2 ст. 44 УПК РФ, гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции. При предъявлении гражданского иска гражданский истец освобождается от уплаты государственной пошлины. Ч. 3 ст. 44 УПК РФ предусматривает, что гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетних может быть предъявлен их законными представителями или прокурором. При этом, в случае, если имеются основания полагать, что законный представитель действует не в интересах несовершеннолетнего потерпевшего, должны быть предприняты меры по отстра-

---

⁶ Понарин В. Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе Российской Федерации : дис... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1994. С. 109.

нению такого лица от участия в деле в качестве законного представителя потерпевшего и по назначению в качестве законного представителя несовершеннолетнего другого лица или представителя органа опеки и попечительства⁷. Если несовершеннолетний потерпевший не имеет родителей и проживает один или у лица, не являющегося родственником и не назначенного надлежащим образом его опекуном или попечителем, в качестве законного представителя несовершеннолетнего надлежит признавать представителя органа опеки и попечительства⁸.

Отметим, что, если собственником похищенного, уничтоженного или поврежденного имущества, является несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет либо несовершеннолетний, вступивший в брак или объявленный полностью дееспособным, такие лица могут быть признаны гражданскими истцами, поскольку в силу ч. 2 и 4 ст. 37 ГПК РФ они вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы⁹.

На практике при реализации института гражданского иска возникает ряд проблем. Одна из них заключается в том, что следователи и дознаватели не всегда проводят следственные и процессуальные действия обеспечительного характера (к примеру, проведение обыска не для отыскания орудия преступления, а для обнаружения имущества, на которое может быть наложен арест), в результате чего суды при рассмотрении уголовных дел оставляют множество гражданских исков без рассмотрения. Также наблюдается отсутствие должного реагирования прокуроров на решение вопросов, связанных с возмещением вреда потерпевшим на стадии предварительного расследования, включая непредъявление прокурорами исков в стадии досудебного производства, в связи с отказом подразделений Следственного комитета РФ по запросу прокурора предоставить ему для изучения материалы уголовного дела на более ранних стадиях расследования¹⁰. Решение данной проблемы видится в усилении прокурорского надзора за данной деятельностью следователей и дознавателей.

В качестве одной из ключевых проблем реализации института гражданского иска в уголовном процессе можно выделить несвоевременность признания лица гражданским истцом. В связи с тем, что в нормах УПК РФ не прописан момент признания лица, которому был причинен вред, гражданским истцом, предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 44 УПК РФ, дополнив ее текстом следующего содержания: «Решение о признании гражданским истцом принимается незамедлительно с момента признания лица потерпевшим и предъявления им требования о возмещении имущественного, морального вреда. Отказ от предъявления гражданского иска оформляется отдельным документом».

---

⁷ Варпаховская Е. М. Эволюция российского законодательства в обеспечении прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе в советский и современный периоды развития государства // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1. С. 100–106.

⁸ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 : с изм. от 9 февр. 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Там же.

¹⁰ Епихин А. Ю. Повышение уголовно-правовой защищенности имущественных и иных прав потерпевшего // Современное право. 2014. № 6. С. 110–113.

Т. А. Гаврилюк,

студентка 4 курса

Академии управления при

Президенте Республики Беларусь

**К вопросу о совершенствовании уголовно-процессуального
законодательства Республики Беларусь об охране прав
несовершеннолетних свидетелей**

Вопросы охраны прав несовершеннолетних, попавших в орбиту уголовного правосудия, широко обсуждаются отечественными учеными и практическими работниками и, как правило, касаются ювенальной юстиции: защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. В то же время международное сообщество придерживается Концепции правосудия для детей, которая распространяется не только на детей, находящихся в конфликте с законом, но и на детей-жертв и свидетелей, детей, вступивших в систему юридического судопроизводства по другим причинам¹.

В уголовном процессе Республики Беларусь одной из гарантий защиты прав несовершеннолетнего потерпевшего является одновременное участие в производстве по уголовному делу его законного представителя и представителя. В то же время Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК РБ) не называет свидетеля (в том числе и несовершеннолетнего) в числе участников уголовного процесса, интересы которого могут представлять законные представители и представители. Кроме того, в УПК РБ отсутствует специальная норма, наделяющая несовершеннолетнего свидетеля правом воспользоваться услугами представителя, что вызывает различные суждения в юридической литературе по этому вопросу. В связи с чем, В. Авдеев, И. Воскобойников считают, что адвокат, представляющий интересы свидетеля в уголовном процессе, согласно буквальному смыслу уголовно-процессуальных норм, не выступает в данном случае участником процесса, а лишь является носителем конкретных прав и обязанностей и выполняет функцию «договорного представителя»². Другие авторы, например, Д. Т. Арабули³, характеризуют деятельность лица, защищающего или представляющего интересы свидетеля, как функцию «правового сопровождения». Несмотря на разные подходы, большинство ученых едины в одном мнении: адвокат (представитель) свидетеля обеспечивает конституционное право последнего на получение квалифицированной юридической помощи.

---

¹ Защита прав ребенка в системах уголовного правосудия: Руководство для обучения и справочно-информационный ресурс для специалистов и должностных лиц, принимающих участие в разработке политики в области правосудия для детей [Электронный ресурс] // PenalReformInternational, 2013. С. 10.

² Авдеев В., Воскобойник И. Проблемы деятельности адвоката при производстве следственных действий с участием свидетеля. // Уголовное право. 2006. № 5. С. 84, 85.

³ Арабули Д. Т. Право на квалифицированную юридическую помощь некоторых участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Международная ассоциация отправления правосудия. URL: <http://www.iauj.net/lib/konf-MASP/arabuli.htm> (20.04.2016).

В рассматриваемом нами контексте следует обратить внимание на положения ст. 62 Конституции Республики Беларусь о праве каждого на юридическую помощь, в том числе на право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде и иных государственных органах. Следуя буквальному толкованию ч. 4 ст. 20 УПК РБ, устанавливающей право каждого на юридическую помощь в ходе производства по материалам и уголовному делу, приходим к выводу, что свидетель (в том числе и несовершеннолетний) имеет право на представительство его интересов в уголовном процессе. Из этого следует, что ст. 58 и 59 УПК РБ нуждаются в дополнении путем включения в перечень представителей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, и представителя свидетеля. В свою очередь ч. 3 ст. 60 УПК РБ необходимо дополнить нормой о праве свидетеля пользоваться юридической помощью адвоката и (или) других представителей.

В развитие данного предложения считаем целесообразным ст. 59 УПК РБ дополнить новой частью в следующей редакции: ч. 1¹ «Представитель свидетеля имеет право: 1) участвовать в производимых органом уголовного преследования следственных и других процессуальных действиях, в том числе по ходатайству представляемого им лица либо с его участием; 2) давать пояснения; 3) представлять доказательства; 4) заявлять отводы и ходатайства; 5) возражать против действий органа уголовного преследования и требовать внесения его возражений в протокол следственного или другого процессуального действия, проводимого с участием свидетеля; 6) знакомится с протоколами следственных или других процессуальных действий, в которых участвовал представляемый им участник, и делать замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколах; 7) подавать жалобы на действия и решения органа, ведущего уголовный процесс, отзывать поданную им жалобу с согласия представляемого им лица; 8) с согласия представляемого им лица приглашать для него другого представителя и передоверить представительство». С целью соблюдения целостности процессуального статуса следует наделить представителя свидетеля обязанностями, аналогичными обязанностям представителей других участников процесса, поэтому в ч. 3 ст. 59 УПК РБ нужно внести соответствующие дополнения.

Концепция правосудия детей предусматривает наличие специальных служб по сопровождению детей-жертв и свидетелей на протяжении всего уголовного правосудия. Например, в Польше и Чехии с 2007 г. учреждены специальные комнаты для проведения полицией или экспертами-психологами бесед с детьми-жертвами и свидетелями с целью установления фактов преступления, где созданы комфортные условия для ребенка, имеется оборудование, необходимое для обеспечения нужд системы уголовного процесса (камера, микрофоны для прямой трансляции допроса, двустороннее зеркало). Официальные представители ребенка (родители, адвокат) могут следить за допросом, будучи в соседней комнате. Беседа записывается на аудио или видео-носитель с целью после-

дующего анализа и оценки, что не требует повторного допроса ребенка⁴. В Республике Беларусь также имеется опыт создания при следственных отделах дружественных комнат для потерпевших и свидетелей, не достигших совершеннолетия. Такой подход соответствует и одному из руководящих принципов Конвенции по правам человека, закрепляющему право ребенка быть заслушанным. Поэтому многие государства, придерживаясь международных рекомендаций, законодательно закрепляют право детей-жертв и свидетелей давать показания; применяют «тест на дееспособность» для принятия решения о признании или непризнании данных ими показаний; предоставляют им возможность отказаться от участия в суде. Например, законодательство Венгрии предусматривает, что свидетели в возрасте до 14-ти лет могут допрашиваться в рамках расследования только тогда, когда они могут дать показания, которые нельзя заменить (получить) каким-либо образом⁵. Считаем, что такие правила целесообразно ввести и в белорусский УПК, что станет дополнительной гарантией охраны прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Изложенные выше предложения отвечают международным рекомендациям о защите прав и законных интересов несовершеннолетних свидетелей, а их воплощение в национальных правовых нормах будет способствовать эффективной защите названных участников процесса.

Д. Д. Давудова,

студентка 4 курса

Северо-Кавказского института

РПА МЮ РФ

К вопросу о некоторых проблемах института досудебного соглашения о сотрудничестве

На сегодняшний день в правоприменительной практике все больше стали прибегать к институту досудебного соглашения о сотрудничестве. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве играет важную роль в изобличении лиц, причастных к совершению таких преступлений, как убийства по найму, бандитизм, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, разного рода коррупционных проявлений, преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами. А. С. Шаталов отмечал, что процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве «... изначально не предназначена для массового применения, но претендует на то, чтобы стать реальной мерой, направленной на борьбу с организованными

---

⁴ Защита прав ребенка в системах уголовного правосудия. С. 70.

⁵ Там же. С. 66.

формами преступности»¹.

Остановимся на одной из актуальных проблемах рассматриваемого института. В ч. 4. ст. 154 УПК РФ предусмотрено, что в случае заключения прокурором с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное дело в отношении такого лица выделяется в отдельное производство. Выделение уголовного дела в отдельное производство, и его отдельное судебное рассмотрение означают, что такое лицо приобретает процессуальный статус обвиняемого по выделенному делу. Такое лицо в обмен на смягчение наказания берет на себя обязанность уличать соучастников в совершении общего преступления. Положения ч. 2 ст. 252 УПК РФ устанавливают, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному обвинению, что, как отметил Конституционный Суд РФ, направлено на установление пределов судебного разбирательства, диктуемых интересами обвиняемого, целями реализации им права на защиту². Хотя судебное разбирательство в отношении лиц, являющихся соучастниками преступления, но заключившими досудебное соглашение о сотрудничестве, в рамках основного уголовного дела не проводится, данные лица допрашиваются по основному делу и их показания используются в качестве доказательств.

В связи с этим возникает вопрос, каким процессуальным статусом обладает лицо, уголовное дело, в отношении которого в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве выделено в отдельное производство, при его допросе в судебном разбирательстве основного дела. Такое лицо в связи с выделением в отдельное производство его дела не может быть допрошено по правилам допроса подсудимого, предусмотренным ст. 275 УПК РФ. В то же время это лицо, будучи сообвиняемым, не может быть допрошено по правилам допроса свидетелей, предусмотренным ст. 278 УПК РФ, с предупреждением его об уголовной ответственности в порядке ст. 307 и 308 УК РФ. Конституционный Суд РФ, выявив правовую неопределенность статуса обвиняемого, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, указал на необходимость разрешения вопроса о статусе такого лица на законодательном порядке³.

При законодательном регулировании статуса этого лица следует учитывать следующее обстоятельство: такое лицо сохраняет интерес в исходном уголовном деле, в рамках которого было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, поскольку предъявленное ему обвинение непосредственно связано с обвинением, предъявленным лицу, считающемуся его соучастником и являющемуся подсудимым по основному делу, что противоречит процессуальному пониманию фигуры свидетеля, характерной чертой которого является процессуальная нейтральность. Что же качается лица, чье дело было выделено в от-

¹ Шаталов А. С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки// Журнал российского права. 2010. № 5. С. 36.

² По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 401 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. №17-П.

³ По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 401 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П.

дельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, и выступающего с показаниями по уголовному делу, по которому обвиняемым является его предполагаемый соучастник, то позицию такого лица нельзя признать процессуально нейтральной в силу его прямой заинтересованности в исходе дела. Следовательно, обвиняемый по уголовному делу, которое в силу заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве было выделено, по основному первоначальному уголовному делу приобретает особый статус, который по своей сущности не может быть соотнесен ни с правовым положением свидетеля, ни с правовым положением обвиняемого.

Минюст разработал соответствующие поправки в УПК РФ с введением статьи 275.1 УПК РФ. В проектной норме предусматривается допрос такого лица без предупреждения об уголовной ответственности в порядке статей 307 и 308 УК РФ. Предлагаемая новелла разрешает лишь вопрос о процедуре допроса. В то же время, в уголовном процессе появляется «свидетель» с особым статусом. Тем самым, вопрос о правовой определенности статуса такого лица останется законодательно не разрешенным.

Однако, процессуальный статус лица, чье дело было выделено в отдельное производство, по первоначальному делу далеко не единственная проблема института досудебного соглашения о сотрудничестве. Положения главы 40.1 УПК РФ устанавливают, что если после того, как лицу, чье дело было выделено в отдельное производство в силу заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве, было назначено наказание, станет известно, что он сокрыл какие-либо существенные сведения либо сообщил заведомо ложные сведения, то вынесенный в отношении него приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном соответствующим разделом XV УПК РФ. В этой связи возникает вопрос, а не нарушаются ли права подсудимого, ведь согласно принципу справедливости, никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Хотя, если посмотреть на этот вопрос с другой стороны, сообщение ложных сведений является нарушением условий института досудебного соглашения о сотрудничестве и, соответственно, лицо, умышленно сообщившее ложные сведения относительно обстоятельств дела, либо сокрывшее известные ему сведения, должен нести за это ответственность. Ведь и на свидетеля в случае отказа от дачи показаний и в случае дачи заведомо ложных показаний распространяется уголовная ответственность в порядке ст. 307 и 308 УК РФ.

На наш взгляд, в УПК РФ должна быть введена ст. 278.1 с закреплением процессуального статуса специального свидетеля, допрашиваемого без предупреждения об уголовной ответственности, но обязанного давать правдивые и уличающие соучастников преступления показания в силу досудебного соглашения о сотрудничестве проектная ст. 275.1 УПК РФ должна быть дополнена положением, определяющим процессуальный статус рассматриваемого лица, как специального свидетеля.

В. А. Демченко,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

О некоторых проблемах реализации прокурором функции защиты прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве

В ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплено положение, согласно которому «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Прокурор, осуществляя возложенную на него федеральным законодательством обязанность в сфере уголовного судопроизводства по осуществлению уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов расследования, прежде всего, должен руководствоваться указанным конституционно-правовым положением.

Одной из функциональных задач прокурора в уголовном судопроизводстве является его содействие суду по осуществлению правосудия¹, учитывая, что осуществлением правосудия можно считать не любые действия суда, а актом правосудия – не любое решение суда, а лишь законное, обоснованное и справедливое. Не случайно в 2010 г. в УПК РФ была введена ст. 401.6, предусматривающая возможность отмены приговора, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

В связи с тем, что правозащитная деятельность является основным направлением деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве², представляется целесообразным внести изменения в ст. 6.1 УПК РФ, предоставив государственному обвинителю полномочия, направленные на обеспечение разумного срока уголовного судопроизводства, а именно установить, что правом обращаться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела, если после поступления дела в суд оно длительное время не рассматривается и судебный процесс затягивается, должны иметь не только заинтересованные лица, но и государственный обвинитель (равно как вышестоящий прокурор).

При решении вопроса о полномочиях прокурора в уголовном судопроизводстве необходимо также учитывать позиции Европейского суда по правам человека («Селиверстов против России», «Абрамян против России»), согласно которым при переквалификации действий обвиняемого на статью УК РФ, предусматривающую другое, даже менее строгое наказание, ему должно быть предоставлено достаточно времени для защиты от нового обвинения. В Научно-исследовательском институте Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в связи с этим были подготовлены предложения о расширении прав государственного обвинителя, в т. ч. о предоставлении ему права в судебном заседании выдвигать новое обвинение и изменять предъявленное обвинение в связи с установлением в ходе судебного разбирательства новых фактических об-

---

¹ См.: Кобзарев Ф. М. О функциональных задачах прокуратуры в уголовном судопроизводстве // Проблемы теории и практики прокурорского надзора в современных условиях : в 2 ч. : тезисы науч.-практич. конф. М., 2005. Ч. 2. С. 71.

² См.: Лавдаренко Л. И. Понятие «Права и свободы» в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры. 2015. Т. 47. № 3. С. 33.

стоятельств³. Представляется, что в этом случае стороне защиты должно предоставляться время для подготовки к защите от нового обвинения. Отсутствие этого права у государственного обвинителя приводит к постановлению оправдательных приговоров и прекращению уголовных дел судами вышестоящих инстанций, что связано с проблемой обеспечения прав потерпевших, в частности на компенсацию причиненного им ущерба.

Защита прав и свобод человека и гражданина является важнейшим направлением деятельности прокуратуры, в т. ч. при апелляционном, кассационном и надзорном обжаловании судебных решений. В соответствии с положениями УПК РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» государственные обвинители обязаны своевременно приносить апелляционные и кассационные представления на все незаконные, необоснованные и несправедливые судебные решения по уголовным делам⁴. Данный принцип был заложен еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в котором говорилось: «Прокурорский надзор вправе приносить протест как в интересах обвинения, так и в пользу осужденного»⁵.

Согласно ст. 254 УПК РФ право обжалования судебного решения принадлежит государственному обвинителю или вышестоящему прокурору. Если государственный обвинитель не приносит апелляционного или кассационного представления, это вправе сделать прокурор, возглавляющий соответствующую прокуратуру, или его заместитель. Непосредственно в суде апелляционной и кассационной инстанций прокурор не связан доводами как представления, так и жалобы и высказывает свое мнение относительно законности, обоснованности и справедливости судебного решения, вынесенного судом нижестоящей инстанции.

Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ концептуально изменил институт пересмотра судебных решений по уголовным делам. Так, учреждена апелляционная инстанция для всех уголовных дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, изменен порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. Нельзя не согласиться с мнением проф. А. Г. Халиулина, который утверждает, что нормы вышеуказанного федерального закона нуждаются в совершенствовании, в т. ч. и с точки зрения возможностей прокурора по обеспечению прав и свобод человека и гражданина⁶.

Например, в ст. 401⁸ УПК РФ не предусмотрено право представителей областных и равных им судов субъектов на проверку постановлений судей этих же судов об отказе в передаче жалоб и представлений для рассмотрения в суд кассационной инстанции. В указанной норме регламентирована лишь процедура отмены решений, принятых по результатам рассмотрения кассационных жалоб, представлений судьями Верховного Суда Российской Федерации, – Председателем ВС РФ, его заместителями.

Фактически судья областного и равного ему суда в соответствии со ст. 401.7 УПК РФ является единственным лицом, принимающим решение по

³ Халиулин А. Г. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в современном уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. М., 2011. С. 31.

⁴ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 20 ноября 2007 г. № 185 // Законность. 2008. № 1.

⁵ Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2007. С. 345.

⁶ Халиулин А. Г. Указ. соч. С. 32.

кассационной жалобе, представлению и обжаловать его решение на уровне субъекта РФ не представляется возможным. Исходя из дискреционных полномочий судьи кассационной инстанции (ст. 401.8 УПК РФ) право осужденного, защитника, иных лиц, как и право прокурора на возможное обжалование в интересах этих лиц действий судьи, явно ограничено. Приведенный законодательный пробел нуждается в соответствующей корректировке.

Трудно согласиться и с положением ст. 401.17 УПК РФ, в соответствии с которым не допускается внесение не только повторных, но и новых кассационных жалоб или представлений, не только по тем же, но и по иным правовым основаниям, не только теми же, но и иными лицами, если жалоба или представление в отношении одного и того же лица оставлены без удовлетворения постановлением судьи. Данное законоположение фактически говорит не о повторных жалобах и представлениях, а о новых жалобах и представлениях, создавая препятствия обращению в ту же судебную инстанцию иным участникам уголовного процесса. Законодательный запрет на внесение новых кассационных жалоб, представлений в отношении того же лица в тот же суд кассационной инстанции противоречит принципу состязательности и, как следствие, приводит к существенному нарушению равноправия сторон. Подача кассационной жалобы (представления) одной из сторон фактически лишает другую сторону права на обращение в суд вышестоящей инстанции. В связи с чем существенно снижаются реальные возможности для прокурора обратиться в суд с кассационным представлением в случае, если приговор, вступивший в законную силу, не отвечает требованиям законности, обоснованности и справедливости. Представляется, что решением обозначенной проблемы является законодательное устранение рассмотренного препятствия по защите нарушенных или оспариваемых прав участниками уголовного процесса.

Таким образом, защита прав и свобод человека и гражданина является основной задачей прокурора в уголовном судопроизводстве, выполняемая вне зависимости от того, чьи права – участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, защиты либо иных граждан нарушаются. Сказанное вытекает из предназначения прокурора как представителя государства в сфере уголовного судопроизводства, выполняющего конституционную обязанность по защите прав и свобод человека и гражданина.

В. В. Денисова,

Н. А. Сухрякова,

студентки 4 курса ТюмГУ

Некоторые проблемы законодательной регламентации деятельности защитника по собиранию доказательств в уголовном процессе

В соответствии с ч. 1 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – УПК РФ) защитник – лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. На основании ч. 2 ст. 49 УПК РФ в качестве защитников по уголовным делам выступают адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника

могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мировой судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

Часть 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации и ч. 1 ст. 15 УПК РФ закрепляет принцип, согласно которому уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Данный принцип предполагает такое построение процесса, при котором стороны (обвинение и защита), обладая равными процессуальными правами по представлению и участию в исследовании доказательств, отстаивают перед судом свои позиции по делу. Конечный итог «спора» определяется независимым и беспристрастным судом, основной и единственной целью которого является разрешение спора в пользу одной из сторон. Состязательность сторон обвинения и защиты требует значительной активности в деятельности по собиранию, проверке, исследованию доказательств. Исходя из этого, одним из направлений деятельности адвоката на досудебных стадиях уголовного судопроизводства является использование криминалистических способов, приемов и средств по собиранию оправдательных или смягчающих вину обвиняемого доказательств, а также их представление следователю на основе соответствующего ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела и использовании в процессе доказывания.

Законные пути собирания доказательств защитником установлены в ст. 53, 86 УПК РФ, а также в ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи. Защитнику разрешается собирать доказательства путем:

- 1) получения предметов, документов и иных сведений;
- 2) опроса лиц с их согласия;
- 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Выдвижение адвокатом своих версий для защиты обратившегося к нему лица неразрывно связано с использованием им права на собирание доказательств. Вместе с тем, необходимо согласиться с мнением тех ученых, которые полагают, что в пользовании правом на собирание доказательств со стороны защиты имеются проблемы.

Одну из таких проблем обозначил Е. А. Белканов. Он считает, что в отношении доказательств стороны защиты существует различная оценка со стороны участников уголовного судопроизводства: следователь не желает принимать доказательства, собранные адвокатом; суд относится к таким доказательствам как к доказательствам «второго сорта»; адвокат не верит в эффективность своей деятельности по сбору доказательств¹.

---

¹ Белканов Е. А. Стратегии адвокатской деятельности и деформации профессионального правосознания // Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования. Екатеринбург, 2004. С. 47.

Следующая проблема заключается в том, что закон не регламентирует механизм собирания защитником доказательств, что также вызывает определенные трудности для адвоката. Несмотря на равноправие стороны защиты и обвинения, несомненно, сторона обвинения имеет больше возможностей по сбору доказательств.

Получить предметы, документы и иные сведения адвокат может только на основании добровольного согласия их владельца, в то время как органы предварительного расследования получают путем производства, к примеру, выемки, что в свою очередь, не является добровольным средством получения предметов, документов и иных сведений.

Нельзя не согласиться с позицией Ю. П. Гармаева, который утверждает, что «адвокат не имеет права использовать при получении предметов и документов, имеющих значения для уголовного дела, властные полномочия. Если органы, учреждения, общественные организации и объединения обязаны предоставлять по запросу адвокатов соответствующие документы, то на физических лиц такая обязанность не возложена. Соответственно, адвокат не вправе даже просто требовать у них те или иные предметы и документы. Он может только попросить. А человек может, как предоставить адвокату интересующие его предметы или документы, так и отказать ему в этом»².

Адвокат может опросить лиц, которые могут владеть значимой для дела информацией, только с их согласия. При этом защитник не вправе обязывать явкой к нему лиц, которых он намерен опросить по обстоятельствам, имеющим отношение к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, а также не вправе официально предупреждать опрашиваемое лицо об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний, предусмотренные ст. 307 и 308 УК РФ в рамках данного опроса. Также остается нерешённым вопрос о том, должен ли адвокат в разговоре с опрашиваемым им лицом сказать, что является защитником подозреваемого или обвиняемого, или достаточно простого согласия опрашиваемого лица³.

Таким образом, право на собирание доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений, а также опроса лиц может остаться нереализованным, в связи с тем, что предоставление каких – либо предметов, документов и получение значимой информации от лиц осуществляется на их добровольной основе и является их правом, а не обязанностью.

В соответствии со ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми.

Например, в качестве доказательств допускаются показания свидетеля. При этом допустимые показания свидетеля – это только те сведения, которые он сообщил на допросе суду или должностному лицу, производящему расследова-

---

² Гармаев Ю. П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. М. 2005.

³ Полюянович О. А. Проблема реализации права защитника на сбор доказательств // Молодой ученый. 2013. № 11. С. 546–549.

ние, но не «показания», полученные защитником в ходе опроса этого гражданина⁴.

Как полагает, Н. М. Кипнис, «даже если защитник в рамках проведенного им опроса получил сведения, интересующие сторону защиты, то эти сведения только тогда станут допустимыми доказательствами, когда названные уполномоченные субъекты допросят это лицо»⁵. Следовательно, такое доказательство, как показание свидетеля может быть признано допустимым только через допрос этого свидетеля уполномоченным должностным лицом.

В истребовании справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций адвокат также имеет ограничение, связанное с отказом в предоставлении, запрашиваемых адвокатом в рамках адвокатского запроса сведений, составляющих государственную, коммерческую, врачебную, налоговую или другую охраняемую законом тайну, так как в нормах, закрепляющих порядок предоставления сведений, составляющих охраняемую законом тайну, адвокат как субъект, правомочный получать указанные сведения отсутствует. Например, в соответствии со ст. 26 ФЗ от 2.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» адвокаты не относятся к числу лиц, которым банки предоставляют сведения, составляющие банковскую тайну. В соответствии со ст. 102 Налогового кодекса РФ адвокат не включен законодателем в число лиц, имеющих доступ к сведениям, составляющим налоговую тайну.

Адвокату приходится реализовывать данное право путем заявления ходатайств об истребовании этой информации перед органами дознания, следствия или судом, но как отмечает И. С. Дикарев, «огромное число подобных ходатайств необоснованно отклоняется под самыми разнообразными предлогами, и, как следствие, сторона защиты оказывается в зависимом положении, что существенно ограничивает тактические возможности защитника»⁶.

Практика показывает, что органы государственной власти, местного самоуправления и других организаций нередко игнорируют запросы адвокатов по истребованию документов. Никаких санкций за неисполнение запроса защитника в законе не установлено.

Таким образом, можно констатировать, что, хотя стороне защиты формально и предоставлено право собирания доказательств по уголовному делу, четкая регламентация данной деятельности в действующем законодательстве отсутствует. Тем самым адвокат-защитник ограничен в праве и способах собирания доказательств по сравнению со стороной обвинения, что не соответствует принципу равенства сторон в уголовном судопроизводстве. Учитывая изложенное, полагаем, что законодательная регламентация собирания доказательств по уголовному делу адвокатом – защитником нуждается в дальнейшем совершенствовании.

---

⁴ URL: <https://advokatsidorov.ru/sobiranie-dokazatelstv-advokatom.html> (24.11.2016).

⁵ Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М. 2007.

⁶ Дикарев И. С. Врачебная тайна в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 66.

А. И. Дулова,

*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

**К вопросу о необходимости признания вины обвиняемым
для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве**

При изучении главы 40.1 УПК РФ можно заметить, что в ней нет упоминания о необходимости получения от обвиняемого его согласия с предъявленным обвинением и признания им своей вины. В юридической литературе по этому вопросу высказаны различные суждения.

Первая группа авторов полагает, что отсутствие в нормах прямых соответствующих предписаний означает, что при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве от обвиняемого не требуется ни обязательного признания себя виновным, ни раскаяния в совершенном преступлении¹.

Сторонники второй точки зрения, напротив, считают, что для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо признание обвиняемым своей вины в совершенном преступлении. Так, по мнению С. А. Новикова, действующий УПК РФ исходит из того, что при условии заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, обвиняемый должен не только помочь расследованию, но и полностью признать свою вину².

Третья точка зрения основывается на том, что одним из условий соглашения о сотрудничестве является согласие обвиняемого с предъявленным обвинением. Например, П. В. Вдовцев пишет, что согласие обвиняемого с предъявленным обвинением выступает условием рассмотрения уголовного дела в особом порядке, в противном же случае обвиняемый вынужден будет пойти на определенную уловку, согласившись с предъявленным обвинением, чтобы сохранить возможность назначения наказания в более льготном порядке³.

Надо сказать, что такая же позиция высказана Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, который в Постановлении № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» отметил, что одним из условий постановления в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, обвинительного приговора является его согласие с предъявленным обвинением. В случае если подсудимый не согласен с предъявленным обвинением, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке⁴.

¹ Смирнов А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5-14.

² Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве и особый порядок принятия судебного решения: ошибочное сочетание // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Саратов. 2015. С. 136–138.

³ Вдовцев П. В. Является ли согласие обвиняемого с предъявленным обвинением условием досудебного соглашения о сотрудничестве? // Уголовное право. 2015. № 2. С. 108–110.

⁴ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума ВС РФ от 28.06.12 № 16 // СПС «КонсультантПлюс».

Сторонники четвертой точки зрения полагают, что обязательными условиями для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве должны быть как согласие с обвинением, так и признание обвиняемым своей вины и что необходимость получения такого согласия законодателем подразумевается. По их мнению, до получения согласия с обвинением невозможно говорить о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, такое согласие – единственно возможный путь, позволяющий реализовать требования п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ об обязательном указании в досудебном соглашении описания преступления (с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Так, И. В. Смолькова замечает, что согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением необходимо, поскольку ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ предусматривает, что судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, проводится в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, в которой установлено получение такого согласия⁵.

Действительно, согласно ст. 317.7 УПК РФ в случае выполнения всех условий досудебного соглашения о сотрудничестве, уголовное дело будет рассмотрено по правилам ст. ст. 316 и 314 УПК РФ. При этом в соответствии со ст. 314 УПК РФ особый порядок судебного разбирательства неприменим, если обвиняемый не признает себя виновным.

Однако проводить аналогию между требованиями, предъявляемыми к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве и требованиями, установленными в ст. 314 УПК РФ, не представляется возможным, так как они изначально различны.

Так, например, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не требуется согласие потерпевшего, не имеет значения степень тяжести совершенного преступления. Так почему же мы должны делать вывод о необходимости согласия с обвинением, если все остальные условия не подлежат применению к гл. 40.1 УПК РФ?

Подводя итог, в первую очередь хотелось бы отметить существенную разницу между категориями «вина» и «обвинение». Представляется, что эти два понятия целесообразно соотносить как часть и целое, так как категория согласия с обвинением имеет большее смысловое значение, чем признание вины.

Следует согласиться с С. А. Касаткиной, указывающей на то, что признание вины является актом распоряжения материальным правом, а согласие с предъявленным обвинением – актом процессуальной реализации распоряжения материальным правом⁶.

Таким образом, представляется предпочтительной точка зрения, согласно которой обязательным условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является признание обвиняемым своей вины в совершенном преступлении.

---

⁵ Смолькова И. В. Требуется ли признание вины обвиняемым при заключении им досудебного соглашения о сотрудничестве? // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во БГУЭП. 2015. Вып. 2 (8). С. 88–96.

⁶ Касаткина С. А. Признание обвиняемого: монография. М., 2010. С. 90.

А. Л. Ефремова,

студентка 4 курса ВГУЭС

Сравнительная характеристика регламентации института ускоренного досудебного расследования по УПК Республики Казахстан 2014 года и 1999 года

В Республике Казахстан (далее – РК) в рамках Плана нации «100 конкретных шагов» подверглись существенным изменениям уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. С 1 января 2015 г. введены в действие новые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. В данной статье рассматриваются изменения, касающиеся института ускоренного досудебного расследования, внесенные в УПК республики Казахстан 2014 г.

В отличие от УПК РФ УПК РК известен такой институт как ускоренное досудебное расследование. В соответствии со ст. 190 УПК РК, оно проводится только по делам, по которым проводится предварительное следствие или дознание, т. к. протокольная форма по своему существу итак является упрощенной процедурой досудебного расследования.

Ускоренное досудебное расследование может проводиться по уголовным правонарушениям небольшой, средней тяжести и по тяжким преступлениям при условии, что уже собраны необходимые доказательства о факте преступления, о лице, совершившем его, которое, в свою очередь, признало вину и согласилось с размером (суммой) ущерба (вред). Вторым условием является то, что все вышеуказанные обстоятельства должны быть установлены в течение 15 суток (ч. 2 ст.190 УПК РК).

Этой же статьей предусмотрены ограничения, согласно которым ускоренное досудебное расследование не проводится, если:

- в совокупности преступлений имеется преступление особой тяжести;
- лица, в отношении которых проводится расследование, не владеют языком, на котором ведется судопроизводство;
- лица, в отношении которых проводится расследование, обладают привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования;
- хотя бы один из соучастников преступления не признает своей вины;
- уголовное преступление совершено несовершеннолетними или лицами, не имеющими в силу своих физических или психических недостатков, возможность самостоятельно защищать свои права.

Примечательно, что по сравнению с новым УПК РК законодатель в предыдущем УПК отводил регламентации данного института не одну статью, а целую главу 23.1 под названием «Упрощенное досудебное производство». И, если проанализировать положения ст. 190 УПК РК 2014 г. и главы 23.1 УПК 1997 г. то можно выявить ряд различий.

В ст. 190-1 УПК РК 1997г. было прописано больше оснований, препятствующих проведению упрощенного производства. К ним относились: невозможность в установленные сроки (10 суток) обеспечения всестороннего и полного исследования обстоятельств дела и необходимость проведения задержания по-

дозреваемого или применения мер пресечения.

В связи с этим заместитель Генерального прокурора РК Е. А. Кененбаев считает, что невключение данных оснований в новый УПК РК обуславливается существующей практикой применения, указывающей на отсутствие необходимости в их дальнейшей регламентации¹. Полагаю возможным согласиться с мнением автора в некоторой части, т. к. существование такого основания, как невозможность обеспечения в установленные сроки всестороннего и полного исследования обстоятельств дела бессмысленно, в силу того, что в УПК РК уже предусмотрены общие условия, при которых возможен выбор данной процедуры. Другими словами, если правоприменитель в силу отсутствия особой сложности дела, считает что в течение 10 суток выяснит все необходимые обстоятельства дела и обстоятельства, доказывающие вину или невиновность подозреваемого, то он вправе расследовать в ускоренном досудебном порядке, в противном случае процедура вообще не имеет места быть.

Из этого вытекает еще одно, считаю, важное отличие. Исходя из толкования норм УПК РК 1997 г. и УПК РК 2014 г., то в первом случае выбор упрощенного досудебного производства – это обязанность правоприменителей, а во втором – это право. В ч. 1 ст. 190-1 старого УПК РК говорилось: «Упрощенное досудебное производство по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также тяжких преступлениях осуществляется в случаях, если собранными доказательствами установлены факт преступления и совершившее его лицо, которое признает свою вину, не оспаривает доказательства, характер и размер причиненного вреда ...», это значит, что при наличии всех указанных обстоятельств соответствующее должностное лицо обязано производить расследование в упрощенной форме. А в ст. 190 нового УПК РК указывается, что досудебное производство может проводиться по делам, за исключением тех, по которым предусмотрена протокольная форма досудебного расследования.

Следующим отличием, является исключение в новом УПК РК конкретизации следственных действий. В УПК РК 1997 г. в ст. 190-2 указывался ограниченный ряд процессуальных и следственных действий, в который входили: осмотр, выемка, экспертиза, опросы заявителя, очевидцев и лица, совершившего преступление, истребование документов или иных материалов, приобщение актов проверок, ревизий, экспертиз, аудиторские заключения, справка о судимости, характеристика, стенограмма, материалы аудио-, видеозаписи. В свою очередь, новый УПК РК в ч. 5 ст. 190 предусмотрел, что лицо, осуществляющее досудебное расследование может производить только те процессуальные или следственные действия, которые направлены на фиксацию следов уголовного правонарушения и на доказательство вины подозреваемого. Это, опять же, свидетельствует о предоставлении законодателем в новом УПК РК большей свободы правоприменителям при расследовании в данной форме.

Последним незначительным изменением в регламентации данного института является официальное оформление окончания досудебного расследования. По старому УПК РК по завершению расследования дознаватель или следова-

---

¹ Кененбаев Е. А. От упрощенного досудебного производства к ускоренному досудебному расследованию по УПК Республики Казахстан // Криминалистика. 2015. № 2 (17). С. 70–73.

тель составляли протокол упрощенного производства по делу (ст. 190-3), тогда как по новому кодексу составляется обвинительный акт, содержание которого определяется по общим основаниям (ч. 7 ст. 190).

Что касается применения данного института на практике, то исходя из статистических данных, до введения нового кодекса в действие наблюдался рост дел, рассматриваемых в данном порядке досудебного расследования. Так, в 2010 г. было расследовано в форме упрощенного досудебного производства 10 940 дел; в 2011 г. – 14 183; в 2012 г. – 15 967; в 2013 г. – 24 519; в 2014 г. – 31 860. Практика применения данного порядка расследования с новыми изменениями на сегодняшний день отсутствует.

Из всего вышеуказанного есть основания полагать, что в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан наблюдается стремление уменьшить временной промежуток между моментом совершения преступления и моментом назначения наказания, а также уменьшить трудоемкость работы правоприменителей.

М. В. Иванова,

*магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Право на публичное судебное разбирательство как элемент права на справедливое судебное разбирательство

Развитие понятия, а также содержания права на справедливое судебное разбирательство в российском законодательстве имеет большую историю и играет в современном демократическом государстве значительную роль для защиты прав и законных интересов граждан нашего государства. Право на справедливое судебное разбирательство является многоаспектным понятием.

Одним из основных элементов, который закрепляется в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), является право на публичное судебное разбирательство. Принцип гласности и публичности судебного разбирательства направлен на достижение двух основных целей: во-первых, защита сторон от тайного отправления правосудия, во-вторых, охрана публичного интереса – информирование общества о том, как вершится правосудие, для обеспечения доверия к нему¹. Ч. 1 ст. 6 Конвенции отражает два аспекта данного принципа: открытый характер судебного разбирательства и публичное оглашение решений суда. Цели гласности судопроизводства порождают и ряд ограничений. Так, доступ представителей общественности на судебное заседание может быть ограничен «по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности», а также «когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон», либо в иных случаях, когда по мнению суда «гласность нарушала бы ин-

---

¹ Тимофеев М. Т. Право на справедливое судебное разбирательство в практике ЕСПЧ (доступ к суду, открытость, равенство сторон, независимость и беспристрастность суда) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myshared.ru/slide/41562/> (04.12.2016).

тересы правосудия»².

Особенностью производства по уголовным делам заключается в закреплении обязательного публичного рассмотрения дела по первой инстанции, если отсутствуют условия, указанные в ст. 6 Конвенции. Так, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) усмотрел нарушение права на публичное судебное разбирательство в деле «Вебер против Швейцарии»³. В 1990 г. в ЕСПЧ поступила жалоба от гражданина Швейцарии, который был привлечён к уголовной ответственности без проведения судебного заседания. Вебер понёс уголовную ответственность за нарушение конфиденциальности судебного расследования. Кассационной палатой швейцарского суда на Вебера был наложен штраф в качестве уголовного наказания, однако судебного разбирательства по данному делу судом не проводилось. В результате чего ЕСПЧ установил нарушение ст. 6 Конвенции и присудил заявителю компенсацию в размере восьми с половиной тысяч франков.

Если публичность по уголовным делам в первой инстанции обязательна, когда нет препятствий, прямо предусмотренных законом, то вопрос о производстве публичного разбирательства в апелляционной и кассационной инстанциях решается ЕСПЧ с учётом иных критериев. Суд неоднократно указывал, что если разбирательство в суде первой инстанции было публичным, отсутствие «публичности» при рассмотрении дела в судах второй или третьей инстанции может быть оправдано особенностями процедуры по данному делу. Если апелляционная жалоба затрагивает исключительно вопросы права, оставляя в стороне фактические обстоятельства дела, то требования ст. 6 могут быть соблюдены и тогда, когда заявителю не была предоставлена возможность быть заслушанным в Апелляционном или Кассационном суде лично⁴.

Помимо права на публичное рассмотрение дела ст. 6 Конвенции предусматривает право на публичное объявление судебного решения (приговора). Анализ положения о публичном оглашении судебных решений приводит к выводу, что оно не допускает исключений из этого правила, то есть все без исключения решения подлежат публичному оглашению. Однако правоприменительная практика ЕСПЧ конкретизирует указанную норму. Как отметил судья Европейского суда Л. Г. Лукайдес «Европейский Суд сам прояснил это в своем прецедентном праве и добавил, что публичное оглашение приговоров не подлежит косвенным ограничениям. Тогда возникает вопрос, нарушает ли такие цели публичное оглашение судебного решения в случае проведения слушания дела за закрытыми дверями в интересах одной из целей, указанных в ст. 6 Конвенции, как, например, в интересах национальной безопасности. Иными словами, в чем смысл проведения разбирательства за закрытыми дверями, если доказательства, представленные на таком судебном разбирательстве, будут отражены в публичном судебном решении». По делу В. и Р. против Соединенного Королевства Суд признал, что решения по делам, рассмотренным в закрытом заседании, могут не

---

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод : Рим, 4 ноября 1950 г. : с изм. и доп. // Бюллетень международных договоров. 2001 г. № 3.

³ Вебер против Швейцарии [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 22 мая 1990 г. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57629> (4.12.2016).

⁴ Экбатани против Швеции : постановление Европейского Суда по правам человека от 26 мая 1988 г // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М., 2000. С. 582–590.

оглашаться публично⁵.

Российское законодательство также содержит рассматриваемое право. Так, ст. 123 Конституции Российской Федерации предусматривает открытый характер разбирательств дел во всех судах, а также закрепляет правило о том, что случаи проведения закрытых заседаний должны могут быть установлены исключительно федеральными законами.

Термины «гласность» и «открытость» в российском законодательстве являются тождественными. Данный вывод следует из анализа ст. 241 УПК РФ, которая носит название «Гласность», однако данное понятие в ней раскрывается через открытость судебного разбирательства. К такому же и практика Верховного Суда РФ говорит о том, что гласность судопроизводства обеспечивается возможностью присутствия в открытом судебном заседании лиц, не являющихся участниками процесса, представителей редакций средств массовой информации⁶.

Глава 2 УПК РФ не указывает среди основных принципов уголовного судопроизводства публичный характер рассмотрения дела, однако ст. 241 закрепляет открытый характер рассмотрения дел в суде. Тем самым формулирует принцип гласности судопроизводства и в этой же норме устанавливает закрытый перечень оснований проведения закрытого судебного разбирательства, к которым относятся, в частности, рассмотрение дела, содержащего государственную или другую охраняемую законом тайну; дела, обвиняемыми по которым являются лица, не достигшие 16 лет; дела, открытое разбирательство по которым может привести разглашению интимных сторонах жизни участников процесса; а также для обеспечения безопасности участников судопроизводства и их родных и близких. Закрытым может быть признан как весь процесс рассмотрения дела, так и его часть.

Ряд учёных считает неверным отнесение указанного принципа к разделу «Общих условий судебного разбирательства». Значение гласности выходит далеко за рамки интересов судебного разбирательства, хотя именно в нем она находит наиболее яркое выражение, в силу чего приобретает признаки принципа уголовного судопроизводства⁷. Данный вывод основывается на том, что отнесение принципа к разделу, посвящённому конкретной стадии уголовного процесса, исключает возможность его применения на иных этапах. Закрепление же гласности в качестве основополагающего принципа уголовного процесса позволит применять его на всех этапах производства по уголовному делу.

Кроме того, перечень, установленный ст. 241 УПК РФ является исчерпывающим, в то же время ч. 1 ст. 234 УПК РФ указывает на проведение предварительного слушания по делу в закрытом судебном заседании. Законодатель не объясняет мотивы закрепления указанного положения. Кроме того, законодатель также не делает ссылку на ст. 241 УПК РФ.

Гласность при пересмотре решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке УПК РФ не установлена. Только ст. 389.13 УПК РФ, регу-

⁵ Лукайдеc Л. Справедливое судебное разбирательство. Комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2004. № 2.

⁶ Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

⁷ Вандышев В. В. Уголовный процесс. Курс лекций. СПб., 2004. С. 70.

лирующая порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции указывает на применение положений главы 35 УПК РФ, составной частью которой является ст. 241. Нормы, определяющие порядок производства в иных инстанциях не отсылают к правилам гласности.

Возникает вопрос о необходимости проведения закрытого заседания на этапах пересмотра судебных решений. Можно ли ставить форму проведения заседания при пересмотре в зависимость от формы рассмотрения дела в суде первой инстанции. Также неурегулированным является вопрос о необходимости вынесения судом, пересматривающим дело в порядке апелляции, кассации и надзора, нового постановления или определения о проведении закрытого разбирательства.

Практика Европейского суда имеет более широкий перечень оснований для проведения закрытых судебных заседаний, так как, к примеру, такое основание как из соображений морали или для защиты частной жизни сторон намного шире, чем сформулированное российским законодателем – возможность разглашения интимных сторонах жизни участников процесса.

Что касается второй составляющей – право на публичное объявление судебного решения (приговора), УПК РФ в статье, посвящённой гласности также говорит о правилах провозглашения приговора.

По общему правилу приговор суда провозглашается в открытом судебном заседании. Российское законодательство, в отличие от практики ЕСПЧ не предусматривает возможность отказа суда от публичного оглашения решения по уголовному делу. Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 3 объявление (провозглашение) судебных постановлений, состоявшихся по результатам рассмотрения уголовных дел, осуществляется публично независимо от того, в открытом или закрытом судебном заседании проводилось разбирательство дела, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Ч. 7 ст. 241 УПК РФ формулирует правило, согласно которому предусмотрена возможность оглашения только вводной и резолютивной части приговора. К ним относятся случаи: 1) когда уголовное дело рассматривалось в закрытом судебном заседании; 2) при рассмотрении уголовного дела о преступлениях в сфере экономической деятельности; 3) при рассмотрении уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205-206, 208, ч. 4 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ст. 275, 276, 279 и 281 УК РФ. Приговор, однако, в обязательном порядке составляется в полном объеме.

Однако данные случаи не определяют форму оглашения решения суда. Частичное оглашение является правом, а не обязанностью суда и осуществляется на основании определения или постановления суда.

При этом недопустимым является оглашение только вводной и резолютивной части приговора по делам, которые рассматривались в открытом судебном заседании. Такие действия влекут отмену приговора, поскольку расценивается как нарушение принципа гласности судебного разбирательства⁸. Возникает так же вопрос о применимости указанных правил к иным стадиям уголовного судопроизводства.

---

⁸ Определение Ленинградского областного суда от 12.05.2010 № 22781/2010 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, видится необходимым установления гласности как основополагающего принципа уголовного судопроизводства путём перенесения его в главу 2 раздела 1 УПК РФ, в таком случае он может быть применим ко всем стадиям уголовного процесса. Также целесообразным будет закрепление правила, согласно которому решение о проведении закрытого заседания по уголовному делу будет приниматься на каждом из этапов судопроизводства отдельно, так как в рамках пересмотра могут исследоваться лишь процессуальные аспекты принятия пересматриваемого решения.

З. О. Ильина,

*магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме

Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, установленные ст. 226.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), согласуются с общими правилами доказывания и обусловлены тем, что подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ).

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ предпринята попытка обосновать ненужность установления всех указанных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств, имеющих, по общему и всеми признанному правилу, значение для правильного разрешения уголовного дела; обязанности дознавателя ограничены производством только тех следственных и иных процессуальных действий, не проведение которых может повлечь невозможную утрату следов преступления или иных доказательств (ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ).

Упрощение производства дознания в сокращенной форме выражается в том, что дознаватель в силу п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ наделен правом не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Здесь речь идет о том, что дознаватель освобождается от обязанности по собственной инициативе проверить все имеющиеся доказательства (ст. 87 УПК РФ). У него остается обязанность лишь проверить только те доказательства, которые были оспорены определенными участниками уголовного судопроизводства. Считаем что, данное правило вступает «в противоречие с фундаментальным положением теории доказательств, связанным с недопустимостью придания любым доказательствам заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Дознаватель обязан проверять все собираемые доказательства вне зависимости от отношения к ним невластных участников со стороны обвинения и защиты. Отступление от этого требования в сочетании с решением законодателя о придании доказательственного значения сведениям, содержащимся в материалах проверки сообщения о преступлении (полученным способами, не предназначенными для собирания доказательств), может привести к ошибочным решениям, основанным на непроверенных дока-

зательствах»¹. Кроме этого, проверка доказательств – сложная мыслительная и практическая деятельность. Не проверять доказательства невозможно. Скорее всего, устанавливая право дознавателя не проверять доказательства, законодатель имел в виду право дознавателя «не подкреплять собранные сведения результатами других следственных действий, в том числе проверочного характера»².

Также стоит обратить внимание на то, что законодательное закрепление прав дознавателя, предусмотренные ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ в совокупности с предоставлением подозреваемому права заявить ходатайство о прекращении дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время и закреплением корреспондирующей этому праву обязанности правоприменителя данное ходатайство удовлетворить (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ) порождает «порочную» практику ухода лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности. Понимая это, прокуроры должны требовать от дознавателей проводить сбор и проверку доказательств в полном объеме при производстве сокращенного дознания, на тот случай, если дознание будет продолжено в общем порядке. Находясь под постоянной угрозой возвращения ему уголовного дела для производства дознания в общем порядке, дознаватель должен прилагать максимум усилий для закрепления следов преступления, получения другой доказательственной информации, ее проверки разрешенными законом способами.

Согласно ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ при производстве дознания в сокращенной форме доказательства собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. Однако в таком виде цитируемая норма не решает вопроса об особенностях предмета доказывания по делам данной категории.

Как верно отмечает профессор А. А. Сумин, предписания ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ никак не затронули положений ст. 73 УПК РФ об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. «Новая процессуальная норма коснулась лишь объема собираемых доказательств, но никак не перечня, установленного ст. 73 УПК РФ. Но оценка объема (достаточности) доказательств – категория достаточно субъективная («по внутреннему убеждению», руководствуясь при этом законом и не вполне содержательной с точки зрения права категорией «совести» (ст. 17 УПК РФ). Кому-то собранных доказательств для вывода о виновности лица в совершении данного преступления достаточно, кому-то – нет, о чем красноречиво свидетельствуют и многочисленные факты возвращения прокурором уголовных дел для производства дополнительного расследования, и оправдательные приговоры судов, и прекращение судами уголовных дел по реабилитирующим основаниям»³.

---

¹ Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43–45.

² Кальницкий В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3. С. 81–85.

³ Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8.

Точка зрения о том, что законодатель, вводя формулировку «доказательства в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления» имеет в виду «уменьшенную итоговую совокупность доказательств» достаточно распространена в научной литературе. Причем некоторые авторы отмечают, «что для практического применения эта категория является сложной и недостаточно определенной»⁴.

Стоит обратить внимание на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве предмет доказывания недостаточно четко обозначен по обстоятельствам, подлежащим доказыванию. Предписания ч. 1 и ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ о сужении предмета доказывания по уголовным делам, производство по которым осуществляется в сокращенной форме дознания, находятся в противоречии с нормой ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, которая требует в обвинительном постановлении указывать обстоятельства, перечисленные в п.п. 1-8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ. Но п. 4 ч. 1 ст. 225 УПК РФ обязывает устанавливать помимо прочего мотивы и цели совершенного преступления, а п. 7 ч. 1 ст. 225 УПК РФ – обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Дознаватель не обязан доказывать обстоятельства, которые исключают преступность и наказуемость деяния либо освобождение от уголовной ответственности и наказания, характеризуют его личность. Однако для принятия законного и обоснованного решения дознаватель не может не установить эти обстоятельства. Значит, предписания, содержащиеся в ст. 73 УПК РФ, об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, распространяются и на производство дознания в сокращенной форме. Так, например, в «методических рекомендациях по применению органами дознания Федеральной службой судебных приставов дознания в сокращенной форме», утвержденных приказом ФССП РФ от 26 апреля 2013 г. № 04-7, указывается, что перед составлением обвинительного постановления дознаватель обязан оценить полноту собранных доказательств на предмет установления обстоятельств, подлежащих доказыванию и предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Затем в рекомендациях приводится полный перечень обстоятельств, указанных в п. 1-8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Следовательно упрощение и ускорение дознания не отменяет обязанности доказать все обстоятельства, имеющие значение для дела⁵.

Также стоит отметить, что законодателем сужены и пределы доказывания. Как уже ранее отмечалось, дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, не производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств (ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ). По этому поводу в науке также были высказаны различные позиции, в частности А. П. Кругликов считает, что «пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме необоснованно сужены»⁶. Действительно, буквально понимая содержание ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ об обя-

⁴ Кальницкий В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3. С. 81–85.

⁵ Лазарева В. А. Сокращенное дознание и вопросы доказательственного права // Вестник СЮИ. Юридические науки. 2015. С. 3–8.

⁶ Кругликов А. П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 45–49.

занности собирать доказательства лишь в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, можно говорить о сужении пределов доказывания при производстве дознания в таком порядке. Получается, что дознаватель освобождается от обязанности устанавливать обстоятельства, исключающие преступность деяния; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (п. 5-7 ст. 73 УПК РФ); обстоятельства, способствовавшие совершению преступления по уголовному делу (ч. 2 ст. 73 УПК РФ).

Однако утверждать, что закон не требует в подобных случаях устанавливать форму вины и мотивы, было бы неверным. Ведь установить виновность лица означает доказать, что данное лицо совершило конкретное уголовно наказуемое деяние. Следовательно, установление виновности лица в совершении преступления включает в себя и установление формы вины, и установление мотивов совершения преступления (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Вместе с тем, в ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ, законодатель, по сути, закрепляет с трудом выполнимое правило: обязывает дознавателя в самом начале расследования с точностью определить, какие следственные или иные процессуальные действия необходимо провести, иначе их не проведение повлечет невосполнимую утрату следов преступления или других доказательств. Сделать это довольно трудно, поскольку зависит от множества факторов, которые могут возникнуть в любой момент производства дознания. И если дознаватель допустит ошибку и не сможет правильно определить, какие действия нужно произвести, чтобы не допустить указанные в ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ последствия, ему не поможет последующее производство дознания по этому делу в общем порядке.

Проводя аналогию между сокращенным дознанием и другой исторической формой сокращенного досудебного производства – протокольной формой досудебной подготовки материалов, можно отметить значительные достижения в области введения дифференцированных форм уголовного судопроизводства, соответствующих единой концепции развития правовой системы государства, максимально соответствующей требованиям международного законодательства о разумных сроках уголовного судопроизводства и соблюдении неотъемлемых прав граждан при вовлечении их в сферу уголовного судопроизводства. В пользу последнего положения свидетельствуют правовые нормы о производстве в рамках возбужденного уголовного дела, о производстве доказывания посредством производства следственных и процессуальных действий, о необходимости сбора достаточного объема доказательств для обоснованного вывода о совершении преступления конкретным лицом, и многие другие положения. Аналогичная позиция была высказана и А. С. Александровым и М. В. Лапатниковым, отметившим, что введение новой системы средств доказывания в виде «специального» (сокращенного) предмета доказывания при ведении дела в сокращенной форме представляется оправданным⁷.

---

⁷ Александров А. С. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 18.

В. Н. Кобелева,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Международные нормы и принципы, касающиеся производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

В международном праве провозглашается идея о том, что благополучие ребенка зависит от решения правовых и процессуальных вопросов в максимально короткие сроки, но только применимыми в отношении несовершеннолетних способами и методами. Каждый ребенок должен пользоваться гуманным обращением и уважением достоинства его личности с учетом потребностей, характерных для его возраста.

Общепризнанные правила и процедуры обеспечения прав несовершеннолетних сформулированы в документах ООН, среди которых центральное место занимают:

- Международный пакт о гражданских и политических правах (1966г.);
- Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (1985 г.);
- Руководящие принципы ООН по предупреждению преступности среди несовершеннолетних (Эр-Рияд, 1990 г.);
- Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.);
- Конвенция о правах ребенка (1990 г.).

Рассмотрим основные принципы и права несовершеннолетних, которые гарантируются вышеуказанными международными актами.

В соответствии с п. 1.4 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.) правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя, таким образом, защите молодежи и поддержанию мирного порядка в обществе¹.

На всех этапах осуществления правосудия с детьми следует обращаться таким образом, чтобы содействовать их ресоциализации и выполнению ими полезной роли в обществе.

Каждый ребенок должен пользоваться гуманным обращением и уважением достоинства его личности с учетом потребностей, характерных для его возраста (ст. 37 Конвенции). Любая политика, сложившаяся практика, а также любое действие любого лица, нарушающие этот принцип, являются нарушением международного права. Этот принцип распространяется на все аспекты системы

---

¹ Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 нояб. 1985 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. М., 2000. С. 291–297.

правосудия в отношении несовершеннолетних, в том числе и на принятие любых дисциплинарных мер и любых мер, в результате которых ребенок отделяется от семьи, а также на установление возраста уголовной ответственности.

Дети имеют право на свободное выражение своих взглядов в процессе уголовного правосудия (правило 14. 2 Пекинских правил), и свободно выраженному мнению ребенка следует уделять должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка (ст. 12 Конвенции). Право ребенка на свободное выражение своего мнения предусматривает активное участие детей в любых программах предупреждения преступности и вторичной криминализации, а также обеспечение возможности для детей поддерживать свободные контакты с любыми государственными органами, осуществляющими надзорные функции и рассмотрение жалоб.

Важно подчеркнуть, что система уголовного правосудия, основанная на реализации указанных принципов, не только ориентирована на интересы ребенка, но и дает возможность обеспечивать более ясную отчетность и более высокую эффективность деятельности².

Правосудие в отношении несовершеннолетних должно быть организовано в соответствии с правами ребенка на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции (ст. 16 Конвенции). Важнейшим элементом права ребенка на личную жизнь является недопустимость нанесения ущерба репутации или определения ребенка в качестве правонарушителя (правило 8 Пекинских правил). Обеспечение соблюдения этого права отвечает интересам общества, поскольку предупреждение ущерба репутации снижает риск повторного совершения правонарушения. Обеспечение права на семейную жизнь также снижает риск повторной криминализации, поскольку тесные контакты с семьей и привлечение семьи к решению проблем подростка на ранних этапах обеспечивают ребенку необходимую поддержку и снижают опасность возникновения чувства изоляции и отчужденности.

Ни один ребенок не может быть подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания (ст. 37 Конвенции, п. 53 и 54 Эр-Риядских руководящих принципов). К таким видам обращения относится порка, избиение или использование силы или угроз для получения информации. Кроме того, к запрещенным видам обращения можно относить такие особые условия, как отсутствие пищи, воды, лишение необходимой одежды.

Ни на каком этапе процесса правосудия в отношении несовершеннолетних дети не могут быть лишены свободы произвольно или незаконным образом (ст. 37 Конвенции). Дети могут быть лишены свободы только в соответствии с нормами законодательства, каким бы кратким срок лишения свободы не был. Лишение свободы несовершеннолетнего возможно только в случае совершения им тяжкого либо особо тяжкого преступления (правило 17 Пекинских правил).

Арест, задержание и тюремное заключение детей используются только как крайняя мера и только в течение максимально короткого периода времени

---

² Коновалова И. А. Соблюдение международных норм и действие российского процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних // Новый юридический журнал. 2013. № 1. С. 134–142

(ст. 37 Конвенции, правила 13.1, 17.1 и 19.1 Пекинских правил). Наиболее важным следствием соблюдения этого принципа является необходимость поиска возможных и наиболее эффективных альтернатив аресту (п. 17 Правил).

Родители должны незамедлительно получать информацию, касающуюся судьбы их ребенка, – уведомляться о любом аресте, тюремном заключении, перемещении, заболевании, телесном повреждении или смерти их ребенка (правило 10.1 Пекинских правил, п. 22 и п. 56 Правил). Государства обязываются международными актами обеспечивать незамедлительное уведомление об аресте, задержании, перемещении, заболевании, телесных повреждениях или смерти. Такое уведомление является обязательным элементом любой юридически подотчетной системы, которую необходимо обеспечить в соответствии с международным правом.

Еще одним важным принципом, закрепленным в «Пекинских правилах» в пункте 8.1 является требование о том, что неотъемлемое право несовершеннолетнего на конфиденциальность должно уважаться и обеспечиваться на всех этапах судопроизводства, чтобы избежать причинения ей или ему вреда из-за ненужной гласности или из-за нанесения ущерба репутации путем «клеимения» (стигматизации) несовершеннолетнего.

В правовой литературе справедливо обращается внимание на то, что фундаментальной идеей международного права, касающегося правосудия в отношении несовершеннолетних является наилучшее обеспечение интересов ребенка³. Так, согласно п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка каждый ребенок наделяется правом на то, чтобы его «наилучшие интересы» оценивались и принимались во внимание в качестве первоочередного соображения при принятии в его отношении любых действий или решений⁴. Концепция обеспечения «наилучших интересов» ребенка подробно раскрыта в Замечании общего порядка № 14 (2013) «О праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов» – документе Комитета ООН по правам ребенка⁵.

Нормативное содержание рассматриваемого принципа заключается в праве ребенка на то, чтобы осуществление государством, частными лицами любых действий (бездействия) в отношении ребенка производилось в его интересах.

Соблюдение международных норм и приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами – основное обязательство государства, которое оно на себя принимает при подписании международных соглашений. Российская Федерация стремится к приведению законодательства в соответствие с международными стандартами и создает необходимые

---

³ См.: Лавдаренко Л. И. Некоторые вопросы обеспечения повышенной защиты прав несовершеннолетних в соответствии с международными стандартными правилами отправления правосудия // Несовершеннолетний как субъект права : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2015. С. 111. ; Скакун О. С. Актуальные вопросы реализации международных договоров Российской Федерации в сфере защиты прав ребенка : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 48.

⁴ Конвенция о правах ребенка 1989 г. Здесь и далее по тексту для работы со всеми нормативными правовыми актами Российской Федерации. СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Комитет ООН по правам ребенка – специальный орган, осуществляющий контроль над международной деятельностью в области защиты прав ребенка. Учрежден в 1989 г. Конвенцией о правах ребенка. В соответствии со ст. 43 Конвенции о правах ребенка Комитет состоит из 18 экспертов, избираемых на четырехлетний срок.

предпосылки для максимально полной реализации международных принципов обращения с несовершеннолетними, попавшими в сферу уголовного правосудия.

Я. Е. Крастина,

*студентка 1 курса
юридического факультета,
ГрГУ им. Я. Купалы*

Законодательное регулирование экстрадиции в Республике Беларусь

В современных условиях усиления транснационального характера преступности все большее количество лиц, которые обвиняются в совершении преступлений на территории отдельного государства, пытаются уйти от ответственности, скрываясь в другой стране. Поэтому усилий одного или нескольких государств оказывается недостаточно для обеспечения должного противодействия преступным проявлениям. Одним из приоритетных путей решения этой проблемы является эффективное международное сотрудничество в борьбе с преступностью. В свою очередь, важным инструментом межгосударственного взаимодействия в борьбе с преступностью является экстрадиция. В частности, посредством экстрадиции обеспечивается реализация принципа неотвратимости наказания.

Институт экстрадиции прошел длительный путь исторического развития. Во времена феодализма она означала принудительное возвращение беглого подданного своему суверену и обозначалась латинским термином «extradere». В условиях современности речь идет о государстве, гражданином которого соответствующая личность является. Одним из самых первых документов, связанных с выдачей, является договор о мире и дружбе, заключенный в 1296 г. до н. э. (по другим оценкам – в 1278 г. до н. э.) между египетским фараоном Рамзесом II и царем хеттов Хеттушилем III, в котором прописано, что «... если убежит из земли египетской один человек, или два, или три, чтобы прийти к великому князю страны хеттов, великий князь страны хеттов должен схватить их и повелеть отправить обратно к Рамсесу II ... Что же касается человека, которого приведут к Рамсесу II ... пусть не взыщут с него вины, пусть не уничтожат его дом, его жен и его детей (пусть не убьют его), пусть не повредят его глаз, его ушей, его рта и ног, всего его ...». Со своей стороны, Египет был связан аналогичными обязательствами¹.

Современный институт выдачи лиц является комплексной системой правовых норм. Принимая во внимание, что он находится на стыке международного и национального права отдельных государств, его реализация воплощается как внутригосударственными, так и международно-правовыми средствами. Вопросы осуществления экстрадиции в Республике Беларусь регулируются комплексом правовых актов: международными договорами Республики Беларусь, Конституцией Республики Беларусь, конституционными законами и законами Республики Беларусь, ведомственными нормативными

---

¹ Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. М., 1990. С. 16–17.

правовыми актами. Кроме того, необходимо отметить, что при отсутствии международного договора отношения экстрадиции могут осуществляться на основе принципа взаимности.

Многосторонние международные договоры, содержащие нормы о выдаче лиц, можно разделить на две группы: договоры, регулирующие сотрудничество правоохранительных органов различных государств в борьбе с международной преступностью и затрагивающие вопросы выдачи, а также договоры, непосредственно регулирующие отношения экстрадиции.

К первой группе относятся, например, такие договоры, как Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г., Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г. и др. Ко второй группе относятся специальные договоры, регулирующие выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора. Например, в рамках Совета Европы принята Конвенция о выдаче 1957 года (Республика Беларусь в отличие от ряда государств «постсоветского» пространства, в том числе Российской Федерации, не является участницей данной конвенции).

Особое внимание обращает на себя успешная реализация механизма выдачи в странах Содружества Независимых Государств. Правовое сотрудничество между государствами-членами СНГ в данной области осуществляется на основании Конвенций о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г. (Минская Конвенция) и 07.10.2002 г. (Кишиневская Конвенция). Положениями указанных международных договоров подробно регламентированы условия, основания и механизм процедуры выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение.

Положения о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передаче лиц, осужденных для отбывания наказания, о перемещении выдаваемых лиц по территории третьих государств могут содержаться и в договорах о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Республикой Беларусь заключено около двадцати таких договоров.

Кроме того, усилия государств в борьбе с преступностью выражаются и в заключении двухсторонних договоров о выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение. В 1990 году с целью унификации указанных двусторонних договоров Генеральная Ассамблея ООН утвердила Типовой договор о выдаче.

Республика Беларусь заключила ряд таких договоров. Это договор между Республикой Беларусь и Республикой Индия о выдаче, подписанный в г. Нью-Дели 16 апреля 2007 г. (вступил в силу 17 апреля 2008 г.), договор между Республикой Беларусь и Украиной о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для дальнейшего отбывания наказания, заключенный в г. Киеве 12 июня 2009 г. (вступил в силу 15 января 2012 г.), договор между Республикой Беларусь и Туркменистаном о взаимной передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для дальнейшего отбывания наказания, заключенный в г. Ашхабаде 17 мая 2002 г. (вступил в силу 28 января 2005 г.). Вместе с

тем, договор между Республикой Беларусь и Исламской Республикой Иран о выдаче, подписанный в г. Тегеране 2 марта 2011 г., до настоящего времени не ратифицирован.

Представляется актуальным вопрос о необходимости увеличения количества подобных двухсторонних договоров, действующих в отношении Беларуси, поскольку отсутствие правовых оснований дает повод другим странам иногда отказывать правоохранительным органам Республики Беларусь в помощи. Так, право стран англо-американской системы права, как правило, признает возможность выдачи лиц только при наличии договорных отношений между государствами².

Вопросы экстрадиции в национальном законодательстве урегулированы ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Беларусь и ст. 5 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь», где провозглашен принцип невыдачи граждан Беларуси, если иное не предусмотрено в международном договоре, а также ст. 7 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В данной статье говорится, что «иностранец или лицо без гражданства, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь и находящиеся на территории Республики Беларусь, могут быть выданы иностранному государству» в соответствии с международным договором либо на основании принципа взаимности. В последнем случае указано на необходимость соблюдения требований белорусского законодательства³.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь содержится раздел XV «Международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности», в которую входят главы 50-57, закрепляющие основания и условия оказания международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности, а также указаны органы, правомочные осуществлять взаимодействие с органами уголовного преследования и судами иностранных государств (Генеральная прокуратура и Верховный Суд Республики Беларусь)⁴.

Как указывалось выше, при отсутствии соответствующего международного договора запросы о выдаче направляются и рассматриваются Генеральной прокуратурой Республики Беларусь на основе принципа взаимности. В таком случае международная правовая помощь по уголовным делам, включая выдачу, оказывается на основе письменного обязательства государства оказывать аналогичную правовую помощь. Например, Федеральное правительство Германии при отсутствии объективных препятствий, предусмотренных германским национальным законодательством, принимает положительные решения по белорусским ходатайствам о выдаче. В свою очередь и белорусская сторона оказывает правовую помощь другим странам на основании принципа взаимности. Так, Генеральная прокуратура Беларуси за последние

---

² Самарин В. И. Законодательное регулирование процедуры выдачи преступников из Республики Беларусь // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 15. Мн., 2004. С. 279.

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 1 июля 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 сентября 2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

два года удовлетворила запросы о выдаче из Румынии, Черногории, Дании, Турции и др.⁵

В вопросах оказания международной правовой помощи по уголовным делам и экстрадиции лиц Беларусь наиболее тесно сотрудничает с Российской Федерацией. Это примерно около 60 процентов от всего объема международной правовой помощи и 80 процентов требований о выдаче⁶. Только в прошлом году Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в учреждения юстиции зарубежных государств направлено 640 просьб об оказании правовой помощи по уголовным делам и 306 требований о выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора. Из них в Генеральную прокуратуру России было адресовано 344 просьбы об оказании правовой помощи и 249 требований о выдаче. В свою очередь, в Генеральную прокуратуру Беларуси от правоохранительных ведомств зарубежных стран поступило 206 просьб об оказании правовой помощи по уголовным делам и 61 требование о выдаче преступников. Из них российская сторона направила соответственно 85 и 42 таких документа⁷.

Таким образом, экстрадиция является особым институтом права, включающим в себя нормы внутригосударственного (конституционного, уголовного, уголовно-процессуального) и международного права. Международное сотрудничество в вопросах экстрадиции не может осуществляться без государственного регулирования. Нормы национального законодательства являются основой для выполнения условий международных договоров в данной области правоотношений. Законодательство Республики Беларусь, регулирующее вопросы экстрадиции, соответствует международным стандартам и позволяет эффективно использовать данный инструмент, привлекая лиц, скрывшихся от правосудия, к уголовной ответственности. Вместе с тем, острым остается вопрос отсутствия международных договоров о выдаче с отдельными государствами.

М. В. Куроптев,

*студент 3 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

**Влияние решений Европейского суда по правам человека, принятых
в связи с нарушением ст. 6 Конвенции о защите прав человека
и основных свобод, на уголовно-процессуальную практику
правоохранительных органов государств**

С конца первой половины XX в. начинается развитие международной юстиции. Одной из вех в ее развитии, вне всякого сомнения, является учреждение в 1959 г. Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), который был создан во исполнение Европейской конвенции о защите прав человека и основ-

---

⁵ Генеральная прокуратура Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prokuratura.gov.by> (02.02.2017).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ных свобод 1950 г.¹ (далее – Конвенция). Данная Конвенция возлагает на государства обязанность по обеспечению закрепленных в ней прав и свобод. Одним из них является право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции). Вместе с тем, государства в лице своих правоохранительных органов не всегда способны обеспечить реализацию данного права. Поэтому ЕСПЧ, рассматривая жалобы, способствует обеспечению права на справедливое судебное разбирательство и формирует правоприменительную практику во избежание будущих нарушений и с целью повышения правовой защиты граждан государств, что особенно необходимо в рамках становления правового государства, каким Россия себя провозглашает, исходя из ст. 1 Конституции Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция).

В 1998 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию, в связи с чем у нашего государства возникли обязанности по исполнению решений ЕСПЧ. Это обусловлено ч. 4 ст. 15 Конституции, которая закрепляет, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы»². Таким образом, ратифицировав Конвенцию, Россия имплементировала ее в свое внутреннее законодательство.

Согласно ст. 46 Конвенции государства обязуются исполнять окончательные постановления ЕСПЧ по делам, в которых они являются сторонами. Это положение также нашло свое отражение в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и протоколов к ней»³. Решения, которые приняты в отношении других государств-участников Конвенции, обладают рекомендательным характером с целью более эффективной защиты прав и свобод собственных граждан.

С учетом вышесказанного, возникает вопрос: «Являются ли решения ЕСПЧ прецедентами?». Под прецедентом в теории права принято понимать «решение судебного или административного органа по конкретному юридическому делу, которому государство придало общеобязательное значение и которое вследствие этого стало образцом для разрешения аналогичных дел»⁴. Исходя из этого определения, решения ЕСПЧ можно рассматривать как прецеденты, поскольку, во-первых, это решения по конкретному делу, во-вторых, имеют для государства обязательное значение, в-третьих, являются образцом для последующих дел, что в частности подтверждается ссылками на предшествующие решения.

Однако третий из перечисленных признаков является довольно спорным. Конечно, ЕСПЧ применяет предыдущие решения при аргументации позиции по

---

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : Рим, 4 нояб. 1950 г. : с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г. URL : <http://www.espch.ru/content/view/52/37/> (23.01.2017).

² Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 9. С. 851.

³ О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. и протоколов к ней [Электронный ресурс] : постановление пленума от 27.06.2013 г. № 21 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Пьянов Н. А. Теория государства и права: учеб. пособие. Ч. 2. Иркутск, 2011. С. 83–84.

текущему решению. Например, в ЕСПЧ часто рассматриваются так называемые «дела-клоны», то есть дела по практически идентичным жалобам, которые поступают, в том числе, в отношении Российской Федерации⁵. Вместе с тем, нельзя сказать, что для судов Российской Федерации те или иные решения являются образцом. Кроме того, стоит отметить, что не все решения ЕСПЧ должны быть исполнены Российской Федерацией. В 2015 г. было принято постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П⁶, в котором устанавливается, что исполнению подлежат только решения ЕСПЧ, не противоречащие Конституции. Помимо всего прочего, прецедентная практика исторически сложилась в Англии и присуща в своем первоначальном виде только странам семьи общего права, но не российскому, для которого судебные решения являются актами правоприменения, адресованными узкому кругу лиц по конкретному делу.

Все вышесказанное дает основание полагать, что определение решений ЕСПЧ как прецедентов довольно условное. Российские суды не имеют возможности ссылаться на них, хотя они ориентируются на выработанные ЕСПЧ правовые позиции и используют (заимствуют) из этих решений определенные формулировки, раскрывающие смысл и содержание того или иного положения Конвенции⁷.

Ст. 6 Конвенции предусматривает право на справедливое судебное разбирательство. Данная категория воспринята уголовно-процессуальным правом широко и является его принципом. Принцип справедливого судебного разбирательства является одним из основополагающих. Так, перечисленные в ч. 1 ст. 6 права: на разумный срок, на беспристрастность судьи, на независимость судьи, на публичное судебное разбирательство – образуют в совокупности принцип справедливости. В ч. 2 и 3 ст. 6 также перечислены элементы понятия справедливое судебное разбирательство, которые составляют отдельные правовые гарантии. Стоит отметить, что принцип справедливости не исчерпывается ими, хотя они и составляют определенный «общий стандарт» справедливости процесса. Таким образом, можно сказать, что в целом ЕСПЧ признает справедливым такое судебное разбирательство, в котором в полной мере обеспечивается возможность обвиняемого эффективно участвовать в процессе, защищая свои права⁸.

Отдельно обращая внимание на принцип беспристрастности, стоит сказать, что для его оценки долгое время использовался критерий степени вовлеченности судьи в предварительное производство и отношения к этому обвиняемого⁹. Кроме того, был выработан подход, позволяющий оценивать беспристрастность суда с точки зрения двух критериев: субъективного и объективного.

⁵ Алисиевич Е. С. Вестник Волгоградского государственного университета // Вопросы цивилистической науки и современность. 2011. № 1. С. 122.

⁶ По делу о проверке конституционности положений : постановление Конституционного Суда от 14.07.2015 г. № 21-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Бурмагин С. В. Влияние практики ЕСПЧ на систему пересмотра судебных решений по уголовным делам в Российской Федерации // Isolationandunificationvectorsinthetotaldevelopmentcoordinatesystem. 2014. С. 107.

⁸ Шестакова Л. А. Правовой анализ практики Европейского суда по правам человека по уголовным делам, связанным с нарушением принципа справедливого судебного разбирательства // Основы экономики, управления и права. 2012. № 1. С. 174.

⁹ Головкин Л. В. Курс уголовного процесса [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Субъективный критерий отражает личное отношение суда к данному конкретному делу, то есть ни один из судей не должен проявлять пристрастие или личное предубеждение. Существует презумпция беспристрастности, которая предполагает беспристрастность судьи, пока не будет доказано иное. Объективный критерий же предполагает, что должны отсутствовать обстоятельства, которые вне зависимости от поведения и личности самого судьи могут поставить под сомнение беспристрастность суда¹⁰.

Так, в решении по делу «Роменский против России» ЕСПЧ признал несоблюдение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с нарушением судом принципа беспристрастности. В первой инстанции суд отказал по ходатайству со стороны защиты об освобождении заявителя на период слушания дела в суде, постановив: «в удовлетворении ходатайства должно быть отказано по причине совершения заявителем тяжкого преступления». Это дало основание ЕСПЧ постановить, что суд не был беспристрастен к подсудимому, что выразилось в признании его вины до ее фактического установления¹¹.

Помимо всего прочего судебное разбирательство должно быть публичным. Согласно позиции ЕСПЧ публичный характер разбирательства является одним из средств поддержания доверия к суду. Делая отправление правосудия наглядным, гласность содействует достижению цели ч. 1 ст. 6 Конвенции, то есть справедливого судебного разбирательства, гарантия которого является одним из фундаментальных принципов любого демократического общества. Кроме того, это защищает стороны от отправления правосудия в тайне, в отсутствие контроля со стороны общественности; открытость судебных слушаний является также одним из средств поддержания доверия к суду. Хотя ЕСПЧ предусматривает и исключения. Так, «пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части... для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия»¹².

Одной из составляющих частей принципа справедливости судебного разбирательства является право на защиту, что также предусмотрено в п. с ч. 3 ст. 6 Конвенции. В ряде своих решений, в том числе «Пакелли против Германии»¹³, суд разъяснил, что данное право является комплексным и состоит из отдельных элементов: право защищать себя лично, право иметь выбранного им самим защитника и право, при определенных условиях, иметь назначенного ему защитника бесплатно. В вышеуказанном деле суд встал на сторону гражданина ввиду

---

¹⁰ Шестакова Л. А. Указ. соч.

¹¹ См. Решение Европейского суда по правам человека от 13 июня 2013 по жалобе «Роменский против России» № 22875/02 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 5. С. 43.

¹² См. Решение Европейского суда по правам человека от 28 окт. 2010 по жалобе Крестовкич против Российской Федерации № 14040/03 [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/node/2236> (23.01.2017).

Решение Европейского суда по правам человека от 4 дек. 2007 по жалобе Волков против Российской Федерации № 64056/00 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902145241> (23.01.2017).

¹³ См.: Решение Европейского суда по правам человека от 5 апреля 1983 по жалобе Пакелли против Германии № 8398/78 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461426/> (23.01.2017).

Решение Европейского суда по правам человека от 01 апреля 2010 по жалобе Павленко против Российской Федерации № 42371/02 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=165819;dst=100191#0> (23.01.2017).

непредставления ему защитника бесплатно. Кроме того, обязательство по предоставлению «бесплатной» помощи не зависит от средств обвиняемого¹⁴.

Необходимо отметить, что практика вынесения решений ЕСПЧ по вопросам соблюдения ст. 6 Конвенции может складываться и по иным направлениям, напрямую в ней не закрепленным.

Так, в ЕСПЧ сложилась определенная практика в отношении лояльности доказательств. Вне всяких сомнений, процесс сбора доказательств относится к стадии предварительного расследования, нежели непосредственно к судебному разбирательству. Однако доказательства, полученные незаконным путем не должны учитываться судом при постановлении приговора, поэтому существует определенная проблема в отношении пределов оперативной деятельности при сборе доказательств.

Исторически российская уголовно-правовая теория ограничивается выделением трех свойств доказательств: относимости, допустимости, достоверности. Принцип лояльности доказательств традиционно наиболее характерен для французской доктрины, однако в последние десятилетия он активно используется в контексте справедливости судебного разбирательства, в том числе ЕСПЧ, что обуславливает определенную конвергенцию между уголовно-процессуальными законодательствами европейских государств. Этот принцип предполагает соблюдение прав и свобод человека при осуществлении оперативной деятельности при собирании доказательств. То есть, сотрудники правоохранительных органов должны действовать открыто, применять допустимые методы расследования и т. п. Так, например, в решении ЕСПЧ по делу «Веттер против Франции», где была нарушена ст. 8 Конвенции, суд принял сторону гражданина, пояснив, что «заявитель не был обеспечен минимальной охраной своих прав, на которую граждане вправе рассчитывать в демократическом обществе, руководствуясь принципом верховенства права»¹⁵. Профессор Л. В. Головкин считает, что полное исключение нелояльности из процесса невозможно и нелояльность доказательства далеко не всегда влечет его недопустимость ввиду возможности наступления некоторых особенно опасных для общества последствий, которые требуют, например, проведения секретных полицейских операций. Стандарты, установленные ЕСПЧ, предусматривают, чтобы для подобных действий правоохранительных органов на законодательном уровне устанавливались четкие рамки, выраженные в строго установленных процедурах, и контроля за ними¹⁶.

В рамках принципа лояльности стоит также отметить, что недопустимы случаи провокации со стороны правоохранительных органов на совершение преступления. Так, использование метода проверочной закупки для предотвращения, в частности, преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, предусмотренного ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», после вынесения ряда решений ЕСПЧ было

¹⁴ Руководство по статье 6 Конвенции. Право на справедливое судебное разбирательство (уголовно-правовой аспект). С. 59. [Электронный ресурс]. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_criminal_RUS.pdf (24.01.2017).

¹⁵ Решение Европейского суда по правам человека от 31 мая 2005 по жалобе Веттер против Франции № 59842/00 [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravosudie.biz/base1/data_ay/sudqsgltg.htm (23.01.2017).

¹⁶ Головкин Л. В. Указ. соч.

снижено¹⁷. По делу «Банников против России» ЕСПЧ констатировал нарушение ч. 1 ст. 6 Конвенции ввиду того, что имела место провокация лица со стороны милиции¹⁸. ЕСПЧ также отмечает «сложности, с которыми сталкиваются органы государственной власти в борьбе с тяжкими преступлениями, и необходимость в более усовершенствованных методах расследования, которые иногда требуются в этом контексте»¹⁹. Кроме того, в этом же деле ЕСПЧ определяет, чем необходимо руководствоваться при расследовании дел связанных с наркотрафиком. Во-первых, внутригосударственное законодательство не должно позволять использовать доказательства, полученных в результате подстрекательства со стороны государственных агентов. Во-вторых, необходимо исследование личности обвиняемого, а именно его прошлого, наличие устойчивых связей в наркобизнесе. В-третьих, необходимо устанавливать ясную и предвидимую процедуру по осуществлению следственных мероприятий и специального контроля. Более того, провокация нашла свое место и при расследовании преступлений, связанных с получением взятки. Так, в деле «Раманаускас против Литвы»²⁰ ЕСПЧ принял сторону обвиняемого, так как имело место нарушение ч. 1 ст. 6 Конвенции ввиду подстрекательства со стороны правоохранительных органов.

Подводя итоги можно сделать вывод, что вопрос о правовой природе решений ЕСПЧ остается довольно неопределенным. С одной стороны, они обладают рядом признаков судебного прецедента, однако вопрос о том, являются ли данные решения образцом для нижестоящих судов Российской Федерации, довольно спорный. Несмотря на это решения в своей совокупности способствуют формированию практики по ряду прав: на публичное разбирательство дела, на беспристрастность суда, защищать себя лично или через представителя и т. д. Это позволяет правоохранительным органам выработать новые векторы своей деятельности и руководствоваться сложившейся практикой.

М. А. Мельгазиева,

*магистрант 1 года обучения
КЮИ (ф) АГП РФ*

Международное сотрудничество органов прокуратуры: реальность и перспективы развития

На сегодняшний момент сотрудничество с компетентными органами иностранных государств, а также с международными органами и организациями выступает одним из приоритетных направлений деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации, что отмечается во многих как

---

¹⁷ Помелов А. А. Проверочная закупка наркотических средств в свете решений Европейского суда по правам человека – действенный механизм по изобличению наркоторговцев или полицейская провокация? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД. 2015. № 3. С. 22.

¹⁸ Решение Европейского суда по правам человека от 4 нояб. 2010 по жалобе Банников против России № 18757/06 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12086429/> (15.02.2017).

¹⁹ Решение Европейского суда по правам человека от 15 дек. 2005 по жалобе Худобин против России № 53203/99 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902115046> (15.02.2017).

²⁰ Решение Европейского суда по правам человека от 5 февр. 2008 по жалобе Раманаускас против Литвы № 74420/01 [Электронный ресурс]. URL: <https://roseurosud.org/r/st-6/st-6a-2/postanovlenie-espch-ramanauskas-protiv-litvy> (15.02.2017).

внутригосударственных, так и международных правовых актах¹.

Важность данного направления деятельности прокуратуры обусловлена ролью Генеральной прокуратуры Российской Федерации в осуществлении международного сотрудничества.

Необходимо отметить, что согласно ст. 2 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации» Генеральная прокуратура Российской Федерации в пределах своей компетенции осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, участвует в разработке международных договоров Российской Федерации.

Прокуроры субъектов Российской Федерации и приравненные к ним прокуроры специализированных прокуратур участвуют в выполнении этой деятельности исключительно через Генеральную прокуратуру Российской Федерации, если иной порядок не устанавливается международными актами либо законодательством Российской Федерации².

Осуществление международной деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации реализуется в соответствии с ее компетенцией по следующим направлениям:

– организация международного сотрудничества в рамках международных организаций как универсального характера (прежде всего в Организации Объединенных Наций), так и регионального характера (Содружество Независимых Государств (СНГ), Совета Европы и другие);

– участие в разработке международных многосторонних и двусторонних договоров и соглашений по вопросам противодействия преступности, осуществления взаимной правовой помощи, экстрадиции, передачи лиц для отбывания наказания;

– организация взаимодействия в сфере уголовного судопроизводства по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, оказания правовой помощи по уголовным делам, передача осужденных к лишению свободы лиц для отбывания наказания в государстве своего гражданства.

Более подробно основные направления международного сотрудничества органов прокуратуры, а также взаимодействия органов прокуратуры России с компетентными органами других государств в области обеспечения законности и правопорядка, прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступностью регламентируются многосторонними и двусторонними международными договорами, а также межведомственными соглашениями³.

Особое место в вопросах международного сотрудничества занимает международное сотрудничество в борьбе с преступностью. Глобализация отношений во всех сферах жизнедеятельности повлекла не только увеличение уровня преступности, но и приобретение ею транснационального характера. В этих ус-

¹ Международное сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: <http://ipriem.genproc.gov.ru/ms/> (31.01.2017).

² Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 12.03.2009 № 67 // СПС «Консультант Плюс».

³ Настольная книга прокурора. В 2 т. Т. 2 : практич. пособие / под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус; науч. ред. А. Ю. Винокуров. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 279.

ловиях борьба с преступностью стала и для отдельных государств, и для мирового сообщества важной социальной проблемой, решение которой возможно только путем объединения усилий различных государств. В связи с интеграцией России в мировое сообщество, расширением экономических, культурных, научных и иных связей с зарубежными странами, ростом организованной, в том числе и приграничной, преступности и нелегальной миграции, международно-правовое сотрудничество российской прокуратуры становится все более значимым и востребованным.

Это сотрудничество направлено на объединение усилий государств по противодействию преступности, оказанию содействия друг другу в раскрытии и расследовании преступлений, изобличению лиц, совершивших преступления, вынесению в отношении них справедливых приговоров, исполнению решений судов, возмещению вреда потерпевшим, оказанию всесторонней правовой помощи друг другу⁴.

Кроме многосторонних международных соглашений прокуратура с целью оптимизации деятельности также укрепляет двусторонние связи с правоохранительными органами отдельных государств. В данном случае необходимо выделить взаимодействие между органами прокуратуры Российской Федерации и Китайской Народной Республикой, результатом которых явилось подписание двустороннего соглашения о сотрудничестве, проведение совместного совещания приграничных прокуроров указанных государств, подписание протокола о взаимоотношениях между органами прокуратуры России и КНР в приграничной зоне⁵. Практика подобного взаимодействия между государствами имеет место и с другими государствами.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее важную роль в международной деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации занимают вопросы взаимодействия с зарубежными партнерами в сфере уголовного судопроизводства. Это вопросы выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам, в том числе в области возврата из-за рубежа имущества, полученного в результате совершения преступлений⁶.

Важным направлением является сотрудничество Генеральной прокуратуры Российской Федерации с международными организациями, деятельность которых связана с вопросами противодействия преступности. Составной частью рассматриваемого направления являются такие формы взаимодействия, как мероприятия по обмену опытом практической деятельности (семинары, конференции, обмены делегациями и др.).

В настоящее время актуальным является вопрос организации сотрудничества по вопросам повышения профессиональной квалификации работников органов и организаций прокуратуры, в том числе научно-педагогических работников. Такое сотрудничество призвано активизировать научные и информационные связи по актуальным теоретическим и практическим проблемам деятельности органов прокуратуры, а также разработку соответствующих совместных на-

⁴ Шалагин А. Е., Шляхтин Е. П. Проблемы предупреждения и противодействия организованной преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2.

⁵ Прокурорский надзор : учебник / под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 381.

⁶ Международное сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: <http://ipriem.genproc.gov.ru/ms/> (31.01.2017).

учно-исследовательских программ и внедрение результатов исследований в прокурорскую практику, что безусловно повысит эффективность работы органов прокуратуры.

Немаловажное место занимает организация обучающих семинаров и встреч по обмену информацией между прокурорами. Является актуальным, на наш взгляд, необходимость владения прокурорами иностранными языками, что позволило бы в дальнейшем обмениваться необходимой информацией напрямую, без помощи переводчиков.

Также необходимо отметить, что в современном цивилизованном обществе деятельность органов прокуратуры по защите прав личности занимает очень важное место и ее реализация в полном объеме зависит и от эффективного использования возможностей международного сотрудничества с компетентными органами иностранных государств.

А. И. Мельников,

студент 4 курса ЮИ ИГУ

Об актуальных проблемах отказа государственного обвинителя от обвинения

Современный УПК РФ содержит положения, регламентирующие отказ государственного обвинителя от обвинения: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части ...» (ч. 7 ст. 246).

При реализации данного института возникает ряд проблем. Так, УПК РФ не закрепляет формы документирования подобного волеизъявления прокурора. Фактически прокурору достаточно в устной форме выразить свое мнение по данному вопросу. Вместе с тем, в приказе Генерального прокурора Российской Федерации № 465 указано на необходимость закрепления отказа государственного обвинителя от обвинения в письменной форме (п. 7)¹. И практика идет по этому пути.

Вопрос об обоснованности отказа прокурора от обвинения нашел отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П, в соответствии с которым полный или частичный отказ от обвинения, как влекущий прекращение уголовного дела, должен быть мотивирован со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и за-

---

¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465.

слушивания мнений участников судопроизводства².

Прекращение уголовного дела или уголовного преследования производится по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, то есть по реабилитирующим основаниям. Пересмотр решения суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения допускается лишь при наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Необходимо обратить внимание на то, что УПК РФ трактует отказ прокурора от обвинения в случае сомнения в доказанности предъявленного подсудимому обвинения как его право. В частности, ч. 4 ст. 37 УПК РФ гласит, что прокурор вправе в порядке и по основаниям, установленным Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования. Ч. 7 ст. 246 УПК предписывает прокурору отказаться от обвинения, если он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, не акцентируя внимание на то, является ли такой отказ правом или же обязанностью этого должностного лица. Представляется, что прокурор, имея основания для отказа от обвинения, определяет сам необходимость и возможность его дальнейшего поддержания.

Вместе с тем, одним из назначений уголовного судопроизводства и является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1. ст. 6 УПК РФ); уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст.6 УПК РФ). Из этого следует, что при наличии оснований невиновности подсудимого, государственный обвинитель обязан отказываться от поддержания обвинения от имени государства.

Следует затронуть и неурегулированный четко в УПК РФ вопрос о моменте отказа прокурора от обвинения. Анализируя соответствующие положения УПК РФ, можно прийти к выводу, что государственный обвинитель может отказаться от обвинения как во время судебного разбирательства, так и на стадии предварительного слушания, что подтверждает Верховный суд РФ в определении от 19 мая 2006 года № 9-О06-21³ и Конституционный суд РФ в постановлении от 8 декабря 2003 г.⁴, отмечающие возможность прекращения уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения на стадии предварительного слушания.

---

² По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Верховного суда РФ от 19 мая 2006 г. №9-О06-21 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».

Другая проблема заключается в том, что в соответствии с УПК РФ при принятии решения об отказе от поддержания обвинения государственный обвинитель не должен согласовывать свою позицию с потерпевшим, если он считает, что имеющиеся доказательства не подтверждают предъявленное лицу обвинение. Мнение потерпевшего на этот счет не должно играть решающей роли, поскольку решение об этом должно принимать государство в лице своих органов. Однако по мнению специалистов в области уголовного процесса, отказ прокурора от обвинения без согласия потерпевшего нарушает права последнего⁵. Государственный обвинитель и при поддержании обвинения, и при отказе от него оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Внутреннее же убеждение потерпевшего как участника стороны обвинения может не совпадать с убеждением прокурора. Несмотря на это, в случае отказа прокурора от обвинения потерпевший лишен права изложить суду основания своего убеждения в том, что вина подсудимого в ходе судебного следствия не доказана. Таким образом, потерпевший лишается и права на доступ к правосудию – вопреки ст. 52 Конституции РФ, которая гласит, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Также такое нормативное регулирование противоречит и общей стратегии российского уголовно-процессуального законодательства, определяющей первостепенной защиту прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

В связи с этим отдельные потерпевшие обращались в Конституционный Суд РФ, однако Конституционный Суд РФ в постановлении от 8 декабря 2003 г. указал лишь на необходимость заслушивания мнения потерпевшего по данному вопросу: «Непредоставление данным участникам процесса возможности изложить свое мнение лишало бы смысла или ограничивало бы обеспечивающие защиту их прав и законных интересов другие закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации правомочия... Вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты»⁶. Как видим, Конституционный Суд РФ в целом подтвердил позицию законодателя об обязательности для суда отказа государственного обвинителя от обвинения, рекомендовав только выслушивать мнения сторон, которое ничего изменить не может.

Несмотря на высказанную Конституционным Судом РФ позицию по толкованию ч. 7 ст. 246 УПК РФ, споры по данному поводу не утихают. Одни ученые полагают, что «при отказе прокурора от обвинения суд больше не связан позицией потерпевшего, и это правильно... Было бы неправильно ставить

---

⁵ См., напр.: Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 15.

⁶ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».

уголовное преследование по делам публичного обвинения в зависимость от волеизъявления частного лица»⁷. Другая часть авторов полагают достаточным ввести в УПК положение, устанавливающее в случае отказа от обвинения обязательную процедуру согласования позиции государственного обвинителя и потерпевшего⁸. Но данное предложение представляется полумерой, не дающей возможности потерпевшему продолжить отстаивать свою позицию в случае несовпадения мнения с государственным обвинителем. Представляется, что обеспечению прав жертв преступлений, в большей степени, соответствует мнение о том, что отказ государственного обвинителя от обвинения не должен вызывать немедленного прекращения уголовного дела, а должен рассматривать как ходатайство стороны обвинения. Суд, продолжив судебное следствие и выслушав прения сторон, сможет принять то решение, которое он считает правильным.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ высказывал мнение о том, что «...обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает также из положений статьи 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которым достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к личности потерпевшего это конституционное предписание предполагает обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством»⁹.

Кроме того, поскольку Конституция РФ предоставляет право потерпевшему на доступ к правосудию (ст. 52), то, исходя из принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, суд обязан обеспечить реализацию данного права. Следовательно, в случае отказа государственного обвинителя от обвинения и несогласия потерпевшего с его позицией, когда потерпевший настаивает на обвинении, не должно быть автоматического прекращения уголовного дела. Суд, в соответствии с конституционными требованиями, должен обеспечить потерпевшему дальнейший доступ к правосудию, т. е. продолжить судебное разбирательство, выслушать все доводы потерпевшего по поддержанию обвинения, исследовать представленные им доказательства и вынести законное решение по результатам рассмотрения. Представляется, что в контексте поднятой проблемы в уголовно-процессуальном законодательстве

---

⁷ Фоменко А. Н. Отказ от обвинения и права потерпевшего // Уголовный процесс. 2005. № 12. С. 28.

⁸ Холоденко В. Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // Рос. юстиция 2002. № 3. С. 50.

⁹ По делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2003 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 24 апр. 2003 г. № 7-П // СПС «КонсультантПлюс».

четко должно быть прописано право потерпевшего поддерживать обвинение наряду с государственным обвинителем и продолжать поддерживать обвинение даже в случае отказа государственного обвинителя от обвинения.

А. Т. Нагуслаев,

магистрант 2 года обучения БГУ

Особенности полномочий прокурора на этапе проверки сообщений о преступлениях

Отправной точкой возникновения уголовно-процессуальных правоотношений является поступление в компетентные правоохранительные органы сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, к которым в соответствии ст. 43 ст. 5 УПК РФ относятся: заявление о преступлении, явка с повинной и рапорт об обнаружении преступления.

Ст. 140 УПК РФ относит перечисленные явления к поводам для возбуждения уголовного дела. Кроме того, федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ в ч. 1 ст. 140 УПК РФ добавлен новый повод для возбуждения уголовного дела – постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. В связи с указанными изменениями к надзорным полномочиям прокурора добавлено право выносить мотивированное постановление о направлении в следственный орган или орган дознания соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства.

Поводы, обозначенные в ст. 140 УПК РФ, различаются по своей правовой природе что, не позволяет рассматривать их в целом как систему.

Постановление прокурора имеет свои особенности и рассматривается рядом авторов, в первую очередь, как акт прокурорского реагирования на нарушения закона, обнаруженные в результате прокурорских проверок исполнения закона в тех сферах деятельности, которые охватываются отраслями прокурорского надзора и лишь во вторую очередь, как уголовно-процессуальный акт, обязывающий орган предварительного расследования разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела¹.

Отличительной чертой рассматриваемого повода является также особенность принятия решения по окончанию его рассмотрения. Согласно ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с мотивированным постановлением прокурора может быть принято только с согласия руководителя следственного органа, в то время как по иным поводам решение принимается следователем самостоятельно.

Данная норма порождает определенную иерархию поводов для возбуждения уголовного дела. В связи с этим, постановление прокурора – это его закон-

---

¹ Кузьмин А. С., Мухтасипова Т. Н. Виды поводов для возбуждения уголовного дела // Известия Оренбургского гос. аграрного ун-та. 2014. № 3. С. 230–231.

ное требование, предусмотренное ч. 4 ст. 146 УПК РФ. Данное постановление должно быть обязательным для органов предварительного расследования, так как неисполнение постановления прокурора означает фактическую его отмену, в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ есть полномочия только у вышестоящего прокурора. В связи с изложенным представляется бессмысленным положение ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ, предусматривающая отказ в возбуждении уголовного дела с согласия руководителя следственного органа в связи с рассматриваемым постановлением прокурора.

Деятельность прокурора на этапе проверки сообщения о преступлении весьма важна. Именно на этом этапе начинается осуществляться правозащитная функция прокурора, который обязан выявлять и пресекать любые нарушения конституционных и иных прав человека и гражданина в деятельности органов предварительного расследования.

Одним из основных направлений деятельности прокурора является проверка исполнения требований федерального закона при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Данный вывод подтверждается требованием Генерального Прокурора РФ, содержащегося в Приказе Генерального Прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» от 05.09.2011 г. № 277, тщательно и всесторонне проверять соблюдение установленного законодательством, межведомственными и ведомственными нормативными правовыми актами единого порядка приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, а также законность и обоснованность принимаемых по ним решений.

УПК РФ не регламентирует сроки проверки прокурором исполнения требований закона о приеме, регистрации и учета сообщений о преступлениях. Частота проверки соблюдения учетно-регистрационной дисциплины регламентирована совместными ведомственными актами правоохранительных органов. Согласно п. 1.3 Приказа Генерального прокурора РФ № 277 проверка должна проводиться систематически, не реже одного раза в месяц, а при наличии сведений о нарушениях закона – безотлагательно.

Одним из полномочий и мерой реагирования прокурора в уголовном процессе является направление требований об устранении нарушений законодательства. Согласно п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия. Совместный анализ ст. ст. 37 и 150 УПК РФ приводит к выводу, что законодатель исключил возможность направления требования об устранении нарушений федерального законодательства на стадии возбуждения уголовного дела, что делает неэффективной деятельность прокурора на указанном этапе, тогда как именно при принятии, регистрации и проверке сообщений о преступлении допускается большое количество нарушений. В связи с изложенным представляется необходимым дополнить ст. 37 УПК РФ указанием на возможность направления прокурором требования об устранении нарушений федерального законодательства как на этапе предварительного расследования, так и при проверке сообщений о преступлении.

Анализ положений, содержащихся в п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, позволяет прийти к выводу, что законодатель разделяет прием и регистрацию сообщений о преступлениях, при этом не подлежит сомнению тот факт, что прием всегда предшествует регистрации сообщения о преступлении, поэтому начало стадии проверки сообщений о преступлении законодатель связывает именно с приемом сообщения, а не с его регистрацией².

При анализе положений п. 1 ч. 2 ст. 37 и ч. 1, 4 ст. 144 УПК РФ можно отметить, что обязанность прокурора по проверке исполнения требований федерального закона при приеме и регистрации сообщений о преступлении в ст. 37 УПК РФ содержится, при этом требования к органам предварительного расследования по регистрации сообщений о преступлениях в ст. 144 УПК РФ не предусмотрена.

Необходимо отметить, что нормы УПК РФ не закрепляют права прокурора по принятию и разрешению сообщения о преступлениях, в то время как ст. 10 Закона о прокуратуре обязывает прокурора принять обращения, содержащие сведения о нарушении закона, в том числе и уголовного³. Для устранения данного противоречия полагает необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дополнив положением, согласно которому прокурор обязан принять сообщение о совершенном или готовящемся преступлении и незамедлительно передать его по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, либо в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

По окончании проверки сообщения должностным лицом органов предварительного расследования принимается одно из следующих решений: о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. Согласно ч. 4 ст. 146 УПК РФ на руководителя следственного органа, следователя, дознавателя возложена обязанность по незамедлительному направлению копий постановлений о возбуждении уголовного дела надзирающему прокурору. Неопределенность категории «незамедлительно» порождает свободу правоприменения. На практике копии постановлений о возбуждении уголовного дела направляются прокурору не сразу и даже не в течение 24 часов. Вместе с тем в ч. 4 ст. 148 предусмотрено, что копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела направляется прокурору в течение 24 часов с момента его вынесения.

Заметим, что прокурору сложно сделать вывод о законности и обоснованности возбуждения уголовного дела либо отказа в его возбуждении, основываясь только на направленной ему копии постановления о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела, без изучения материалов, собранных по сообщению о преступлении. Закон не предусматривает обязанность следователя, дознавателя, а также сроки направления материалов проверки, что, по нашему мнению, является существенным пробелом. Для полной и всесторонней проверки прокурором принятого решения необходимо законодательно закрепить обязанность органов предварительного расследования вместе с копией постановления о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела направлять про-

---

² Бичеев Д. В. Процессуальные полномочия прокурора за исполнением закона при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях // Бизнес в законе. 2014. № 3. С. 62.

³ О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 : в ред. от 03.07.2016 // СПС «КонсультантПлюс».

курору и материалы либо копиями этих материалов, подтверждающих обоснованность принятого решения.

Таким образом, правовое регулирование полномочий прокурора на этапе проверки сообщения о преступлении недостаточно для обеспечения эффективной надзорной деятельности, а положения УПК РФ, регламентирующие порядок производства проверки сообщений о преступлении противоречивы и нуждаются в законодательной доработке.

Е. А. Панфилова,

*магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Международно-правовое регулирование вопросов прокурорского надзора в сфере уголовного судопроизводства

Всестороннее изучение и конструктивное использование международного опыта регулирования прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве для современной России крайне важно, причем как с научной, так и с практической точек зрения. В этом смысле изучение международного опыта реализации предусмотренных международным правом стандартов поможет создать в нашей стране надежную правовую модель для эффективной борьбы с преступностью.

Международно-правовые стандарты способствуют регулированию и развитию международных отношений различного уровня, это базовые положения международного права, выраженные в форме международного договора, международно-правового обычая, определенного решения международной организации, в ряде случаев судебного решения, обеспечивающие функционирование как системы норм международного права в целом, так и его отраслей, а также способствующие взаимосвязи внутригосударственных и международно-правовых норм, имплементация которых в национальное законодательство служит одним из факторов развития внутригосударственной системы права.

Необходимость исследования данного вопроса обусловлена еще и тем, что Российская Федерация взяла на себя обязательство привести свое национальное законодательство, в том числе регулирующее деятельность органов прокуратуры, в соответствие с общепризнанными нормами и принципами международного права, отраженными в документах Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Совета Европы.

Международно-правовое регулирование осуществляется путем определения стандартов, моделей обязательного, возможного и недопустимого поведения, а также побуждения субъектов следовать этим стандартам. Достигается международно-правовое регулирование специфическим юридическим методом, путем установления взаимосвязанных прав и обязанностей, образующих правоотношение.

Стоит отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) в ч. 3 ст. 1 прямо указано, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Россий-

ской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора».

Основополагающими международными правовыми актами в вопросах прокурорского надзора за исполнением законов в сфере уголовного судопроизводства являются: Руководящие принципы, касающиеся роли прокуратуры, принятые восьмым Конгрессом Организации объединенных наций по предупреждению преступности и обращению с преступниками 1990¹; Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы 2003 г. «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона»²; Рекомендация Комитета министров Совета Европы № 19 2000 «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия»³, принятые Комитетом Министров 6 октября 2000 г.; Европейские руководящие принципы по этике и поведению прокуроров Европы 31 мая 2005 г. Несмотря на рекомендательный характер, данные акты имеют особо важное значение для формирования единого правового пространства и сближения национальных правовых систем в целях эффективного международного сотрудничества по борьбе с преступностью.

Следует отметить, что в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы № 19 2000 г. «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» указывается на то, что во всех системах уголовного правосудия прокуроры решают вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования⁴. Однако в Российской Федерации прокуроры правом возбуждения уголовных дел не обладают, что не соответствует международным стандартам деятельности прокуратуры. К тому же в настоящее время процессуальный статус прокурора претерпел существенные изменения в связи с реформой 2007, когда были внесены соответствующие изменения в УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

При анализе международно-правовых стандартов можно выделить следующие процессуальные полномочия, которыми наделены прокуроры государств-членов Совета Европы по уголовному преследованию: 1) производить расследование в полном объеме или в части производства отдельных следственных и иных процессуальных действий (Австрия, Азербайджан, Армения, Бельгия, Болгария, Греция, Германия, Италия, Нидерланды, Швеция и др.); 2) давать письменные указания о направлении расследования, производстве

---

¹ Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование» (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа-7 сентября, 1990 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12123836/#ixzz4E0wGGmb4> (25.01.2017).

² Рекомендация 1604 (2003) О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона [Электронный ресурс]. URL: [http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/Rec1604.asp](http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/Rec1604.asp) (10.07.2016).

³ Рекомендации Комитета министров Совета Европы 2000 г. «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия»: сб. документов. М. 2004, С. 746–779.

⁴ Рекомендации Комитета министров Совета Европы 2000 г. «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия»: сб. документов. М. 2004, С. 746–779.

процессуальных действий, в том числе об избрании меры пресечения, квалификации преступления, розыск лиц совершивших преступление (Азербайджан, Латвия, Норвегия, Финляндия, Чехия и др.); 3) прекращение либо приостановление производства по уголовному делу (Австрия, Азербайджан, Бельгия, Болгария, Германия, Кипр, Норвегия, Польша, Финляндия, Франция и др.); 4) давать согласие на прекращение уголовного дела (Азербайджан, Армения); 5) утверждение итогового процессуального решения по уголовному делу и направление его в суд (все страны).

Необходимо отметить, что в большинстве стран Европы прокуроры осуществляют уголовное преследование посредством поддержания государственного обвинения. По данным Совета Европы в 44 государствах и государственных образованиях прокуратуры выступают в качестве государственных обвинителей по уголовным делам в суде. Прокуроры 37 государств вправе обращаться к судье с предложениями об избрании (определении) меры пресечения. Кроме того, прокуроры 43 стран имеют право на обжалование решений в вышестоящий суд (за исключением Англии и Уэльса, Северной Ирландии и Шотландии)⁵.

Необходимо отметить, что полномочия прокурора по осуществлению прокурорского надзора за полицейским расследованием имеют место в 41 государстве. В 30 странах прокуроры могут производить следственные мероприятия по личному усмотрению. Прокуроры 41 государства должны получать разрешение судьи на производство некоторых следственных действий, затрагивающих права человека и гражданина (например, обыск, выемка, осмотр помещений и др.). Прокуратуры 38 стран могут направлять уголовные дела в суд, прекратить дело досрочно. Прокуроры 16 государств могут принимать решения о применении меры пресечения без соответствующего решения судьи, что, по их данным, позволяет снизить нагрузку судов.

Международные стандарты признают важную роль прокурора в досудебном производстве по уголовным делам, их активную и руководящую роль по отношению к органам предварительного расследования, обращая внимания на необходимость наделения прокурора соответствующими процессуальными полномочиями, реализация которых обеспечивала бы проведение объективного и полного расследования, содействовало бы вынесению законного справедливого решения. В соответствии с рекомендациями Совета Европы одним из направлений деятельности прокуратуры является осуществление уголовного преследования.

Среди стран европейского содружества только в Российской Федерации прокуратура не осуществляет в полном объеме уголовное преследование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что нельзя назвать приемлемым. Российская Федерация вступила в Совет Европы, что определяет необходимость реализации взятых обязательств по принятию законов регулирующих роль, деятельность и организацию прокуратуры соответствующих стандартам Совета Европы.

Сравнительно-правовые истоки международно-правовых стандартов, законодательный опыт отдельных зарубежных стран и то, куда они ведут в инсти-

---

⁵ Европейские судебные системы. Брюссель. 2008.

туциональном плане, отделяя приемлемое от неприемлемого, помогает выбрать адекватную модель прокурорского надзора за предварительным следствием.

М. И. Пивунова,

*студентка 3 курса
МГУ имени А. А. Кулешова,
Республика Беларусь*

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь

Уголовный процесс – понятие, которое, как правило, ассоциируют с правосудием, деятельностью органов следствия, дознания, прокуратуры по реализации норм уголовного законодательства в случае совершения преступления. Уголовный процесс в любом государстве ведется на основании и в порядке, установленном его законодательными актами, защищая права и законные интересы граждан, общества и государства от преступных посягательств.

Одним из направлений правоохранительной функции уголовно-процессуального законодательства в Республике Беларусь является защита участников уголовного процесса. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса правовыми средствами, в свою очередь, представляет собой довольно сложную систему, эффективность функционирования которой зависит от многих факторов. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК РБ) институту безопасности участников процесса посвящена глава 8, в которой сформулированы следующие правила:

– обязанности органа, ведущего уголовный процесс, по принятию мер по обеспечению безопасности (ст. 65 УПК РБ), а так же меры безопасности, которые классифицированы на процессуальные (неразглашение сведений о личности, освобождение от явки в судебное заседание, закрытое судебное заседание) и иные меры (использование технических средств контроля, прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных переговоров, личная охрана, охрана жилища и имущества, изменение паспортных данных и замена документов, запрет на выдачу сведений по делу) (ст. 66 УПК РБ);

– порядок применения мер безопасности, устанавливающий суточный срок принятия решения о применении мер безопасности или отказе в их применении (ст. 73 УПК РБ);

– основания для отмены мер безопасности (ст. 74 УПК РБ);

– ответственность за невыполнение обязанностей по их применению (ст. 75 УПК РБ)¹.

Деятельность по применению мер безопасности участников уголовного процесса и других лиц возникает в связи с полученной информацией о необхо-

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внесенными Законом Республики Беларусь от 20 апр. 2016 г. Минск, 2016.

димости принятия мер безопасности.

Согласно ст. 65 УПК РБ поводами для принятия решения по применению мер безопасности являются:

1) установление органом, ведущим уголовный процесс, обстоятельств, указывающих на наличие оснований для принятия мер безопасности. В данном случае орган, ведущий уголовный процесс, самостоятельно решает вопрос о применении мер безопасности;

2) получение органом, ведущим уголовный процесс, иной информации об обстоятельствах, указывающих на наличие оснований для принятия мер безопасности. Такая информация может быть получена в ходе проведения оперативно-розыскной деятельности, из сообщений, заявлений, жалоб, в том числе и от лиц, не являющихся участниками уголовного процесса (например, близкие родственники, члены семьи и т. д.);

3) заявление участников уголовного процесса о необходимости принятия мер безопасности.

Статьей 66 УПК РБ определен перечень мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц.

К процессуальным мерам безопасности относятся:

- 1) неразглашение сведений о личности;
- 2) освобождение от явки в судебное заседание;
- 3) закрытое судебное заседание.

К иным мерам безопасности относятся:

1) использование технических средств контроля;

2) прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных переговоров;

- 3) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 4) изменение паспортных данных и замена документов;
- 5) запрет на выдачу сведений.¹

При наличии поводов и оснований для применения мер безопасности орган, ведущий уголовный процесс, в течение суток выносит мотивированное постановление (определение), которое незамедлительно направляет для исполнения в орган внутренних дел или государственной безопасности по месту жительства, работы или учебы защищаемого лица. Об этом, в необходимых случаях, уведомляется защищаемое лицо. Если в поступившей информации отсутствуют основания для применения мер безопасности, то выносится постановление об отказе в применении этих мер.

Получив постановление (определение) о принятии мер безопасности, государственный орган, которому поручено осуществление таких мер, незамедлительно устанавливает перечень необходимых для защиты лица или его имущества мер и приступает к их реализации. О принятых мерах в течение суток извещается орган, вынесший решение о реализации мер безопасности².

Об отмене мер безопасности органом, ведущим уголовный процесс, выносится мотивированное постановление (определение), которое направляется органу, осуществляющему меры безопасности, для исполнения.

---

² Борико С. В. Уголовный процесс. Минск, 2000. С. 125.

Согласно ст. 74 УПК РБ, после вступления приговора (определения, постановления) в законную силу отмена мер безопасности производится по решению начальника органа внутренних дел или государственной безопасности по месту, нахождения защищаемого лица. О принятом решении обязательно уведомляется орган принявший решение о применении мер безопасности, а также защищаемое лицо.

Уголовное судопроизводство обеспечивает реализацию уголовного закона как путем осуществления уголовного преследования, осуждения и наказания виновного за совершение уголовного преступления, так и путем отказа от уголовного преследования невиновных, освобождения лиц от уголовной ответственности и наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию или был осужден.

Обеспечивая реализацию уголовного закона, уголовный процесс тем самым защищает гражданина, общество, государство от преступлений и тем самым охраняет конституционные права и свободы человека и гражданина. Эту задачу уголовный процесс может выполнять только при условии, когда в самом производстве по делу защищены права и законные интересы участников процесса и иных лиц³.

Таким образом, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, призван обеспечивать меры по защите участников уголовного процесса и иных лиц. Однако присутствуют определенные противоречия. Так, изучив указанную главу можно сделать весьма противоречивые выводы. В частности относительно ст. 66 УПК РБ. Ведь в ней указаны не только процессуальные меры по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, но и иные меры, которые законодатель к процессуальным не относит. Порядок применения и отмены применения мер законодатель не разделяет в зависимости от того, являются ли они процессуальными. Следовательно, целесообразным было бы разграничить порядок применения либо отмены мер безопасности, а также ответственность за невыполнение обязанностей по применению мер безопасности в зависимости от их отграничения, указанного в ст. 66 УПК РБ.

А. С. Романова,

*магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Особенности участия прокурора в обсуждении последствий вердикта присяжных заседателей

Особенностью рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, является разделение судебного разбирательства на две части: до вынесения присяжными заседателями вердикта и после его провозглашения.

Согласно ч. 2 ст. 345 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), после возвращения присяжных заседателей в зал су-

---

³ Данилевич А. А., Петрова О. В. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе. Минск, 2008. С. 77–85.

дебного заседания, старшина передает вопросный лист председательствующему, который проверяет вердикт на предмет его ясности и непротиворечивости. Председательствующий вправе удалиться в совещательную комнату для проверки вердикта, но в этом случае присяжные заседатели также должны быть удалены в совещательную комнату¹. В том случае, если председательствующий найдет вердикт неясным или противоречивым, то он указывает на это коллегии присяжных заседателей и предлагает им возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

Обязанность по проверке вердикта коллегии присяжных заседателей закреплена лишь за председательствующим судьей. Стороны не принимают участия в проверке вынесенного вердикта на соответствие тем требованиям, которые установлены в законе. Кроме того стороны не наделены правом участвовать в обсуждении тех неясностей и противоречий, которые выявил председательствующий в вердикте. Стороны высказывают свое мнение лишь в случае, когда требуется внести в вопросный лист дополнительные вопросы.

Хотелось бы отметить, что согласно п. 5 ст. 5 УПК РФ, вердикт рассматривается как решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей. Как отмечается в научной литературе, вердикт представляет собой процессуальное решение, к которому уголовно-процессуальным законодательством предъявляются требования непротиворечивости, полноты, ясности, юридической значимости ответов присяжных, соблюдения правил вынесения вердикта в совещательной комнате².

Для того чтобы по делу было принято законное и обоснованное решение, необходимо заранее, на этапе ознакомления с вынесенным вердиктом, проверить его соответствие вышеперечисленным требованиям и в случае обнаружения несоответствий устранить их в ходе судебного заседания. В том случае, если нарушения, которые были допущены присяжными заседателями при вынесении вердикта в совещательной комнате, будут обнаружены уже после оглашения вердикта, то это может привести к обжалованию и отмене судебного решения. Таким образом, только при надлежащем и своевременном реагировании на несоответствие вынесенного вердикта требованиям, которые предъявляются к нему законодательством и устранения противоречий в ходе судебного заседания, являются основой для вынесения приговора, основанного на законном вердикте коллегии присяжных заседателей.

При нарушении судьей требований, закрепленных в ч. 2 ст. 345 УПК РФ, государственный обвинитель обжалует вынесенный по делу приговор³. В связи с этим, представляется возможным закрепить на законодательном уровне право сторон участвовать в проверке и высказывать свое мнение относительно законности вынесенного вердикта коллегией присяжных заседателей. Закрепление такого полномочия за сторонами будет способствовать эффективному выявлению

¹ Поддержание государственного обвинения : учеб. пособие / под ред. В. И. Рохлина. СПб., 2005. С. 57.

² Насонов С. А. Вердикт присяжных заседателей в контексте учения П. А. Лупинской о решениях в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. 2010. № 3. С. 157.

³ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 2 июля 2014 г. по делу № 81-АПУ14-18сп [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». ; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 8 июля 2014 г. по делу №23-АПУ14-6СП [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

нию нарушений, которые допускают присяжные заседатели при обсуждении и вынесении вердикта.

После провозглашения вердикта присяжных заседателей судебное разбирательство продолжается с участием сторон (ч. 1 ст. 347 УПК РФ), но без участия присяжных заседателей. Основная роль государственного обвинителя на данном этапе судебного следствия заключается в том, что он участвует в обсуждении последствий, вынесенного присяжными заседателями вердикта. Порядок судебного следствия, а также объем и характер полномочий прокурора, зависят от содержания вердикта.

Если по делу вынесен оправдательный вердикт и подсудимый находится под стражей, то судья освобождает его и предоставляет сторонам право высказаться по вопросам, связанными с разрешением гражданского иска, распределением судебных издержек, а также о судьбе вещественных доказательств (ч. 2 ст. 347 УПК РФ).

При вынесении обвинительного вердикта, государственный обвинитель в соответствии с ч. 3 ст. 347 УПК РФ наделяется правом участвовать в исследовании доказательств, которые в силу закона не подлежат исследованию с участием присяжных заседателей. Кроме того он вправе высказывать свое мнение о квалификации преступления, о назначении подсудимому наказания, о разрешении гражданского иска и другим вопросам, которые разрешаются судом при постановлении обвинительного приговора.

Из анализа уголовно-процессуального законодательства можно выделить особенности участия прокурора в обсуждении последствий вердикта, которые заключаются в полномочиях, которыми наделяется прокурор на данном этапе судебного разбирательства.

1. Определение и представление суду доказательств, необходимых для законного вынесения решения по делу, исследование которых было невозможно с участием присяжных заседателей. К тем доказательствам можно отнести: доказательства, которые характеризуют личность подсудимого и доказательства, исследование которых необходимо для разрешения гражданского иска⁴. На данном этапе судебного следствия, кроме исследования письменных материалов, государственный обвинитель может заявить ходатайство о допросе ранее допрошенных лиц (подсудимого, потерпевшего, свидетелей) для выяснения тех обстоятельств, которые подлежат установлению после вынесения присяжными заседателями обвинительного вердикта.

2. Участие в судебных прениях. Содержание речи государственного обвинителя в судебных прениях в суде с участием присяжных заседателей не отличается от участия в прениях при рассмотрении дела в общем порядке. Однако участие в прениях при обсуждении последствий вердикта обладает определенными особенностями. Так, выступая в прениях, государственный обвинитель предлагает квалификацию содеянного, высказывает мнение о мере наказания с учетом решения присяжных заседателей о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения. Кроме того прокурор не вправе давать оценку обстоятельствам,

---

⁴ Агабаева А. В. Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием присяжных заседателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 179.

установление которых относится к компетенции присяжных заседателей.

Еще одной особенностью участия прокурора в обсуждении последствий вердикта коллегии присяжных заседателей является то, что в своем выступлении он может затрагивать любые правовые вопросы⁵, подлежащие разрешению при постановлении судом обвинительного приговора, однако законодательство запрещает ставить под сомнение правильность вердикта, вынесенного присяжными заседателями (ч. 4 ст. 347 УПК РФ).

В научной литературе и судебной практике поднимается вопрос о возможности государственного обвинителя отказать об обвинения или его изменения на данном этапе рассмотрения уголовного дела. Характеризуя производство в суде с участием присяжных заседателей, УПК РФ четкого ответа на данный вопрос не дает. В связи с чем применению подлежат общие правила, установленные ч. 7 ст. 246 и ст. 254 УПК РФ. Законодательство РФ закрепляет за прокурором право отказаться от обвинения до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора. Однако как отмечает Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ), при обсуждении последствий обвинительного вердикта государственный обвинитель не вправе отказаться от обвинения либо изменить его, поскольку таким правом он может воспользоваться лишь до удаления коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату⁶. Представляется возможным не согласиться с данной позицией ВС РФ ввиду того, что производство в суде с участием присяжных заседателей предполагает разделение всего судебного разбирательства на два этапа в связи с разграничением компетенции между коллегией присяжных заседателей и профессиональным судьей⁷.

Присяжные заседатели разрешают лишь три основных вопроса (ч. 1 ст. 339 УПК РФ). Те вопросы, которые не входят в их компетенцию, но имеют значение для вынесения приговора, разрешаются судьей после провозглашения присяжными заседателями вердикта.

По общему правилу, обвинительный вердикт присяжных заседателей обязателен для председательствующего (ч. 2 ст. 348 УПК РФ). Однако законодательство содержит ряд исключений, при которых обвинительный вердикт не влечет вынесение судьей обвинительного приговора. В том случае, если судья признает, что деяние не содержит признаков преступления или если вердикт вынесен в отношении невиновного, то председательствующий в первом случае выносит оправдательный приговор, а во втором выносит постановление о роспуске коллегии. Согласно ст. 6 УПК РФ назначением уголовного преследования является защита личности от незаконного и необоснованного осуждения. Таким образом, представляется возможным государственному обвинителю отказаться от обвинения на этапе обсуждения последствий вердикта присяжных заседате-

---

⁵ Герасимов С. И. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей : научно-практическое пособие. М., 2002. С. 287.

⁶ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года № 23 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Фискевич С. В. Общая характеристика производства в суде с участием присяжных заседателей // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1. С. 4.

лей до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора в том случае, если он придет к выводу, что собранные по делу доказательства не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения.

Основной целью участия прокурора в рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей является способствование в принятии судом законного и обоснованного решения. Дальнейшее совершенствование и закрепление дополнительных полномочий за государственным обвинителем на этапе обсуждения последствий вердикта присяжных заседателей обеспечит эффективность достижения данной цели.

А. А. Сейдимбек,

студент 3 курса

Евразийский национальный

Университет им. Л. Н. Гумилева

Проблемы применения института процессуального соглашения в уголовном процессе Республики Казахстан

В настоящее время в средствах массовой информации публикуются многочисленные научные работы и исследования, из которых следует, что одной из насущных проблем в Казахстане, которую срочно необходимо решать, является преступность. Согласно ст. 75 Конституции Республики Казахстан правосудие в Казахстане осуществляется исключительно судами¹. В связи с этим возникает проблема необходимости ускорения и упрощения судебного производства при условии обеспечения прав участников процесса. Это особенно необходимо в тех делах, в которых в суд представляются достаточные доказательства вины лица в совершении преступления, а сам он ее не отрицает, поэтому возможно решить дело без полного судебного разбирательства. Так, например, с этой целью часто используют такой институт как «процессуальное соглашение», который является развитым в государствах классического обвинительного уголовного процесса, особенно в Англии и США.

Закрепление в Уголовно-процессуальном Кодексе Республики Казахстан (далее – УПК РК) института процессуального соглашения является существенной и целесообразной новацией в уголовном процессуальном законодательстве. Процессуальное соглашение заключается между прокурором и подозреваемым, обвиняемым или подсудимым на любой стадии уголовного процесса или осужденным в порядке и по основаниям, предусмотренным УПК РК².

Действующий УПК РК предусматривает два вида соглашений: 1) в форме сделки о признании вины (по категории преступлений небольшой и средней тяжести, а также тяжким преступлениям – в случае согласия подозреваемого/обвиняемого с подозрением/обвинением), 2) в форме соглашения о сотрудничестве (по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и

¹ Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп. по состоянию на 02.02.2011 г. // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029#pos=1;-263 (12.01.2017).

² Ахметова А. При добровольном возмещении ущерба // Юридическая газета. 2015. 15 апр. (№ 53).

расследованию преступлений, которые совершены преступной группой, категории особо тяжких преступлений, которые совершены иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений³.

Институт процессуального соглашения среди ученых имеет как адептов, так и оппонентов, которые негативно высказываются по поводу заключения процессуальных соглашений в уголовном судопроизводстве. Для обвиняемого преимуществами заключения процессуального соглашения являются: освобождение от наказания; избежание неопределенности относительно наказания в суде; в некоторых случаях – применение альтернативного наказания или его снижение. Преимуществами процессуального соглашения для прокурора являются: возможность уменьшения бюджетных расходов и экономия процессуального времени; снижение нагрузки на прокуратуру за поддержание государственного обвинения; вклад в эффективность системы уголовного судопроизводства; в определенной степени устраняется перспектива дальнейших апелляций.

Вместе с тем, несмотря на все преимущества процессуального соглашения о признании вины, необходимо остановиться и на отрицательных аспектах его внедрения в уголовное производство. Ещё до принятия нового УПК РК юристами высказывались мнения о том, что подозреваемый или обвиняемый при заключении процессуального соглашения о признании вины, может сознательно оговаривать других подозреваемых, при этом совершая действия, подпадающие в рамки сотрудничества со следствием, с целью любыми способами получить более мягкое наказание. Данные опасения могут быть вполне обоснованными и не беспочвенными, поскольку заключение или не заключение процессуального соглашения зависит от обстоятельств, которые учитываются прокурором, а одним из них как раз является степень и характер содействия подозреваемого или обвиняемого в уголовном производстве.

Говоря о проблемах применения института процессуального соглашения в виде сделки о признании вины в Республике Казахстан, также хочется обратить внимание на не достижение объективной истины при расследовании уголовных дел. В подобных случаях орган судебной власти не стремится глубоко вникать в суть произошедшего, довольствуясь тем, что подсудимый признает свою вину. Также велика доля самоговора лица, признающего свою вину. Вместе с этим, наличие института процессуального соглашения значительно снижает серьезность природы уголовных дел, так как наказание почти всегда можно сократить, либо вовсе избежать. Этим самым не происходит достижение целей наказания, таких, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершению новых уголовных правонарушений⁴.

Также ст. 614 ч.2 УПК РК содержит норму о том, что подозреваемый, обвиняемый имеют право отказаться от процессуального соглашения до удаления суда в совещательную комнату для принятия решения. Так, например, судом №

---

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V [Электронный ресурс] : с изм. и доп. на 26.07.2016 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=1;-307 (12.01.2017).

⁴ Такеева А. Ж. Институт процессуального соглашения [Электронный ресурс] : проблемы практической реализации. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8652/uid103296_report.pdf (12.01.2017).

2 г. Семея Восточно-Казахстанской области рассмотрено уголовное дело в отношении гр. М., который при выяснении вопроса, когда он сможет добровольно возместить причиненный потерпевшему вред, заявил, что не желает возвещать вред, что согласился на заключение процессуального соглашения, чтобы получить небольшой срок наказания⁵. В данном случае возникает вопрос. Что должен делать в этом случае судья? В УПК РК этот момент не урегулирован.

Более того, рассмотрение дела в согласительном производстве не предполагает сбор и оценку доказательств. К примеру, лицо подписывает процессуальное соглашение и признает себя виновным. По закону он имеет право в любой момент отказаться от данного соглашения. Так, подсудимый в судебном заседании до ухода суда в совещательную комнату заявляет, что отказывается от процессуального соглашения. После направления дела в суд прокурором уже с обвинительным актом рассматривать дело в общем порядке. А в результате подписанного процессуального соглашения доказательства виновности органами предварительного расследования в полном объеме не собирались и не закреплялись. Кроме признательных показаний, у суда нет других доказательств. Все мы знаем, что обвинительный приговор не может быть постановлен исключительно на признательных показаниях подсудимого, должны быть и другие доказательства. Суд освобожден от обязанности сбора доказательств. Возвратить дело прокурору для проведения дополнительного расследования ныне действующий УПК РК не позволяет. Таким образом, отказ обвиняемого в суде от собственного признания и неспособность обвинителя подтвердить собранными доказательствами обоснованность своих материально-правовых и процессуальных притязаний повлекут вынесение оправдательного приговора в отношении обвиняемого. При этом осужденный понимает, что уже утрачена возможность сбора доказательств⁶.

Конечно же, все обстоятельства совершенного уголовного правонарушения не будут исследованы в полном объеме. Упадёт ли качество работы органа, ведущего уголовный процесс? Не стоит забывать о том, что несвоевременный сбор доказательств, безусловно, приведет к их потере.

Для решения данных вопросов некоторые юристы предлагают, чтобы в случае отказа обвиняемого от ранее подписанного с прокурором процессуального соглашения наказание, назначаемое в рамках общего производства, должно быть строже, чем договорное, от которого он отказался. Этот принцип не должен касаться случаев, когда в ходе общего производства уменьшается объем обвинения либо действия обвиняемого переквалифицируются на статью, предусматривающую более мягкое наказание⁷.

Из всего вышесказанного хочется сделать вывод, что институт процессуального соглашения имеет определенные положительные стороны, однако отрицательных моментов присутствует гораздо больше. В связи с этим, необходимо отметить, что правовая регламентация данного института требует срочной корректировки, в противном случае ему не суждено заработать надлежащим об-

⁵ Абенова Ж. В основе соглашения – признание вины // Юридическая газета. 2016. №105/1 (3057/1).

⁶ Бердыгулова Ж. Выяснить позицию подсудимого [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39399039#pos=1;-263 (12.01.2017).

⁷ Абенова Ж. Указ. соч.

разом и реализовать в целом положительные идеи законодателя.

Учитывая указанное, предлагаем:

1. Провести круглый стол с участием судей, работников прокуратуры, политиков, ученых, общественных деятелей по определению необходимости внесения изменений в уголовное процессуальное законодательство Казахстана об упрощенном порядке рассмотрения судами уголовных дел с целью обеспечения сбалансированности процессуальной экономии времени и государственных средств и достижения объективной истины при расследовании уголовных дел.

2. Дополнить статью 623 УПК РК пунктом 5 следующего содержания:

«В случае отказа подсудимого от заключенного на досудебной стадии процессуального соглашения в ходе судебного процесса суд направляет дело прокурору для осуществления по нему производства в общем порядке. При этом наказание, назначаемое в рамках общего производства, должно быть строже, чем договорное, от которого отказался подсудимый. Данное положение не должно касаться случаев, когда в ходе общего производства уменьшается объем обвинения либо действия обвиняемого переквалифицируются на статью, предусматривающую более мягкое наказание».

3. Дополнить статью 619 УПК РК пунктом 7 следующего содержания:

«Прокурор должен разъяснить подозреваемому или обвиняемому, заявившему ходатайство о заключении процессуального соглашения о сотрудничестве, что если в суде он откажется от дачи показаний в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, то его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу против его самого, а также о пересмотре приговора в случае дачи ложных или неполных показаний».

Внедрение данных рекомендаций позволит усовершенствовать национальное законодательство и решить существующие, а также новые задачи, которые стоят не только перед уголовным судопроизводством Казахстана, но и перед государством и государственными органами в целом.

А. М. Семкова,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) А ГП РФ*

Проблемы обеспечения безопасности потерпевших

Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве во многом зависит от условий, которые могли бы обеспечить его безопасность.

В правовой литературе справедливо отмечается, что задачами правоохранительных органов являются: во-первых, охрана потерпевших и свидетелей, действующих правосудию, а при необходимости – членов их семей и близких от преступных посягательств и противоправных действий, во-вторых, выявление лиц, которые оказывают давление на потерпевших и привлечение их к уголов-

ной ответственности¹.

Согласно статистическим данным ежегодно в ходе расследования уголовных дел более 10 млн. человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей². К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве.

Потерпевший, попав в сферу уголовного судопроизводства, остается чаще всего наедине с возникающими проблемами, испытывает «страх от предстоящего общения на следствии и в суде с виновным лицом, а также его родственников»³. При этом действующее законодательство построено таким образом, что потерпевшие должны неоднократно общаться с обвиняемым и его родственниками, адреса потерпевших становятся известны последним.

В последнее время наметились положительные тенденции в данной области. Здесь можно говорить о законодательным закреплении свидетельских привилегий в статье 51 Конституции РФ – что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом» (ранее в отечественном законодательстве свидетельский иммунитет, как правило, сводился к установлению свидетельских привилегий для представителей отдельных профессий). Вместе с тем, согласно формулировке ч. 2 ст. 51 Конституции наличие угрозы жизни свидетеля не является предлогом освобождения его от дачи свидетельских показаний. Как известно, согласно требованиям УПК РФ в качестве свидетеля может быть вызвано любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу. Кодекс не предусматривает возможности исключения из числа свидетелей лиц, располагающих относимыми к делу сведениями и не наделенными свидетельскими привилегиями или иммунитетом. При этом ст. 21 УПК РФ, раскрывающая содержание уголовного преследования, обязывает следователя принять все предусмотренные законом меры и, стало быть, допросить всех известных свидетелей. Отказ от допроса некоторых из них может рассматриваться как нарушение прав других участников процесса, например потерпевшего, гражданского истца.

Основным институтом обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства являются меры защиты, предусмотренные в УПК РФ, а также Федеральным законом № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

В соответствии с Государственной программой «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства

¹ См.: Щерба С. П., Зайцев О. А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. М., 1996. С. 42. ; Лавдаренко Л. И. Проблема обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. матер. 20-й межд. научно-практич. конф. Иркутск, 2015. С. 183–185.

² Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014-2018 годы» : постановление Правительства Рос. Федерации от 13 июля 2013 г. № 586. М., 2013.

³ Абабков А. Защитить права потерпевшего. // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 16.

на 2014-2018 годы» российские суды и органы, осуществляющие государственную защиту участникам уголовного процесса, должны быть оснащены мобильными комплексами для защиты свидетелей. Однако пока суды, оборудованные подобными системами, – большая редкость. К примеру, первые 3 комплекта мобильного комплекса защиты свидетеля Судебный департамент при ВС РФ только в начале 2011 г. в порядке эксперимента направил в Управление Судебного департамента по Костромской области.

Меры безопасности, закрепленные в УПК РФ и Федеральном законе № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на практике применяются не всегда, когда этого требуют жизненные обстоятельства. Одна из проблем заключается в том, что согласно действующему УПК РФ такой участник уголовного судопроизводства как потерпевший может появиться лишь после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и затем — постановления о признании потерпевшим. Такое понятие как «потерпевший в стадии возбуждения уголовного дела» – юридическая фикция. В связи с этим требует законодательного решения проблема оформления правового статуса потерпевшего на этапе возбуждения уголовного дела, что соответственно, поможет решить вопрос о своевременном обеспечении мер безопасности.

Важный аспект касается разъяснения свидетелям и потерпевшим о праве на государственную защиту. Как представляется, при подаче заявления потерпевший должен не только предупреждаться об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, одновременно ему должно разъясняться его право о возможной защите со стороны государства. Разъяснение этого права должно выполняться должным образом – сотрудники правоохранительных органов должны пояснять, при каких условиях и как будет происходить применение мер государственной защиты.

Необходимо в УПК РФ ввести дополнения о возможности использования к лицам, подвергающимся посткриминальному влиянию, псевдонима при подаче заявления о преступлении, заявления гражданского иска, при участии в прениях сторон, обжаловании решений суда; следует установить положение о праве потерпевшего при подаче апелляционной или кассационной жалобы не разглашать его данные другим участникам процесса. Так же необходимо ввести в российский УПК статьи, регламентирующие использование видеозаписи показаний защищаемых граждан и воспроизведение её в стадии судебного разбирательства без вызова в их суд; видеотрансляции допросов в суде лиц, находящихся вне зала судебного заседания.

В Федеральном законе № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» имеются такие меры защиты, как переселение на другое место жительства, изменение места работы (службы) или учебы. Однако не в трудовом, не в жилищном кодексе Российской Федерации не внесены соответствующие поправки, которые бы регулировали и конкретизировали данные меры безопасности участников уголовного судопроизводства. Как представляется, необходимы соответствующие дополнения законодательства.

Подводя итоги, можно отметить, что проблем, касающихся института

свидетельствования, множество. Не следует забывать о том, что чем больше реальных гарантий безопасности обеспечивают правоохранительные органы, тем больше граждане идут на сотрудничество с правосудием.

А. Ю. Скуратовский,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

К вопросу о правовом статусе эксперта в уголовном процессе России

Одним из положительных положений УПК РФ (ст. 57) является причисление эксперта к участникам уголовного судопроизводства (в УПК РСФСР 1960 г. отдельной статьей статус эксперта не определялся). Действующий Кодекс выделяет 3 вида экспертов: государственного судебного эксперта; эксперта, «частного» эксперта; судебного эксперта, являющегося сотрудником негосударственного экспертного учреждения. Все эксперты обладают равными правами и несут предусмотренные законом обязанности, а также обязаны руководствоваться в своей деятельности принципами, изложенными в УПК РФ и законодательстве о судебной экспертизе, независимо от того государственные это эксперты или нет.

Можно выделить следующие принципы¹, которыми должен руководствоваться эксперт в своей деятельности: принцип законности; принцип уважения чести и достоинства личности; принцип неприкосновенности личности; принцип соблюдения и охраны прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица; право на обжалование действий и решений; принцип независимости эксперта; принцип объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

Каждый эксперт несет личную ответственность за ту часть исследований, которую он провел, и за полученные им результаты. При формулировании же общих выводов имеет место своего рода условная ответственность эксперта: он отвечает за правильность вывода, в формулировании которого участвовал, при условии, что использованные им результаты исследований, проведенные другими экспертами, тоже верны.

В свое время проф. М. В. Галкин высказал мысль, согласно которой экспертиза в процессе доказывания играет «тройную роль, будучи способом собирания, исследования и оценки доказательств»². Некоторые исследователи на основании изучения практики пришли к выводу о том, что эксперт обладает правами собирания доказательств. Например, М. Б. Вандер отмечал, что поскольку микрообъекты «как показывает практика, часто обнаруживаются при производстве экспертиз, следует признать неправильными теоретические концепции, согласно которым эксперты не имеют права сами обнаруживать

¹ См.: Лавдаренко Л. И. Принцип свободы и личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве : монография. Иркутск, 2016. С. 10.

² Лазарева В. Неознакомление защитника с постановлением о назначении экспертизы как основание признания заключения эксперта недопустимым доказательством // Уголовное право. 2009. № 1. С. 21.

какие-либо объекты»³.

Рассматривая вопрос о статусе судебного эксперта, Р. С. Белкин писал, что речь идет о праве эксперта в некоторых случаях на собирание доказательств: «Выполняя задание следователя, эксперт производит осмотр представленных предметов и при обнаружении микрообъектов фиксирует этот факт в своем заключении. Обнаруженные микрообъекты, приобретающие значение вещественных доказательств, подвергаются дальнейшему экспертному исследованию для решения других вопросов экспертного задания. Таким образом, эксперт фактически собирает (обнаруживает, фиксирует, изымает) доказательства, на что по букве закона у него нет права. ... На подобные действия эксперта, выходящие явно за пределы его компетенции, следователь и суд смотрят сквозь пальцы, игнорируя явное нарушение закона»⁴.

Н. Н. Егоров, анализируя процессуальное положение эксперта, считает неудачной позицию законодателя, согласно которой последний не вправе самостоятельно собирать материалы для предстоящего экспертного исследования и приходит к выводу о том, что «требуется законодательное разрешение эксперту собирать материалы для производства судебной экспертизы»⁵.

Следует, однако, сознавать, что наделение эксперта правом собирать доказательства неминуемо отразится на его статусе. Он должен быть в таком случае переведен в группу участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения или со стороны защиты. Однако в этом случае не будет основания говорить, что он лично, прямо или косвенно не заинтересован в исходе конкретного уголовного дела (ч. 2 ст. 61 УПК РФ). В связи с этим представляется обоснованной точка зрения тех авторов, которые полагают, что эксперт не должен принимать участие в собирании доказательств⁶. Произведение данных действий уголовно-процессуальным законом отнесено к компетенции органов расследования и суда. Эксперт, сохраняя объективность, должен лишь производить оценку предоставленным ему для исследования материалов и т. п., не вдаваясь в процессуальные особенности по собиранию доказательств, что в полной мере соответствует действующим положениям УПК РФ.

Таким образом, судебный эксперт является самостоятельным, независимым субъектом уголовного процесса, обладающим специфическими процессуальными обязанностями и правами, отличающими его от иных субъектов процесса.

---

³ Пашинский В. В. Оценка достоверности заключения эксперта // Судебная экспертиза. 2009. № 1. С. 5.

⁴ Белкин Р. С. Избранные труды. М., 2010. С. 115.

⁵ Егоров Н. Н. Собирание вещественных доказательств экспертом // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения : материалы межд. научно-практич. конф. к 5-летию УПК РФ. М., 2007. С. 225.

⁶ См., напр.: Манова Н. С. Уголовный процесс : учебное пособие. М., 2017. С. 140.

А. А. Смоляченко,

*студентка 4 курса
ВГУЭС РФ*

**Теоретические аспекты понимания института публичности
в уголовном судопроизводстве**

К настоящему времени в научной и учебной литературе остается до конца не разрешённой проблема определения содержания принципа публичности. Её дальнейшее рассмотрение основывается на исследовании разграничений между отношениями публичного и частного характера.

Так Ф. В. Тарановский проводит различия между отношениями публичного и частного характера по критерию участия в данных отношениях органа государственной власти. В его понимании, частные отношения должны характеризоваться отсутствием государства, как одного из субъектов правоотношения, либо же присутствием, но лишь в качестве носителя имущественных интересов. Публичными же он считал отношения, где одним из субъектов всегда является государство, которое предстаёт в качестве носителя принудительной власти¹.

В свою очередь, Ю. К. Якимович разграничивал публичное и частное на основе критерия приоритетности, т.е. чьи интересы для государства и общества являются главными, интересы отдельного лица или же интересы всего общества. При этом частному праву отдается регулирование таких сфер жизни общества, в которых наиболее существенными являются интересы конкретного лица, а публичному праву – те области общественной жизни, в которых доминирующее значение имеют потребности общества².

С моей точки зрения, критерий, предложенный Ю. К. Якимовичом, не целесообразен в связи с тем, что и частное, и публичное право должно быть направлено на защиту как общественных интересов, так и частных. Ведь в ст. 2 Конституции РФ закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Таким образом, первым важнейшим условием публичности является её цель. Направленность действий, совершаемых государственными, судебными органами и должностными лицами, должна состоять в защите интересов государства, общества, отдельного индивида.

Приведённое Ф. В. Тарановским положение о присутствии государственных органов в публичных отношениях, по моему мнению, является вторым обязательным условием, которое характерно для публичности.

Многие исследователи выделяют ещё одно свойство принципа публичности – обязательное закрепление его в законе. Так, В. М. Савицкий указывал, что идея обязательно должна быть выражена в законе. Пока она не сформулирована в нём, она остаётся лишь идеей, которая не может быть руководящей, т. е. не может быть принципом, являющимся обязательным для исполнения³. Противо-

¹ Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001. С. 237.

² Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства : монография. Томск, 2015. С. 109.

³ Савицкий В. М. О презумпции невиновности и других принципах уголовного процесса. М., 1997. С. 1.

положной точки зрения придерживается И. В. Тыричев, который считает, что не имеет определяющего значения сформулирован ли принцип в определённой статье закона или же его содержание раскрывается в виде требований, которые отражены в нескольких статьях⁴.

По моему мнению, проявление принципа не означает, что он должен быть прямо выражен в норме закона, он может иметь скрытую форму и отражаться в отдельных его положениях. И в этом смысле я солидарна с мнением А. А. Тарасова, который обосновал несущественность формирования принципа публичности в законодательстве тем, что главное, чтобы реализация частных интересов не повлекла за собой ограничения интересов многих лиц и всего общества в целом⁵.

Следующим элементом публичности является обязанность субъектов, ведущих процесс, совершать и принимать решения в соответствии с законодательством. Так, А. М. Юсубов данный этот элемент принципа публичности обозначает как официальность⁶. Ряд исследователей отрицают существование официальности в качестве одного из условий публичности. Например, Н. Н. Полянский придерживался точки зрения, согласно которой публичность и официальность – это два самостоятельных принципа и неправильно их отождествлять. Официальность, по его мнению, означает требование к органам правосудия, чтобы они, не ожидая чьего-либо ходатайства, по собственной инициативе предпринимали все действия, которые нужны для установления истины по делу⁷.

С моей точки зрения, этимологически публичность и официальность – это два однородных понятия. Причем одно идет в развитие другого. Таким образом, публичность означает наличие общественных интересов, а официальность – обязанность государственных органов выполнять свои функции по их защите. Представляется справедливым мнение Л. Н. Масленниковой о том, что интерес общества, который обеспечивается защитой власти государства, приобретает характер публичного интереса⁸. Таким образом, официальность является требованием публичности.

На основании всего вышеизложенного, элементами содержания принципа публичности являются: целевая направленность – защита общественных и частных интересов; активные процессуальные действия органов государственной власти, которые содержатся в целом комплексе норм, касающихся судопроизводства; обязанность субъектов, ведущих процесс, совершать и принимать решения в соответствии с законодательством.

Между тем, однозначного понимания принципа публичности нет. Одна из основных причин возникновения дискуссий в отношении этого понятия на протяжении многих лет состоит в том, что оно не имеет легальной формулировки в

---

⁴ Тыричев И. В. Принципы советского уголовного процесс : учебное пособие. М., 1983. С. 80.

⁵ Тарасов А. А. Развитие системы принципов уголовного процесса в новом УПК России // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. М., 2004. С. 71.

⁶ Юсубов А. М. Принцип публичности в советском уголовном процессе : автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 22.

⁷ Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 84. 112.

⁸ Масленникова Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М., 2000. С. 79.

законе, а это, соответственно, ставит под сомнение его существование.

Наличие терминологического разнобоя создает условия, чтобы по-разному понимать принцип публичности некоторыми авторами. В частности, некоторые исследователи понимают под публичностью гласность, открытость⁹. Я придерживаюсь той точки зрения, что гласность и публичность – это два разных понятия.

Причиной неправильного терминологического использования данных слов заключается в неточности современной терминологии. Так, за рубежом публичность понимают как гласность, открытость¹⁰. В России же публичность – это самостоятельный, независимый принцип, который способен существовать и в том случае, если гласность отсутствует¹¹.

Ещё одной проблемой является отождествление публичности и законности. Многие авторы придерживаются позиции, что не может быть различия между ведением производства по делу «в силу долга службы» и «в силу закона»¹².

В этом вопросе придерживаюсь точки зрения Т. Н. Добровольской, которая критиковала вышеупомянутую позицию. Она считала, что, если предположить, что не имеется принципа публичности в качестве самостоятельного принципа, то тогда необходимо отвергать и самостоятельное значение принципа равенства граждан перед законом и судом, принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, как самостоятельные принципы судопроизводства, т. к. и их осуществление должно происходить в рамках неукоснительного соблюдения закона¹³.

По моему мнению, принцип законности и публичности – это два самостоятельных принципа процесса. Законность определяет требование точно и постоянно исполнять нормы законодательства, а публичность, в свою очередь, подчиняет деятельность государственных органов интересам всего общества, публично-правовым интересам. Принцип публичности определяет то, что эти органы должны самостоятельно, без каких-либо требований со стороны, проявлять инициативу. Таким образом, два этих принципа имеют собственное содержание.

Причины возникновения данных дискуссий на протяжении многих лет порождены, во-первых, тем, что толкование содержания принципа законности очень широкое по значению, а, во-вторых, такое же обширное толкование имеет и принцип публичности. Несмотря на то, что принцип публичности не сформулирован в форме общего положения в УПК РФ, тем не менее, он пронизывает весь процесс и несомненно существует.

Изложенное выше позволяет сформировать своё собственное понятие публичности. Публичность – это принцип уголовного судопроизводства, содержащий требование официальности, то есть обязанности уполномоченных на то

⁹ См. напр.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. I. М., 1968. С. 136.

¹⁰ Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. I. М., 2000. С. 584.

¹¹ См. напр: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. СПб., 1902. С. 93. ; Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 39.

¹² Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960. С. 41. ; Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 51–54.

¹³ Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М., 1971. С. 79.

органов государственной власти выполнять функции по защите интересов частных лиц, всего общества в целом и государства, соблюдая при этом все нормы, предписанные законом. Принцип публичности является проводником реализации политики государства в сфере правового регулирования.

Н. А. Собакина,

*магистрант 1 года обучения
КЮИ (ф) АГП РФ*

Проблемы участия прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или до предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК Ф).

Без сомнения следует отметить особую значимость досудебного соглашения. В частности, его заключение способствует изобличению других соучастников преступления, сообщению сведений о готовящихся или совершенных преступлениях. Подобная процедура призвана, прежде всего, расширить и усилить возможности правоохранительных органов в борьбе с организованными формами преступности: «заказными» убийствами, коррупцией, бандитизмом, наркопреступлениями.

Активное способствование обвиняемого (подозреваемого) в раскрытии и расследовании преступления выражается не только в признании собственной вины, но дает мощный толчок расследованию уголовного дела, и направлено на формирование необходимой доказательственной базы.

Имея главенствующее положение в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, прокурор играет ключевую роль в принятии решения по удовлетворению либо отказе в удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого). Однако процессуальное положение, полномочия и роль прокурора касательно данной процедуры не совсем ясны и совершенны, поэтому требуют углубленного изучения и уточнения по рассматриваемому вопросу, а также внесения реально исполнимых корректив в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

На примере одной из районных прокуратур Республики Крым следует обозначить, что за 2016 год из заключенных прокурором досудебных соглашений о сотрудничестве 40% исполнены и по ним в особом порядке принято судебное решение, вынесены обвинительные приговоры. Что же касается остальных 60%, то имело место несоблюдение обвиняемым условий досудебного соглашения, которые выражаются в следующем:

1) отказ обвиняемого от дачи показаний, изобличающих соучастников совершенного преступления;

2) установление факта сообщения обвиняемым заведомо ложных сведений о совершенном либо готовящемся преступлении;

3) сокрытие обвиняемым существенных обстоятельств совершения преступлений;

4) иные нарушения условий досудебного соглашения о сотрудничестве.

Как следует из содержания ст. 317-1 УПК РФ ходатайство подозреваемого (обвиняемого) по поводу заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и согласованное с руководителем следственного органа постановление следователя о возбуждении перед прокурором такого же ходатайства направляются прокурору. Документы, поступившие от следователя, прокурор обязан рассмотреть в течение 3-х суток. В итоге он выносит постановление об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, либо об отказе в его удовлетворении. «При решении этого вопроса прокурору следует учитывать, что заключение досудебного соглашения может предопределить ход и направление дальнейшего расследования по уголовному делу, соответствующее распределение сил и средств органа предварительного следствия»¹.

Заметим, что УПК РФ не обозначает обстоятельства, при которых прокурор уполномочен выносить постановление об отказе в удовлетворении ходатайства. В качестве таковых некоторые ученые предлагают обозначить следующие:

1) отсутствие оснований доверять подозреваемому (обвиняемому);

2) несоблюдение процедуры заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения на соответствующем этапе расследования;

3) предоставление подозреваемым (обвиняемым) ложных сведений, намеренное искажение обстоятельств произошедшего в целях уклонения от уголовной ответственности или ее смягчения;

4) умышленное введение подозреваемым (обвиняемым) следствия в заблуждение в целях освобождения от уголовной ответственности других соучастников преступления².

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, ведомственных приказов, практики применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве позволил обозначить наиболее существенные и явные проблемы, с которыми сталкивается прокурор при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, в отличие от правового регулирования особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, при заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, законодателем не предусмотрен учет мнения потерпевшего, и данные действия проходят без его участия, без предоставления ему возможности активно отстаивать свою позицию по делу.

Следующей проблемой, с которой сталкивается прокурор в данной процедуре – это действия и решения прокурора по выяснению обстоятельств, при которых подозреваемый (обвиняемый) не выполняет условия досудебного со-

¹ Ефанова В. А. Прокурор и Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе России // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 168–174.

² Терёхин А. А. Роль прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. № 1. С. 192–196.

глашения о сотрудничестве, в законе нет четко прописанных правил и последовательности совершения прокурором соответствующих действий в случае наступления подобной ситуации.

Так же в качестве одной из важных проблем следует обозначить случаи, когда сведения о характере и пределах содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, в судебном заседании излагаются государственным обвинителем не в полной мере, что, в свою очередь, вызывает сомнения у суда относительно выполнения обвиняемым обязательств по соглашению. Соответственно, в случае недостаточного объяснения государственным обвинителем вышеуказанных сведений, судом может быть принято решение о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ³.

Таким образом, по результатам рассмотрения основных нормативных актов, регулирующих процедуру заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, обозначив основные проблемные направления, касающиеся участия прокурора на данном этапе, предлагается следующая концепция ликвидации выявленных пробелов путем корректировки законодательства:

– при поступлении к прокурору ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в случаях отказа в удовлетворении ходатайства прописать исчерпывающий перечень оснований для такого отказа;

– на проведение особого порядка принятия судом решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо предусмотреть обязательное согласие потерпевшего;

– закрепить правила о совершении прокурором действий и принятии решения при невыполнении подозреваемым (обвиняемым) условий досудебного соглашения о сотрудничестве;

– закрепить правило о том, что при рассмотрении уголовного дела в данном особом порядке государственный обвинитель должен подробно излагать сведения о выполнении обвиняемым обязательств по соглашению.

Р. А. Терехин,

студент 3 курса ЮИ КемГУ

Деятельность в рамках стадии возбуждения уголовного дела: постановка проблемы

Одной из стадий российского уголовного судопроизводства является стадия возбуждения уголовного дела. Изучая правовую природу данной стадии необходимо обратить внимание на стоящие перед ней цели и задачи. Одна из задач, исходя из анализа норм действующего УПК РФ, на наш взгляд, состоит в

---

³ Шадрин В. С. Проблемы реализации прокурором полномочий при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Материалы научно-практич. семинара от 10 февраля 2016 г. / под общ. ред. Г. В. Штадлера. СПб., 2016.

том, чтобы определить необходимость возбуждения уголовного дела. В связи с этим решается вопрос о наличии основания для осуществления преследования в уголовно-процессуальном порядке: правоприменитель определяет, необходимо ли именно уголовное преследование в данном случае либо есть основания для осуществления административного расследования и, соответственно, преследования и принуждения административно-правовыми методами.

Принимая во внимание тот факт, что все решения следователя и дознавателя должны иметь законный и обоснованный характер, категории «достаточность» и «объективность», применяемые к основанию для возбуждения уголовного дела, являются категориями оценочного характера. Однако стоит отметить, что такова специфика данных правоотношений, что без такой оценки обойтись никак нельзя. Поэтому для принятия законного и обоснованного решения существует институт проверки сообщения о преступлении в порядке ст. ст. 144 и 145 УПК РФ.

Можно установить ряд особенностей применительно к изучаемой стадии. Во-первых, сроки проверки. По общему правилу, срок проверки сообщения о преступлении составляет 3 суток со дня поступления сообщения. Во-вторых, субъектный состав. Исходя из анализа ст. 144 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что не все участники уголовного судопроизводства могут быть участниками данной стадии, т. е. состав участников можно назвать усеченным. В-третьих, закрытый перечень проверочных действий, которые могут осуществлять должностные лица в рамках проверки сообщений о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Говоря о действиях, которые проводятся в рамках стадии возбуждения уголовного дела, нельзя с точностью сказать об их процессуальном или непроцессуальном характере. С одной стороны, есть должностное лицо, осуществляющее проверочные действия, которые вполне можно назвать процессуальными. В некоторых источниках даже говорится о доказывании в этой стадии, отмечая, что круг доказывания довольно узок и специфичен (наличие либо отсутствие признаков состава преступления в проверяемом сообщении обстоятельств; исключая производство по делу)¹. Законодательная коллизия заключается в том, что де-юре процесс еще не начат, т. к. не принято соответствующее процессуальное решение (речь о них пойдет ниже). Этот факт, отмечаемый в литературе², говорит о том, что проверка сообщения о преступлении – этап процессуальной деятельности.

В науке справедливо обращено внимание на то, что в УПК РФ слабо отражен сам порядок производства проверочных действий, однако большая часть уголовных дел начинается именно с осуществления этих действий³. И хотя именно производственные моменты тщательно и подробно отражаются в ведомственных документах, их количество и определенная закрытость от простых граждан придают работе правоприменителя сложный и, возможно, даже неоднозначный характер. В связи с этим есть точка зрения, согласно которой проверка сообщения о преступлении является случаем конфликта процессуальных и административных норм. Поэтому высказывается мнение о том, что данная деятельность

¹ Пальчикова Н. В. Теоретические и практические проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела : дисс. М., 2013. С. 10, 26.

² Комарова Л. Р. Проверка сообщения о преступлении – первоначальная стадия уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы экономики и права. 2014. № 29. С. 283–287.

³ Тарзиманов В. М. К вопросу о некоторых проблемных моментах при проведении проверки сообщений о преступлении // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 29. С. 114–115.

должна сопровождать процессуальную, а не подменять ее⁴. Этот же тезис подтверждается анализом действий, проводимых должностными лицами в ходе стадии возбуждения уголовного дела и на этапе предварительного расследования. Многие из них осуществляются повторно, но имеют уже процессуальный характер.

Базируясь на таком подходе к видению данного вопроса, некоторые ученые приходят к следующим выводам⁵. Во-первых, проверка сообщения о преступлении должна осуществляться на базе административного законодательства, при этом в правовом режиме, близком к существовавшему в царской России «полицейскому дознанию» (которое работало на фиксацию и сохранение следов преступления). Во-вторых, органы дознания должны будут осуществлять только неотложные следственные действия и расследование в сокращенной форме. Таким образом, дознание теряет свойство самостоятельной формы предварительного расследования, однако, занимает определенную нишу в протокольном производстве.

Схожий подход о ненужности стадии проверки сообщения о преступлении как самостоятельной, но несколько с других позиций, высказывают другие авторы исходя из целей досудебного производства⁶. Действительно, на практике при проверке сообщения о преступлении практически работники действуют абсолютно так же, как и при возбужденном уголовном деле, используют те же источники, прибегают к аналогичным приемам и методам получения информации. Однако справедливо отмечается, что полученную информацию в ходе внепроцессуальной деятельности необходимо легализовывать следственными действиями, чтобы необходимые факты стали доказательствами по делу. Так, например, объяснения необходимо трансформировать в показания. В противном случае информация, хотя бы и обладающая ценностью для уголовного дела, становится процессуально недоступной.

Нельзя пропустить точки зрения авторов, которые выделяют определенно важные моменты, касающиеся стадии возбуждения уголовного дела. Так, справедливо отмечается, что субъект, проводивший проверку по сообщению о преступлении, и субъект, проводящий производство предварительного расследования, вполне могут не совпадать. Следовательно, от того, как тщательно она была проведена, какими силами и средствами, будет зависеть дальнейшая судьба сообщения о преступлении, а в перспективе и уголовного дела. Важно также, что ввиду территориальной и видовой специфики некоторых преступлений (совершаемые на транспорте, в сельской местности) именно проверка сообщения о преступлении отделяет должностных лиц от принятия незаконных и необоснованных решений. Безусловно, за сохранение института доследственной проверки говорит и наличие факторов, не позволяющих принять процессуальное решение сразу (а это и неполнота информации, и неочевидность либо противоречивость совокупности имеющихся по сообщению фактов, и некоторые другие обстоятельства)⁷.

---

⁴ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дисс. Н. Новгород, 2002. С. 97.

⁵ Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России : монография. Омск, 2004. С. 213–214.

⁶ Масленникова Л. Н. Механизм принятия решений: причины и следствия его разрушения в стадии возбуждения уголовного дела. М., 2011. С. 314–324.

⁷ Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С.33, 126, 144–162.

Конечным этапом проверки и главной ее задачей является принятие одного из процессуальных решений, указанных в ч. 1 ст. 145 УПК РФ. Данный перечень, на наш взгляд, является исчерпывающим и не нуждается в каком либо дополнении.

Таким образом, исходя из проанализированного нормативного и научного материала, можно сделать ряд выводов. Во-первых, проверка сообщения о преступлении является неотъемлемой частью деятельности органов, которые в последующем осуществляют предварительное расследование. Во-вторых, осуществление совершенно разнородных по своей природе действий в рамках проверки сообщения о преступлении позволяет с уверенностью сказать, что они являются непроцессуальными или внепроцессуальными, а проверочными. В-третьих, проверочных действий для решения задач, поставленных перед изучаемой стадией, на сегодняшний день достаточно. В-четвертых, существование данного института позволяет организовать системность работы в рамках одного органа (чаще всего на уровне районного или городского органа внутренних дел), чьи должностные лица (соответственно, следователи и дознаватели) осуществляют проверочные мероприятия.

Д. А. Тугутова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Понятие «слабая» сторона в уголовном процессе

О понятии слабой стороны принято говорить относительно сферы частных правоотношений, чаще всего в рамках договоров в гражданском праве¹. Однако, данное понятие применимо и в сфере публичных правоотношений², в том числе, в сфере уголовного судопроизводства.

Содержание данного понятия не являлось предметом самостоятельных исследований в науке уголовно-процессуального права. Вместе с тем, высказывались суждения, что при производстве по уголовным делам слабой стороной является сторона защиты. Например, С. А. Соловьев считает, что «в действующей структуре уголовного процесса России в соответствии с традицией континентальной формы строения его процедуры, таковой является сторона защиты – априори заведомо слабая сторона в уголовном споре»³. В рамках данного подхода слабой стороной называют также подозреваемого (обвиняемого), либо защитника.

Так, В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев считают, что «подозре-

¹ Славецкий Д. В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Самара, 2004, 24 с. ; Каширин О. И. Публичный договор как элемент защиты слабой стороны // Юридическая наука. 2012. №1. С. 50–53. ; Ульянов А. В. Юридическое обоснование защиты слабой стороны в договоре // Журнал российского права. 2013. №8 (200). С. 114–118.

² Черновол К. А. Применимость термина «слабая сторона» в правовом регулировании предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 9-2. С. 99–104.

³ Соловьев С. А. Процессуальная конструкция – благоприятствование защите (favor defensionis) – в свете новой (состязательной) теории уголовно-процессуальных доказательств [Электронный ресурс] // Сословие. URL: <http://www.soslovie-ab.ru/read/detail.php?id=88> (04.11.2016).

ваемый (обвиняемый) в споре с государством – заведомо слабая сторона, поэтому участие защитника в уголовном судопроизводстве правомерно рассматривать как компенсацию этого неравенства сторон, призванную обеспечить баланс их процессуальных возможностей»⁴. Авторы полагают, что «существующая властная асимметрия уголовного процесса в России в пользу стороны обвинения ставит адвоката в ресурсно слабую позицию»⁵.

Следует признать, что в современном российском уголовном процессе существует слабая сторона защиты, по-прежнему реализующая свои полномочия посредством в основном только ходатайств, адресуемых дознавателю, следователю и суду⁶. В этой связи сложилась процессуальная конструкция «благоприятствования защите» (*favor defensionis*)⁷, которая рассматривается с узкой и широкой точки зрения.

Узкое понимание включает два основных подхода:

- а) как близкое к *in dubio pro reo* (все сомнения толкуются в пользу обвиняемого);
- б) как совокупность отдельных исключительных прав стороны защиты (таких как право обвиняемого на последнее слово);
- в) иногда эти два подхода объединяются.

В рамках расширительного подхода также имеется два направления:

- а) приравнивание благоприятствование защите к праву на защиту;
- б) благоприятствование защите – общепроцессуальная конструкция, призванная дополнительно гарантировать права защиты как более слабой стороны сверх механического уравнивания полномочий, наделяя её какими-либо преимуществами и привилегиями по сравнению со стороной обвинения.

По мнению М. А. Михеенковой, «в современном российском уголовном судопроизводстве конструкция благоприятствования защите находит свое процессуальное проявление в ряде норм и институтов, важнейшие из которых традиционны: презумпция невиновности и толкование сомнений в пользу обвиняемого, *onus probandi*, «асимметрия» в доказывании; порядок прений сторон и право подсудимого на последнее слово. Элементы *favor defensionis* составляют также сроки пересмотра и основания отмены судебных решений; «право на молчание» обвиняемого; отдельные случаи недопустимости доказательств; нормы, регулирующие порядок подсчета голосов судей и присяжных».

Однако с позицией о том, что слабой стороной является только сторона вряд ли можно согласиться.

Конституция Российской Федерации не устанавливает преимуществ ни одной стороны, ставя другую в заведомо слабую позицию. В нормах, касающихся права на защиту, используются категории «каждый» и «никто не». Так,

---

⁴ Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. М., 2014.

⁵ Ходжаева Е. А., Рабовски (Шестернина) Ю. В. Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России // Социология власти. 2015. № 2. С. 135–167.

⁶ Мельников В. Ю. Участие защитника в ходе досудебного производства // Евразийская адвокатура. 2013. № 2. С. 35–41.

⁷ Михеенкова М. А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2012.

часть 1 ст. 46 Конституции РФ закрепляет положение, согласно которому «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод»; часть 1 статьи 48 Конституции РФ устанавливает, что «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи»; часть 1 ст. 45 УПК РФ гарантирует право потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя на получение квалифицированной юридической помощи; часть 1 статьи 51 Конституции РФ закрепляет положение о том, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом». Ошибочно трактовать данное положение только как право обвиняемого, подозреваемого, подсудимого. Так, п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ устанавливает, что «потерпевший вправе отказаться свидетельствовать против себя самого, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников».

Кроме того, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 2421 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» высказана позиция о том, что «предусматривая специальные механизмы восстановления нарушенных прав для реализации публично-правовой цели – реабилитации каждого, кто незаконно и (или) необоснованно подвергся уголовному преследованию, федеральный законодатель не должен возлагать *на гражданина, как более слабую сторону* в этом правоотношении, излишние обременения, связанные с произвольными решениями и действиями органов исполнительной власти, а, напротив, обязан создавать процедурные условия для скорейшего определения размера причиненного вреда и его возмещения, во всяком случае не подвергая сомнению принцип исполняемости принятых решений о выплатах компенсации вреда реабилитированным лицам». Такая же позиция высказана в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко».

Полагаем, что в сфере публичных правоотношений, в том числе, в уголовном судопроизводстве слабой стороной является гражданин по отношению к государственным органам, а не только участники стороны защиты. При этом, не любой гражданин, а тот, который в силу возраста⁸, либо состояния здоровья, либо имущественного положения не может в полной мере использовать предоставляемые ему законом права.

---

⁸ Лавдаренко Л. И. Некоторые вопросы обеспечения повышенной защиты прав несовершеннолетних в соответствии с международными стандартными правилами отправления правосудия // Несовершеннолетний как субъект права : матер. Всерос. научно-практич. конф. Иркутск, 2015. С. 111.

Е. Д. Федоренко,

студентка 3 курса ВГУЭС

Суд присяжных в России как элемент формирования гражданского общества

В последнее время термин «гражданское общество» нередко рассматривается как процесс взаимодействия социальных связей между государством и обществом, в которых должна реализовываться идея высшей правовой справедливости, основанной на правовых гарантиях, невозможности беззакония и произвола в обществе¹.

Как известно суд обеспечивает баланс интересов гражданина, общества и государства. Важнейшим элементом независимой судебной власти в стране является суд присяжных. Это – форма судопроизводства, при которой правосудие осуществляется двенадцатью выборными представителями народа, составляющими коллегию присяжных заседателей. Наделенные правом совещательного голоса, присяжные рассматривают дело с опорой на собственное убеждение и самостоятельно решают задачу об установлении виновности или невиновности подсудимого.

Особенность суда присяжных состоит в том, что отбираемые граждане не являются профессионалами в сфере юриспруденции. Таким образом предоставляется возможность доступа общественности к судопроизводству в качестве непосредственного участника, способного принимать решение наравне с судьей. По этой причине возрождение суда присяжных в России вызвало реакцию, диапазон которой начинался от восторженного одобрения и заканчивался яркой критикой и неприятием. В основе негативного отношения к суду присяжных лежит, вероятнее всего, «непонимание его социальной ценности, духовного и правозащитного потенциала»². Не все авторы согласны с тем, что суд присяжных – элемент гражданского общества, не аргументируя развернуто свою позицию³. Более убедительным видится мнение ряда ученых, подчеркивающих, что институт присяжных заседателей – специфический институт народовластия, являющийся одновременно общественным элементом судебной системы, в котором заинтересованы и государство, и общество⁴. Деятельность суда присяжных способствует повышению правовой культуры граждан, оказывает положительное воздействие на обыденное правосознание, служит гарантией реализации принципов состязательности сторон, презумпции невиновности, не допускает оценку доказательств, добытых незаконным способом. Повышается активность сторон защиты и обвинения, исключается возможное профессиональное предубеждение судьи и обвинительный уклон при принятии решения, растет авторитет судебной власти, что необходимо для устранения правового нигилизма. Согласно опросу ВЦИОМ, 75% опрошенных указало, что после участия в суде присяжных граждане улучшили свое мнение об уголовном судопроизводстве.

Представляется важным факт формирования коллегии присяжных без

¹ Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 2. С. 46-57.

² Мельник В. В. Искусство защиты в суде присяжных : учеб.-практ. пособие. М., 2003. С 11.

³ Карнозова Л., Климова С. Суд присяжных в постсоветской России – институт гражданского общества? // Социальная реальность. 2006. № 9. С. 7

⁴ Верещагин А. Как создавался в России и зачем нужен суд присяжных // Ведомости. 2015. № 3756.

влияния государственных органов. Согласно ч. 1 ст. 2 ФЗ № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» к присяжным заседателям относятся граждане РФ, включенные в списки присяжных заседателей и призванные в установленном законом порядке к участию в рассмотрении дела судом. К кандидатам предъявляются следующие требования: достижение 25-летнего возраста, отсутствие неснятой или непогашенной судимости, полная дееспособность, отсутствие учета в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств⁵.

Нельзя не отметить, что деятельность суда присяжных сопряжена с проблемами, одна из которых – формирование коллегии. Наши граждане, в отличие от японцев, посещающих процессы в качестве слушателей, предпочитают уклонение от участия в судопроизводстве. В качестве иллюстрации к этой проблеме приведу пример с формированием коллегии присяжных по громкому делу так называемых «приморских партизан», осуществленным лишь с шестого раза. Хотя ч. 2 ст. 2 указанного федерального закона закрепляет участие граждан в качестве присяжных заседателей в осуществлении правосудия как *гражданский долг*.

Причины неявки кандидатов в присяжные заседатели различны, но, к сожалению, проведение прямых опросов кандидатов с целью выяснения их нежелания участвовать не проводится. Как предполагают отдельные авторы, в его основе лежат боязнь брать ответственность за решение, нежелание отрываться от трудового процесса, упуская возможность карьерной самореализации и получения высокого дохода, страх стать предметом угроз, подкупа, порицаний с преступной или заинтересованной стороны⁶. Безусловно, низкая явка граждан может служить свидетельством невысокой правовой активности и отсутствия гражданской позиции, что свойственно российскому менталитету по ряду исторически сложившихся факторов.

В 2016 г. были приняты кардинальные, но неоднозначные законы, касающиеся присяжных заседателей, реализация которых планируется в 2018 г. Во-первых, предусмотрено введение суда присяжных на районном уровне с коллегией из 6 человек. Однако реализация данного положения, по словам самих законодателей, невозможна в столь короткий срок, т.к. районные суды не готовы принять присяжных, во многих из них отсутствуют подходящие залы судебных заседаний с наличием комнаты для совещания. Очевидно, что введение суда присяжных на районном уровне потребует колоссальных расходов. Профессор С. Пашин напоминает, что «введение суда присяжных даже в 9 субъектах федерации стоило огромных организационных и финансовых вложений»⁷. Во-вторых, предполагается сократить численность присяжных заседателей в судах субъектов Российской Федерации с 12 до 8 человек. Предполагается, что это должно упростить процедуру отбора, сокращение сроков разбирательства и расходов. Хотя практика показывает, что состав коллегии из 12 человек является

⁵ О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ : в ред. от 29.12.2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Тимофеева А. А., Федоренко Е. Д. Суд присяжных в России: опыт и проблемы // Сб. матер. XIV межд. Кониовских чтений. Владивосток, 2015. С. 69.

⁷ Хамраева В. Госдума запустила реформу суда присяжных [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.ru/review/view/128342/> (03.02.2017).

оптимальным. При таком количественном составе присяжные дополняют друг друга, в меньшей степени подвержены влиянию конформизма: на 12 человек сложнее повлиять, подкупить их, подвергнуть угрозам.

В российском законодательстве установлено, что за работу присяжному выплачивается из средств федерального бюджета компенсационное вознаграждение в размере одной второй части должностного оклада судьи этого суда пропорционально числу дней участия присяжного заседателя в осуществлении правосудия, но не менее среднего заработка присяжного заседателя по месту его основной работы за такой период⁸. Однако на практике происходит следующее: часто официальная зарплата присяжного в разы меньше его, так называемой «черной» зарплаты, которую он теряет при участии в процессе. Этот факт необходимо учесть для привлечения граждан к участию в судопроизводстве.

Материалы СМИ (например, «Эхо Москвы») говорят о том, что присяжные заседатели приходят на процесс с чувством благоговения, с желанием принести пользу, но получают вместо него неудовлетворение, когда вынесенное коллегией решение отменяется вышестоящей инстанцией. Еще более их удручают «разгоны» коллегий, особенно если это происходит после продолжительного рассмотрения дела (3–4 месяца)⁹.

Представляются возможными следующие пути решения проблемы низкой явки присяжных заседателей: во-первых, увеличение числа запасных присяжных до 3–4. Во-вторых, возможно введение вида ответственности, административной или уголовной, за умышленное содействие «разгону» коллегии присяжных заседателей, как для участников процесса, так и третьих лиц, и самих присяжных, если они действовали добровольно из корыстной или иной личной заинтересованности. В-третьих, необходимо урегулировать порядок составления вопросного листа для присяжных, так как некорректное его составление может вызвать их недоумение, вследствие чего выносится ошибочный вердикт и происходит последующая отмена решения вышестоящей инстанцией. В-четвертых, целесообразно введение строгой материальной и иной ответственности присяжных, не являющихся по вызову суда, а также лиц, препятствующих их явке¹⁰. Конечно, это предложение спорно, т. к. законодательно четко не установлено, является ли участие в суде присяжных правом или обязанностью¹¹.

Заметим, что в законодательстве отдельных зарубежных стран (США, Япония) установлена ответственность за неявку присяжных заседателей, и это имеет положительный эффект. Так, в Японии Закон о народных заседателях гласит об их уголовной ответственности за утечку секретов, ложные сведения в ходе допроса или других процессуальных действий, за ложное заявление о невозможности присутствовать на суде. По данным, представленным газетой «Джапан Таймс» от 5 мая 2014 г., начиная с 2009 г. в общей сложности около 36000 человек выступили народными заседателями и ещё 12000 – запасными¹². В США для присяжных установлена ответственность в виде штрафа в значи-

⁸ О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ : в ред. от 29.12.2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ URL: <http://www.garant.ru/article/612249/> (03.02.2017)

¹⁰ Топорин Б. Н., Петрухин И. Л. Судебная реформа: проблемы и перспективы. М., 2001. С. 11.

¹¹ Тимофеева А. А., Федоренко Е. Д. Указ. соч. С. 69.

¹² Цит. по: Реховский А. Ф. О суде присяжных в Японии / Сб. матер. XIV межд. Конивских чтений. Владивосток, 2015. С. 400.

тельном размере, в результате присяжными успевают побывать почти все, кто может ими быть по закону.

Нельзя не отметить ещё одну «болеую точку» – недоверие к судебной системе. Часто присяжные не осведомлены о деятельности института суда присяжных, не имеют четкого представления о его сущности.

Несомненно, что имеющиеся проблемы – не повод для ликвидации суда присяжных, аргументы в пользу которого: и меньшая коррумпированность, и большая непредвзятость. Создание реальной возможности для представителей народа осуществлять правосудие напрямую является высшим проявлением демократии.

И. А. Чигвинцев,

*студент 3 курса
ИЮИ (ф) А ГП РФ*

Институт общественного обвинителя и общественного защитника: к вопросу о целесообразности возвращения в уголовный процесс

Институт общественного обвинителя и защитника был новшеством российской социалистической системы права. Декретом о суде № 1 было установлено, что «в роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам – поверенными, допускаются все не опороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами»¹. Как отмечалось в юридической литературе, появление такого института нашло большой отклик со стороны общественности, хотя в дальнейшем данный институт не применялся из-за сложной ситуации в стране². В полном объеме исследуемый институт получил дальнейшее продолжение в процессуальном законодательстве середины прошлого века.

Рассмотрим основные положения об общественном обвинителе и общественном защитнике, закрепленные в УПК РСФСР 1960 г.

Статья 250 УПК РСФСР закрепляла возможность представителей общественных организаций и трудовых коллективов допуска по определению суда к участию в судебном разбирательстве уголовных дел в качестве общественных обвинителей или общественных защитников. Кодексом предусматривалось, что они выделяются общим собранием общественной организации или трудовым коллективом предприятия, учреждения, организации, а также коллективом цеха, отдела или другого подразделения, которые в письменном виде подтверждают их полномочия³.

Как видим общественные защитники и общественные обвинители являлись представителями общественности, что естественно повышало доверие к

¹ Декрет о суде № 1 от 22 нояб. 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

² Ураков Л. И. Общественное обвинение и общественная защита в уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 2. С. 132–133.

³ Уголовно процессуальный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР № 40 1960 г. Ст. 592.

судебной системе.

Согласно УПК РСФСР общественные обвинители и общественные защитники обладали широкими общими полномочиями, так, они были вправе:

- 1) представлять доказательства, принимать участие в исследовании доказательств;
- 2) заявлять перед судом ходатайства и отводы;
- 3) участвовать в судебных прениях, излагая суду мнение о доказанности обвинения, общественной опасности подсудимого и содеянного им.

Особая роль заключалась в возможности исследования доказательств самостоятельно. Как видно, общественные обвинители и защитники были по-настоящему независимы, единственное, что оказывало на них влияние – это оказанное доверие со стороны общественности, поэтому они могли исследовать доказательства под другим углом зрения, чем представляемые ими участники.

Современная система оценки эффективности деятельности судебной системы строится на критериях наличия устоявшегося приговора, что нарушает принцип независимости суда. Поэтому наличие действительного независимого общественного обвинителя и общественного защитника, по нашему мнению, было бы эффективным решением проблем современной судебной системы. Общественным обвинителям и защитникам безразлично, как отразится разрешение по конкретному уголовному на статистике и отчетности, они никак не связаны с оценкой деятельности правоохранительных органов.

Рассмотрим исключительные полномочия общественного обвинителя:

- 1) он мог высказать соображения по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого и по другим вопросам дела;
- 2) он был вправе отказаться от обвинения, если данные судебного следствия дают для этого основания.

Возможность отказа от обвинения – важный аспект осуществления демократического процесса, гарантия от обвинительного уклона.

Общественный защитник по УПК РСФСР 1960 г. был вправе: излагать суду мнение о смягчающих ответственность или оправдывающих подсудимого обстоятельствах, а равно о возможности смягчения наказания подсудимому, условного его осуждения, отсрочки исполнения приговора или освобождения от наказания и передачи на поруки той общественной организации или трудовому коллективу, от имени которых общественный защитник выступает. Наличие широкого объёма полномочий у общественного защитника позволяло суду оценить преступное деяние комплексно, предоставляло выбирать различные варианты последствий для обвиняемого.

Обратим внимание на то, что отказ подсудимого от общественного защитника не влёт за собой прекращения его полномочий. Так, если общественный защитник убежден в необходимости продолжать защиту, то отказ от него был невозможен⁴. Таким образом, обеспечивалась в определенной мере реализация ответственности общества перед гражданином: коллектив не бросает сво-

---

⁴ О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 дек.1976 г. : в ред. от 26 апр. 1986 г. // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 1996 .

его «представителя», защищая его, а также свои интересы. По нашему мнению, такой механизм укрепляет связь между обществом и судебной системой.

Отметим, что в период функционирования исследуемых институтов, учеными предлагалось значительное расширение полномочий общественного обвинителя и общественного защитника. Например, И. Д. Перлом предлагал предоставить им возможность обжаловать приговоры суда в кассационной инстанции⁵. В советский период развития науки уголовно-процессуального права институты общественного обвинителя и общественного защитника оценивались исключительно положительно.

Принятие УПК РФ 2001 г. было направлено на развитие демократических начал, но в итоге, мы во многом потеряли истинные демократические ценности, которые были присущи прежнему процессу. Участие в судопроизводстве общественности послужило бы мощным толчком к поднятию уровня доверия населения к судебной системе⁶.

Естественно, что в современных реалиях введение института участия общественного обвинителя и общественного защитника выглядит проблематично, так как не все граждане являются членами трудовых коллективов, многие – безработны. Тем не менее, убеждены, что возрождение институтов участия общественности в той или иной форме благоприятного скажется на современном уголовном процессе, повысит уровень доверия общественности к правосудию.

Т. Д. Щуко,

*магистрант 1 курса
УО «ГрГУ им. Я. Купалы»*

Принцип состязательности в уголовном процессе: понятие и сущность

Наиболее общие правовые положения, определяющие существенные черты, характер и особенности уголовного процесса, содержание всех его институтов, принято именовать принципами уголовного процесса. Все принципы уголовного процесса тесно взаимосвязаны и образуют целостную систему, где нарушение любого из принципов, как правило, приводит к нарушению других принципов уголовного процесса.

Проблемы, связанные с принципами состязательности, всегда были в поле зрения исследователей. Предметом острых дискуссий ранее и по настоящий момент были вопросы: что понимать под принципом состязательности, какие особенности имеет данный принцип, как он отражается в уголовном процессе и т. д.

Л. Т. Ульянова отмечает, что многие ученые-процессуалисты выражали негативное отношение к внедрению в уголовно-процессуальное законодательство англо-американских институтов, и прежде всего к состязательности уго-

---

⁵ Перлов И. Д. Проблемы дальнейшего развития демократических Основ уголовного судопроизводства в свете Программы КПСС // Советское государство и право. 1962. № 4. С. 90–101.

⁶ См.: Лавдаренко Л. И. Принцип свободы и личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве : монография. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации, 2016. С. 51.

ловного судопроизводства¹. Несмотря на это, идея состязательности была воспринята научным сообществом, а затем создателями УПК Республики Беларусь, в котором получила статус одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства.

В. М. Савицкий писал, что состязательность мыслится нами как один из главных путей к цели прогресса. Она создает наиболее благоприятные возможности отыскания материальной истины ... Состязательность – одна из черт, характеризующих последовательный демократизм нашего процесса. Мы можем с полным основанием рассматривать состязательность в качестве принципа нашего уголовного процесса, теснейшим образом связанного с другими его принципами². А. Ф. Кони состязательность сторон относил к важнейшим принципам правосудия. Характеризуя судебное состязание, он писал, что в нем взаимно создаются и разрушаются аргументы и устанавливаются новые и не всегда ожидаемые точки зрения, причем, не только на закон, но и на личность подсудимого. Состязательное начало в процессе выдвигает необходимых помощников судьи в исследовании истины – обвинителя и защитника. Их совокупными усилиями освещаются разные, противоположные стороны дела и облегчается оценка их потребностей³.

По мнению же Л. Н. Гусева, было бы совершенно неправильным преувеличивать значение состязательности и возводить её в одно из основных начал. Такой подход означает механическое перенесение понимания значения состязательности из буржуазного уголовного процесса к нам в уголовный процесс⁴. По нашему мнению, нельзя подвергать сомнению значение принципа состязательности для успешного осуществления уголовно-процессуальной деятельности и необходимо лишь правильно и гармонично сочетать его с множеством других принципов, процессуальных норм и институтов.

Как отмечает С. Д. Шестакова, в теории уголовного процесса существуют два основных взгляда на понятие принципа состязательности в уголовном судопроизводстве: 1) представители первой точки зрения указывают на то, что принцип состязательности состоит в разделении трех основных функций обвинения, защиты и разрешения дела между сторонами обвинения, защиты и судом, занимающим активное процессуальное положение в уголовном судопроизводстве; 2) сторонники второй точки зрения усматривают сущность принципа состязательности также в разделении указанных процессуальных функций между судом и субъектами, занимающими положение сторон, но при пассивном процессуальном положении органа правосудия⁵.

По мнению М. С. Строговича, содержание принципа состязательности включает в себя размежевание трех основных процессуальных функций (обвинения, защиты и разрешения уголовного дела), нахождение обвиняемого и об-

¹ Зажицкий В. И. Состязательность в уголовном процессе // Государство и право. 2014. № 8. С. 43.

² Савицкий М. Я. К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса // Советское государство и право. 1950. № 1. С. 46–56.

³ Кони А. Ф. Избранные произведения: Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. М.; 1956. С. 39.

⁴ Гусев Л. Н. Конституционные принципы советского уголовного процесса // Учен. записки ВЮЗИ. 1958. № 7. С. 30.

⁵ Шестакова С. Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб., 1998.

винителя в положении сторон и их процессуальное равноправие. В дальнейшем М. С. Строгович в качестве четвертого элемента принципа состязательности включил активное процессуальное положение суда⁶. Другие авторы усматривают сущность принципа состязательности в размежевании не только трех основных функций, но и функций поддержания гражданского иска и возражения против него и равных процессуальных прав участников процесса, имеющих самостоятельный интерес в деле. В соответствии с этой точкой зрения активность суда не включается в содержание принципа состязательности. Тем ни менее, эти авторы полагают, что процессуальное положение суда, характеризующееся его обязанностью возбуждать уголовное дело по новому обвинению и против новых лиц, не противоречит рассматриваемому принципу. По этой проблеме в своё время известный юрист Н. Н. Розин справедливо заметил, что соединение в руках судьи несовместимых функций обвинения, защиты и самого суда создает психологическую невозможность спокойного и беспристрастного правосудия⁷. Не можем не согласиться с мнением Л. Зайцевой о том, что судебное разбирательство станет действительно состязательным, а значит и справедливым, когда функции обвинения, защиты и разрешения дела будут разделены между участниками, а стороны будут иметь абсолютно равные права в процессе⁸.

Как отмечает З. З. Зинатуллин, состязательность выражается не просто в разграничении функций обвинения и защиты, а в их противоположности, противостоянии друг другу, возможности одной стороны оспаривать выводы другой. Если обвинение стремится утвердить наличие и истинность инкриминируемых фактов и обстоятельств, опровергнуть аргументы защиты, то она (защита) стремится к аннулированию обвинения, исключению из него отдельных частей, снятию вины и ответственности обвиняемого⁹.

Г. А. Печников считает, что отказ от однородности, предвзятости – вот основное назначение принципа состязательности. Участники процесса должны обладать равными правами¹⁰.

Принцип состязательности нашел свое закрепление в законодательстве Республики Беларусь. Так, в Конституции Республики Беларусь говорится, что правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон в процессе (ст. 115)¹¹. Кроме того, вышеназванный конституционный принцип был введен в УПК РБ. В ст. 24 УПК РБ, которая имеет название «Осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон», говорится, что правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон обвинения и защиты; функции обвинения, защиты и осуществления правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо; обязанность доказывания в судебном разбира-

⁶ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1 Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 149.

⁷ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 6.

⁸ Зайцева Л. Справедливое судебное разбирательство: международный опыт и законодательство Республики Беларусь // Белорусский журнал между. права и межд. отношений. 1999. № 2 С. 10.

⁹ Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 43.

¹⁰ Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2005. С. 342.

¹¹ Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп. Минск, 2010.

тельстве предъявленного лицу обвинения возлагается на сторону обвинения; стороны в судебном разбирательстве пользуются равными правами по представлению и исследованию доказательств, заявлению ходатайств, высказыванию мнения по любому вопросу, имеющему значение по уголовному делу, участию в судебных прениях; суд создает необходимые условия для осуществления предоставленных сторонам прав и выполнения ими процессуальных обязанностей¹².

Таким образом, состязательность в самом общем виде можно представить как принцип организации совместной деятельности сторон обвинения и защиты. Указанная совместная деятельность требует субъекта, способного своими действиями объединить противоположные по своему характеру позиции сторон и рассудить их. Таким органом выступает суд, который в итоге должен принять позицию одной из сторон, решив исход дела. Осуществление принципа состязательности должно обеспечить защиту прав участников уголовного процесса и справедливость правосудия, а кроме того создать благоприятные условия для баланса частных и общественных интересов, характерного для публично-состязательного процесса, минимизации негативных последствий противодействия сторон. Однако достижение данной цели возможно лишь при гармоничном сочетании принципа состязательности с иными уголовно-процессуальными принципами, в том числе и с принципом презумпции невиновности.

---

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 1999 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000.

А. С. Алдашкина,

*студентка 5 курса ИрИ (ф)
ВГУЮ (РПА) Минюста России*

Значение виктимологического портрета жертвы серийных убийц

Виктимология изучает личность потерпевшего, его связи, взаимоотношения с преступником, особенности поведения жертвы в исследуемой ситуации, уделяя особое внимание роли жертвы в генезисе самого преступления.

В научной литературе отмечается, что чем старше жертва преступления, тем больше удельный вес при определении её беспомощного состояния приобретают свойственные ей индивидуально-психологические особенности и их связь с конкретной ситуацией.

Очевидно, что каждый человек индивидуален и развитие его неповторимости продолжается всю жизнь. При этом с возрастом меняется чаще всего его позиция, установки, мировоззрение, а именно элементы направленности. Однако в психологическом портрете личности остаются более или менее устойчивыми характер, темперамент и другие, биологически обусловленные свойства личности.

Психологический портрет жертвы сексуального насилия включает в себя набор определённых качеств и характеристик. Личностные характеристики человека, пережившего сексуальное насилие, имеют свои особенности¹. Знание о них позволяет решать немалый спектр задач, стоящих перед органами, осуществляющими уголовное преследование.

Известно, что деятельность по составлению психологических портретов и их использованию в правоохранительной деятельности законодательно не урегулирована. Между тем на практике, в случаях, когда возникают трудности при расследовании и раскрытии преступлений, всё чаще сотрудники правоохранительных органов прибегают к методу «психологического портретирования», и подтверждают его эффективность.

В настоящее время имеются свидетельства того, как именно с помощью психологического портрета удавалось раскрыть очень сложные уголовные дела, а именно серийные преступления. Несмотря на то, что, психологический портрет потенциальной жертвы, равно как и портрет разыскиваемого преступника не служат доказательствами по делу, однако он может успешно применяться при поиске доказательств, а также осуществлении оперативных и следственных действий по изобличению виновных.

Психологический портрет, как известно, применяется также и при поиске лиц, совершивших административные правонарушения, он может применяться в стратегически важных сферах, например, охраны общественной и национальной безопасности².

---

¹ Кудин А. В Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: от теории и методологии к практике // Государство и право. 2013. № 3. С. 59–64.

² Дицевич Я. Б. Упущения в деятельности органов местного самоуправления в сфере лесных отношений как фактор роста нарушений лесного законодательства // Вопросы российского и международного права. 2016. № 3. С. 61.

В рассматриваемой же нами сфере серийных преступлений, составление психологического портрета жертвы может быть незаменимым для решения вопроса о виктимности, а также конкретных проблем следствия: поиска лица, совершившего преступление, квалификации его деяния, определения степени вины, индивидуализации наказания, принятия профилактических мер³. Обобщение психологических портретов жертв серийных преступлений может облегчить розыск и задержание преступника.

По нашему мнению, только на основании зависимости от специальных психологических знаний, не стоит отказываться от разработки психологического портрета самими сотрудниками правоохранительных органов. Опытные профессионалы, овладев за годы работы знаниями в области криминальной психологии и психологии виктимного поведения, составляют психологические портреты интересующих их лиц, не подразумевая о существовании специально разработанного наукой метода.

В научных исследованиях подчеркивается, что «методы, используемые сотрудниками правоохранительных органов необходимо совершенствовать и применять нетрадиционные способы. Нужно идти в ногу с наукой. К тому же опыт использования составления психологических портретов личности положительный и эффективный»⁴.

Составление психологического портрета жертв серийных преступлений позволяет достаточно быстро определить, по каким признакам преступник выбирает своих жертв. Данные сведения важны, например, для возможного распространения в средствах массовой информации предупреждений о том, что лица с похожим психологическим портретом, с определённой внешностью или какими-либо свойствами должны быть бдительны, и приняли все возможные меры предосторожности. Кроме того, именно по виктимологическому портрету представляется наиболее точное составление психологического профиля разыскиваемого преступника, чем значительно сокращается время его поиска.

А. С. Алексеева,

*студентка 4 курса
ИЮ УрГЮУ*

Основы использования некоторых научно-технических средств фиксации результатов расследования преступлений

Фиксация результатов расследования рассматривается в криминалистике и в уголовном процессе как один из необходимых и важных элементов собирания доказательств. Вопрос фиксации криминалистически значимой информации является актуальным и проблемным на сегодняшний день, что обусловливается не только ее высокой значимостью в процессе доказывания, но и тем, что материалы фиксации выступают порой единственным возможным источником, по-

³ Целиковский С. Б. Динамика выбора жертвы как информативный признак при разработке психологического профиля преступника // Вестник Нижневарт. гос. ун-та. 2015. № 2. С. 1–7.

⁴ Мерзликин И. Н. Значение профайлинга в современном мире // Научный вестник Моск. гос. технич. ун-та гражданской авиации. 2015. № 218. С. 114–117.

звolyающим смоделировать место происшествия, его отдельные составляющие, а также результаты совершенного общественно опасного деяния. Актуальность научно-технических средств возрастает именно в свете Федерального закона от 04.03.2013 года №23-ФЗ, позволяющего следователю привлекать понятых по собственному усмотрению, если он использует современные средства фиксации научно-техническими средствами.

Целью фиксации является предельно точное, полное и объективное запечатление обнаруженных объектов, фактов. Это может быть как фиксация внешнего вида объекта, его фактического состояния, так и его отдельных свойств¹. Следует отметить, что таковая информация может выступать в качестве источника доказательства только при условии соблюдения ее процессуальной формы.

В процессе проведения отдельных следственных действий информация фиксируется в различных формах и на различных носителях, представленных в материалах дела в виде протоколов, экспертных заключений, иллюстраций и предметов, которые являются доказательствами по уголовному делу, согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ). Следовательно, от того, насколько полно и объективно в них отражена информация, зависит полнота и объективность восстановления всей картины произошедшего события.

К примеру, Р. С. Белкин и Е. Р. Россинская выделяют следующие формы фиксации: вербальную, к которой относятся протоколирование и звукозапись; графическую – графическое изображение (схематические и масштабные планы, чертежи, рисунки); предметную — изъятие самого предмета, изготовление материальных моделей (получение слепков); а также наглядно-образную, представляющую в том числе фотографирование и киносъёмку³.

В рамках заявленной темы подробнее рассмотрим наглядно-образную форму фиксации. Ст. 166 УПК РФ закрепляет правило о том, что при производстве следственного действия могут применяться стенографирование, фотографирование, киносъёмка, аудио- и видеозапись. При этом материалы фото- и киносъёмки, аудио- и видеозаписи, согласно ст. 74, 84 УПК РФ будут являться иными доказательственными документами. Стенографирование может быть использовано для обеспечения полноты протокола согласно ч. 2 ст. 259 УПК РФ. Предоставленная возможность ведения протокола техническими средствами является правом суда общей юрисдикции, а не обязанностью.

В отечественной науке уже давно высказывается мнение о полной замене протокола судебного заседания на бумажном носителе видеопротоколом или аудиозаписью. Так, например, Н. А. Колоколов считает, что «если есть видеофильм, в котором все отражено до мельчайших подробностей, то зачем к нему письменный документ, если мы признаем его неполноту, его неточность, поскольку это не стенограмма, а «свободное» изложение сказанного участниками

---

¹ Бирюков В. В. Научные и практические основы использования компьютерных технологий для фиксации криминалистически значимой информации : монография. Луганск, 2002.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : в ред. от 06.07.2016 // Российская газета. 2001. № 249.

³ Белкин Р. С. Криминалистика: учеб. М., 1999.

процесса»⁴. Между тем В. Д. Зорькин, председатель Конституционного суда РФ, в своем интернет-интервью в 2006 году сказал: «Обеспечению полноты и объективности протокола призваны служить стенографирование судебного заседания и фиксация его хода с помощью технических средств, что предусматривается частью второй статьи 259 УПК РФ. Нужно, только чтобы эти средства рассматривались судами не как возможные, а как обязательные. Сторонам же следует заявлять ходатайства о фиксировании хода судебного заседания с помощью стенограммы или использования технических средств»⁵.

Фотосъемка служит одним из эффективных средств и методов наглядной фиксации всей или частичной обстановки, в которой проводятся отдельные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, а иногда и экспертные исследования, фиксации хода их проведения и результатов. Она является надежным средством и методом наглядного запечатления следов преступления, отдельных предметов и иных материальных объектов, имеющих значение для дела, а также исследования некоторых вещественных доказательств, и тем самым способствует решению задачи объективизации доказывания⁶.

Видеозапись в отличие от фотосъемки позволяет зафиксировать процесс следственного действия и полученные результаты в динамике, что особенно ценно при проверке показаний, производстве опознания личности, следственного эксперимента, жилищного обыска, осмотра места аварии и т.д. Но как фотофиксация, так и видеозапись существенно дополняют протокол соответствующего следственного действия, позволяя участникам процесса на последующих этапах движения уголовного дела составить общее, полное и объективное представление о картине (объекте), запечатленности в протоколе, и рассмотреть детали, придающие убедительность в истинности полученных доказательственных данных.

Ценность видеозаписи в том, что она с исчерпывающей полнотой фиксирует ход допроса, очной ставки, учитывая при этом объем и масштабы следственного действия. Видеопротокол – важное средство, чтобы правосудие было абсолютно объективно. Секретарь может невольно отразить субъективное отношение к тому, что происходит в зале заседаний. А вот видео- и аудиопроколирование лишено такого недостатка.

Еще в 2008 году председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев предлагал ввести законодательно в обязательном порядке вести видеозапись каждого судебного заседания⁷, так как этот вид наглядно-образной фиксации отличается оперативностью, технологической гибкостью и большой информационной емкостью, причем применяется не взамен протокола, а в дополнение к нему⁸.

При производстве таких следственных действий как осмотр, обыск, выемка, нередко обнаруживаются и изымаются различные предметы и документы, в

⁴ Колоколов Н. А. Есть ли альтернатива бумажному протоколу? // Мировой судья. 2006. № 12.

⁵ Предварительные итоги деятельности Конституционного Суда РФ на пороге 15-летия [Электронный ресурс] : интернет-интервью с В. Д. Зорькиным, председателем Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin.html> (12.01.2017).

⁶ Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

⁷ Камера смотрит в суд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakonno.spb.ru/rus/news/279/&sdvig=arhiv> (12.01.2017).

⁸ Еникеев З. Д. Механизм уголовного преследования : учеб. пособие. Уфа, 2002.

том числе не только фотоснимки, но и материалы видеозаписи. Такие видеозаписи могут быть произведены умышленно или случайно потерпевшим, свидетелем, подозреваемым или иным лицом при подготовке к совершению преступления, при совершении либо непосредственно после него.

Порядок «введения» в уголовный процесс таких видеоматериалов, по мнению В. А. Семенцова, должен соответствовать порядку принятому для вещественных доказательств. При этом, в случае осмотра предметов, при производстве следственных действий на месте его проведения, оформляются два процессуальных документа — протокол следственного действия (осмотра, обыска, выемки) и постановление о приобщении предмета к делу в качестве вещественного доказательства⁹.

Таким образом, важное значение для фиксации результатов расследования преступлений имеют научно-технические средства, позволяющие объективно запечатлеть визуально воспринимаемую информацию. Объективность способа позволяет точнее восстановить детали события, что помогает приблизиться к истинной картине совершенного общественно опасного деяния. К тому же, как утверждает М. Б. Вандер, с помощью современных технических средств установленные фактические данные надежно защищаются от необоснованной фальсификации, искажения, подмены, уничтожения и неправомерного использования¹⁰.

Наряду с вышесказанным, нельзя не согласиться с З. Д. Еникеевым, который убежден, что широкое применение научно-технических средств в уголовном процессе – один из путей качественного и эффективного осуществления данной деятельности и одно из неотъемлемых условий успеха в деле уголовного преследования¹¹.

Подводя итог, научно-технические средства на сегодняшний день играют важное, если не ключевое значение в практической жизни сотрудников правоохранительных органов. Современные средства и методы фиксации позволяют восстановить истинную картину происшедшего события до мельчайших подробностей. Нельзя не учесть, что результаты фиксации - наглядно-образные материалы – имеют силу доказательств по конкретному уголовному делу. Для достижения максимального результата, позволяющего оценить и воспроизвести именно ту ситуацию, которая имела место быть в момент совершения преступления, сотрудники следственных органов и органов дознания должны быть не только оснащены современными средствами фиксации, но и уметь качественно и эффективно их применять.

---

⁹ Семенцов В. А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя : учеб.-практ. пос. М., 1997.

¹⁰ Вандер М. Б. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений : конспект лекций. СПб., 2002.

¹¹ Еникеев З. Д. Указ. соч.

М. С. Боровикова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

**Психологические особенности несовершеннолетних,
отбывающих наказание в местах лишения свободы**

В соответствии с Уголовным кодексом РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцать лет¹. Данным лицам может назначаться наказание в виде лишения свободы на определенный срок за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления, которое отбывается в исправительных учреждениях, а именно в воспитательных колониях.

Согласно данным ФСИН РФ по состоянию на 01.01.2017 отбывают наказание в воспитательных колониях 1655 осужденных, в т. ч. 119 несовершеннолетних женского пола².

Во вступительном слове на Всероссийском совещании руководителей территориальных органов и начальников воспитательных колоний ФСИН России отмечалось, что вопросы профилактики преступности среди несовершеннолетних во все времена были значимы, так как подростки являются самой уязвимой категорией населения в любом гражданском обществе. В этой связи, в силу своей возрастной и социальной незрелости, несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы, представляют собой особую группу лиц и составляют основной резерв для взрослой и рецидивной преступности³.

Известным фактом является то, что условия мест лишения свободы активно влияют на осужденного несовершеннолетнего. Среда, в которой находятся осужденные, стимулирует психологическую защиту от возможного притеснения и насилия, вследствие чего у несовершеннолетнего появляется уверенность в несправедливости назначенного наказания. Как отмечает Ю. М. Антонян, это объясняется тем, что взаимное криминальное заражение способствует формированию эмоциональных и смысловых барьеров к основным средствам исправления и требованиям режима отбывания наказания⁴.

Повседневное поведение несовершеннолетних в местах лишения свободы особо отличается повышенной внушаемостью, конформизмом и инфантильностью. Достаточно высокий уровень впечатлительности и восприимчивости, наличие зависимости от принадлежности к неформальным группам усугубляются психолого-педагогическим воздействием со стороны персонала воспитательной колонии, семьи, а также влиянием ближайшего

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 06 июля 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Краткая историческая справка о воспитательных колониях [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: <http://fsin.su/structure/social/vosp%20kolonii/> (14.02.2017).

³ Калинин Ю. И. Вступительное слово : материалы Всероссийского совещания руководителей территориальных органов и начальников воспитательных колоний ФСИН России. М., 2013. С. 3.

⁴ Антонян Ю. М. Основные мотивы поведения осужденных // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 10.

социального окружения⁵.

Большому количеству несовершеннолетних в местах лишения свободы свойственна неадекватная самооценка. Очень часто они стремятся любыми средствами выделиться, обратить на себя внимание, демонстрируя свое превосходство над другими. Отсутствие способности критически оценивать себя является следствием того, что они бравируют преступлением и перекладывают вину на других.

М. П. Сергеев считает, что потребность в признании и подавленная активность осужденного оказывает большое влияние на принятие осужденными норм и ценностей места лишения свободы как смысла своего выживания и последующего дальнейшего существования⁶.

В научных исследованиях выделяются факторы, оказывающие негативное воздействие на психику несовершеннолетнего в местах лишения свободы.

Первым фактором является групповая изоляция. Несовершеннолетние, находясь в небольшом коллективе, постоянно общаются друг с другом. В результате между ними растет число конфликтов, в поведении увеличивается открытая враждебность. Вследствие этого, появляются отвергаемые члены группы.

Вторым фактором является монотонность, ведущая к социальной депривации, т. е. к лишению возможности личности выполнять собственную социальную роль, вследствие социальной изоляции.

Третьим фактором является длительное отсутствие известий от родных или друзей, которые вызывают ощущение покинутости, ненужности, приводящее иногда и к суицидальным попыткам. Также у несовершеннолетних появляется состояние тревожности, депрессии.

В условиях изоляции важным фактором является и одиночество⁷.

Таким образом, нахождение в местах лишения свободы несовершеннолетних не может не отразиться на их психическом здоровье. Попадая в воспитательные колонии, несовершеннолетние оказываются в непривычных, дискомфортных для них условиях, в которых прерывается начатый процесс социализации личности. В это же время в сознании несовершеннолетних происходят различные изменения, как положительные, так и отрицательные.

В процессе адаптации несовершеннолетних к новым условиям и новой социальной среде происходит процесс формирования нового типа личности – личность осужденного. Для данной личности характерно усвоение и закрепление социально-групповых традиций, ценностей и норм тюремной субкультуры, также и акцентуация таких свойств, которые не проявлялись в обычных условиях свободной жизни.

---

⁵ Ковтуненко Л. В., Коломенцев Д. В. Роль семьи в воспитании и исправлении несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 12.

⁶ Сергеев М. П. О совершенствовании правовых основ медико-психологического обеспечения лиц, осужденных к лишению свободы // Медицинское право. 2013. № 2. С. 34.

⁷ Казберов П. Н. Аспекты профилактической работы с проявлениями деструктивного поведения несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 3. С. 32.

А. А. Вокина,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Психологические особенности личности преступника насильственной направленности

Понятие «личность преступника» изучается различными науками – философией, социологией, психиатрией, психологией, юриспруденцией и др. Между тем статус специального объекта исследования данное понятие приобрело в таком направлении юридической психологии, как криминальная психология.

Криминальная психология при изучении личности преступника исследует его субъективный внутренний мир, свойства характера, а также особенности их формирования в процессе жизнедеятельности. Криминальная психология исходит из того, что преступность как социальное явление проявляется через поведение конкретных лиц. Всякое преступление, в конечном итоге, определяется предшествующим опытом человека, его личностными качествами и чертами, которые были сформированы в процессе воспитания и становления его личности, и которые в определённой субъективно сложной или конфликтной ситуации предопределили выбор общественно опасного варианта поведения.

Одним из подходов к изучению личности преступника в криминальной психологии является типологический анализ ее структуры. В зависимости от основания классификации, выделяют такие типы, как экзогенный и эндогенный, глобальный, парциальный, предкриминальный и др. Одной из известных является классификация преступников в зависимости от их ориентации (направленности) на объект посягательства. Выделяют корыстный, насильственный и корыстно-насильственный типы преступников.

Личность преступника насильственной направленности относится к наиболее сложному типу личности в психологическом смысле и к наиболее опасному в юридическом. Психологическая сложность данного типа личности преступника определяется многообразием его мотивов, установок, скрытых личностных переживаний, обуславливающих его криминальное поведение.

Говоря о психологических особенностях личности преступника насильственной направленности, следует сказать о социальных предпосылках ее формирования, т. е. о тех социальных факторах, которые в процессе становления личности, стали решающими при выборе варианта преступного поведения в будущем.

В. Л. Васильев отмечал, что у всех преступников насильственной направленности наблюдается недостаток трех основных сфер воспитания: семья, школа и производственный коллектив¹.

Говоря о семье, как о самом главном факторе, который влияет на всю последующую жизнь человека, необходимо отметить то, что центральную роль в формировании насильственной направленности личности подрастающего индивида играет мать (или то лицо, которое ее заменяло). Если на раннем этапе раз-

---

¹ Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник для вузов. СПб., 2010. С. 279.

вития личности происходит частичное или полное отвержение матерью ребенка, то он начинает отчуждаться от семьи, не считает себя ее членом и все это, в конечном итоге, приводит к эмоциональной депривации. Эмоциональная депривация в детстве является существенным фактором формирования преступного поведения в будущем.

Наряду с отчуждением от семьи происходит и отчуждение от социально-положительных групп (например, от учителей и сверстников в школе), что влияет на социализацию личности. Также, у ребенка наблюдается культурно-образовательная пассивность: отсутствие интереса к учебе, ограниченность и примитивность потребностей. Позже можно наблюдать и предпочтение пассивно-потребительского досуга с преобладанием негативных его форм (потребление алкоголя, наркотиков, беспорядочное сексуальное поведение).

Из-за социального отчуждения и, как следствие, нехватки общения, ребенок начинает искать это общение «на стороне» (т. е. вне семьи, школы и т. п.) и очень часто находит его в кругу себе подобных, оторванных от общества группах с видимым антисоциальным поведением (хулиганство, мелкие кражи, распитие спиртных напитков, принятие наркотиков и др.). С этого момента дальнейшее развитие ребенка ориентируется на то поведение, которое принято в этой группе, в ней же происходит становление всей системы ценностей. В дальнейшем нарушается адаптация и в производственном коллективе: не складываются взаимоотношения с коллегами в связи с недобросовестным отношением к работе, нарушением трудовой дисциплины, созданием конфликтных ситуаций. В конечном итоге все неблагополучные условия воспитания и отношения с родителями, а также с социумом создают предпосылки для формирования личности преступной направленности.

Преступник насильственной направленности – это лицо, которое совершает преступление насильственным способом. Под насилием же принято понимать воздействие на организм и психику человека против его воли в качестве средства достижения преступной цели².

Исследователи выделяют основные личностные черты присущие преступникам насильственной направленности: 1) жизнь, здоровье и достоинство других людей не представляют для них ценности; 2) агрессивность и жестокость в поведении, которая может повлечь причинение тяжких физических и психических страданий другому человеку; 3) злобный и мстительный характер; 4) нанесение ущерба людям как самоцель; 5) повышенная импульсивность поведения; 6) практически полное отсутствие самоконтроля; 7) эмоциональное огрубление; 8) примитивизм и цинизм; 9) стремление немедленно удовлетворить возникающие желания; 10) рассмотрение насилия как самого эффективного способа разрешения любого конфликта; 11) неумение прогнозировать последствия своего поведения; 12) отсутствие или низкий уровень социальной адаптации; 13) не владение основными общественными поведенческими приемами для разрешения конфликтов; 14) широкое использование средств психологической самозащиты (постоянное самооправдание, переложение вины на потерпевшего и внешние факторы); 15) наличие алкоголизма, наркотической зависимости,

---

² Юридический энциклопедический словарь / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2006. С. 767.

психических заболеваний, черепно-мозговых травм³.

По мнению ряда исследователей, наиболее значимой чертой личности преступников насильственной направленности является жестокое и агрессивное поведение, сформированное как предпочтительное по сравнению с адаптивными формами удовлетворения потребностей или разрешения конфликтов, что приводит к устойчивой готовности к нанесению ущерба другим людям⁴. Ко всему прочему, данная черта преступников насильственной направленности очень часто усугубляется алкоголизмом, перенесенными черепно-мозговыми травмами, психическими заболеваниями.

В большинстве случаев целью, которую ставят перед собой преступники насильственной направленности, является нанесение ущерба другому человеку. Напрямую с целью связана продолжительность и жестокость насилия. Зачастую, через главную цель – нанесение ущерба – преступники насильственной направленности пытаются реализовать различные вторичные цели, вернее решить те проблемы или «излечить» те травмы, которые были приобретены в детстве. К примеру, это такие ситуации, в которых преступник посредством насилия пытается самоутвердиться, доказать всем что он сильнее, что его нужно бояться и уважать. Очень часто преступления насильственной направленности совершаются из ревностных, мстительных побуждений.

В связи с анализом личности преступника насильственной направленности всегда имеет смысл ставить вопрос, касающийся психических заболеваний, характерных для данного типа. Специфическими для преступников насильственной направленности являются следующие виды психологических заболеваний: 1) асоциальное расстройство личности (это расстройство личности наиболее тесным образом связано с криминальным поведением взрослых людей); 2) алкогольная и наркотическая зависимость (интоксикация способствует расторможенности; она устойчиво связана с насильственными преступлениями, включая убийство; к совершению преступления может приводить также интоксикация наркотическими средствами); 3) умственная отсталость (умственно отсталые люди могут совершать преступления уже потому, что они не понимают значения своего поведения и не осознают его последствий, или же подпадая под влияние других лиц, которые используют их в собственных интересах); 4) эпилепсия (большинство больных эпилепсией могут страдать мозговым расстройством, которое вызывает как припадки, так и преступное поведение); 5) аффективное (депрессивное) расстройство (тяжелое депрессивное расстройство может привести к убийству); 6) шизофрения (у некоторых больных шизофренией преступление является одним из выражений общей неспособности адаптироваться к жизни в обществе; эти люди, как правило, апатичны; им не хватает рассудительности, они не в состоянии строить логически верные суждения)⁵.

Несмотря на то, что вышеперечисленные психические заболевания выделяются в науке как характерные для данной категории преступников, между тем, среди ученых нет единого мнения относительно того, что именно психиче-

³ Еникеев М. И. Юридическая психология : краткий учебный курс. М., 2004. С. 33–40.

⁴ Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии : учебник для вузов. М., 1996. С. 311.

⁵ Антонян Ю. М., Бородин С. В., Кудрявцев В. Н. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 96–104.

ские расстройства являются побуждающим фактор к совершению насильственных преступлений.

Завершая обзор психологических особенностей личности преступника насильственной направленности можно выделить основные из них: 1) окружающая среда преступниками насильственной направленности воспринимается как среда враждебная им; 2) им присуще повышенная чувствительность к малейшим личностным поражениям, неспособность к социально адекватной их компенсации; 3) преступники насильственной направленности аутичны (социально отчуждены); 4) преступники насильственной направленности эмоционально неустойчивы, патологически вспыльчивы, мстительны, психически неуравновешенные, страдают резкими перепадами настроения; 5) у преступников насильственной направленности крайне завышен уровень притязаний; 6) преступники насильственной направленности склонны к пребыванию в экстремальных ситуациях, активно иницируют их; 7) акцентуированно склонны к самоутверждению; 8) стремятся к постоянной гиперкомпенсации присущего им чувства неполноценности.

А. В. Гриб,

*студентка 4 курса Барановичского
государственного университета*

Личность несовершеннолетнего преступника

Личность несовершеннолетнего преступника представляет повышенный исследовательский интерес, поскольку знания о психологической и криминологических особенностях несовершеннолетних позволяют выявлять механизмы и причины их преступного поведения, а также дают ключ для разработки воспитательно-предупредительных мер.

Понятие «личность несовершеннолетнего преступника» тесно связано с более общим понятием «личность преступника», относящихся к числу самых крупных и фундаментальных понятий криминологии и юридической психологии.

В учебной и научной литературе дается множество определений личности преступника. Так, Ю. М. Антонян личность преступника определяет как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата»¹. А. И. Алексеев под личностью преступника понимает «совокупность социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение»². П. С. Дагель дает следующее определение личности преступника: «Совокупность социально-политических, психологических и физических

---

¹ Антонян Ю. М. Личность преступника. Криминология : учебник / под. ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2009. С. 10.

² Алексеев А. И. Криминология : курс лекций. М., 1998. С. 184.

признаков лица, совершившего преступление, имеющих уголовно-правовое значение»³. Таким образом, личность несовершеннолетнего преступника, исходя из логики соотношений общего к частному, содержит в себе вышеуказанные исследователями свойства, относящиеся к личности преступника вообще.

Важно отметить, что законодатель не дает определение личности несовершеннолетнего преступника. Например, в Законе Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 31 мая 2003 г. № 200-З⁴ раскрыты лишь такие понятия, как: безнадзорный, беспризорный несовершеннолетний; несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении. Именно этой категорией подростков чаще всего совершаются преступления.

В криминологической науке понятие несовершеннолетнего преступника принято связывать с возрастом субъекта преступления.

В соответствии с п. 8 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь под несовершеннолетним понимается лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет⁵.

Итак, из вышесказанного можно сделать вывод, что личность несовершеннолетнего преступника – это личность, отличающаяся совокупностью негативных социально-психологических, нравственно-правовых свойствами, признанное судом, совершившим преступление до достижения совершеннолетнего возраста в результате отрицательных внешних условий и ситуативных обстоятельств.

В отечественной криминалистической литературе принято разделять несовершеннолетних правонарушителей на четыре типа, в зависимости от их криминальной «зараженности».

1. Лица, впервые совершившие преступления (обычно такие подростки совершают малозначительные правонарушения под влиянием конфликтной или чрезвычайной ситуации).

2. Лица, впервые совершившие преступление под влиянием ситуации, однако, в их поведении имеются отрицательные наклонности, такие как употребление спиртных напитков, наркотиков, курение, побеги из дома и т. п.

3. Подростки с общей нравственной деформацией, т. е. те, кто уже совершал различные правонарушения, привлекался к административной ответственности, направлялся в специальные школы и профтехучилища.

4. Лица, чья нравственная деформация представляет серьезную опасность для общества, чье поведение носит стойкий антисоциальный характер (в этой категории могут быть уже и, как правило, лица, уклоняющиеся от работы и

---

³ Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 15.

⁴ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г. № 200-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

учебы, объединившиеся в подростковые преступные группировки или входящие в состав взрослой преступной структуры⁶.

Знания о личности типичного преступника имеют большое практическое значение, позволяющее раскрывать и расследовать уголовные дела, профилировать преступность несовершеннолетних и проч.

Обобщая криминологическую характеристику личности несовершеннолетнего преступника, можно выделить три основные группы свойств, к которым она сводится:

– во-первых, к половозрастной характеристике несовершеннолетних, совершивших преступления;

– во-вторых, к характеристике преступности различных по роду занятий социальных групп несовершеннолетних;

– в-третьих, к характеристике личностных особенностей несовершеннолетних преступников.

1. Половозрастная характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления. Очевидно, что главное при рассмотрении личности несовершеннолетнего преступника – это его возраст. С этим связаны определенные биологические, психологические и психические изменения в структуре личности.

Определяющую роль здесь играет формирующаяся система ценностей личности, собственная социальная практика, образцы поведения, усвоенные в семье и ближайшем окружении. Свойственные же возрасту особенности лишь усиливают значение средовых влияний, поскольку внутренняя сфера личности еще не сформирована окончательно.

Выборочные исследования особенностей личности несовершеннолетних преступников позволяет сделать вывод о том, что среди них доминируют лица старшего возраста (16-17 лет) – около 70%⁷.

Данная статистика объясняется разными причинами: во-первых, это своеобразный рубеж процесса самоутверждения и взросления (подростки получают паспорта, некоторые начинают работать, все больше выходят из-под семейного контроля, растет их самостоятельность, они учатся в ПТУ, живут в общежитиях, имеют карманные деньги); во-вторых, расширяется круг знакомых, перед юношами и девушками встают новые, более сложные жизненные проблемы. Максимальный удельный вес этой возрастной группы отмечен почти по всем составам преступлений.

Доля несовершеннолетних преступников в возрасте 14–15 лет составляет около 25%. Указанные показатели сохраняют относительную стабильность более 10 лет. Однако вышеизложенное не означает необходимость сосредоточения профилактических усилий исключительно на старшей возрастной группе преступников, так как антиобщественные установки формируются у несовершеннолетних в более раннем возрасте.

---

⁶ Ипатов А. А. Криминалистика : учебно-методический комплекс. М., 2008.

⁷ Личность несовершеннолетнего преступника [Электронный ресурс]. URL: <http://poisk-ru.ru/s3032t2.html> (02.01.2017).

Следует обратить внимание на соотношение лиц мужского и женского пола среди несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности. Так, доля лиц женского пола среди совершивших преступления несовершеннолетних сравнительно составляет около 8%. Не случайно, поэтому на практике преступность несовершеннолетних женского пола традиционно рассматривается как особая проблема юношеской преступности.

2. Характеристика преступности различных по роду занятий социальных групп несовершеннолетних. По степени криминальной активности (в зависимости от социальной занятости) из года в год статистика преступности несовершеннолетних ранжируются по убывающей в строго определенном порядке: неработающие и не учащиеся, затем работающие, учащиеся профессионально-технических училищ, и после них следуют учащиеся общеобразовательных школ и студенты вузов.

Судя по расчетам криминологов, такая тенденция сохраняется и на сегодняшний день. Однако есть ряд обстоятельств, позволяющих отметить некоторые изменения. На протяжении ряда лет происходит заметное сближение почти всех (за исключением неработающих и неучащихся) категорий несовершеннолетних по уровню проявляемой ими активности в совершении преступлений⁸.

Несовершеннолетние, совершившие преступление, как правило, отличаются плохой успеваемостью, утратой интереса к учебе. Среди подростков, совершивших преступления нередко встречаются лица, не имеющие образования. При этом подросток становится все более уязвимым к воздействию со стороны одноклассников. Он малочувствителен к осуждению его плохой учебы, как правило, уверен в своей непогрешимости.

В производственной сфере у таких подростков отмечается отсутствие интереса к выполняемой трудовой деятельности, утилитарное отношение к профессии (как к возможности извлечь из нее только материальную и иную потребительскую выгоды), отсутствие связанных с ней планов, отчужденность от задач производственного коллектива, его нужд. Такие подростки не испытывают боязни увольнения, так как полагают, и не без основания, что всегда смогут без труда устроиться в другое учебное заведение, на другое предприятие и даже, более того, обеспечить себе высокий денежный и другой потребительский доход⁸.

3. Характеристика личностных особенностей несовершеннолетних преступников. Известно, что контингент несовершеннолетних преступников отличается недостаточной зрелостью мышления и сознания, неразвитостью волевых качеств личности, недостаточностью социального опыта, повышенной эмоциональностью и возбудимостью, которые, в свою очередь, легко переходят в запальчивость и агрессивность.

Подростковый возраст сопровождается психической неуравновешенностью с частыми аффективными вспышками, эмоциональной неустойчивостью (лабильностью), повышенной потребностью к самоутверждению, безразличием к чужому страданию, ослаблением чувства

---

⁸ Алауханов Е. А. Криминология : учебник. Алматы, 2008.

стыда, страстью к подражанию другим, эгоцентризмом, повышенным уровнем притязаний и самооправдания, негативным отношением к нравственным ценностям, значительным сужением круга интересов, злостью, грубостью и мстительностью⁹.

Таким образом, обобщая данные о личности несовершеннолетнего преступника, можно сделать следующие выводы:

1) Личность несовершеннолетних преступников имеет характерные особенности, изучение которых дает возможность выбрать наиболее эффективные меры воспитательно-предупредительного характера, а также для своевременной коррекции личности несовершеннолетних, характеризующихся асоциальным поведением, но еще не вставших на путь преступления;

2) Учет изложенных факторов накладывает на правоохранительные органы дополнительные обязательства, во многом определяет особенности методики расследования, формирует тактику действий. Взаимоотношения с несовершеннолетними должны не только строиться в соответствии с процессуальными нормами, но и охватывать широкий спектр нравственных и психологических моментов.

Л. И. Деревцова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Формирование преступной направленности личности несовершеннолетнего

Проблемы преступности были и остаются в центре внимания специалистов разных областей науки и практики: юриспруденции, социологии, психологии, девиантологии, поскольку они прямо и наиболее остро затрагивают интересы общества, подрывая его целостность и жизнеспособность.

На протяжении уже многих лет неотъемлемой частью общей криминальной ситуации в стране являются преступления, совершаемые несовершеннолетними. Свою актуальность данная проблема не теряет и в настоящее время, особенно в связи с изменяющимся половым и возрастным составом несовершеннолетних, совершающих правонарушения, психологическими новообразованиями их личности, на что неоднократно указывается в современной научной литературе. В связи с этим необходимость мониторинга совокупности причин, которые побуждают несовершеннолетних совершать противоправные действия, иначе говоря, вопросы о формировании преступной направленности их личности, остается по-прежнему актуальными.

Направленность личности в психологии определяется как устойчивая (трансситуативная) устремленность, ориентированность мыслей, чувств, желаний, фантазий, поступков человека, которая является следствием доминирова-

---

⁹ Кравченко А. И. Социология девиантности [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru>. (02.01.2017).

ния определенных (главных, ведущих) мотиваций¹.

Для понимания механизма формирования преступной направленности личности несовершеннолетних важно знать причины, лежащие в его основе. Причины, обуславливающие данный процесс, принято делить на три большие группы.

К первой группе причин относятся факторы, связанные с воздействием общества на несовершеннолетних, как непосредственного участника в их воспитании. Известно, что развитие личности протекает в процессе социализации, которая длится, как правило, на протяжении всей жизнедеятельности человека, в процессе которой происходит становление предпочтений, жизненных позиций, мотивов, ценностей. Все это становится определяющим в мироощущении и миропонимании личности, а также предопределяет его отношение к самому себе, к обществу в целом.

Выделяются первичная и промежуточная социализация. В формировании личности преступника большую роль играет первичная социализация, при которой в юном возрасте легко впитываются все происходящие вокруг события и образы, закрепляются и усваиваются антиобщественные взгляды. Изучение личности взрослых преступников показывает, что в их психологической структуре выявляются те факты, которые были заложены в психике в период первичной социализации.

Второй группой причин, формирующих преступную направленность личности несовершеннолетнего, является негативное влияние малых социальных групп: семьи, друзей, школы.

Так, отсутствие семейного воспитания, должного контроля со стороны родителей, как известно, является первопричиной асоциального формирования личности. Важно отметить, что такая распространенная проблема, как безнадзорность несовершеннолетних является прямым следствием родительской безответственности, пьянства, аморального поведения, грубости и жестокости со стороны членов семьи; хотя может возникнуть и в силу объективной невозможности (состояния здоровья родителей, неполной семьи и т. д.). Как показывает практика, замещающим элементом при отсутствии понимания в семье являются различные группы сверстников с антиобщественным поведением.

Третьей группой причин, влияющей на формирование преступной направленности личности несовершеннолетних, выступают их собственные личностные новообразования. Существует биологический и социальный аспекты формирования личности или личности преступника, которые, в свою очередь, заключаются в гипотезе о том, что человек должен быть приспособлен к встрече с окружающим миром, уметь противостоять ему.

Процесс адаптации личностных новообразований несовершеннолетнего может пойти неправильно и заключаться в несоответствии между свойствами личности и требованиями окружающей действительности. У таких несовершеннолетних, как правило, занижена самооценка, слабо развито представление о нравственности, о праве, закрепляются асоциальные стереотипы поведения. Несовершеннолетние становятся конфликтными по отношению к социальной сре-

---

¹ Большой психологический словарь / общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб, 2003. С. 289.

де, они недостаточно готовы к конструктивному общению, работе и другим формам взаимодействия с обществом.

По мнению Н. С. Таганцева, в совокупность личных данных, предрасполагающих к преступлению, должны входить и органические, или физиологические, особенности личности виновного, состояние и развитие его умственных способностей, темперамент, чувствительность, нервозность, временные патологические. Сумма этих условий и образует состояние преступности, что является объектом карательной деятельности, получающей, однако, свое применение лишь в том случае, когда это состояние проявилось в деянии².

Одним из важнейших аспектов при изучении преступной направленности личности несовершеннолетних являются мотивационные особенности их личности. Мотив в конкретном поведении человека выполняет прежде всего побудительную роль, возникая непосредственно под влиянием потребностей и интересов. По мнению В. Э. Мильмана, мотив преступного поведения имеет важное криминологическое значение, так как отражает не только особенности личности преступника, но и дает представление о глубине и степени устойчивости антиобщественных взглядов³. Мотивами формирующей направленности личности могут выступать: стремление улучшить свое материальное положение; потребность в самоутверждении; желание к повышению авторитета среди друзей; агрессивность, злость, страх; зависть; потребность в еде, одежде; желание удовлетворить половое влечение; борьба за принадлежность к определенной группировке.

Следовательно, личность с сформированной преступной направленностью является некой моделью, обладающей специфичными не характерными для обычного человека чертами: антиобщественными взглядами, негативным отношением к моральным ценностям, а также отсутствием проявления активности в предупреждении и предотвращении негативного результата⁴. Проблема преступности несовершеннолетних, несмотря на наличие многочисленных исследований в области социологических, юридических и психологических наук, на современном этапе развития общества остается актуальной и требует совершенства путей ее решения. В связи с этим мы считаем, что главными задачами на сегодняшний день являются: 1) предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому; 2) обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; 3) социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; 4) выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий; 5) повышение культурного, а вместе с тем потребностного уровней несовершеннолетних. Важно, чтобы данные задачи на практике имели реальный результат, показывающий на улучшения и эффективность работы с несовершеннолетними.

---

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общая. Т. 2. Тула. 2001. С. 42.

³ Мильман В. Э. Побудительные тенденции в структуре деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 13. С. 12.

⁴ Лунеев В. В. Преступность XX века. М., 2005. С. 912.

А. А. Дудкова,

студентка 5 курса

МГУ имени А. А. Кулешова

Республика Беларусь

Организационные основы допроса в остроконфликтной ситуации

Известно, что организация и производство допроса во многом зависит от сложившейся между его участниками ситуации, от того является она бесконфликтной либо конфликтной. Бесконфликтная ситуация характеризуется полным или частичным совпадением интересов участников допроса, отсутствием противоречий в целях, к достижению которых направлены их усилия на конкретном этапе расследования уголовного дела.

В научной литературе отмечается, что ситуации конфликтов различной длительности и остроты возникают тогда, когда между участниками процесса устанавливаются отношения соперничества и противодействия. Тактическая борьба в конфликтной ситуации в свою очередь происходит как нестрогое и строгое соперничество. Сущность этих видов ситуаций представляет собой противостояние, обусловленное оборонительным признаком допрашиваемого. Отрицание части обвинения, отдельных эпизодов преступления менее опасно для судьбы дела, тем временем отрицание всего криминала в целом чревато негативными последствиями. В случае остроконфликтной ситуации допрашиваемое лицо нередко ведет себя агрессивно, симулирует припадки, обмороки. Чтобы избежать такие негативные факторы необходимо правильно организовать и спланировать допрос такого лица¹.

Противодействие расследованию проявляется как в сокрытии преступления (утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация доказательств), так и в воспрепятствовании его расследованию (лжесвидетельствование, сговор, ложное алиби)².

Как показывает практика, наиболее часто конфликтные ситуации возникают в ходе предварительного следствия в процессе допроса подозреваемого, обвиняемого. Причиной соперничества недобросовестного подозреваемого, обвиняемого является то, что они преследуют иную цель, чем следователь. При чем цель, к которой стремится, давая ложные показания, недобросовестный подозреваемый, обвиняемый может полностью или частично не совпадать с целью, которую преследует допрашивающий³.

Чем острее конфликт между следователем и допрашиваемым, тем сложнее допрос, тем важнее выяснить и устранить причины, обусловившие конфликт. Это позволяет смягчить или полностью устранить конфликтную обстановку.

Известно, что основой деятельности следователя являются тактические приемы, которые в совокупности образуют криминалистическую тактику. Тактика допроса – это совокупность приемов практического его осуществления. Ее цель – получить от допрашиваемого подлинные показания. Тактика является

---

¹ Васильев А. Н. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970.

² Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984.

³ Васильев А. Н. Указ. соч.

наиболее эффективной и пропорциональной организацией производства следственных действий, в том числе допроса в остроконфликтной ситуации.

Одним из основных тактических приемов допроса в условиях конфликтной ситуации является выявление мотивов дачи ложных показаний и устранение данных мотивов. Такими мотивами могут быть, например, стремление уйти от ответственности или добиться менее сурового наказания, боязнь мести соучастников, жалость к соучастникам и т. д. В подобных случаях следователь должен убедить допрашиваемого, что уйти от ответственности таким путем невозможно, так как его вина все равно будет доказана и наказание, напротив, будет более суровым, также в том, что правоохранительные органы в состоянии предоставить ему необходимую защиту. Возможно, не сразу, но нередко допрашиваемый соглашается с данными доводами и отказывается от установки на ложь⁴.

Допрос в остроконфликтной ситуации рекомендуется начать с мелочей, издали, с отвлекающей беседы, расспросить допрашиваемое лицо о судимостях, узнать, где отбывал наказание, где жил и работал. Важное значение для изучения личности обвиняемого и установления с ним контакта приобретает его допрос по вопросам, анкетной части протокола. Обвиняемому надо дать высказаться до конца, не перебивая, и как можно подробнее занести его показания в протокол – прием допущения легенды. По ходу показаний задаются вопросы незначительные и важные, среди них и такие, на которые уже известен правильный ответ⁵. Когда протокол подписан, и обвиняемый окончательно вошел в свою роль, думая, что ему удалось обмануть следствие, целесообразно проанализировать его показания и объяснить обвиняемому, что обман давно раскрыт и его не прерывали лишь по тактическим соображениям.

Для такого приема, как использование слабых мест личности необходимо стимулировать все положительные личностные качества допрашиваемого, нежелающего давать правдивые показания. Для этого крайне важно выявить и активизировать такие качества допрашиваемого, как чувство собственного достоинства, смелость, гуманность, совесть.

Необходимо отметить и такой тактический прием, как повторный допрос. Он проводится после того, как собраны новые улики, пусть даже незначительные, ранее не фигурировавшие при допросе. Бессмысленно проводить его в том же объеме, с теми же доказательствами, что и первый. Обвиняемый сразу же ориентируется и поймет, что за этот период в отношении него не собрано новых доказательств, а это, в свою очередь, вселит в него уверенность, что удастся избежать изобличения⁶.

В том случае, если обвиняемый упорно не желает давать правдивые показания, более правильно в отношении него избрать тактику постепенного предъявления отдельных доказательств. Доказательства можно предъявлять двумя способами: по нарастающей последовательности (от более слабого к более вескому) либо начиная сразу с наиболее важного доказательства. Первый способ практикуется, когда доказательств сравнительно много, но ни одно из них не будет особенно веским, решающим. Расчет следователя строится на том, чтобы

⁴ Криминалистика / под ред. А. Г. Филиппова. М., 2007.

⁵ Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии : учеб. пособие. М., 1998.

⁶ Там же.

продемонстрировать допрашиваемому ряд доказательств в виде стройной цепи, убедить его в бессмысленности заперательства и в необходимости сказать правду. Второй способ применяется, когда доказательств сравнительно немного, но среди них есть такое, к опровержению которого допрашиваемый психологически не подготовлен⁷.

Ещё одним тактическим приемом является внезапность предоставления доказательств и постановки вопросов. Если доказательств недостаточно, используются приемы, которые способствуют формированию у допрашиваемого убеждения в неотвратимости изобличения. Здесь правомерен и такой прием, как оставление допрашиваемого в неведении об объеме доказательств, имеющих у следователя. Этот прием успешно применяется на допросе по групповым преступлениям.

Каждый такой допрос хотя и не достигает цели сразу, но все же оказывает на обвиняемого определенное влияние. Когда же позиция обвиняемого будет поколеблена, то все имеющиеся известные ему доказательства и новые улики могут быть предъявлены ему в совокупности. Обвиняемый, дающий ложные показания, после допроса проявляет растерянность и все время возвращается к мысли, что его отпирательство не имеет смысла, что он уличен и уже нет сил продолжать заператься. Вначале он защищается в надежде на то, что его вину не смогут доказать, но эта уверенность с каждым новым допросом исчезает. Любая отговорка тут же опровергается, любая ложь тут же обнаруживается, повсюду выступают противоречия, со всех сторон его окружают доказательства⁸.

Ещё одним своеобразным приемом является инерция. Его сущность заключается в том, что следователь, беседуя с допрашиваемым, незаметно переводит разговор на отвлеченные темы в сферу природы выясняемого факта. Допрашиваемый увлеченный рассказом о постороннем, нейтральном, при умелом направлении разговора «по инерции» проговаривается о том, что собирался утаить от следователя.

Немаловажным приемом является изменение темпа допроса. Различают форсированный (высокий) и замедленный темпы.

Нередко допрашиваемый в ходе допроса, медлит, старается обдумать и подготовить свои ответы с тем, чтобы они соответствовали известным следователю обстоятельствам, не противоречили ранее сказанному и не расходились бы с ответами на новые вопросы. В таких случаях целесообразно применение высокого темпа допроса. Навязывая допрашиваемому активность, следователь берет инициативу в свои руки, опережает ход его мыслей, не давая возможности для размышления и уловок. Поступление обильной информации от следователя исключает замедление ответов и использование выдуманной лжи. Отвечая в форсированном темпе, допрашиваемый оказывается вынужденным рассказать о том, что он знает относительно интересующего следователя факта. Но бывают случаи, когда подозреваемый, обвиняемый сам выбирает высокую скорость речи, чтобы попытаться «проскочить» отдельные детали события, по поводу которых не желает давать объяснений. В этом случае следователь не принимает навязываемый ему высокий темп беседы, не дает допрашиваемому возможности избежать подробного освещения вопросов и замедляет темп допроса, снова и

⁷ Криминалистика / под ред. А. Г. Филиппова. М., 2007.

⁸ Порубов Н. И. Указ. соч.

снова предлагая дополнить, разъяснить, уточнить интересующие его обстоятельства. Этим следователь добивается от допрашиваемого подробных и четких показаний.

Такой тактический прием как «зашифрованный» или «косвенный» допрос (отвлечение внимания) чаще всего применяется, когда следователь не стремится вступить в психологический контакт, заранее зная, что допрашиваемый не собирается рассказывать правду, а, поняв цель допроса, даст ложные показания. Некоторые недобросовестные подозреваемые, обвиняемые в ходе допроса внимательно наблюдают за следователем, стремясь уловить, что именно он желает выяснить, какое значение могут иметь для раскрытия преступления те или иные сведения. В этих случаях, чтобы усыпить «бдительность» допрашиваемого, следователь не акцентирует внимания на том главном вопросе, по поводу которого ему важно получить правильные показания, а как бы «растворяет» его в числе других вопросов, не имеющих в данном случае существенного значения. Так отвлекается внимание допрашиваемого от основного факта, который важно установить следователю. В такой обстановке допрашиваемый становится менее осторожен в изложении обстоятельств, относящихся к главному⁹.

Таким образом, в практике допрашивающего в условиях остроконфликтной ситуации имеется как минимум восемь тактических приемов, направленных на получение правдивых показаний: 1) повторный допрос; 2) опущение легенды; 3) создание представления об осведомленности следователя; 4) использование слабых и сильных сторон личности допрашиваемого; 5) последовательность и внезапность постановки вопросов и предъявления доказательств; 6) инерция; 7) форсированный и замедленный темп; 8) «зашифрованный» или «косвенный» допрос.

И наконец, необходимо иметь в виду тот факт, что допрос должен быть проведен профессионально грамотно, ведь достаточно неуверенного тона, беспоконного взгляда, незначительного волнения, повышенного интереса к словам допрашиваемого, и ему станет ясно, что следователь не располагает необходимыми доказательствами.

Д. А. Козьминых,

*магистрант 1 года обучения
ПГГПУ*

Направления и формы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних

Проблема девиантного поведения подростков была и остается одной из актуальных проблем, существующих в современном обществе. Французский философ и правовед Ш. Монтескье по этому поводу писал: «Легче предупредить преступления, чем наказывать», поэтому предупреждение девиации является важной, хотя и непростой задачей не только для государства, но и для общества в целом.

---

⁹ Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976. С. 55–58.

В общепринятом понимании профилактика – это предупреждение возникновения процесса, деятельности или явления.

Я. И. Гишинский определяет предупреждение преступности и иных форм девиантного поведения как «воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на криминогенные (девиантогенные) факторы, которое ведет к снижению и/или желательному изменению структуры девиантности и к не совершению потенциальных девиантных поступков»¹.

Профилактика девиантного поведения – это система общих и специальных мероприятий на разных уровнях организации общества: общегосударственном, правовом, общественном, экономическом, медико-санитарном, педагогическом, социально-психологическом².

Благодаря разным уровням организации общества можно выделить следующие основные подходы к профилактике девиаций несовершеннолетних:

Информационный подход. Основывается на том, что отклонения от социальных норм в поведении несовершеннолетних проявляются потому, что подростки их просто не знают. Следовательно, главным направлением работы должно стать информирование несовершеннолетних об их правах, обязанностях, социальных нормах, требованиях, предъявляемых государством и обществом к выполнению сформировавшихся для данной возрастной группы. Информирование с целью формирования правосознания подростка, повышения уровня его образованности, усвоения морально-нравственных норм следует осуществлять через средства массовой информации (радио, телевидение, печатные издания), кино, театр, художественную литературу, интернет.

Социальный подход. Главной целью признает выявление, нейтрализацию и устранение причин и условий, способствующих формированию отклоняющегося поведения. Сущность данного подхода заключается в системе социально-экономических, общественно-политических, организационных, правовых и воспитательных мероприятий, которые проводятся государством, обществом, образовательными организациями, социальными работниками для минимизации или предотвращения факторов, причин девиаций.

Медико-биологический подход. Представляет собой предупреждение возможных отклонений от социальных норм целенаправленными мерами лечебно-профилактического характера по отношению к лицам, страдающими различными психическими аномалиями, т.е. патологиями на биологическом уровне.

Социально-педагогический подход. Заключается в восстановлении или коррекции качеств личности несовершеннолетнего с девиантным поведением, в особенности его нравственных и волевых качеств. Сознательный человек – гражданин – это тот, кто обладает развитой способностью владеть своими побуждениями, поступками во имя нравственных целей. Такой человек никогда не допустит нарушений социальных норм и закона.

---

¹ Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб., 2004. С. 223.

² Змановская Е. В., Рыбников В. Девиантное поведение личности и группы : учеб. пособие. СПб., 2010. С. 159.

Выделяется еще один подход к профилактике девиантного поведения, он связан с применением санкций. Его сущностью является наказание человека, чье поведение отклоняется от существующих норм, с целью предупреждения их совершения повторно.

Помимо различных подходов к профилактике существуют уровни профилактики девиантного поведения: в широком смысле профилактика понимается как система социальных мер, в узком – как направление психологической деятельности. Психолого-педагогическая помощь, как один из уровней системы играет в ней связующую роль. Это отражается в таких принципах психолого-педагогической работы, как добровольность, конфиденциальность, взаимное доверие, поддержка, уважение личности.

Е. В. Змановская выделяет два направления психолого-педагогической помощи: превенция, то есть предупреждение, профилактика, и интервенция – преодоление, реабилитация, коррекция³.

Важными составляющими профилактической работы с подростками считаются комплексный характер, последовательность действий, своевременность осуществления.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) разделяет профилактику на первичную, вторичную и третичную.

Первичная профилактика (общесоциальная) имеет цель устранить негативные факторы, вызывающие определенные явления, а также повысить устойчивость личности к влиянию таких факторов. Первичная профилактика такого явления как отклоняющееся поведение определяется как массовая и универсальная превенция девиантного поведения. К направлениям общесоциальной профилактики относят, к примеру, повышение уровня жизни населения, стремление уменьшить разрыв между наиболее и наименее обеспеченными слоями, создание условий для высокой социальной мобильности, формирование правосознания, атмосферы толерантности.

Вторичная профилактика (специальная профилактика) – это выявление на ранних стадиях и коррекция неблагоприятно влияющих факторов, как индивидуальных, личностных, так и социальных, которые с высокой вероятностью могут вызвать девиантное поведение. Прежде всего, это профилактическая деятельность с так называемой группой риска, то есть с несовершеннолетними, воспитывающимися в неблагоприятных социальных условиях. Специальная профилактика может проявляться в различных мерах – от установления охранной сигнализации, домофонов, психологической и социальной помощи «группам риска» до эффективной социальной политики, усовершенствования законов, организации «соседского контроля», то есть взаимодействия общества и властных органов.

Задачей третичной профилактики (индивидуальной) является лечение нервно-психических расстройств, которые сопутствуются нарушениями в поведении личности. Немаловажной задачей третичной профилактики также являет-

---

³ Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие. М., 2003. С. 161.

ся предотвращение рецидива у лиц, с уже сложившимся отклоняющимся поведением.

Сущность индивидуальной профилактики заключается в работе с подростками с отклоняющимся поведением, то есть с теми, кто состоит на учете в полиции, употребляет наркотические средства, страдает алкоголизмом, совершил суицидальную попытку, освобожден из мест лишения свободы.

Наряду с этим, можно выделить три основных уровня профилактики девиантного поведения несовершеннолетних: 1) личностный; 2) семейный; 3) социальный.

На личностном уровне воздействие направлено на формирование таких качеств личности, которые создают основу для социально-приемлемого поведения несовершеннолетнего. Семейный уровень предполагает влияние на семью подростка и его ближайшее окружение для предотвращения формирования и развития девиантного поведения. Социальный уровень профилактической деятельности способствует изменению общественных норм в отношении девиантного поведения, что создает благоприятные условия для организации профилактической работы на личностном и семейных уровнях.

Психопрофилактическая работа – это система психологических мер, которые направлены на предупреждение девиантного поведения личности или группы. Психопрофилактическая работа может входить в комплекс мероприятий всех трех уровней. Более результативной она будет в форме воздействия на условия и причины, способствующие формированию у несовершеннолетних девиантного поведения, на начальных этапах. Психопрофилактическая работа может проявляться в разных формах.

Первая форма – организация социальной среды. Как известно, окружающая среда влияет на личность, а значит и на возникновение девиаций. Через воздействие на факторы социальной среды можно предупредить отрицательное поведение личности. Способами организации благоприятной социальной среды может быть социальная реклама, выступление молодежных кумиров, создание молодежных движений, проведение социальных акций. Главным недостатком данной формы является отсутствие прямой зависимости между социальными факторами и девиациями.

Вторая форма – информирование. Лекции, беседы, специальная литература, фильмы и видеоролики, данные статистики, например, о влиянии алкоголя на организм человека. Недостаток этой формы заключается в том, что само по себе информирование не влияет на уровень девиации, а иногда и, наоборот, вызывает интерес. Также нужно учитывать своевременность информирования и его содержание.

Третья форма психопрофилактической работы – активное социальное обучение социально-важным навыкам. Данная форма реализуется в форме групповых тренингов (например, тренинг формирования жизненных навыков, тренинг устойчивости к негативному социальному влиянию). В работе с несовершеннолетними такая форма профилактики является одной из наиболее эффективных.

Четвертая форма – организация деятельности, альтернативной девиантному поведению. Данная форма связана с показом замены девиантного поведе-

ния на более интересные и полезные виды деятельности. Альтернативными формами активности могут стать: путешествия, походы, сплавы, спорт, творчество. Такая форма реализуется в большинстве программах оказания помощи при уже сформировавшемся девиантном поведении.

Пятая форма – организация здорового образа жизни. Здоровый образ жизни предполагает здоровое питание, регулярные физические нагрузки, соблюдение режима труда и отдыха, исключение излишеств.

Шестая форма – активация личностных ресурсов. Занятие спортом, творческое самовыражение, арттерапия – все это активизирует личностные ресурсы, которые обеспечивают активность личности, ее здоровье и устойчивость к неблагоприятному внешнему воздействию.

Седьмая форма – минимизация негативных последствий отклоняющегося поведения. Профилактика рецидивов и их негативных последствий в случаях уже сформированного девиантного поведения⁴.

Данные формы психопрофилактики могут осуществляться в индивидуальном, семейном или групповом способах организации работы.

На наш взгляд достаточно сложно выявить наиболее эффективную систему профилактики девиантного поведения подростков. Безусловно, на сегодняшний день педагогическая система профилактики девиантного поведения несовершеннолетних должна обеспечить непрерывность воздействия профилактической работы, субъектно-ориентированный подход к профилактике девиантного поведения подростков, создание комплексных групп специалистов, обеспечивающих социальную защиту детей.

Таким образом, профилактика девиантного поведения подростков – социально-педагогическая деятельность семьи и образовательных организаций, государственных и общественных учреждений, направленная на предупреждение и снижение риска возникновения отклоняющегося от общепринятых норм поведения несовершеннолетних с помощью формирования у них нравственности, правовых знаний, социально-полезных навыков, интересов и увлечений.

А. В. Кольцова,

*курсант 3 курса
БЮИ МВД России*

Формирование «профессионального» письменно-двигательного навыка

В судебно-следственной практике встречаются случаи, когда возникает необходимость установления исполнителя рукописной записи либо подписи. При этом выделяются две основные ситуации:

1. Когда установлен предполагаемый исполнитель рукописного документа.
2. Когда исполнитель рукописного документа не установлен.

В первой ситуации актуальным является назначение и производство идентификационной почерковедческой экспертизы. Во второй ситуации необходимо получить максимально возможный объем информации о лице, выполнившим

---

⁴ Змановская Е. В. Указ. соч.

исследуемый документ, для его установления, поиска, получения от него необходимого для последующего проведения идентификационного исследования количества сравнительных образцов. Имеются методики определения пола¹, возраста², национальной принадлежности³, других характеристик исполнителя рукописи. И. И. Кеворковой, А. П. Моисеевым предложен подход ориентировочного установления профессии исполнителя рукописного документа, основанный на наличии в рукописи так называемых профессионализмов (отдельных слов или их сочетаний, выражающих определенные профессиональные понятия). Однако данный подход, по утверждению самих авторов, имеет существенный недостаток. Дело в том, что некоторые специфические термины используются не только в специальной литературе, но и в газетах, журналах, художественной литературе, и поэтому они знакомы широкому кругу людей и могут употребляться не только представителями той или иной профессии⁴.

В связи с тем, что описанный подход не достаточно совершенен, нами предпринята попытка формирования основ установления профессиональной принадлежности исполнителя рукописного текста по признакам почерка, что является целью исследования. Как справедливо полагает В. И. Кравченко, почерк связан со всем существом человека, с условиями его жизни и работы, с нервной системой, поэтому наша манера писать носит на себе такую же несомненную печать индивидуальности, как и все, с чем нам приходится соприкасаться. Но одно дело это знать и совсем другое – уметь об этом сказать⁵.

З. И. Кирсанов, в свое время писал, что профессия, образование и иные типологические свойства автора или исполнителя документа могут быть определены по особенностям письменной речи и почерка. Такая возможность объясняется тем, что на формирование письменной речи и почерка индивида оказывают влияние условия обучения, воспитания, трудовой деятельности и иные факторы. Причем, некоторые из них оказываются одинаковыми для определённой группы лиц, в результате чего у представителей этой группы формируются сходные письменно-двигательные и иные навыки⁶.

Формируясь в результате специального обучения и практики письма на основе субъективного приспособления пишущего к разнообразным внешним и внутренним условиям, письменно-двигательный функционально-динамический комплекс приобретает у каждого пишущего своеобразные черты⁷. Одним из ключевых вопросов при создании методики установления профессиональной принадлежности исполнителя рукописного текста по признакам почерка является-

---

¹ Левицкий А. Б. Методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов : учеб. пособие. М., 1990.

² Левицкий А. Б. Указ. соч.

³ Молоков Э. П. Определение национального языка по графическим особенностям письменности : метод. рекомендации. М., 1997.

⁴ Кеворкова И. И., Моисеев А. П. Использование рукописных текстов для розыска и установления их исполнителей. М., 1972.

⁵ Кравченко В. И. Человек в аспектах графологии: философско-антропологический анализ // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2016. Т. 3. С. 129.

⁶ Кирсанов З. И. Понятие и сущность криминалистического распознавания : межвуз. тематич. сб. Барнаул, 1983. С. 23.

⁷ Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая экспертиза : методич. пособие для экспертов, следователей, судей. М., 1988. С. 66.

ся исследование причин и условий формирования «профессионального» письменного-двигательного навыка (ПДН).

При изучении механизма формирования «профессионального» письменного-двигательного навыка нами использовались образцы почерка студентов Алтайского государственного медицинского университета по следующим основаниям.

1. Всем известно, что почерк врача своеобразен, специфичен, и может быть успешно диагностирован.

2. Письменно-двигательный навык, как утверждают М. В. Жижина, В. Ф. Орлова, А. В. Смирнов формируется к 25 годам⁸, в связи с этим на данный процесс существенное влияние оказывают условия обучения в учебном заведении, условия прохождения производственной практики и т.д.

3. Анализ почерка студентов 1-6 курсов указанного ВУЗа позволяет проследить изменения, происходящие в период формирования ПДН.

На начальной стадии обучения письму почерк человека характеризуется довольно крупным размером знаков, неравномерностью и малой связностью. Со временем, благодаря выполнению упражнений в письме достигается и повышается выработанность почерка: он становится более равномерным, знаки выполняются уверенными движениями, без отрыва пишущего прибора от бумаги выполняется большее количество знаков, начертания некоторых знаков и связи между знаками обычно упрощаются, нередко укорачиваются подстрочные и надстрочные петли.

Особенность формирования ПДН лиц медицинских профессий проявляется с самого начала обучения в медицинском вузе. Так, нами установлено, что происходящие за период обучения изменения общих и частных признаков почерка менее существенны у лиц, обладающих на момент поступления в ВУЗ достаточно высокой степенью выработанности ПДН.

Тем не менее, в почерке студентов наблюдаются изменения следующих общих признаков (см. фото № 1, 2): темпа движений при выполнении рукописи, степени сложности движений, разгона, степени связности, размеров интервалов между строками, наклона, общих признаков, отражающих пространственную ориентацию рукописи.

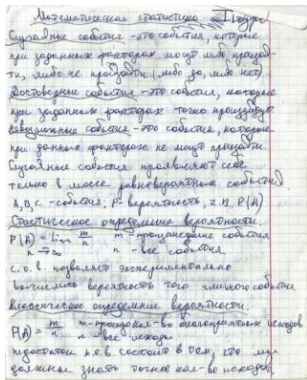

Фото № 1. Рукописный текст, выполненный студентом АГМУ на первом курсе.

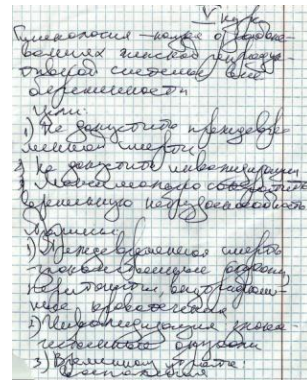

Фото № 2. Рукописный текст, выполненный студентом АГМУ на пятом курсе.

⁸ Жижина М. В., Орлова В. Ф., Смирнов А. В. Диагностика факторов, определяющих формирование почерка // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 2. С. 18.

Изменению подвергаются и частные признаки почерка. Так, например, в почерке, представленном в качестве образца, трансформации подверглись следующие частные признаки (см. фото № 1, 2):

– сложность движений при выполнении буквы «л» на первом курсе – по нормам прописи, на пятом курсе – усложнена за счет изменения направления движений при выполнении первого элемента и выполнения дополнительного соединительного элемента;

– направление движений при выполнении заключительной части первого элемента буквы «я» на первом курсе – горизонтальное либо поднимающееся, на пятом курсе – опускающееся;

– абсолютная протяженность движений при выполнении начальной части первого элемента буквы «р» на первом курсе – средняя, на пятом курсе – большая;

– относительная протяженность движений по горизонтали при выполнении подстрочной части букв «з», «д», «р» на первом курсе больше в 1,1-1,5 раза протяженности строчной части, на пятом курсе – больше в 2,5-10 раз протяженности строчной части;

– количество движений при выполнении буквы «р» на первом курсе по нормам прописи, на пятом курсе – увеличено за счет дополнительного рефлекторного штриха;

– вид соединения движений при выполнении букв «т», «б» с последующей буквой в составе слова на первом курсе – интервальный, на пятом курсе – слитный;

– вид соединения движений при выполнении последней в составе слова буквы «х» с предыдущей буквой на первом курсе – слитный, на пятом курсе – интервальный;

– относительное размещение точки начала движений при выполнении первого элемента буквы «х» в составе слова на первом курсе – слева относительно осевой линии буквы, на пятом курсе – справа относительно осевой линии буквы.

Анализируя указанные изменения частных признаков можно сделать вывод о том, что наибольшему изменению подвергаются частные признаки 4 и 6 групп (протяженность движений и вид соединения движений).

Кроме этого установлено, что последующая врачебная практика коренным образом влияет на почерк даже тех лиц, у которых в процессе обучения почерк не подвергся существенным изменениям. Так, исследованием, предпринятым Т. Л. Петрище, В. С. Глушанко, В. В. Кугач, П. С. Малаховой установлено, что среди ошибок в документах, выписываемых врачами, на втором месте по частоте встречаемости, отмечен неразборчивый почерк врача, вследствие чего невозможно в ряде случаев идентифицировать даже название лекарственного средства лицом, имеющим медицинское образование⁹.

По результатам анализа образцов почерка студентов АГМУ, результатов их опроса, анкетирования, были установлены следующие факторы, определяю-

---

⁹ Петрище Т. Л., Глушанко В. С., Кугач В. В., Малахова П. С. Неточности и ошибки в рецептах врача и пути их сокращения // Вестник Витебск. гос. медиц. ун-та. 2016. № 4. С. 99–107.

щие закономерности формирования ПДН «врача»:

1) в процессе обучения студенту-медику необходимо усваивать огромное количество информации и учиться быстро её письменно фиксировать; у студента развиваются такие качества, как скорость восприятия и анализа информации, умение быстро складывать пазлы из симптомов в единую клиническую картину. Данные качества находят отражение в почерке, который становится беглым, отличным от норм прописи, менее разборчивым;

2) в процессе обучения студенты уже с первого года проходят производственную практику, в результате которой, с опытом, у студентов развивается профессиональная интуиция. В почерке интуиция проявляется в виде нитеобразности форм (нить в почерке похожа на гибкий и тонкий, как волосок, штрих, она делает форму несколько аморфной), что зачастую отрицательно сказывается на читабельности;

3) имеет место быть и утрата позитивной составляющей в почерке, возникающей в ходе эмоционального отчуждения от пациентов, проявляющейся в деформации или исчезновении средней зоны букв, почерк становится похожим на запись кардиограммы;

4) сами же врачи отмечают такие качества как нетерпеливость, загруженность, раздражительность, у них много документации, необходимо записать каждый случай, а так как время на приеме ограничено, то вследствие этого в почерке появляется больше резких штрихов (выбросов), угловатых элементов, искажённых букв.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод о том, что имеются некоторые закономерности, отражающиеся на формировании «профессионального» письменно-двигательного навыка, которые можно использовать при анализе исследуемого рукописного документа, выдвигении версий о профессиональной принадлежности исполнителя рукописи. Результаты данного исследования позволяют заложить основы формирования соответствующей методики, а также решать с ее помощью задачи оперативно-розыскной, экспертно-криминалистической и иных видов деятельности.

А. А. Кузьмина,

*инспектор-делопроизводитель
Военной прокуратуры
Санкт-Петербургского гарнизона*

Психологический профиль как способ раскрытия серийных преступлений

Особый резонанс в обществе имеют многоэпизодные или серийные убийства и изнасилования. Серия подобных преступлений (от 3-5 до 40 и более) порождает у населения чувство страха, личной незащищенности, неверие в возможности правоохранительных органов и иных государственных институтов. Низкая раскрываемость подобных преступлений, не достигающая, особенно на

первом этапе, и 35%, также является одним из факторов, не способствующих формированию у граждан чувства безопасности¹.

Личность преступника – личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата².

Для изучения личности преступника наиболее эффективным и научно обоснованным является метод построения психолого-криминалистического портрета по нераскрытым многоэпизодным убийствам и изнасилованиям и выдвижение на его основе оперативно-розыскных версий. К сожалению, данная тактика остается малоизученной и слабо используемой в практике раскрытия данного вида преступлений.

Методика построения психологического портрета основана на принципах психоанализа и бихевиористики и заключается в том, что на основании представленных данных (о способе совершения преступления, следовой картине, информации о личности жертвы и т. п.) профессиональный психолог (профилер) составляет вероятностное описание психологически значимых характеристик неизвестного лица, совершившего преступление, в котором указывается предполагаемый возраст, пол, раса, семейное положение, служебный статус, уровень развития и сексуальной зрелости, вероятность совершения преступления в будущем, возможное криминальное прошлое, взаимоотношения с жертвой и другая информация.

Построение психологического портрета неизвестного преступника наиболее оптимально производить не хаотично, а согласно строго разработанным этапам (стадиям). Согласно американским правилам психопрофилирования выделяют семь стадий построения психологического портрета неизвестного преступника: 1. Оценка самого преступления; 2. Подробная оценка специфических особенностей места (мест) происшествия; 3. Подробный анализ жертвы (жертв); 4. Рассмотрение подробных отчетов полиции; 5. Изучение протокола судебно-медицинского вскрытия; 6. Разработка профиля с критическими характеристиками подозреваемого лица (лиц); 7. Предложения по следственной стратегии на основании построенного профиля личности³.

Основная предпосылка, на которой базируется метод психологического профиля, состоит в том, что ответы на первые два вопроса: что произошло на месте преступления и почему это произошло, подводит к ответу на третий – кто мог совершить такое преступление, то есть к составлению профиля, отражающего существенные для характеристики личности и поведения убийцы признаки. Этот профиль описывает лицо, совершившее преступление так, как будто речь идет о хорошо известном, знакомом человеке. Однако профиль не «называет»

---

¹ Бегунова Л. А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера. М., 2002. С. 28.

² Борисова С. Е. Психологические особенности личности преступника // Юридическая психология. 2007. № 3.

³ Дуглас Д., Олшейкер М. Погружение во мрак. М., 1998. С. 23.

конкретных имен. Содержащиеся в нем сведения одинаково применимы к большому количеству людей определенной категории.

При расследовании серийных убийств, особенно совершенных по сексуальному мотиву, большую сложность вызывает определение «зоны обитания» убийцы (его места жительства или работы). На помощь следователям приходит разработанная в начале 1990-х годов прошлого века концепция географического профилирования, позволяющая исходя из анализа ряда мест, связанных с совершением серийных убийств, прогнозировать местонахождение преступника⁴.

Долгое время полицейские разных стран мира считали, что каждое убийство имеет свой мотив – месть, ревность, корысть и т. д. Серия преступлений, совершенных Джеком-Потрошителем, выявила новый тип убийств – сексуально-серийный. Серийный убийца не останавливается до тех пор, пока его не поймают. От убийства к убийству он набирается опыта, совершенствует свои методы, усложняет сценарий совершаемого преступления. Его действия обуславливаются более сложным комплексом побуждающих факторов, чем при традиционных видах насильственных преступлений.

Опираясь на теоретические положения в области экологической криминологии, разработанные в 1980-х годах сотрудниками Института криминологии при Университете им. С. Фрейзера в Канаде, Ким Россмо создал географическую модель определения пространственного поведения серийного убийцы. Особенность данной концепции заключается в том, что при традиционном нанесении на карту мест совершения преступлений географическое профилирование позволяет делать совершенно иные выводы. Вместо прогнозирования даты и места совершения следующего преступления, географическое профилирование при помощи сложного математического алгоритма позволяет вычислить наиболее вероятное место жительства неизвестного преступника. Область поисков сужается благодаря двум общим особенностям: большинство нападений случается довольно близко к дому преступника, но за пределами, так называемой, «буферной зоны», которая помогает нарушителю общественного спокойствия оставаться не замеченным соседями.

На ее основе специалистами научно-исследовательской фирмы по криминологии окружающей среды ECRl (Environmental Criminology Research Incorporation) была разработана компьютерная программа «Ригель» («Rigel»), позволяющая, исходя из анализа ряда мест, связанных с совершением серийных убийств (места встречи с жертвой, нападения, обнаружения тела), построить карту, указывающую местонахождение преступника.

Практическое применение метода географического профилирования позволяет упростить обработку информационного потока, с которым сталкиваются правоохранительные органы при расследовании серийных преступлений, а также оптимизировать тактику поиска преступника. Например, сузить круг подозреваемых за счет сопоставления перечня подозреваемых и лиц, находящихся в высокопрофильной зоне; организовать в данной зоне интенсивное патрулирование в часы наиболее вероятного совершения преступления; активизировать на указан-

---

⁴ Кирюхин Д. А. Географическое профилирование – помощь в составлении психологического профиля преступника и поиска мест сокрытия трупов // Эксперт-криминалист. 2015. № 4. С. 6-8.

ной территории системы общественного информирования и т. п.

В исследовании серийных преступлений, проводимых в нашей стране, акцент однозначно ставится на личность преступника, в то время как оригинальная методика построения психологического портрета исходит из существования неразрывной связи между серийным убийцей и его жертвой. Детальное исследование этого вопроса поможет выявить образ потенциальной жертвы в сознании преступника, что способствует сужению круга его поиска.

Разработка и реализация психологического портрета – это не панацея от всех бед и трудностей следствия по уголовным делам, это лишь одно из многих средств расследования. Однако, возможно, усиление своего внимания именно на этом средстве в зарубежной, а особенно отечественной полиции будет способствовать не только раскрытию, но и профилактике преступлений.

В. В. Лумбунова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Мотивы отказа от наследства: психологический аспект

На сегодняшний день в среднем каждый восьмой наследник принимает решение об отказе от наследства¹. В связи с этим вопрос о мотивах отказа от наследства наследниками приобретает особую актуальность, поскольку остается неясным, почему тот или иной гражданин не желает принимать наследство.

Термин мотив происходит от латинского «*movere*» и означает «побуждать, приводить в движение»². Между тем среди ученых не сложилось единого подхода к определению понятия «мотив».

Большинство исследователей характеризуют мотивы как побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением определенных потребностей субъекта, как совокупность психологических условий, вызывающих целенаправленную активность субъекта. Имеется понимание мотива как предмета или объекта потребности и деятельности³.

В качестве мотива также называются самые различные психологические феномены: представления и идеи, чувства и переживания (Л. И. Божович, 1968), потребности и влечения, побуждения и склонности (Х. Хекхаузен, 1986), желания и хотения, привычки, мысли и чувство долга (П. А. Рудик, 1967), морально-политические установки и помыслы (А. Г. Ковалев, 1969), психические процессы, состояния и свойства личности (К. К. Платонов, 1986), предметы внешнего мира (А. Н. Леонтьев, 1971, 1975), установки (А. Маслоу, 1954) и даже условия существования (В. К. Вилюнас, 1990)⁴.

Мы исходим из общепринятого понимания мотива, под которым понимается осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков

¹ Как отказаться от наследства? [Электронный ресурс] // Эксперт наследства. URL: <http://expert-nasledstva.com/otkaz-ot-nasledstva-v-polzu-drugix-lic> (05.01.2017).

² Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М., 2006. С. 289.

³ Мешков Н. И., Мешко Д. Н. Мотивация личности как ключевая проблема психологии // Интеграция образования. 2015. № 1 (78). Т. 19. С. 39–40.

⁴ Ильин Е. П. Мотивы и мотивация. СПб, 2002. С. 18.

личности⁵.

Для того чтобы раскрыть вопрос о мотивах отказа от наследства, важно исходить из того, что представляет собой институт наследования, в чем заключается его существенная правовая специфика.

Наследование – это переход прав и обязанностей умершего лица – наследодателя к его наследникам в соответствии с нормами наследственного права. Конкретизируя понятие наследования, сразу же подчеркнем два обстоятельства: во-первых, права и обязанности наследодателя переходят к наследникам в порядке универсального правопреемства, т. е. в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не вытекает иное; во-вторых, к наследникам переходят все права и обязанности наследодателя, кроме тех, переход которых в порядке наследования не допускается ГК РФ и другими законами либо противоречит самой природе этих прав и обязанностей⁶.

Отказ от наследства представляет собой строго формальную одностороннюю сделку, посредством которой наследник, призванный к правопреемству после умершего лица, отказывается от причитающегося ему наследственного имущества в пределах установленного статьей 1154 ГК РФ срока принятия наследства⁷.

Упомянутая статья Гражданского кодекса РФ закрепляет два вида отказа от наследства: 1) в пользу других лиц 2) без указания лиц, в пользу которых он отказывается от наследственного имущества⁸.

Наследование предполагает переход не только прав, но и обязанностей наследодателя, следовательно, мотивом отказа от наследства может быть нежелание наследника исполнять обязательства, переходящие к нему вместе с наследственной массой (тем более, если после удовлетворения всех требований кредиторов от наследства ничего не останется).

Если наследник отказывается от наследства в пользу другого (других) лица (лиц), то мотивом его поведения может быть благое намерение в отношении того лица, которому это наследство будет передано.

Поскольку отказ от наследства является односторонней сделкой, то в случае, если имеет место «дефектность воли лица, совершающего сделку, это может являться основанием для признания сделки недействительной. Дефектная воля субъекта формируется несвободно под влиянием обмана, насилия, угрозы, стечения тяжелых обстоятельств. Такая воля может совпадать с волеизъявлением, но она формируется несвободно или искажается представителем, т. е. дефектная воля не отражает действительные желания и устремления субъекта»⁹.

В случае применения в отношении наследника насилия, угрозы мотивом отказа от наследства является нежелание наступления тех неблагоприятных по-

⁵ Беркович Л. С., Копылова Т. В. Мотивация: от теории к практике // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2 (20). С. 16.

⁶ Гражданское право : учеб. : в 3 т. Т. 3. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2007. С. 607.

⁷ По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 дек. 2013 № 29-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) [Электронный ресурс] : от 26 окт. 2001 г. № 146-ФЗ : в ред. от 3 июля 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть : учеб. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2008. С. 460.

следствий, которые могут наступить в результате отказа от исполнения требований лиц, применяющих насилие, угрозу.

Мотивом отказа от наследства может быть также «договоренность между наследниками. Например, ситуация, когда наследство не представляет никакой ценности для одного наследника, в то время как для другого – оно очень ценно»¹⁰.

Если «наследство находится в так называемом «убитом» состоянии (например, дом или квартира) и на его приведение в нормальный, пригодный вид нужно затратить больше средств, чем стоимость наследуемого имущества (особенно часто такая мотивация у лиц, проживающих вдалеке от места открытия наследства)»¹¹, т. е. мотивом может служить осознание нецелесообразности вложения денежных средств в имущество, которое переходит по наследству.

Еще один возможный мотив отказа – «длительная и трудоемкая процедура оформления наследования и регистрации права собственности, что может иметь место с некоторыми видами имущества (земля, ценные бумаги). Иногда проще и быстрее отказаться, чем тратить массу денег и времени на процедуры оформления прав на наследство»¹².

Таким образом, можно выделить как минимум шесть мотивов отказа от наследства:

1. Нежелание наследника исполнять обязательства, переходящие к нему вместе с наследственной массой.
2. Благое намерение в отношении того лица, которому это наследство будет передано.
3. Нежелание наступления неблагоприятных последствий, которые могут наступить в результате отказа от исполнения требований лиц, применяющих насилие, угрозу.
4. Договоренность между наследниками.
5. Сознание нецелесообразности вложения денежных средств в имущество, которое переходит по наследству.
6. Длительность и трудоемкость процедуры оформления наследования.

Д. И. Макушев,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Некоторые вопросы расследования преступлений в сфере компьютерной информации

Из года в год количество совершаемых в России киберпреступлений постоянно увеличивается. Только в 2015 г. было зарегистрировано 44 тыс. таких преступлений, что в четыре раза превысило показатели 2014 г. Основной причиной разницы в показателях стал резкий рост количества мошенничеств (с

---

¹⁰ Нужно ли писать отказ от наследства? [Электронный ресурс] // Бесплатная юридическая консультация. URL: <http://law-divorce.ru/nuzhno-li-pisat-otkaz-ot-nasledstva> (06.01.2017).

¹¹ Отказ наследников от наследства: как правильно отказаться от доли, в пользу других [Электронный ресурс] // ЮрСовет. URL: <http://juresovet.ru/otkaz-naslednikov-ot-nasledstva-kak-pravilno-otkazatsya-ot-doli-v-polzu-drugix> (07.01.2017)

¹² Там же.

2,2 тыс. до 13,4 тыс.) и краж, совершенных с использованием Интернета и иных коммуникационных ресурсов (с 2,3 тыс. до 8,5 тыс.). Кроме того, в 5,5 раз (с 995 до 5,5 тыс.) увеличилось количество преступлений, связанных с хищением, удалением, блокировкой компьютерной информации. При этом сумма установленного ущерба, причиненного гражданам и юридическим лицам от всех таких преступлений, составила почти 6 млрд рублей¹. Также, нельзя не отметить, что в 2015 г. ущерб российской экономике от действий киберпреступников составил около 203 млрд руб., или 0,25% ВВП страны. Из них 123 млрд руб. финансового ущерба и около 80 млрд руб. потребовалось на ликвидацию последствий и восстановление после сбоев².

Особенности киберпреступлений определяют круг проблем, возникающих у правоохранительных органов в процессе их расследования. К такого рода сложностям можно отнести трансграничный характер совершаемых деяний, несовершенство российского законодательства, а также отсутствие у сотрудников следственных органов достаточного уровня знаний информационных и коммуникационных технологий, которые необходимы для проведения полного и качественного изучения обстоятельств дела.

Прежде всего необходимо отметить несовпадение понятий «компьютерная преступность» и «киберпреступность», которые следует соотносить как часть и целое. При этом под «киберпреступностью» следует понимать совокупность преступлений, совершаемых в «киберпространстве» с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, а также против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных. В свою очередь к «киберпреступлению», на наш взгляд, относится любое преступление, совершенное с применением различных способов и средств создания, обработки, передачи компьютерной информации³.

Учитывая специфику рассматриваемых деяний нужно иметь в виду, что оставленные ими следы зачастую хранятся в памяти электронных устройств. Такие следы в литературе именуют «виртуальными» и определяют как «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации»⁴. Виртуальные следы могут выступать в качестве доказательств несанкционированного доступа к компьютерной информации, совершения или подготовки к совершению того или иного преступления, а также позволяют охарактеризовать личность преступника и способ совершения преступления.

Но, несмотря на высокую степень информативности и значение обнару-

---

¹ Состоялось Координационное совещание руководителей правоохранительных органов по вопросам выявления и расследования преступлений в области информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1122742/?print=1&SECTION_CODE=genproc&ELEMENT_ID=1122742 (29.01.2017).

² Хакеры нанесли ущерб России [Электронный ресурс] // Ведомости. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2016/04/13/637627-hakeri-uscherb-rossii> (29.01.2017).

³ Макушев Д. И. К вопросу об определении понятия «киберпреступность» // Научный альманах. 2015. № 9. С. 1186–1187.

⁴ Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 33.

живаемых следов, качество производства расследования остается достаточно низким. Так, в некоторых исследованиях следственной практики отмечается отсутствие фототаблиц и схем, справок предварительного исследования следов на месте происшествия, также, крайне редко изымаются биологические следы, следы кожных покровов человека, микрочастицы. Соответственно на экспертное исследование поступают объекты, содержащие следовую информацию низкого качества и небольшого объема информационных полей⁵.

Во многом это обуславливается сложностью следственных действий, в частности, осмотра места происшествия, производимых при расследовании киберпреступлений, а также отсутствием у следователей достаточного опыта и необходимых знаний. При таких обстоятельствах высока вероятность допущения ошибок, которые могут повлечь повреждение или уничтожение важной для следствия информации на электронно-вычислительных машинах. Именно это обуславливает необходимость привлечения специалистов для извлечения и расшифровки криминалистически значимых сведений, обнаружения, закрепления и изъятия предметов и документов. Возможность совершить такое действие регламентируется ст. 168 УПК РФ.

В своей работе следователь может столкнуться с различного рода ситуациями, в которых неправильное обращение с, казалось бы, простейшими вещами на деле может привести к необратимым последствиям. К примеру, в случае обнаружения на месте преступления включенного компьютера в целях проведения экспертизы он подлежит изъятию. Но неверным образом выбранный способ отключения питания может привести к уничтожению необходимой информации. В такой ситуации желательно привлечь специалиста, который, проанализировав сложившуюся ситуацию, определит правильный алгоритм действий.

Также специалисты в данной области приводят следующие ситуации, в которых привлечение специалиста необходимо. Так, оценивая следы при просмотре пользователем веб-сайта, следователь может заключить, что следы (доказательства) следует искать на персональном компьютере пользователя либо на сервере, на котором расположен веб-сайт. И это будет ошибкой. Не обладая знаниями, глубже определенного, положенного для пользователя уровня, следователь упускает из виду обращение к DNS-резолверу пользователя, а также рекурсивные обращения этого резолвера к нескольким DNSсерверам. Такие обращения могут логироваться и служить полноценными доказательствами посещения определенной веб-страницы⁶.

Потребность в привлечении специалистов не ограничивается случаями проведения осмотра места происшествия. Зачастую у следователей возникают трудности при производстве допросов и очных ставок. Так, вследствие отсутствия или недостаточности необходимых знаний в области телекоммуникационных систем, компьютерных технологий и компьютерной техники возможно неполное понимание ответов допрашиваемых лиц, что препятствует воссозданию полноценной картины произошедшего. В качестве последствия недостаточного

---

⁵ Аминев Ф. Г. Некоторые проблемы тактики следственных действий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Раскрытие и расследование преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники : тезисы выступлений. М., 2005. С. 146.

⁶ Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М., 2007. С. 21.

уровня (либо отсутствия) специальных знаний у следователя нередко рассматривается «интеллектуальное» противодействие расследованию со стороны киберпреступника и выражается в употреблении большого количества жаргонов и специальных терминов, непонятных для неспециалиста.

Наряду с разовыми привлечением специалистов для совершения отдельных следственных действий существуют подходы к расследованию киберпреступлений посредством формирования следственно-оперативной группы. В работу таких следственных групп предлагается включать следователя по уголовным делам рассматриваемой категории, сотрудника отдела «К» ГУ МВД России по соответствующему субъекту, оперуполномоченного уголовного розыска, а также специалиста-криминалиста, знающего особенности обнаружения, изучения, фиксации и изъятия типичных для этой категории преступлений следов⁷. Полагаем, что создание постоянно действующих следственно-оперативных групп, специализирующихся на расследовании киберпреступлений, может положительно сказаться на качестве проведения расследования и в значительной степени нивелирует потребность в многократном привлечении сторонних специалистов.

Не обходится без ситуаций, когда государственные учреждения не могут предоставить компетентного специалиста, тогда значительную помощь могут оказать негосударственные организации. Среди таких могут выступать как организации, специализирующиеся на разработке антивирусного программного обеспечения («Лаборатория Касперского», «Доктор Веб», ESET и другие), так и компании, основной деятельностью которых является предотвращение и расследование киберпреступлений, в частности, Group-IB.

Таким образом, приходим к выводу, что при расследовании киберпреступлений, привлечение специалиста для участия в производстве следственных действий обязательно. Уже на этапе подготовки к проведению следственных действий необходимо определиться с выбором привлекаемого специалиста. В течение всего процесса расследования следует обращаться к нему за консультациями, выяснять значение неизвестных терминов и устройства обнаруженных технических средств, совместно определять круг выясняемых вопросов и возможных способов совершения преступления. Вместе с этим и самому следователю целесообразно ознакомиться со специальной литературой, посвящённой технологиям, используемым при совершении киберпреступлений, а также справочниками по компьютерной терминологии. Но, по-нашему мнению, наиболее перспективным направлением представляется соответствующая профессиональная подготовка следователей и постоянное повышение их квалификации по вопросам, связанным с функционированием глобальных компьютерных сетей, аппаратного и программного обеспечения обследуемых вычислительных систем.

---

⁷ Илюшин Д. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере предоставления услуг интернет : дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 118.

А. К. Наумова,

Курсант 4 курса БЮИ МВД России

Проблемы и перспективы государственной дактилоскопической регистрации в органах внутренних дел

Целью государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации является идентификация личности человека.

Дактилоскопирование – процесс получения отпечатков пальцев и ладоней определенного лица для последующего их использования при решении задач, стоящих перед различными службами, подразделениями правоохранительных органов¹.

В результате использования экспертно-криминалистических учетов, ведущихся в органах внутренних дел, за 9 месяцев 2016 года по 236023 преступлениям² дана розыскная информация. По 122870 преступлениям (52,1%) установлены лица, оставившие следы рук на местах происшествий. Из этого количества 89,9% (110429) установлено с помощью автоматизированной дактилоскопической информационной системы (АДИС) «Папилон». Эффективность работы автоматизированных дактилоскопических учетов зависит от объема и качества размещенной в них дактилоскопической информации. По оценкам специалистов в базу данных не попадает порядка 10-15% дактилоскопических карт лиц, подлежащих дактилоскопической регистрации. Из этого количества около 10-12% дактилокарт не пригодны для проведения сравнительного исследования (поиска) со следами рук, изъятыми с мест преступлений, 2-3% дактилокарт не пригодны для идентификации по ним личности. Оценивая общий объем баз данных (современные дактилоскопические системы регионального уровня содержат несколько миллионов дактилокарт), следует признать, что процент брака является довольно значительным: сотни тысяч дактилокарт не попадают в указанные системы.

К сожалению, на практике встречаются случаи, когда в результате ненадлежащего дактилоскопирования и полученных некачественных отпечатков пальцев не удавалось своевременно раскрыть преступление по следам, изъятым с места происшествия.

К примеру, в октябре 2016 г. в Барнауле при осмотре места происшествия по факту кражи был обнаружен и изъят качественный след пальца руки, пригодный для идентификации личности. Затем след был закодирован с использованием АДИС «Папилон», однако, результата не последовало. Спустя 2 месяца оперативными сотрудниками было задержано лицо, подозреваемое в совершении данного преступления, и после его повторного дактилоскопирования выяснилось, что обнаруженный на месте происшествия след пальца руки совпадает с отпечатками пальцев на дактилокарте, причем дактилокарта подозреваемого уже хранилась в базе данных. Отсканировав новую дактилокарту подозреваемо-

¹ О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ : в ред. от 03.04.2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Из сводного отчета по России о работе экспертно-криминалистического центра МВД России за январь-декабрь 2016 года (раздел 3).

го, след, изъятый при осмотре места происшествия, идентифицировался. Оказалось, что в исходной дактилокарте, находящейся в базе данных, в отпечатке одного пальца имелось небольшое пятно, образовавшееся в результате некачественной процедуры дактилоскопирования.

Чем выше качество вводимых в АДИС дактилоскопических карт, тем они более информативны, тем точнее работает вычислитель системы, обеспечивая высокую избирательность поиска и уменьшение размеров рекомендательных списков. Но, к сожалению, как выяснилось, значительная часть массивов бумажных дактилокарт не попадают в категорию высококачественной исходной информации.

При анализе 200 дактилокарт лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации, нами установлены следующие наиболее типичные недостатки.

1. Неразборчивый почерк, которым выполнены установочные и иные данные. В ряде случаев установочные данные на дактилокарте вообще отсутствуют.

2. Неполное отображение отдельных зон папиллярного узора, включая область дельты. Одной из причин этого является дактилоскопирование влажной кожи пальцев либо ладоней рук.

3. Наличие в отпечатке сплошных пятен. Это возможно из-за сверхтолстого слоя краски или сильного давления при дактилоскопировании, загрязненного, запыленного, засаленного пальца руки или загрязнения слоя краски на дактилоскопируемой пластине.

4. Наличие в отпечатке смазанного участка из-за излишнего давления дактилоскопируемого пальца на дактилокарту, сильного напряжения пальца, неравномерного давления на палец при дактилоскопировании, а также смещения дактилокарты

5. Слабая окрашенность отпечатка из-за нанесения на подушку пальца очень тонкого слоя краски.

6. Неверное расположение отпечатков пальцев правой и левой руки в соответствующих для них рамках из-за нарушения последовательности дактилоскопирования.

Бескрасковый метод существенно облегчает процесс получения дактилоскопической информации. При дактилоскопировании указанным методом большинство функций по получению, контролю за качеством, расположением отпечатков выполняют автоматизированные системы дактилоскопических сканеров, что позволяет устранить большинство из перечисленных недостатков, характерных для краскового метода.

Так, на дактилокартах с полной прокаткой пальцев, создаваемых по чернильной технологии, в результате смаза появляются области, мало или вовсе непригодные для распознавания. Излишне сухая или потная кожа, папиллярные узоры со стертым или мелким от природы рельефом – все эти факторы искажают истинную картину формируемого дактилоскопического отпечатка. Изображения сухих и стертых пальцев получаются малоконтрастными, с плохо различимым рисунком линий, происходит утрата части значимых деталей. Излишне потные пальцы, наоборот, очень темные, отдельные области могут сливаться в

яркие черные пятна, вследствие заполнения влагой межгребневого пространства папиллярных линий.

Качественный дактилоскопический сканер должен снижать негативное влияние перечисленных факторов и формировать информативное изображение дактилоскопического отпечатка вне зависимости от состояния кожи.

На наш взгляд, дальнейшее совершенствование процесса дактилоскопирования живых лиц и трупов должно идти по пути совершенствования используемой криминалистической техники, позволяющей в силу своих незначительных размеров входить в состав папки сотрудника ОВД. В качестве примера можно привести некоторые модели смартфонов и Айфонов, которые обладают инновационной технологией распознавания отпечатков пальцев Touch ID.

Таким образом, мы предлагаем довести до совершенствования уже имеющуюся на вооружении ОВД технику, таким образом, чтобы ее можно было применять, в том числе наружным нарядам ППС при несении службы и проверке лица на месте. Тем самым увеличить количество проверяемых лиц и разгрузить дежурную часть от постоянной работы по дактилоскопированию. Наряду с этим, при осмотре трупов можно использовать мобильные устройства, которые предлагает компания Папилон: например, мобильный комплекс для оперативной проверки следов пальцев и ладоней ПАПИЛОН-ЛАТОП, мобильный биометрический терминал ПАПИЛОН ДиПП-7³ и др.

В связи с этим необходимо иметь возможность доступа к удаленным источникам по закрытым каналам связи и оперативного получения информации. В настоящий момент связь не оснащена такими каналами в связи с высокой стоимостью, которая будет снижаться с дальнейшим развитием техники.

Несмотря на то, что особенности указанных видов деятельности влияют на порядок и технику дактилоскопирования, основные правила получения дактилоскопической регистрации остаются неизменными. Их соблюдение, а также выполнение разработанных рекомендаций, позволит максимально эффективно использовать дактилоскопическую информацию при установлении и идентификации личности.

Е. И. Николаев,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

К вопросу о криминалистическом значении татуировок

Татуировки – явление нашедшее свое отражение в макроисторических координатах развития общества. Это явление носит исторически изменчивый и этнический характер. Например, древние Греки использовали татуировки преимущественно для клеймения рабов, в древней Японии их наносили преступникам, в Индии они определяли принадлежность к определенной варне.

Под татуировкой следует понимать «особый вид соматических модификаций, который заключается в механическом повреждении кожного покрова,

---

³ Информационный лист №66 АО «ПАПИЛОН» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.papillon.ru> (12.01.2017).

посредством нанесения рисунка нацарапыванием, накалыванием и втиранием красящих веществ»¹. В связи с этим татуировки трудновыводимы, и зачастую сопровождают человека на протяжении жизни

Татуировки могут иметь различное значение: определять принадлежность индивида к определенной социальной группе; являться необходимым элементом проведения ритуального обряда; выступать в качестве оберега; эстетическом.

В рамках данной работы татуировки рассматриваются в аспекте явления, которое может способствовать расследованию и раскрытию преступлений применительно к настоящему времени. При решении идентификационных задач отождествления личности человека, татуировки имеют наиболее ценное значение в сравнении с другими признаками внешности человека, в силу своей информативности и легкости восприятия окружающими. При проведении криминалистического исследования содержания татуировки можно получить значимую информацию для расследования и раскрытия преступления, в частности об определенных свойствах, навыках лица, круге общения и т. д.

Татуировки в зависимости от содержательной стороны можно классифицировать на: военные, декоративные, криминальные (тюремные) и другие татуировки, наносимые представителями отдельных социальных групп как знак принадлежности к ней. Наиболее значимой криминалистической информацией о личности преступника обладают криминальные татуировки, ибо их наличие связано с криминальным прошлым.

Расцвет криминальных татуировок пал на советский период. Обусловлено это рядом причин, в частности рост численности заключенных в СССР², трудными условиями отбывания наказания, недостаточными коммуникационными возможностями, при достаточно больших территориальных параметрах страны, ротации заключенных как рабочей силы по системе ГУЛАГ³, что в совокупности стало толчком для развития криминальной субкультуры. Татуировки отражали принадлежности человека к определенной страте в криминальном мире. В силу возрастания значения данного явления стало развиваться системное описание данного феномена, в частности в работах Балдаева Д. С., Бронникова А., Бурика В., Пилипчука В.

Татуировки в криминальном мире в настоящее время утратили былое значение, что сказывается на научной проработанности данной темы исследований и как следствие на применении данных знаний при расследовании преступлений. Причины можно проследить в следующих обстоятельствах. В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ согласно правилам внутреннего распорядка существует запрет наносить татуировки себе и другим лицам. Нарушение данного правила влечет наложение мер взыскания, что препятствует распространению татуировок, как элемента криминальной субкультуры. Однако других нормативных основ регулирования действующее законода-

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 224.

² Лунеев В. Тюремное население в СССР [Электронный ресурс] // Население и общество. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema07.php> (12.01.2017).

³ Вишневский А. Г. Лагеря, колонии и тюрьмы [Электронный ресурс] // Население и общество. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/tema03.php> (12.01.2017).

тельство не содержит. Например, в Грузии установлена уголовная ответственность за принадлежность к воровскому сообществу и нахождению в статусе «вора в законе»⁴. Что касается отношения к практике применения данного законодательного способа регулирования и возможности его использования в национальном законодательстве, то следует придерживаться позиции недопустимости криминализации данного деяния. Хотя в Грузии и отмечается снижение количества лиц, прибывающих в статусе «вор в законе», однако, на наш взгляд, это обусловлено не фактическим уменьшением указанных лиц, а перестроением их криминальных укладов на новый лад. Криминализация данного деяния привела не к уменьшению лиц, пребывающих в статусе «вор в законе», а к отказу их признавать себя таковыми и быть носителями атрибутов свойственных представителям данной категории, что привело к обесцениванию многолетних наработок в области изучения криминальной субкультуры.

Также развитие технологий в области нанесения тату и функционирование широкого спектра разнообразных тату-салонов сделали татуировки доступными и безопасными. Потенциально каждый человек может нанести на тело любую татуировку, зачастую носящую декоративный характер и утратившую свой содержательный аспект для криминалистики. Радиальное отношение представителей криминального мира к носителям татуировок утратило былое значение, когда за нанесение татуировки несоответствующей положению лица применялись строгие меры, вплоть до насильственного стирания, а порой и убийства ее обладателя.

Из проведенного В. Б. Шабановым исследования, направленного на установление отношения осужденных к татуировкам, следует вывод, что подавляющее большинство осужденных относятся к ним безразлично, объясняя это вредом для собственного здоровья либо наличием лишних особых примет⁵. Однако среди представителей возрастной группы до 25 лет отношение к татуировкам весьма предпочтительное, именно они наиболее склонны к нанесению татуировок. Хотя данное исследование проводилось на территории Республики Беларусь, данные закономерности можно проследить и на территории Российской Федерации. В воспитательных колониях, представители которых в большей мере сохранили и продолжают поддерживать былые, советские криминальные традиции, татуировки получили больше распространение.

Из правильного толкования содержания татуировки можно получить криминалистически значимые сведения, в частности:

- сведения персонального характера – дату рождения, год заключения и освобождения из мест лишения свободы, место отбывания наказания (в определенных исправительных колониях наносятся специфичные татуировки)
- сведения о криминальном прошлом лица – общий срок отбывания наказаний, количество судимостей, преступную специализацию (щупачь, мошенник, разбойники, контрабандист, киллер), положение в преступной иерархии, принадлежность к определенной преступной группировке;

---

⁴ Уголовный кодекс Грузии от 22 июня 1999 г. № 2287 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Шабанов В. Б. Криминальная субкультура и татуировки в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь // Юридическая наука и практика. 2014. С. 247–249.

- личностные установки - злостное нарушение режима отбывания наказания, склонность к побегу из исправительного учреждения.
- психологическое состояние (скорбь, надежда, безысходность);
- вероисповедания.
- наличие отрицательных привычек (алкоголизм, наркомания);
- отношение к представителям власти (негативное, нейтральное).

Резюмируя вышеизложенное можно сделать следующие выводы. Татуировка является важным идентификационным признаком. Татуировка позволяет грамотно решать диагностические задачи, например, правильно выбирать тактику следственных действий в отношении носителя татуировки.

Как правильно отметил Н. П. Яблоков: «получить криминалистически значимую информацию о личности носителя татуировки с его рисунка можно только с помощью дешифровки, то есть установление его смысловой нагрузки»⁶. В связи с этим необходимо проводить дальнейшее системное описание татуировок и их классификацию.

В. А. Попов,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Некоторые особенности методики расследования преступлений, связанных с использованием взрывных устройств

В основе премии за величайшие достижения во благо прогресса и процветания человечества лежит состояние Альфреда Нобеля, полученное в результате его эпохального изобретения – динамита. История порой дает примеры трагических парадоксов, порой достояние науки, которое призвано служить во благо человечества, служит против него. Примером могут служить преступления, связанные со взрывными устройствами.

Такие преступления в большинстве своем планируются заранее и очень тщательно, отсюда и сложность расследования дел данной категории, которая обязывает следователей максимально использовать при расследовании данных преступлений общие научно-практические рекомендации по планированию и организации следственной работы.

Расследование преступления, связанного с взрывными устройствами (далее – ВУ), чаще всего начинается с осмотра места происшествия, в нашем случае места взрыва, и изъятия вещественных доказательств.

Во время работы на месте происшествия не стоит забывать о безопасности членов СОГ и других лиц, ведь неизвестно, сколько взрывных устройств было заложено, возможно, некоторые части ВУ не разорвались, поэтому есть вероятность, что взрыв прогремит вновь. Исходя из этого, перед осмотром места происшествия необходимо провести мероприятия по эвакуации граждан, отключению энерго-, газо- и водоснабжения, после чего силами инженерно-технических подразделений МЧС, МВД, ФСБ, специалистов взрывотехников,

⁶ Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2011. С. 183.

кинологов с собаками провести мероприятия по обследованию места взрыва на предмет наличия неразорвавшихся частей ВУ, либо закладки других ВУ.

Чтобы найти кто изготовил ВУ, необходимо понять, как и из чего он ее сделал. Поэтому приоритет все же отдается поиску остатков ВУ и взрывчатого вещества (далее – ВВ). Следует помнить, что следовые количества ВВ могут длительное время сохраняться на одежде (карманах), средствах переноски, коже рук, в подногтевом содержимом лица, установившего или изготовившего ВУ.

Наиболее ценную информацию о способе взрыва, количестве примененного ВВ и направлении ударной волны можно получить по следам, находящимся в эпицентре взрыва и прилегающей к нему территории.

Эпицентром взрыва является установленный или предполагаемый его очаг, т. е. местонахождение заряда ВВ. Это начальная точка разлета осколков, продуктов реакции и распространения ударной волны¹. Именно здесь остаются продукты взрыва ВВ и наибольшее количество остатков ВУ. Размеры и конфигурация кратера, образовавшегося на месте взрыва, наряду с характеристиками материала поверхности, служат источником информации о мощности, размерах и форме взорванного заряда.

Эпицентр взрыва определяется по наиболее характерным для него признакам: это область наибольших локальных разрушений объектов окружающей обстановки вследствие бризантного или фугасного действия.

Следы бризантного действия являются результатом действия продуктов взрыва и выражаются в высокой степени деформации, перемещении и разбрасывании предметов, находившихся в близкой зоне действия взрыва – зоне радиусом 2,5 – 3 метра от центра взрыва, образовании воронки на поверхности грунта.

Следы фугасного действия являются результатом действия воздушной ударной волны, которая отрывается от облака продуктов взрыва и распространяется далее в окружающей среде. Величина зоны фугасного действия зависит от вида и массы заряда взорванного изделия и составляет в ряде случаев 150 – 200 метров. Следы фугасного действия выражаются в перемещении предметов, локальных и периферических разрушениях; людям может быть причинена барометрическая травма (разрыв барабанной перепонки, легких, кровотечение из ушей).

Признаки бризантного или фугасного воздействия взрыва нужно фиксировать с описанием характера повреждений (откол, пробитие, перебитие, трещины и т. д.), вида материала, первоначальной формы предметов, размеров. При обнаружении воронки отмечается ее форма с размерами по двум перпендикулярным направлениям, профиль и глубина по осыпавшему в нее материалу и по уплотненному основанию. Для того чтобы впоследствии удалось достоверно определить мощность заряда ВВ, необходимо не только отразить факт разрушения остекления, на максимальном удалении от центра взрыва, но и описать наличие экранирующих преград, их положение и размеры, а также минимальное, расстояние до зданий и сооружений, в которых целостность остекления не была

---

¹ Беляков А. А. Криминалистическая теория и методика выявления и расследования преступлений, связанных со взрывами : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

нарушена².

Вещественные доказательства со следами продуктов взрыва должны доставляться для производства экспертизы в кратчайшие сроки. Не допускается их хранение на солнце и в местах возможного нагрева. Оптимальным материалом для их упаковки с целью сохранения микроколичеств ВВ является герметичная стеклянная тара.

Более подробно стоит остановиться на взрывотехнической экспертизе (далее – ВТЭ). ВТЭ решает широкий круг идентификационных, классификационных, диагностических и ситуационных задач. В наиболее общем виде они могут быть представлены следующим образом.

Идентификационные задачи решаются на уровне индивидуального установления исследуемого объекта или определения его групповой (родовой) принадлежности. Более правильно ставить следующие вопросы перед экспертом:

1. Имеют ли представленные образцы ВУ общую родовую принадлежность с ВУ?
2. Не составляли ли ранее представленные на исследование материалы, вещество деформированные металлические детали, осколки единое целое, а именно одно ВУ, если да, то какова форма и размер ВУ?

В процессе решения классификационных задач устанавливается принадлежность исследуемых неизвестных веществ, изделий и следов к объектам ВТЭ. Применительно к данному типу задач, перед экспертом следует потавить следующие вопросы:

1. Является ли представленный предмет ВУ?
2. Является ли представленное вещество ВВ? Если да, то, каким именно?
3. Является ли представленный объект средством взрывания?
4. Составляют ли представленные на исследование объекты необходимый комплект деталей и частей ВУ?
5. Являются ли представленные на исследование объекты остатками ВУ?

Диагностические задачи ВТЭ связаны с установлением факта взрыва, его природы и технической причины определением центра взрыва, установлением конструкции отдельных элементов и в целом взорванного устройства, выяснением принципа функционирования ВУ, оценки массы взорванного ВВ, установлением поражающих свойств ВУ при взрыве, радиуса поражающего (разрушающего) действия взрыва, а также с установлением наличия специальных познаний у лица – изготовителя ВУ. Вопросы эксперту:

1. Каков способ изготовления ВУ (промышленный или самодельный)?
2. Если представленное устройство является самодельным, то аналогом какого ВУ промышленного изготовления оно является?
3. Какова область применения и целевое назначение представленного на исследование ВВ?
4. Каковы способ подрыва ВУ и последовательность его осуществления?

Ситуационные задачи ВТЭ решаются в процессе восстановления ситуации, предшествующей взрыву, и в момент взрыва, а также анализа возможных

---

² Долгинов С. Д. Осмотр места взрыва: вопросы организации и тактики проведения // Вестник Перм. ун-та. юрид. науки. 2014. № 1. С. 275–285.

последствий неосуществленного взрыва. Эксперту необходимо поставить следующие вопросы:

1. Было ли на месте происшествия применено ВУ?
2. Являются ли зафиксированные на месте происшествия разрушения и повреждения результатом действия взрыва данного ВУ?
3. Каковы размеры зоны поражения данного ВУ? На каком расстоянии от ВУ имела реальная опасность для жизни и здоровья людей?
4. Каковы размеры зоны разлета фрагментов ВУ в данной обстановке на месте происшествия?
5. Где находилось и как было расположено ВУ в момент взрыва?
6. Было ли ВУ подготовлено к взрыву, находилось ли оно в боевом положении или произошло случайное срабатывание ВУ?
7. Какие действия необходимо совершить, чтобы привести ВУ в действие?³

Таким образом, ВТЭ поможет установить тип ВУ и ВВ, его конструктивные особенности, особенности материалов, веществ и изделий, использованных в составе ВУ, определить, где оно могло быть изготовлено и кем, что будет необходимо на последующих этапах расследования.

Вспомним теракт, произошедший 30 декабря 2013 г. в Волгограде, тогда террорист смертник в троллейбусе привел в действие неизвестное ВУ. ВТЭ установила, что для создания ВУ использовали осколочно-фугасный снаряд калибром 120 мм. Мощность ВУ составила не менее 4 килограммов в тротиловом эквиваленте. Данное ВУ было самодельным и начинено поражающими элементами. Поражающими элементами являлись фрагменты металлической оболочки артиллерийского снаряда. Результаты ВТЭ помогли следствию распознать почерк изготовителя данного ВУ, в дальнейшем выяснилось, что похожее ВУ приводилось в действие в Республике Дагестан⁴.

Следствием террористических преступлений являются большие человеческие жертвы, поэтому возникает необходимость производства осмотра трупа на месте происшествия. Производство осмотра трупа на месте обнаружения в процессе проведения аварийно-спасательных работ не всегда удается, возникает угроза разрушения конструкций зданий, сооружений, повторные взрывы. В связи с этим сотрудникам МЧС, осуществляющим разбор завалов, вменяется в обязанность фиксация местоположения каждого обнаруженного погибшего, после чего трупы извлекаются из-под разрушенных объектов и перемещаются в специально отведенные места дислокации для производства первоначального осмотра трупа⁵.

В процессе наружного осмотра трупа следователь обращает особое внимание на обнаружение и фиксацию продуктов ВВ и фрагментов ВУ как на теле потерпевшего, так и в одежде и обуви.

Следующим этапом расследования, будет являться установление лично-

---

³ Моторный И. Д. Криминалистическая взрывотехника: новое учение в криминалистике : пособие. М., 2000. С. 95–99.

⁴ Расследование уголовного дела о террористических актах в Волгограде // Следственный комитет РФ : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcom.ru/cases/item/459071/> (17.02.2017).

⁵ Гатауллин З. Ш. Обеспечение законности производства отдельных следственных действий по делам о террористических преступлениях // Российский следователь. 2016. № 14. С. 6–8.

сти лица, который привел в действие ВУ, организаторов, заказчиков, пособников и жертв взрыва. На месте взрыва могут быть обнаружены традиционные следы, они часто характеризуют лицо, изготовившее ВУ или причастное к взрыву. Это следы папиллярных узоров пальцев рук, биологические следы, микрообъекты, следы обуви, автотранспорта, фрагменты одежды и т. д.

Расследуя такие преступления как теракт, стоит предполагать, что они не могут быть совершены в одиночку, поэтому не стоит упускать такой момент, что у исполнителя могут быть сопровождающие, дублеры, кураторы, наблюдающие. Работу в данном направлении стоит начинать с проверки всех систем безопасности, с просмотра камер видеонаблюдения, допроса очевидцев и выживших о событии преступления, изучения путей подхода и отхода к месту преступления.

Вернемся в те страшные дни терактов в Волгограде, 29 декабря 2013 г. на железнодорожном вокзале прогремел мощный взрыв⁶. Здесь на руку следователям сыграло то, что место взрыва был вокзал, почти все жертвы взрыва были зарегистрированы, охвачены камерой видеонаблюдения, имели при себе документы и билеты на поезд. При помощи этого и следов ДНК удалось идентифицировать всех погибших и восстановить картину произошедшего. По итогу осталось трое неизвестных следствию лиц.

Также не стоит игнорировать технические возможности, например следствию на вокзале были известны номера мобильных телефонов всех жертв. На данном этапе, можно определить местоположение (позиционирование) абонентов сотовой сети.

На сегодня имеется техническая возможность определить текущее положение абонента и перемещение абонента в прошлом. Текущее положение может выявляться двумя способами. Первым из них является метод триангуляции (пеленгования) из трех точек. Вторым способ – через компьютер компании, предоставляющей связь, который постоянно регистрирует, где находится тот или иной абонент в данный момент времени даже в том случае, если он не ведет разговоров (по идентифицирующим служебным сигналам, автоматически передаваемым телефоном на базовую станцию).

При помощи указанных способов, при расследовании преступления, станет возможно получение через операторов компаний сотовой связи биллинговых данных о соединениях абонентов в районе вокзала и указанием индивидуальных идентификационных номеров, далее исключая жертв удастся выяснить, когда и кому звонили трое неизвестных и проследить цепочку действий преступников.

Подводя итог, стоит сказать, что все организаторы чудовищных преступлений в Волгограде были уничтожены в ходе проведения спецоперации, пособники на сегодняшний день отбывают уголовное наказание в колониях строгого режима и все благодаря грамотно организованной работе силовых структур, в частности следователей.

Противостоять террористической угрозе, которая активно использует все

---

⁶ Расследование уголовного дела о террористических актах в Волгограде // Следственный комитет РФ : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL : <http://sledcom.ru/cases/item/459071/> (17.02.2017).

новые и новые орудия и средства преступления может только сильное государство. Но стоит сказать, что предотвращение и расследование подобных преступлений зависит не только от сильного государства и профессионалов, которые используют самые новейшие технические возможности экспертиз, осмотра места происшествия и определения местоположения абонентов мобильной сети, но и еще зависит от простых неравнодушных правосознательных граждан, которые в свою очередь должны быть бдительны в столь не легкое время.

А. М. Семкова,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) АГП РФ*

Способы подделки электронной подписи

Реалии современного мира диктуют свои тенденции, с высоким развитием компьютерных технологий стало необходимо средство, которое позволит юридически заменить бумагу и человеческую подпись шариковой ручкой на ней.

Широкое применение электронного документа и определенные его специфические признаки электронного документа, такие как сложность идентификации автора и простота внесения изменений, предопределяют необходимость поиска решения вопроса идентификации авторства и целостности электронного документа. В электронный документ несложно внести изменения даже человеку, обладающему лишь общими навыками работы с техническими средствами. Техническим средством, которое решает указанные проблемы, и юридическим гарантом, который обеспечивает реализацию и защиту прав участников электронного документооборота и придает юридическую силу электронному документу, является электронная цифровая подпись.

Законодатель определил электронную подпись как информацию в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию¹.

Она неразрывно связывает конкретный электронный документ с конкретным лицом, точнее с одному ему известным кодом. Если изменить электронный документ, подписанный ЭЦП, то есть заменить в нем хотя бы один символ, то подпись не будет совпадать. При этом стойкость к подделке электронной подписи гораздо выше, чем собственноручной. Если в среднем вероятность заключения эксперта по вопросу о подлинности собственноручной подписи составляет 65–70%, то для электронной подписи теоретическая вероятность подделки может достигать 1 к 10²¹, если, конечно, не получить доступ к конфиденциальному коду².

Анализ возможностей подделки подписей – задача криптоанализа. Попытку сфальсифицировать подпись или подписанный документ криптоаналити-

¹ Об электронной подписи : федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ : в ред. от 23.06.2016 // Российская газета. 2011. 8 апр..

² Сергеев К. Компьютерная экзотика или электронный договор [Электронный ресурс]. URL: www.russianlaw.net (12.01.2017).

ки называют «атака»³. Гольдвассер, Микали и Ривест описывают следующие модели атак, которые актуальны и в настоящее время⁴:

1. Атака с использованием открытого ключа. Криптоаналитик обладает только открытым ключом.

2. Атака на основе известных сообщений. Противник обладает допустимыми подписями набора электронных документов, известных ему, но не выбираемых им.

3. Адаптивная атака на основе выбранных сообщений. Криптоаналитик может получить подписи электронных документов, которые он выбирает сам.

Также в работе описана классификация возможных результатов атак:

1. Полный взлом цифровой подписи. Получение закрытого ключа, что означает полный взлом алгоритма.

2. Универсальная подделка цифровой подписи. Нахождение алгоритма, аналогичного алгоритму подписи, что позволяет подделывать подписи для любого электронного документа.

3. Выборочная подделка цифровой подписи. Возможность подделывать подписи для документов, выбранных криптоаналитиком.

4. Экзистенциальная подделка цифровой подписи. Возможность получения допустимой подписи для какого-то документа, не выбираемого криптоаналитиком.

Логично, что самой «опасной» атакой является адаптивная атака на основе выбранных сообщений, и при анализе алгоритмов электронной подписи на криптостойкость нужно рассматривать именно её⁵.

При безошибочной реализации современных алгоритмов ЭП получение закрытого ключа алгоритма является практически невозможной задачей из-за вычислительной сложности задач, на которых ЭП построена. Гораздо более вероятен поиск криптоаналитиком коллизий первого и второго рода. Коллизия первого рода эквивалентна экзистенциальной подделке, а коллизия второго рода – выборочной. С учётом применения хэш-функций, нахождение коллизий для алгоритма подписи эквивалентно нахождению коллизий для самих хэш-функций.

Преступник может попытаться подобрать документ к данной подписи, чтобы подпись к нему подходила. Однако в подавляющем большинстве случаев такой документ может быть только один. Причина в следующем: документ представляет осмысленный текст; текст документа оформлен по установленной форме; документы редко оформляют в виде txt-файла, чаще всего в формате DOC или HTML.

Если у фальшивого набора байт и произойдет коллизия с хэшем исходного документа, то должны выполняться три следующих условия:

1. Случайный набор байт должен подойти под сложно структурированный формат файла.

³ Алферов А. П., Зубов А. Ю., Кузьмин А. С., Черемушкин А. В. Основы криптографии. М., 2002.

⁴ Goldwasser S., Micali S., Rivest R. A digital signature scheme secure against adaptive chosen-message attacks // SIAM Journal on Computing. 1988. Apr. 17(2): 281–308.

⁵ Фороузан Б. А. Схема цифровой подписи Эль-Гамала // Управление ключами шифрования и безопасность сети : курс лекций / пер. А. Н. Берлин.

2. Текстовый редактор прочитает в случайном наборе байт, должно образовывать текст, оформленный по установленной форме.

3. Текст должен быть осмысленным, грамотным и соответствующим теме документа.

Впрочем, во многих структурированных наборах данных можно вставить произвольные данные в некоторые служебные поля, не изменив вид документа для пользователя. Именно этим пользуются злоумышленники, подделывая документы. Некоторые форматы подписи даже защищают целостность текста, но не служебных полей.

Вероятность подобного происшествия также ничтожно мала. Можно считать, что на практике такого случиться не может даже с ненадёжными хэш-функциями, так как документы обычно большого объёма – килобайты.

Куда более вероятна атака второго рода. В этом случае злоумышленник фабрикует два документа с одинаковой подписью, и в нужный момент подменяет один другим. При использовании надёжной хэш-функции такая атака должна быть также вычислительно сложной. Однако эти угрозы могут реализоваться из-за слабостей конкретных алгоритмов хеширования, подписи, или ошибок в их реализациях. Мошенники используют следующую схему: вредоносная программа выводит на экран один документ, а пользователь скрепляет электронной подписью другой, который и отправляется адресату. В результате, к примеру, в банк приходит платежное поручение, сформированное вредоносной программой. На практике суд не встает на сторону пострадавшего клиента, потому что формально именно он подписал бумагу, и доказать этот вид мошенничества почти не возможно.

Социальные атаки направлены не на взлом алгоритмов цифровой подписи, а на манипуляции с открытым и закрытым ключами. Злоумышленник, укравший закрытый ключ, может подписать любой документ от имени владельца ключа, обманом заставить владельца подписать какой-либо документ, например, используя протокол слепой подписи или подменить открытый ключ владельца на свой собственный, выдавая себя за него. Использование протоколов обмена ключами и защита закрытого ключа от несанкционированного доступа позволяет снизить опасность социальных атак.

Отдельной статьи в Уголовном кодексе Российской Федерации, карающей за подделку подписи или мошенничество с электронными документами, не существует и ее появления вряд ли стоит ожидать. Подделка электронной подписи – это не состав, а способ преступления, с помощью которого осуществляются хищения, подлоги документов и иные деяния. Следовательно, выяснять способ подделки электронной подписи следователи могут только в рамках расследования хищения или подлога.

В заключение стоит сказать, что проблемы с электронными подписями будут увеличиваться по мере популяризации технологии. На удостоверяющие центры, осуществляющие функции по созданию и выдаче сертификатов ключей проверки электронных подписей, будут совершаться хакерские атаки для получения кодов или злоумышленники будут пытаться получать эти коды обманным путем или с помощью подкупа через сотрудников удостоверяющих центров. Кроме того, с появлением более мощных компьютеров технология шифрования

подписей станет все более уязвимой. Защитить от подобных угроз поможет усиление требований к удостоверяющим центрам. Эксперты также советуют ограничить использование подписей в компаниях, делегировав эту задачу конкретным ответственным сотрудникам.

В. В. Сухарева,

студентка 4 курса БГУ

Идентификация человека по следам ладони

Устойчивость, индивидуальность, восстанавливаемость, данные свойства папиллярных узоров позволяют установить ряд обстоятельств, существенных для расследования: идентифицировать личность; выявить из числа подозреваемых лиц преступника; установить личность при помощи системы АДИС; выявить факт совершения нескольких преступлений одним лицом; установить важные обстоятельства происшедшего события.

Идентифицировать человека можно по папиллярным узорам, их деталям, рубцам и шрамам, данная идентификация называется дактилоскопической. Папиллярные узоры сравниваются вначале по общим признакам, таким как тип и вид узора. Затем анализируются детали строения, при этом учитывается наличие деталей в сравниваемых отображениях и их взаиморасположение. При совпадении всех обнаруженных деталей и отсутствии различий идентичность узоров считается установленной. Для дактилоскопической идентификации необходимо наличие 12 частных признаков, в случае если данные признаки в совокупности находятся на одном объекте, но на разных следах, то они также могут быть пригодны к идентификации. При обнаружении хотя бы одного достоверно установленного различия папиллярные узоры признаются неидентичными.

В случае если имеется отпечаток ладонной поверхности, и невозможно идентифицировать по папиллярным линиям, то можно идентифицировать по общей совокупности флексорных и белых линий, по микродеталям по краям флексорных линий, что именуется пальмоскопической идентификацией.

Для идентификации может быть достаточно краев рёбер трёх папиллярных линий длиной в 1 см. При микроскопическом увеличении папиллярных линий в 20–25 раз наблюдаются неровности их краев в виде изгибов, впадин, выступов и т. п., которые и служат дополнительными идентификационными признаками (эджескопическая идентификация)¹.

Идентифицировать человека можно и порам на пальцах рук, что является пороскопической идентификацией. На участке в 1,5 мм размещается от 2–8 пор, каждая из которых имеет свою неповторимую форму (круглую, овальную, эллиптическую и т. д.), размеры (от 0,025 до 0,375 мм) и в своей совокупности и расположении образуют оригинальное сочетание. Для невооруженного глаза поры неразличимы, лучше всего они отображаются на гладких поверхностях (стекле, мелованной бумаге, кафеле), могут быть выявлены и зафиксированы с помощью паров йода.

Бывают случаи, когда след выявлен, но он не пригоден для идентифика-

---

¹ Роганов С. А. Расследование преступлений в сфере нетрадиционного наркобизнеса : учебник. СПб., 2005. С. 370.

ции в следствии смазанности, и невозможно применить дактилоскопическую, пальмоскопическую, эжескопическую и пороскопическую идентификацию, в таком случае след направляется на генотипоскопическую экспертизу, где проводится биологическое исследование потожирового вещества, при котором можно выявить группу крови лица, половую принадлежность, некоторые заболевания, принимаемые лекарства и другие особенности человека, оставившего след.

Развитие дактилоскопии привело к тому, что можно без физического и химического воздействия на след, только лишь визуальным способом изучения, при измерении длины и ширины отпечатков различных пальцев рук, установить примерный рост, пол, возраст и иные свойства человека. Если существуют следы не только пальцев, а также и ладоней, это может облегчить идентификацию лица, оказать ориентирующее значение для предположения о социальной среде. Ладонь представителя физического труда, особенно занимающегося им с детства, как правило, более широкая, квадратной формы по сравнению с более узкой, прямоугольной или овальной ладонью, свойственной многим представителям более высокого класса.

Следы пальцев рук и ладони, обнаруженные в ходе осмотра места происшествия, помимо возраста, роста, пола дают возможность установить особенности руки, оставившей след, например: отсутствие пальцев, уродство кисти, наличие шрамов и иных повреждений поверхности кисти, сращение некоторых пальцев, мозоли, рубцы, полное или частичное отсутствие папиллярных линий ногтевых фаланг, которое может быть результатом намеренного их уничтожения. Любые аномалии, отобразившиеся в следах пальцев рук, имеют определенное поисковое значение².

Таким образом, благодаря обнаружению следов пальцев рук в ходе осмотра места происшествия, возможно ограничить круг подозреваемых при явном несовпадении общего строения папиллярного узора рук у лиц, ранее присутствовавших на месте происшествия или касавшихся предметов, на которых обнаружены следы, и выделить след, оставленный преступником, что в дальнейшем на основании анализа расположения следов рук, в том числе не содержащих четкого отображения папиллярных линий, позволяет определить некоторые элементы криминалистической структуры преступления.

М. Е. Трифонова,

студентка 4 курса УрГЮУ

**Установление точки осуществления входа в сеть,
а также преступника по «электронно-цифровым следам»**

При расследовании преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий, выявление следов носит специфический характер. В криминалистике под следами понимают, как материальные, так и идеальные изменения окружающей действительности, возникающие в связи с подготовкой,

---

² Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика : учебник. М., 2000. С. 262.

совершением и сокрытием преступлений¹. Следы компьютерных преступлений (электронно-цифровые следы) представляют собой изменения компьютерной информации, которая является предметом и (или) орудием их совершения².

Необходимость выделения электронно-цифровых следов прежде всего предопределяется природой таких следов. Во-первых, при использовании файла фиксируется не сама информация (текст), а его абстрактная модель, которая характеризуется своим видом используемой математической модели и ее параметрами. Поэтому в записях файлов компьютера отображаются не свойства объектов, а искусственно присвоенные им значения, выполняющие функцию идентификаторов. Во-вторых, при записи текста фиксируется лишь последовательность чисел, описывающих модель, поэтому оригинал и «копия» обладают совершенно одинаковой емкостью. «Определение цифровых записей как вещественных доказательств является неоправданной, т.к. оболочка носителя информации, криминалистически значимой информации не несет», а «она содержится в цифровой записи в последовательности цифр, может быть перенесена на другой носитель»³.

Совокупность электронно-цифровых следов образует «дорожку электронно-цифровых следов» (термин ввел Б. В. Вехов)⁴, под которой понимается система образования следов в компьютерной сети.

«Дорожка электронно-цифровых следов» включает следующие элементы:

1. Записи в файловой системе компьютера преступника, свидетельствующие о подключении и использовании модема (IMEI и др. идентификаторы);

2. Записи в памяти компьютера или аппарата связи преступника, содержащие сведения об отправленной в адрес потерпевшего компьютерной информации или сеансе работы в компьютерной сети;

3. Записи в памяти коммутационного компьютерного устройства контроля, авторизации и аутентификации абонентов в сети оператора связи (сервера регистрации соединений абонентов и гроху-сервера);

4. Записи в системе учета данных для начисления платы за оказанные услуги связи, автоматически регистрирующей: категорию и номер вызывающего абонента или адресную информацию вызывающей стороны; номер вызываемого абонента и др.; дата и время начала соединения; продолжительность соединения или время окончания соединения; объем передаваемой информации и др.

Рассмотрим случай, следы, образующиеся при удаленном доступе, появляются в связи с тем, что система запрашивает данные у лица, которое пытается соединиться с другим компьютером. На запрос она определяет электронный адрес, кроме того, при доступе в сеть обычно запрашивается адрес электронной почты и др., что позволяет идентифицировать проникающего в сеть. Эти данные, как правило, хранятся в файлах/журналах регистрации (LOG-файлах и др.). В файлах/журналах/журналах регистрации сохраняется информация о событиях, происходящих в системе. Запись события в LOG-файлах происходит в два этапа: 1) пользователь набирает адрес сайта и переходит на него, практически одновременно браузер пользователя передаёт на сервер (где находится сайт) запрос на

¹ Драпкин Л. Я. Криминалистическая техника : учеб. пособие. М., 2015.

² Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография. Волгоград, 2008.

³ URL: <http://advokatsidorov.ru/virtualnye-sledy-prestupleniya.html> (15.12.2016).

⁴ Вехов В. Б. Криминалистические значимые сведения о компьютерных сетях и образующихся в них дорожках электронно-цифровых следов //Вісник ЛДУВС ім. Е. О. Дідоренка. Вип. № 2. Луганськ. 2008. С. 206.

выдачу веб-страницы (в LOG-файле появляется запись с адресом ресурса); 2) от устройства пользователя на сервер передаётся информация: используемый браузер, IP-адрес посетителя и т. д.

Позволяет определить в ряде случаев личность проникающего в сеть информация, находящаяся в: 1) протоколе выхода в Интернет. На данный момент журнал выхода в Интернет ведёт браузер (у каждого браузера собственный журнал). Но сейчас ставится ограничение на количество дней хранения и на общее количество записей в журнале, в связи с чем при интенсивном использовании и большом количестве посещённых сайтов в журнале может сохраниться информация за несколько часов; 2) разделе данных о пользователе почты (ФИО, дата и место рождения и т.п.); 3) переписках, общении через Интернет, их содержание может быть обнаружено во временных файлах⁵ и журналах программ обмена сообщениями (Telegram, Viber, WhatsApp и др.).

В большинстве случаев место совершения преступления определяется системой информационного пространства, главная особенность которого – отсутствие государственных границ и определенной территории (однако примерное соотношение IP-адреса и географического положения возможно, но с большим количеством оговорок [недавний пример – блокирование GooglePlay и AppleStore на территории Крыма]). В связи с чем, следствие интересуется место входа в сеть (адрес и сведения об устройстве).

Определение адреса, откуда был осуществлен вход в сеть с компьютера возможно по используемому им IP-адресу, если при работе злоумышленник не специальные средства (программы, пакеты, сетевые сервисы) и средства защиты IP адреса. Установить принадлежность IP адреса провайдеру, через которого производилось подключение иногда возможно с использованием программы WHOIS ICANN (сетевой протокол прикладного уровня). WHOIS – общедоступный каталог, в котором представлена контактная и техническая информация о зарегистрированных владельцах доменных имен⁶. Сложности в определении местонахождения вызывают и используемые для обеспечения анонимности в сети прокси-серверы (они принимают на себя запрос, получают необходимую информацию и передают её пользователю), благодаря которым можно получить IP-адрес этого узла, находящегося в любой стране. Многие устройства пользователей надежно защищены благодаря современному IT-рынку, предлагающему множество способов обеспечения безопасности устройств и компьютерных сетей в целом.

Рассмотренное дает основания для вывода о том, что электронно-цифровые следы отличаются от «традиционно» понимаемых в трасологии лишь сложностью «инструментов» и процесса образования, обнаружения и фиксации. И с развитием информационных технологий и появлением новых «гаджетов» усложняется «механизм» обнаружения (получения) электронно-цифровых следов, что требует постоянного совершенствования знаний специалистов, следователей в области информационных технологий (систем), разработки криминалистических методов выявления и фиксации электронно-цифровых следов этих преступлений, экспертных методик. Поэтому задачи по определению места входа в сеть и уста-

---

⁵ Гаврилина Ю. В. Преступления в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание : учеб. пособие. М., 2003.

⁶ Сайт WHOIS ICANN [Электронный ресурс]. URL: <http://whois.icann.org/ru> (21.11.2016).

новлении личности преступника представляются разрешимыми, при условии использования специальных знаний и привлечения специалистов которые этими знаниями обладают.

А. В. Хосоев,

магистрант 1 года обучения БГУ

Доказательственное значение результатов судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа

Не вызывает сомнения, что в современном мире применение научно-технических средств в расследовании и разрешении уголовных дел делает судопроизводство более эффективным, при этом нередко затрагивая права тех или иных участников процесса. Важнейшими условиями, которые определяют обоснованность применения научно-технических средств, являются безопасность применения, достоверность результатов исследования, соблюдения прав и свобод граждан и роль полученных результатов в доказывании.

На сегодняшний день, проведение судебных психофизиологических экспертиз (далее СПФЭ) находит все большее распространение. Структура СПФЭ включает в себя все признаки которое имеет процессуальное действие, называемое экспертизой. В то же время, СПФЭ должна соответствовать тем требованиям и условиям, которые присущи всем проводимым экспертизам, в частности экспертизам с применением научно - технических средств. Поэтому в современном уголовном судопроизводстве России, доказательственное значение результатов психофизиологической экспертизы вызывает споры и оценивается учеными довольно неоднозначно.

Возможность использования полиграфа в расследовании и разрешении уголовных дел, учеными не оспаривается, однако, некоторые ученые считают, что результаты СПФЭ могут использоваться в качестве доказательств. Другие – отрицают доказательственное значение результатов использования полиграфа.

СПФЭ представляет собой специальное исследование, сопряженное с использованием технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей, не причиняющих вреда окружающей среде, в ходе которой осуществляется анализ (оценка) динамики психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы, подобранные и систематизированные в определенном порядке¹.

В ходе СПФЭ в качестве технического устройства для регистрации некоторых физиологических процессов применяется полиграф. На сегодняшний день методы психофизиологических исследований подробно описаны в научной литературе, используются в практике проведения исследований, имеют мировой опыт, адаптированы к отечественной практике.

Между тем в научной среде дискуссии о доказательственном значении результатов СПФЭ не угасают до сих пор. Ряд авторов ссылается на недопустимость применения результатов СПФЭ в процессе доказывания по уголовным де-

---

¹ Гургенидзе Е. В., Колкутин В. В. Опыт внедрения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в практику государственного судебно-экспертного учреждения // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 10–12.

лам (Китаев, Комиссарова)², мотивируя это тем, что память человека — сложное образование, которое являет собой совокупность тесно взаимосвязанных процессов, обеспечивающих восприятие, запечатление, хранение и извлечение информации. События (явления, предметы, объекты) внешнего мира воспринимаются человеком различными органами чувств и запечатлеваются в его памяти в виде тех или иных образов. Информация в данном случае носит вероятностный характер, при этом имея субъективную оценку воспринятого.

Также интересна мотивировка А. О. Машовец³, которая также отрицает доказательственное значение результатов СПФЭ, аргументируя это тем, что «только судья может проверять и оценивать доказательства и делать окончательный вывод об их достоверности или ложности. Поставленные на разрешение экспертов (специалистов) вопросы о правдивости показаний подсудимого, а также о том, имели ли место в действительности обстоятельства, изложенные в обвинении, относятся к исключительной компетенции суда».

А. Александров и М. Лапатников⁴ пишут: «Для достижения раскрытия любого преступления и достижения неотвратимости наказания “преступника” достаточно получить необходимое число «экспертов-полиграфологов» (не нужен даже оперативный аппарат). Отказ от дачи показаний против себя и применения полиграфа будут трактовать как косвенную улику против обвиняемого.

Исходя из мнений авторов, можно сделать вывод, что результаты психофизиологической экспертизы могут иметь лишь ориентирующий характер, «возникающие трудности при получении доказательств нужно решать не с помощью полиграфа, а используя опыт и мастерство при производстве следственных действий».

Другой ряд авторов (Байрамов, Леонтьев)⁵ допускают применение полиграфа только в рамках определенного следственного действия, как исследование, оформляемое заключением специалиста, при этом отрицая возможность проведения соответствующей экспертизы.

Действующий уголовно-процессуальный закон России устанавливает принципиальную возможность применения технических средств. Ст. 164 УПК РФ гласит, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

Ученые полагают, что указание закона на правомерное использование технических средств, подтверждает возможность использования полиграфа в рамках следственных действий. Т. Ю. Ничипоренко⁶ отмечает 3 основных способа обращения к делу результатов психофизиологических исследований: справка-меморандум либо рапорт о проведении исследований, проведение допроса с использованием технических средств, заключение специалиста-полиграфолога.

Авторы данной концепции применения полиграфа ориентируются на целе-

---

² Китаев Н. Психофизиологическая экспертиза – грубое нарушение Инструкции о порядке применения полиграфа при опросе граждан // Российский следователь. 2009. № 6. С. 32–34.

³ Машовец А. О. К вопросу о возможности формирования судебных доказательств с применением полиграфа // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 397. С. 212–215.

⁴ Александров А. С., Лапатников М. В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12.

⁵ Байрамов Ф. Д. Применение полиграфа // Законность. 2013. № 8. С. 40–42.

⁶ Ничипоренко Т. Ю. Использование полиграфа в следственных действиях // LEX RUSSICA. 2014. № 2. С. 28–33.

вую направленность экспертизы, эффективность использования полиграфа при расследовании и рассмотрении уголовных дел не только как средства, снижающего трудоемкость проверки следственных версий, но и в качестве дополнительного способа защиты прав и интересов граждан.

Сторонники использования результатов СПФЭ в качестве доказательств убеждены, что не должно возникать каких-либо сомнений относительно того, что исследование с применением полиграфа может быть проведено в форме экспертизы, следовательно, не будет возникать вопроса о законности применения данного доказательства. Сторонниками проведения исследования с применением полиграфа в качестве экспертизы являются Г. А. Злобин, С. А. Яни, П. Прукс, О. В. Белюшина, Р. С. Белкин⁷. Авторы ссылаются на обширную законодательную базу, научную обоснованность, мировой опыт, разнообразие методик проведения данного вида экспертиз.

Наиболее рациональным подходом, на взгляд автора, следует считать мнение А. Б. Пеленицына и А. П. Сошникова⁸, согласно которому «решение о допустимости использования результатов тестирования на полиграфе в качестве доказательств в суде каждый раз принимает сам судья, ведущий дело» Как аргумент авторы приводят «прецедент (правило) Дауберта», получивший свое применение в правоприменительной судебной практике США. Согласно этому правилу, прежде чем принять решение о доказательственном значении проведенного исследования с использованием полиграфа, судья обязан в ходе судебного разбирательства убедиться сначала в научной обоснованности конкретно использованного метода тестирования на полиграфе, а затем в том, что этот метод был применен правильно.

Несмотря на противоречивость мнений, получивших отражение в научной полемике, в настоящее время достоверность заключения психофизиологических экспертиз продолжает благополучно признаваться судами.

К сожалению, как показывает судебная практика, решения, принимаемые судами Российской Федерации, носят во многом противоречивый характер, что создает немало трудностей правоприменителю.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебной психофизиологической экспертизе с использованием полиграфа, несмотря на все существующие проблемы, на современном этапе развития российского общества уделяется значительное внимание как в научной сфере, так и на практике. Между тем вопрос о допустимости результатов СПФЭ в качестве доказательств остается по-прежнему неоднозначным и требует тщательной проработки.

М. Д. Шафеева,

студентка 3 курса ИЮИ (ф) АГП РФ

Значение судебных экспертиз при расследовании убийств по найму

В настоящее время важность и необходимость использования достижений современной науки в процессе раскрытия и расследования убийств по найму не вызывает сомнений, так как, с одной стороны, указанный вид преступлений ха-

⁷ Белкин А. Р. Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2.

⁸ Пеленицын А. Б., Сошников А. П. О научной обоснованности применения полиграфа // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 12–15.

рактеризуется изощренностью, высокой степенью подготовки к нему профессиональных лиц, практически не оставляющих следов на месте совершения деяния, и как следует из этого, крайне затруднительным процессом получения необходимой доказательственной информации¹. С другой стороны, следователь, являясь специалистом в области правовых вопросов, зачастую не в состоянии при производстве следственных действий в полной мере использовать все научные достижения из-за отсутствия необходимой подготовки и надлежащих знаний. Для разрешения вышеуказанных проблем и предусмотрено привлечение эксперта или специалиста, обладающего соответствующими процессуальными правами и обязанностями.

Одним из первых следственных действия при расследовании уголовных дел данной категории является назначение судебно-медицинской экспертизы для установления причины смерти, которая в соответствии с УПК РФ является обязательной. Объектами данной экспертизы являются трупы, трупные материалы, следы, образованные выделениями человеческого организма, а так же живые лица (подозреваемый, обвиняемый). При производстве данной экспертизы устанавливается, чем была вызвана смерть человека: последовала ли она в результате нанесения ударов тупым предметом или поражения режущим, колющим, орудием либо вследствие удушения, не вызвана ли она отравлением, утоплением, сбрасыванием человека с высоты и т. д.

Определив, каким способом преступник лишил потерпевшего жизни, эксперт обычно пытается выяснить, какое было использовано орудие, для начала, его групповые свойства, например вид оружия и его калибр. Наряду с этим составляется характеристика действий преступника по умерщвлению жертвы: с какой силой, сколько ударов нанесено; в какой последовательности причинены различные повреждения; причинена смерть одиночным выстрелом или очередью из автоматического оружия, в каком направлении велась стрельба. Существенную помощь следователю оказывает эксперт, решая вопросы о времени наступления смерти, расчленения или захоронения трупа, дает ответ на вопрос совпадает ли место обнаружения трупа с местом ее наступления.

Важную роль в расследовании убийства играет установление судебно-медицинским экспертом личности потерпевшего. Исследуя труп, эксперт устанавливает возраст скончавшегося, а иногда по специфическим профессиональным признакам и род занятий (шахтер, портной, специалист по обработке металлов, медицинский работник, художник и т. д.), свойственные ему вредные привычки, например, к употреблению наркотиков, алкоголя, курению. По останкам трупа, особенно костным, в частности конечностям, эксперт может определить возраст и половую принадлежность покойного. Обнаруженные судебно-медицинским экспертом при вскрытии трупа признаки заболеваний, перенесенных операций, полученных когда-то травм, подскажут следователю, какую категорию граждан необходимо подвергнуть проверке.

Попадание крови потерпевшего на тело, одежду, обувь, орудие преступления, иные вещи преступника – явление весьма типичное. Но и преступник иногда оставляет кровь на потерпевшем или предметах обстановки места происшествия, неосторожно поранившись или встретив сопротивление со стороны

---

¹ Светличный А. А. Эффективность использования специальных знаний сведущих лиц при расследовании убийств по найму // Известия Тульск. гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 176–185.

жертвы. А отсюда неизбежные вопросы: принадлежит ли кровь, следы которой имеются на теле или вещах подозреваемого, потерпевшему; оставлены ли следы крови на трупе или иных материальных объектах, месте преступления лицом, подозреваемым в убийстве.

Современные методики позволяют экспертам определять пол человека, а также принадлежит ли она взрослому или младенцу по исследуемой крови. Половую принадлежность можно установить и по слюне, выпавшим или вырванным волосам.

Эксперт помогает следователю косвенно установить причастность обвиняемого к преступлению путем установления групповой принадлежности пота, слюны, выделений из носа.

По делам об убийствах по найму довольно часто производятся экспертизы для установления фактов контактного взаимодействия подозреваемого с потерпевшим, предметами его одежды, другими принадлежащими ему вещами — по следам наслоений в виде различного рода микрочастиц. Под микрочастицами понимаются относительно небольшие количества материальных веществ самого разного происхождения — органического и неорганического. Это текстильные волокна и их обрывки, частицы грунта, каменного угля, пыли, краски, коры, листьев деревьев, пыльца растений и многие другие. При достаточно плотном соприкосновении двух объектов между ними может происходить своеобразный обмен микрочастицами, входящими в состав их материала или являющимися посторонними наслоениями. Вывод эксперта об имевшем место контактном взаимодействии тем точнее, чем больше комплекс различных микрочастиц оказывается перешедшим с одного объекта на другой. Следует иметь в виду, что микрочастицы довольно прочно фиксируются на предметах-носителях и не утрачиваются даже при нахождении этих предметов в неблагоприятных условиях.

Следственной практике известны случаи производства по делам об убийстве по найму почерковедческой экспертизы. Ею устанавливалось тождество почерка потерпевшего, подозреваемого или связанного с ним лица по записи с места преступления или иной рукописи.

Как известно, большинство убийств по найму (около 80%) совершается при помощи огнестрельного оружия, что обуславливает особую важность и значимость для следствия результатов судебно-баллистических исследований², благодаря которой по следам на преградах, иных материальных объектах по вещественным доказательствам выстрела устанавливались система, модель, образец, а по пулям, гильзам в благоприятных случаях и конкретный экземпляр оружия, примененного преступником. В некоторых случаях устанавливались направление и дистанция стрельбы, факт производства или не производства выстрела из определенного оружейного ствола, возможность или невозможность самопроизвольного выстрела (без нажатия на спусковой крючок) при определенных условиях (в частности, при падении оружия на пол), возникновение повреждения вследствие поражения прямо летевшим или срикошетировавшим снарядом.

Расследование убийства не обходится без проведения судебно-химической экспертизы. К ее компетенции относится установление химической

---

² Светличный А. А. Значение судебно-баллистической экспертизы при расследовании убийств по найму // Известия Тульск. гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 358–363.

природы различных веществ, а также однородности или неоднородности сравниваемых объектов по химическому составу. Для судебно-химической экспертизы типичен вопрос – однородны ли подлежащие сравнению химические вещества – с места происшествия, в том числе непосредственно с трупа, и обнаруженные при обыске у обвиняемого. При расследовании убийств, свершенных путем отравления, приходится с помощью данной экспертизы устанавливать, является ли ядом вещество, обнаруженное на месте происшествия либо у лица, заподозренного в убийстве, и если да, то каковы его наименование, состав, назначение. Подобная задача решается и применительно к ядовитым веществам, снотворным препаратам, обнаруженным в трупе или его выделениях. По результатам судебно-химической экспертизы можно косвенно судить о причастности к расследуемому убийству определенного предмета, а через него – и о причастности его обладателя.

Также важную роль играет проведение трасологической экспертизы. Помимо трупа тщательно исследуются помещение или участок местности, где он обнаружен, и все находящиеся на нем предметы. Целью осмотра является обнаружение следов, оставленных преступником, орудия преступления, следов борьбы и, в конечном счете – установление факта и обстоятельств преступления. Таким образом, производится установление тождества: потерпевшего – по следам рук в его жилище; обвиняемого – по следам укусов на теле жертвы: орудий и инструментов – по следам взлома, транспортных средств – по следам шин.

Можно сделать вывод, что к числу экспертиз, наиболее характерных для расследования убийств по найму, относятся, в первую очередь, криминалистические: трасологические – с целью установления личности преступника по следам рук, ног, обуви, зубов, установления транспортного средства по следам шин и т. д.; почерковедческие – чаще всего для установления личности подозреваемого по письмам с угрозами в адрес убитого или по другим рукописным текстам; судебно-баллистические – для отождествления оружия, из которого был произведен выстрел, установления места, где находился стрелявший, и т. д.; экспертизы холодного оружия.

Безусловно, экспертиза не всегда сможет дать ответ на вопрос, было ли убийство заказным, и кто совершил заказ. Но экспертиза помогает найти подозреваемого и обеспечить возможность проведения других следственных действий, таких как допрос, освидетельствование, обыск по месту жительства и работы, что и поможет определить заказчика. Заключение по результатам комплексной медико-криминалистической экспертизы о типе и характерных особенностях примененного преступником орудия (инструмента), например, типе использованной для распила костей трупа пилы, ширине развода, длине и форме зубцов, облегчает следователю его поиск. Так же, благодаря экспертизам можно определить личность потерпевшего, род его занятий. Если потерпевший является представителем политической сферы или сферы бизнеса, то можно определить его конкурентов, а, как следствие и потенциальных заказчиков убийства. Однако на сегодняшний день большинство наемных убийств происходит, в основном, на бытовой почве: муж-жена, теща-зять, продавец-хозяин павильона, это всё говорит о том, что столь негативное явление, как убийство по найму, проникло во все социальные слои общества.

Проблемы становления гражданского общества

*V Международная научная студенческая
конференция*

Иркутск, 24 марта 2017 года

Часть III

Подписано в печать 16.03.2017.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 19,7.
Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 77 экз. Заказ № 590.

Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1

Обложка и переплет : Издательство ИГУ,
664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36